

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities



R G G U B U L L E T I N

№ 7(50)/10

Scientific journal

Historical sciences Series
Historiography, source study,
methods of historical researches

Moscow 2010

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 7(50)/10

Научный журнал

Серия «Исторические науки»
Историография, источниковедение
методы исторических исследований

Москва 2010

УДК 930.2(07)
ББК 63

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии «Исторические науки»:

Е.И. Пивовар – ответственный редактор серии

М.Ф. Румянцева – заместитель ответственного редактора серии

А.Б. Безбородов – ответственный редактор выпуска

Д.А. Добровольский

Р.Б. Казаков – ответственный редактор выпуска

В.А. Муравьев

Е.В. Пчелов

О.И. Хоруженко

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-методологические проблемы гуманитарного/ исторического знания	
<hr/>	
<i>М.Ф. Румянцева</i> Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской. Статья вторая	11
Историография	
<hr/>	
<i>А.Н. Бачинин</i> М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки	28
<i>А.М. Пашков</i> А.С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества (1869–1881 гг.)	43
<i>М.П. Мохначёва</i> Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ. Статья вторая	56
Источниковедческие исследования	
<hr/>	
<i>Д.А. Добровольский</i> «Якоже и прародители наши погынуша»: к вопросу об этническом самосознании древнерусских летописцев XI – начала XII в.	83
<i>О.Б. Бокарёва</i> Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в.	96
<i>А.Б. Асташов</i> Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.	107
Вспомогательные исторические дисциплины	
<hr/>	
<i>Р.Н. Перелёттов</i> Византийские монеты Донского бассейна	132
<i>Е.В. Пчелов</i> Символика российских государственных регалий: цвета и числа	140

<i>С.В. Зверев</i>	
Новгородские монеты периода шведской оккупации 1611–1617 гг. История атрибуции	153
<i>Ю.Э. Шустова</i>	
Продажа книг типографии Львовского Ставропигийского братства по реестрам Анастасии Лясковской (1676–1680-е годы)	165
<i>Д.Н. Рамазанова</i>	
Бухарестский список «Хрисмологиона» Паисия Лигарида: палеографическое и кодикологическое исследование	178
<i>М.Ш. Холов</i>	
Меры веса Бухарского эмирата в конце XVIII – начале XX в.	192

Personalia

<i>М.Е. Бычкова</i>	
Источниковедение в трудах А.А. Зимина (к 90-летию со дня рождения)	211
<i>А.М. Пашков</i>	
Елена Ивановна Каменцева и ее роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин (к 90-летию со дня рождения)	220

Публикации

Описания архива князя В.Л. Долгорукова 1730 г. <i>Вступительная статья и подготовка текста Д.И. Алексеевой</i>	228
---	-----

Проблемы преподавания

<i>О.И. Хоруженко</i>	
Гербы на памятниках материальной культуры: методические рекомендации по описанию и исследованию	239

Критика и библиография

<i>С.Г. Веригин</i>	
Новые документы по истории Карелии периода Второй мировой войны	262
<i>С.И. Садовников</i>	
Российские и зарубежные мемориальные издания, посвященные жертвам Второй мировой войны (краткий обзор)	272

<i>М.Ф. Румянцева</i> История и память: History and memory: ист. культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 767 с. (Образы истории); Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории = Dialogues with time: memory and history / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, О-во интеллектуальной истории, Гос. ун-т гуманитар. наук / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 799 с.: ил. (Образы истории)	286
---	-----

Хроника

XXII Международная научная конференция «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» в Историко-архивном институте (28–30 января 2010 г.)	290
---	-----

<i>Е.В. Пчелов, С.В. Зверев</i> Научный семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам Историко-архивного института РГГУ (продолжение) ...	294
--	-----

In Memoriam

<i>Е.В. Пчелов</i> Памяти Геннадия Ивановича Королева (1936–2009)	296
Памяти Виктора Александровича Муравьева (17.01.1941–25.10.2009)	300

Конференция – 2011

Abstracts	304
Сведения об авторах	312

CONTENTS

The theoretical problems of humane/historical knowledge

M.F. Roumiantseva

- The phenomenological method in source studies: the theory
of Olga Mikhailovna Medushevskaya. The second part 11

Historiography

A.N. Bachinin

- M.P. Pogodin in the Russian historiography. Notes 28

A.M. Pashkov

- Alexandr Prugavin: from revolutionary circles to research into
Old Belief (1869–1881) 43

M.P. Mokhnacheva

- Sources on history of becoming and development of a historiography
in MSIHA – IHA RSUH. The second part 56

Studying the sources

D.A. Dobrowolski

- “Yakozhe i praroditeli nashi poginusha”: towards the question of ethnicity
of Old Rus chroniclers of the XIth – beginning of the XIIth century 83

O.B. Bokaryova

- Ambassadorial books on connections of Russia with Persia of the 1st half
of XVIIth century 96

A.B. Astashov

- Social composition of the Red Army and Navy according
to the 1920 census 107

Auxiliary sciences of history

R.N. Perelyotov

- Byzantine coins of the Don River basin 132

E.V. Pchelov

- Symbolics of regalia of Russian monarchs: colours and numbers 140

<i>S.V. Zverev</i>	
The Coins of the Swedish intervention of Novgorod in 1611–1617. The history of attribution	153
<i>J.E. Shustova</i>	
The sale of the books printed in the Lvov Stauropegion Confraternity printing-house: registers of sale by Anastasija Liaskovskaja (1676–1680)	165
<i>Dzh.N. Ramazanova</i>	
Bucarest manuscript of Paisius Ligarides' "Chrimologion": codicological and palaeographical study	178
<i>M.Sh. Kholov</i>	
Measures of weight of Bukhara Emirate in the end of XVIII – beginning of XX centuries	192
<hr/> Personalia <hr/>	
<i>M.E. Bychkova</i>	
Source study in A.A. Zimin's works (To the 90 anniversary from the date of birth)	211
<i>A.M. Pashkov</i>	
Elena Ivanovna Kamentseva and its role in development of auxiliary historical disciplines (to the 90 anniversary from the date of birth)	220
<hr/> Publications <hr/>	
Descriptions of the prince Vasily Lukich Dolgorukov's archive (1730) (<i>preface and prep. for the publ. D.I. Alexeeva</i>)	228
<hr/> Teaching <hr/>	
<i>O.I. Khoruzhenko</i>	
The arms on monuments of material culture: methodical recommendations about the description and research	239
<hr/> Reviews and bibliography <hr/>	
<i>S.G. Verigin</i>	
The new documents on the history of Karelia during World War II	262
<i>S.I. Sadovnikov</i>	
Russian and foreign memorial editions devoted to victims of World War II (short review)	272

Recensio ad opus: History and memory; Dialogues with time: memory and history (<i>M.F. Roumiantseva</i>)	286
---	-----

Actual events

In Memoriam

Conference 2011

Abstracts	304
General data about the authors	312

Теоретико-методологические проблемы гуманитарного/исторического знания

М.Ф. Румянцева

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ МЕДУШЕВСКОЙ

Статья вторая

Рассматриваются системообразующие основания феноменологической концепции источниковедения, разработанные в трудах профессора кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ О.М. Медушевской (1922–2007).

Ключевые слова: О.М. Медушевская, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, исторический источник, источниковедение, исторический процесс, феноменологический метод, гуманитарное знание.

В «Вестнике РГГУ», серия «Исторические науки» (2009. № 4), опубликована первая часть этой работы, в которой речь шла о трансформации в процессе становления феноменологической концепции источниковедения его базового понятия – *исторический источник*.

Как было ранее заявлено, вторая часть работы посвящена проблеме конструирования целостного исторического знания в феноменологической концепции источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской. Излишне говорить о том, сколь актуальна проблема построения исторического целого. Кризис нарративной логики исторического познания явился одним из наиболее отчетливых знаков конца модернистского гносеологического проекта¹. Столь популярная в конце XX в. микроистория наиболее адекватно, на мой взгляд, соответствовала постмодернистской раздробленности. При переходе от постмодерна к постпостмодерну все отчетливее ощущается и уже начинает осознаваться потребность преодоления *казусного знания* и обретения новой исторической целостности. Но в актуальной теоретико-

познавательной ситуации все более ясно проявляется сложность этой проблемы, которая обусловлена многими факторами: необходимостью преодоления постмодернистской «атомизации» социума и соответствующей ей раздробленности исторического знания; неопределенностью социокультурных ситуаций в условиях глобальных трансформаций конца XX – начала XXI в.; непроясненностью критериев упорядочения информации в условиях так называемого информационного общества и, наконец, кризисов научности в ее нововременном понимании. В творчестве О.М. Медушевской проблема метода построения исторического целого эксплицирована менее отчетливо, чем проблема исторического источника в его соотношении с феноменом человека и феноменом культуры. В размышлениях О.М. Медушевской мы можем найти перспективный ответ на этот вопрос, хотя сама Ольга Михайловна никогда не формулировала его в таком ракурсе. Тем интереснее попытаться выявить эпистемологический потенциал концепции когнитивной истории О.М. Медушевской в исследовании этой актуальной проблемы. Естественно, что работа на эту тему не может не носить дискуссионного характера², поскольку каждый исследователь, размышляющий на эти темы, будет стремиться «приладить» предлагаемый Ольгой Михайловной ключ к своей двери, взглянуть на проблему своими глазами, но через предлагаемую О.М. Медушевской оптику. Можно предположить, что не всем подойдет разработанный ею инструментарий.

О.М. Медушевская характеризовала практикуемый ею подход не только как феноменологический, но и как структуралистский. Поскольку главной идеей ее научного творчества было доказательство возможности точного исторического знания, то и на проблему выявления структур исторического целого она смотрела именно с этой точки зрения. О.М. Медушевская, акцентируя внимание на «непосредственно наблюдаемых устойчивых отношениях между элементами структуры», пишет: «Выявление <...> устойчивых структур – первый шаг, за которым должно следовать обнаружение механизмов, вызывающих появление этих устойчивых структур, а значит, открывается возможность понять “порядок вещей”, по правилам которого функционирует система. В результате полученное таким образом знание обещает быть точным, поскольку структуры можно наблюдать неоднократно, проверяя свои гипотезы и постоянно совершенствуя логику интерпретации их внутренних механизмов. Такова общая идея, состоящая в достижимости точного, доказательного и, следовательно, открывающего новые возможности гуманитарного знания» [выделено мной. – М. Р.]³.

Предварительные замечания

Первое. Со времени публикации первой части статьи прошел год. И если в первой статье я смогла лишь отметить, что наконец-то опубликована монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008), целостно и на новом парадигмальном уровне представляющая концепцию когнитивной истории, то прошедший год – это время постепенного освоения концепции. Существенную роль в этом сыграл «круглый стол», проведенный в рамках «Чтений памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской», организованных кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ⁴. Но в ходе освоения концепции выявились и своего рода *непонимания*, естественно, с моей субъективной точки зрения. Конечно, в задачу настоящей работы не входит, да и не может входить, анализ такого рода непониманий, но одно из них надо хотя бы бегло отметить. В статье «Медушевская Ольга Михайловна», опубликованной в «Московской энциклопедии», в частности, говорится: «На рубеже 1980-х – 90-х, в принципиально изменившейся историографич. ситуации, М. обращается к наследию А.С. Лаппо-Данилевского, еще в нач. XX в. создавшего целостн. концепцию обоснования источниковедч. знания»⁵.

Столкнувшись с такого рода оценкой концепции А.С. Лаппо-Данилевского, лежащей в основе эпистемологических исканий О.М. Медушевской, я несколько посетовала по поводу данного год тому назад названия предлагаемой читателю статьи. Мне казалось, что в современной ситуации уже не надо напоминать о том, что фундаментальный труд А.С. Лаппо-Данилевского не случайно носит название «Методология истории», а не «Методология источниковедения», например, и методология источниковедения в концепции А.С. Лаппо-Данилевского является парадигмальным основанием эпистемологии исторического знания, а не специальной источниковедческой теорией. Соответственно, не надо разъяснять, что вынесенное в название статьи понятие *феноменологическая концепция источниковедения* обозначает целостную концепцию исторического (и в целом – гуманитарного) познания, а не одну из концепций источниковедения как вспомогательной исторической дисциплины, нацеленной на *добывание исторических фактов* путем так называемой *критики исторических источников*.

Еще раз подчеркну, что под феноменологической концепцией источниковедения в Научно-педагогической школе источниковедения Историко-архивного института, концептуальное оформле-

ние которой связано с работами О.М. Медушевской, понимается целостная теория точного исторического знания, которой в своей последней монографии О.М. Медушевская дала название *когнитивной истории*, противопоставив ее *истории нарративной*. Об этом дальше и будет идти речь.

Второе. В свете вышесказанного принципиально важное значение приобретают размышления О.М. Медушевской о парадигмальной структуре современного исторического знания: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм <...> По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключающего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка <...> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнанна и представлена исключениями» [С. 15–16].

Необходимо также акцентировать внимание на мысли о близости построений профессиональных историков в рамках традиционных / привычных парадигм или привычной нарративной логики массовому сознанию. Именно в этом О.М. Медушевская видит причину устойчивости традиционных подходов: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире. Достаточно вспомнить о том, как представляет свою науку сообщество в преподавании в общеобразовательной школе. История преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» [С. 16].

Размышляя о достижимости искомой целостности, О.М. Медушевская возвращается к этому вопросу и – подчеркнем – снова в теснейшей взаимосвязи с проблемой истинности / верифицируемости исторического знания: «Проблема истинности исторического знания разделила сообщество на две неравные части. Не признавая за своей наукой перспектив развития в общенаучном русле, часть сообщества задерживается на традиционных формах представления исторического знания – повествовании, историческом нарративе, который в силу своей традиционности не содержит кри-

териев четкого различения знания общеизвестного и нового, не совершенствует критериев его верификации» [С. 206].

Эти наблюдения мне представляются очень точными и чрезвычайно важными для понимания актуального состояния исторического знания. Будучи абсолютно согласной с видением Ольги Михайловны, попробую посмотреть на проблему несколько в ином ракурсе.

Говоря о значимости проблемы метода выстраивания исторического целого, я уже отмечала, что, на мой взгляд, ее актуализация жестко связана с кардинальной трансформацией социокультурной ситуации – с переходом от постмодерна к постпостмодерну. Одной из принципиальных характеристик такого перехода является трансформация информационного общества в манипуляционное (говоря об этом в разных работах, я неизменно уточняю, что характеристика «манипуляционный» в этом случае должна быть очищена от неизбежных негативных коннотаций). Универсальная востребованность целостного знания в этой ситуации и приводит скорее к мирному сосуществованию, чем к противоборству двух обозначенных О.М. Медушевской парадигм. Нарративистская парадигма призвана по-прежнему удовлетворять потребность социума в обретении идентичности, и именно по этой причине, на мой взгляд, она близка массовому сознанию и соответственно востребована им. Феноменологическая парадигма обеспечивает другую потребность социума – потребность в точном знании, позволяющем максимально адекватно ориентироваться в социокультурной ситуации, грамотно продуцировать цели социального, экономического и культурного развития и формулировать корректные методы их достижения.

Третье. Главная мысль первой статьи состояла в том, что в своих исследованиях О.М. Медушевская отталкивалась от эпистемологической теории, сформулированной в начале XX в. А.С. Лаппо-Данилевским. Постоянно интерпретируя его идеи, О.М. Медушевская в результате пришла к созданию своей собственной оригинальной теории гуманитарного знания – когнитивной истории, в существенных своих составляющих противостоящей (да простит меня Ольга Михайловна) неокантианским идеям основателя направления. Рассматривая трансформацию представлений о природе объекта исторического знания, мы выделили три этапа их развития: в методологии исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского объектом исторической науки является *исторический источник*, в теоретико-познавательной концепции Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института, как она сложилась к рубежу XX–XXI вв.,

М.Ф. Румянцева

объектом как собственно исторического, так и в целом гуманитарного познания является *видовой корпус исторических источников*, целостно и системно презентующий определенную культуру, в оригинальной концепции О.М. Медушевской объект гуманитаристики – *эмпирическая реальность человеческого мира*.

Будем придерживаться выявленной структуры «концепция А.С. Лаппо-Данилевского – развитие концепции в Научно-педагогической школе источниковедения Историко-архивного института – концепция О.М. Медушевской» и при рассмотрении проблемы исторического целого.

Четвертое. Характеризуя в дальнейшем изложении концепцию О.М. Медушевской как структуралистскую, я во многом ориентируюсь на самохарактеристику автора. Но сама О.М. Медушевская пишет: «Структурализм не представляет собой единой теории, но имеет общий подход к исследованию явлений» [С. 207]. Не имея задачей охарактеризовать в этой статье структурализм даже в самых общих его чертах, отмечу, что и подходы в его рамках чрезвычайно разнообразны. Вряд ли О.М. Медушевская согласилась бы с тем, что структурализм акцентирует сферу анонимной структуры, элиминируя при этом интенциональную деятельность авторского сознания⁶, или с тем, что «внутренняя логика структурализма едва ли не с неизбежностью ведет к поглощению личности структурами»⁷. Поэтому, называя концепцию когнитивной истории структуралистской, необходимо точно прояснять значение этого понятия в данном контексте.

Пятое. И последнее необходимое пояснение: понятие *парадигма* и производное от него – *парадигмальный* в этой статье и в других моих работах о концепции О.М. Медушевской используются в их прямом, изначальном (как у Томаса Куна) смысле, а не в качестве фигуры речи. Мы беремся утверждать, что оформленная в монографии «Теория и методология когнитивной истории» концепция Медушевской – это новый парадигмальный уровень гуманитарного знания.

Историческое построение в концепции А.С. Лаппо-Данилевского

В других работах мне уже приходилось цитировать характеристику концепции А.С. Лаппо-Данилевского, данную О.М. Медушевской. Здесь необходимо сделать это еще раз, поскольку более емкой формулировки сути этой теории мне обнаружить не удалось: «Методология истории (любого гуманитарного исследования по сути) Лаппо-Данилевского цельна и поэтому, как всякая хоро-

шая теория, проста в общем ее изложении: реально существуют фрагменты реальности («доступные чувственному восприятию»), изначальная системность мирового целого и человеческой деятельности в нем позволяют отыскать в этих фрагментах следы их системного качества, выявить их во всей возможной полноте (методология источниковедения); эмпирические фрагменты выступают на свет как явления, феномен культуры. Тогда наступает время синтеза культуры: если в ней стал возможен подобный (данный) феномен, то возможно логически выстроить и самое целое культуры (Методология исторического построения)⁸.

В целом соглашаясь с вышеприведенной характеристикой, я все же попытаюсь расставить акценты по-иному. Для этого нам придется вернуться к определению исторического источника А.С. Лаппо-Данилевского: «<...> исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»⁹ и на этот раз сосредоточить наше внимание не на человеческом его происхождении, что мы обычно делаем (и что было рассмотрено в первой статье), а на второй его части, которой внимание уделяется гораздо реже. Во второй части определения понятия «исторический источник» А.С. Лаппо-Данилевский указывает на «факты с историческим значением», которые и являются предметом изучения историка, при этом под «фактами с историческим значением» понимается факт воздействия индивидуума (в том числе и коллективного) на среду, повлекший изменение этой среды¹⁰.

Таким образом, ключевое понятие здесь – *изменение*, которое – с учетом идиографического характера построений А.С. Лаппо-Данилевского, в основе которого убеждение, что факты не повторяются во времени, – с неизбежностью должно привести к привычной линейной конструкции исторического процесса. Но, специально излагая методологию исторического построения, А.С. Лаппо-Данилевский выделяет в качестве составляющих этой исследовательской процедуры «построение состояния культуры», «построение исторических рядов» и «построение исторического целого».

Построение исторических рядов дает вертикальное / собственное историческое измерение при построении исторического целого. В основе его лежит понятие об *эволюционном целом*. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, «историк пользуется этими понятиями для объяснения того, каким образом произошло то, что имеет историческое значение; он представляет себе каждый ряд в виде эволюционного целого, каждое звено ряда своего рода частью такого целого»¹¹. Но с точки зрения методологической перспективы XX в. больший интерес вызывает подход Лаппо-Данилевского к по-

строению *состояния культуры*, т. е. ее горизонтального / коэкзистенциального измерения. В основе построения *состояния культуры* лежит «понятие о некоем систематическом целом <...>; ее [культуры. – М. Р.] элементы представляются историку частями, между собой связанными и образующими единое целое...». Понятие *состояние культуры* «служит для объединения нашего знания о совокупности частей, каждая из которых входит в состав данного культурного состояния, но не утрачивает в нем своего индивидуального значения»¹². Рассуждая далее в логике неокантианства, А.С. Лаппо-Данилевский пишет: «Понятие о состоянии культуры имеет, однако, свое особое содержание: в сущности под состоянием культуры следует разуметь некую систему ценностей, реализованную в данном обществе, а не просто совокупность вещей, механически связанных между собою. Построение такого понятия, значит, требует еще дополнительных принципов и методов: при построении систематического целого, образуемого данным состоянием культуры, историку предстоит: установить ту точку зрения, с которой он считает себя вправе утверждать ее реальное единство...»¹³.

«Конечная задача исторического синтеза, – по утверждению А.С. Лаппо-Данилевского, – состоит в построении исторического целого». Лаппо-Данилевский, вполне в духе неокантианства, рассуждает о том, что искомое единство можно достичь и с номотетической, и с идиографической точки зрения: «С номотетической точки зрения такое единство можно получить путем общих понятий; но с идиографической точки зрения его нельзя достигнуть иначе, как построив понятие о таком целом, в котором все разрозненные части действительности находили бы себе каждая свое место. Лишь при помощи такого понятия можно объединить свое знание об исторической действительности; значит и конечная задача исторического синтеза должна состоять в построении такого понятия»¹⁴.

Но обратимся к классике немецкого неокантианства. Г. Риккерт писал: «Донаучное индивидуализирование часто вырывает свои объекты из окружающей их среды, отграничивая их друг от друга и тем самым *изолируя* их. Изолированное, однако, никогда не бывает предметом научного интереса <...> История, наоборот. Стремится, подобно генерализирующим наукам, понять все в известной *связи*. В чем, однако, заключается историческая связь? Историческая связь всякого исторического объекта имеет, так сказать, два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т. е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект с *окружающей его средой*, и, во-вто-

рых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его развитие»¹⁵.

Аналогичную мысль мы обнаруживаем и у А.С. Лаппо-Данилевского, но главным образом не там, где он рассуждает о построении исторического целого, а там, где описывает методы интерпретации исторического источника. Выделяя типизирующий метод интерпретации, наряду с индивидуализирующим, т. е. обращающимся к уникальности / идиографичности источника и его автора, Лаппо-Данилевский говорил о необходимости учета как периода культуры (собственно историческая составляющая), так и состояния культуры (коэксистенциальная составляющая)¹⁶.

Этот аспект концепции А.С. Лаппо-Данилевского стоит выделить особо в силу двух обстоятельств.

Начнем с логически завершающего. Отмечая значимость структуралистского подхода в актуальной, т. е. рубежа XX–XXI вв., ситуации О.М. Медушевская пишет: «Этот подход состоит в ориентации (в отличие от историзма) на исследование синхронных процессов [выделено мной. – М. Р.]. Это актуально в современном мире, конфликтный потенциал которого имеет новое основание: информационные процессы происходят в режиме настоящего времени, ставя исследователей, традиционно выработавших подходы к изучению диахронных, исторически развивающихся процессов, в тупик» [С. 207]. Невозможно не согласиться с этим наблюдением О.М. Медушевской, но стоит отметить, что ограниченность линейных историописаний начинает ощущаться и пониматься как раз на рубеже XIX–XX вв., когда создаются первые теории исторического процесса цивилизационного характера (начиная, как минимум, с «Заката Европы» О. Шпенглера), что, в первую очередь, предполагает не только вертикальное (собственно историческое), но и горизонтальное (культурологическое) измерение. Не случайно труд О. Шпенглера имеет подзаголовок «Очерки морфологии мировой истории». И по сути А.С. Лаппо-Данилевский по-своему, со стороны своей концепции, но откликается на это общее требование времени.

С другой стороны, именно этот аспект концепции Лаппо-Данилевского был развит в Научно-педагогической школе источниковедения Историко-архивного института, рассматривавшей видовую структуру корпуса исторических источников как проекцию определенного *состояния культуры*.

М.Ф. Румянцева

**Видовая структура корпуса исторических источников
в концепции Научно-педагогической школы источниковедения
Историко-архивного института**

Второй этап становления концепции связан с разработкой *видовой структуры* корпуса исторических источников как проекции определенной культуры и видовых методик изучения исторических источников в Научно-педагогической школе источниковедения Историко-архивного института. И сама Ольга Михайловна внесла существенный вклад в это направление исследований¹⁷.

Свое концептуальное завершение этот этап находит в учебном пособии «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории»¹⁸. Видовая классификация исторических источников не только определяет его структуру. Впервые четко выявлены трансформации видовой структуры корпуса исторических источников как маркеры перехода от одной социокультурной ситуации к другой: от Средних веков – к Новому времени и от Нового времени – к Новейшему и эксплицированы факторы таких трансформаций¹⁹.

Кроме того, в рамках данной концепции была сформирована теория компаративного источниковедения и поставлен на этой основе учебный курс в Российском государственном гуманитарном университете²⁰. В рамках своей концепции О.М. Медушевская формулирует основы компаративного исследования следующим образом: «Признаком получения такого [точного, доказательного. – М. Р.] является коррекция теории компаративистики: поскольку структуры устойчивы и наблюдаемы эмпирически, они создают постоянную координату для осуществления сравнений по горизонтали – в синхронных системах, и по вертикали, прослеживая содержательные измерения во времени» [С. 208]. На последнем аспекте стоит особо остановиться. Самое сложное в условиях осознания недостаточности линейных / нарративных конструкций не переход от линейности к коэкзистенциальному пространству культуры, а сочетание измерений по вертикали и по горизонтали. Уже в учебном пособии 1998 г. Научно-педагогической школой источниковедения были реализованы принципы компаративного источниковедения для сравнения, говоря словами А.С. Лаппо-Данилевского, разных *периодов культуры*.

Вообще внимание к проблемам классификации объектов своего исследования можно рассматривать как признак нового уровня развития той или иной науки. Только надежная, научно обоснованная классификация (в отличие от произвольно выбираемой в зависимости от задач конкретного исследования систематизации)

позволяет упорядочить и тем самым включить в рассмотрение весь информационный ресурс конкретной науки. Выявляя этот аспект новизны подходов Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института в сравнении с концепцией А.С. Лаппо-Данилевского, О.М. Медушевская пишет: «Оставаясь в рамках идей “Методологии истории”, мы не находим, однако, достаточного простора для наблюдения массовидных информационных пространств, которые в реальности характерны для любого исторического сообщества. Признаком внимания исследователя к этой массовидности всегда является обращение к проблемам классификации источников» [С. 223].

В источниковедении именно внимание к проблемам классификации позволило перейти от понятия *исторический источник* к понятию *видовые системы исторических источников* и далее, на новом парадигмальном уровне, – к понятию *эмпирическая реальность человеческого мира*, а также по-новому поставить проблему исторического целого.

Структуралистский подход в концепции О.М. Медушевской

На новом уровне обращаясь к проблеме получения «надежного и верифицируемого знания об историческом опыте человечества» [С. 206], О.М. Медушевская сочетает исторический и логический подходы к проблеме его достижимости, связывает последний со структуралистским методом и отмечает его эффективность, проявленную в XX – начале XXI в., особенно в сферах источниковедения, архивоведения и документоведения.

Реализация исторического подхода – «аналитика развития исторического метода в динамике XX – начала XXI в.» [С. 207] – заставляет О.М. Медушевскую вернуться к исходной точке многих методологических рассуждений XX в. – к кризису позитивизма. Оригинальность позиции О.М. Медушевской заключается в том, что если критики позитивизма выявляли на его фоне новизну собственных концепций, то автор теории когнитивной истории смотрит на проблему с метауровня. И именно в этой точке она видит начало расхождения двух подходов, принципиальная противоположность которых в полной мере выявляется в начале XXI в. Еще раз подчеркну, что, по моему мнению, этот парадигмальный разрыв определяется социокультурным переходом от постмодерна к постпостмодерну. Итак, по мнению О.М. Медушевской, на смену позитивизму «пришли сразу две новые философии и соответственно две альтернативные парадигмы». При характеристике этих парадигм О.М. Медушевская резко отмежевывается от неокантианства –

весьма примечательный момент в становлении ее концепции. Напомним, что А.С. Лаппо-Данилевский, тщательным интерпретатором построений которого на протяжении десятилетий выступала Ольга Михайловна, позиционировал свою концепцию как неокантианскую²¹. И хотя его концепция, как и любое оригинальное эпистемологическое построение, не укладывалась в прокрустово ложе схем, предлагаемых историей философии для систематизации философских концепций, все же он оставался, по преимуществу, на позициях идиографичности исторического знания, хотя и признавал необходимость его сочетания с номотетическими подходами. Итак, О.М. Медушевская пишет, характеризуя ситуацию XX в.: «Две философски ориентированные парадигмы давали взаимоисключающие ответы на ключевой вопрос о познавательных возможностях истории и перспективах ее развития как науки нормальной. Одна из них – феноменологическая – теоретически обосновывала идею истории как истинной науки, которая имеет свою эмпирическую базу в виде реализованных целенаправленно создаваемых продуктов человеческой деятельности, и не исключала возможности истинного знания. Другая – неокантианская – обозначала объект истории как внереальный (“наука о духе”), недискретный и во всяком случае неопределенный (“наука о прошлом”). При таком подходе история противопоставлялась номотетическим (“нормальным”) наукам, способным корректно применять типологизацию, сравнения, выявлять зависимости и повторяемости» [С. 209]. Не могу во всем согласиться с Ольгой Михайловной при характеристике неокантианской парадигмы. На мой взгляд, корректней говорить о том, что неокантианцы противопоставляли истории «нормальным» (по выражению О.М. Медушевской) наукам не по объекту – «науки о духе», а по методу – идиографические²². Но дискуссия по этому вопросу не входит в задачи данной статьи.

Реализуя логический подход к проблеме достижимости точного знания в исторической науке, О.М. Медушевская подчеркивает, что структурализм *результативен*, но результативен при соблюдении определенных, весьма строгих условий – не лишнее напоминание в ситуации, когда время от времени возникает своего рода мода на те или иные «методологии», что неизменно ведет к их вульгаризации и как следствие – к неэффективности. Итак, для эффективной реализации структуралистского подхода должна присутствовать «триада необходимых составляющих: если удастся найти функционирующую систему, определить единицу структуры, выявить правила функционирования этих структурных единиц в системе» [С. 212–213]. Именно при таких условиях можно получить не только непосредственную информацию, которую традиционно

получали в так называемой позитивистской парадигме путем *критики исторических источников*, но и, по выражению О.М. Медушевой, «фоновую информацию – смысл» [С. 213].

Проследивая логику развития неокантианской парадигмы в гуманитаристике XX в.²³, О.М. Медушевская приходит к постановке вопроса: «что представляет собой реальный исторический опыт человечества, который и является предметом изучения для исторической науки?». Автор концепции когнитивной истории считает, что при неокантианской убежденности в уникальности опыта историк неизбежно приходит нарративистской логике исторического построения: он «просто выбирает свой “способ сборки” фрагментов, руководствуясь своей системой ценностей, и формирует картину прошлого, всегда индивидуальную и ни с чем не сопоставимую» [С. 213].

Естественно, что такому подходу О.М. Медушевская противопоставляет «исследование, поставившее своей целью выявление реальных структурно-функциональных, системных связей, в рамках которых возникают продукты целенаправленной человеческой деятельности» [С. 213].

Целеполагание – одно из основных понятий концепции когнитивной истории. В Научно-педагогической школе источниковедения Историко-архивного института это понятие было положено в основу видовой классификации исторических источников: критерием принадлежности к виду является общность цели создания / единство первичной социальной функции исторического источника. На новом парадигмальном уровне О.М. Медушевская утверждает: «Интеллектуальный продукт человеческого творчества изначально структурирован под свою цель и, следовательно, формируется в зависимости от нее». Целеполагание в конкретном социуме жестко связано с системой социальных функций, обеспечивающих функционирование данного социума. Именно поэтому виды исторических источников, свойственные определенной социокультурной общности, представляют структуру, которую можно эксплицировать на основании знания ее отдельных фрагментов. И именно поэтому «каждый отдельно взятый продукт представляет собой структурную единицу, воспроизводит искомую структуру» [С. 214].

Не отрицая уникальности индивидуального человеческого опыта, автор теории когнитивной истории считает, что продукты целенаправленной человеческой деятельности / исторические источники «возникают в конкретно-исторических условиях, но в логике универсалий человеческого интеллекта и творчества, подобно тому, как языки сообществ возникают со своими конкретными осо-

бенностями, но это не исключает универсальной человеческой способности к речи и пониманию языка» [С. 213–214].

По сути дела, О.М. Медушевская соглашается с неокантианцами в том, что индивидуальный опыт человека, конкретная историческая ситуация и порожденные ими продукты культуры – исторические источники – уникальны, сингулярны, но, в отличие от неокантианцев, считавших, что выявление этой уникальности / идиографичности и есть задача истории как науки, автор теории когнитивной истории ищет за этими уникальностями структурные инварианты и движется при этом от структур исторических источников к универсалиям человеческого опыта.

В своей концепции когнитивной истории О.М. Медушевская фактически завершает работу, начатую за столетие до этого А.С. Лаппо-Данилевским, – конституирует источниковедение как методологию гуманитарного познания, не отрицая, естественно, прикладного значения источниковедческого анализа в конкретных исторических исследованиях. «Возникновение источниковедения как альтернативы событийной истории следует рассматривать в рамках перехода от событийной последовательности к выявлению механизма функционирования целого», – констатирует О.М. Медушевская [С. 218].

Следует признать, что такой подход хорошо вписывается в общую картину методологических исканий XX в. Становление европейской «новой исторической науки», формирование которой связывают с деятельностью журнала «Анналы», также проходит в «боях за историю» (по выражению Л. Февра) с «позитивисткой» событийностью. Эту мысль весьма точно сформулировал П. Нора: «Враждебность “Анналов” в отношении событийной, политической, военной, дипломатической, биографической истории в принципе не означала приговора национальной истории, но на деле подготавливала его, потому что национальная история всегда писалась только как линейный рассказ о причинно-следственных связях»²⁴.

В заключение сделаю еще одно замечание – в дополнение к предварительным. Неокантианская убежденность в абсолютной уникальности человеческого опыта, по мнению О.М. Медушевской, ведет историка к тому, что «он предпочитает представить свое произведение в логике нарратива». И далее – логическое завершение: «Исследуя эту логику, философ вполне закономерно приходит к выводу, что нарративный язык историка не дает возможности отличать исторический труд от исторического романа» [С. 213]²⁵. Но в какой форме предоставляет социуму полученное новое знание исследователь, реализующий феноменологический структуралистский подход? Каким образом он позиционирует добытое

точное верифицируемое знание в общественном сознании – не в сознании профессионального сообщества (точнее, той его части, которая готова воспринять новую парадигмальность), а именно в сознании социума в широком его понимании? О.М. Медушевская, в частности, пишет: «Новый жанр – видовое источниковедческое исследование – выступает в качестве альтернативного событийному подходу исследования». Но очевидно, что при помощи «видового источниковедческого исследования» невозможно позиционировать историческое знание в общественном сознании.

И здесь мы вынуждены вернуться к ситуации противостояния двух парадигм. Будучи оптимисткой, О.М. Медушевская, по-видимому, просто не хотела видеть все более очевидную проблему невозможности адекватного позиционирования профессионально добытого нового точного верифицируемого знания в социуме, в том числе через систему среднего, а теперь уже и высшего образования. Не случайно ее концептуальная монография завершается обширной главой о модели исторического образования в условиях смены парадигм. Но вопрос об эффективных формах предоставления знания, альтернативных нарративу, выстроенному в логике уникальности, остается открытым.

Примечания

- 1 В очередной раз сошлемся здесь на Ж.-Ф. Лиотара, который связывал конец модернистского проекта и переход к состоянию постмодерна с «недоверием в отношении метарассказов» (*Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна*. М.; СПб., 1998. С. 10).
- 2 И в связи с этим сделаю одно замечание: перечитав первый вариант работы, я обнаружила, что чуть ли не в каждой фразе встречаются обороты – *мне представляется, по моему мнению* и т. д. Для того чтобы не утяжелять текст, хочу сказать об этом один раз: мои размышления – это мое видение концепции О.М. Медушевской (странно, если бы это было по-другому), но это видение с позиций той самой методологической школы, концептуальное оформление которой связано с трудами О.М. Медушевской, – Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института.
- 3 *Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории*. М., 2008. С. 207–208. (Далее ссылки на это издание – в тексте с указанием страниц.)
- 4 «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // *Российская история*. 2010. № 1. С. 131–165.
- 5 *Беленький И.Л. Медушевская Ольга Михайловна* // *Московская энциклопедия* / Редкол.: С.О. Шмидт (гл. ред.) и др. М.: Фонд «Московские энциклопедии». 2008. Т. I, кн. 2. С. 585.

М.Ф. Румянцева

- 6 Косиков Г.К. Французское литературоведение 60–70-х гг.: от структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). М., 1998. С. 64.
- 7 Косиков Г.К. Структурализм // Современная западная философия: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 80.
- 8 Медушевская О.М. Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120). С. 108.
- 9 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. С. 375.
- 10 Там же. С. 319–330.
- 11 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб.: Лит. Богданова, 1909. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 2: Методология исторического построения. С. 229.
- 12 Там же. С. 222.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 239–240.
- 15 Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 147.
- 16 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. С. 463–493.
- 17 Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв.: Учеб. пособие. М., 1957. 28 с.; Она же. Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: Пособие. М., 1959. 82 с.; Она же. Картографические источники первой половины XIX века: Учеб. пособие. М., 1959. 48 с.; Она же. Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества: Пособие. М., 1962. 47 с. Подробнее см.: Издания кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сб. М., 2001. С. 143–156.
- 18 Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. 701 с.; То же. М., 2000. 701 с.; То же. М., 2004. 701 с.
- 19 Там же. С. 318–324, 488–504.
- 20 Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений науч. конф. М., 1996; Румянцева М.Ф. Сравнительно-историческое исследование: проблемы метода // Румянцева М.Ф. Теория истории: Учеб. пособие. М., 2002. С. 189–317.
- 21 О русской версии неокантианства см., напр.: Румянцева М.Ф. Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства // Cogito: Альм. истории идей. Ростов н/Д, 2007. Вып. 2. С. 35–54.
- 22 Риккерт Г. Философия истории... С. 139–147 и след.
- 23 Считаю необходимым еще раз отметить свое несогласие с интерпретацией О.М. Медушевской неокантианской парадигмы в том виде, в каком она сформирована в трудах основателей Баденской школы неокантианства В. Виндель-

Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации...

банда и Г. Риккерта, но это может стать предметом отдельной работы. Здесь же в задачи автора входит – воспроизвести логику автора концепции когнитивной истории.

- 24 Франция-память / П. Нора, М. Озуф., Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 9–10.
- 25 Имеется в виду знаковая работа Хейдена Уайта 1973 г.: *Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург, 2002. 527 с.

Историография

А.Н. Бачинин

М.П. ПОГОДИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЗАМЕТКИ

Историк М.П. Погодин (1800–1875) при жизни был отнесен современниками к знаковым фигурам русской науки и культуры второй трети XIX в. Его имя давно вошло в учебники, хрестоматии, справочники и энциклопедии. Тем не менее целый пласт существующей литературы о жизни и трудах М.П. Погодина состоит из противоречивого конгломерата оценок, мнений, взглядов, концепций. Автор исследует вопрос, кем и как изучался М.П. Погодин в классической, советской и постсоветской историографии.

Ключевые слова: М.П. Погодин, русская историческая наука, XIX в., отечественная историографические исследования.

Каталоги русской историографии XIX в. включают в себя персоналии и сюжеты, концептуальная значимость которых кажется малопонятной или трудноуловимой. Таков, к примеру, случай академика Н.Г. Устрялова. М.П. Погодин (1800–1875) на первый взгляд должен представлять в этом смысле диаметрально противоположность. Любой специалист сразу укажет на его 22-томное жизнеописание, коим он сохранился в культурной памяти как некая антикварная ценность¹. Однако это не меняет сути дела. Погодинская проблематика вбирает в себя бесчисленные антиномии, в которых легко потеряться. При перечитывании текстов Погодина и о Погодине самый образ его теряет воображаемые очертания, размывается, придать ему хотя бы видимость целостности в высшей степени трудно, если вообще возможно². Тем не менее плодотворные попытки в этом направлении все же имели место. Все они так или иначе были связаны с этно-психологической редукцией нравственной физиономии Погодина.

Погодин представлялся вместилищем добродетелей и пороков, приписываемых «великорусскому племени», носителем его врожденных свойств, типом простолюдина средней полосы, «великорусско-московского посадского человека», начиная от формы религиозности, подходящей на «древнее благочестие», и кончая убеждениями, не подпадавшими под западные политические определения. Самая его натура «по-русски», т. е. запредельно, противоречива: широта души соединяется с мелочным денежным расчетом, скопидомством, скарденностью; «себе на уме» идет рука об руку с эмоциональной чуткостью; непосредственность, наивное простодушье уживаются с лукавством; брутальность, грубость нрава и привычек – с ранимостью, застенчивостью, деликатностью; амбициозность, тщеславие, самодовольство, догматизм, упрямство – с бесконечными сомнениями, угрызениями и самообличением; сознание собственного достоинства – с искательством перед сильными мира сего; благородство устремлений, безудержность воображения, визионерство – с коммерческой жилкой, мечтами разжиться, менторством, морализаторством, сварливостью; мистический фатализм – с темпераментом, жаждой деятельности, неумением «сидеть сложа руки» и т. д.³ Такая бинарность, лучше сказать амбивалентность, погодинского характера действительно легко ложится на хрестоматийное представление о «русскости»⁴.

Погодинскую нестандартность ощущали многие современники и исследователи. Один из его близких приятелей утверждал, что тот являл собою якобы «лицо, какого в Москве до тех пор не было»⁵. Погодин превратился в фольклорную личность, эмблематическую фигуру. Само его имя внушало ориентацию на русскую старину, тяготение к «почве», славянские симпатии.

Он вроде бы не сумел вписаться ни в одно из общественных направлений своего времени. В нем замечали много и западнического, и славянофильского: «С Соловьевым он горячо станет ратовать за Петра, но резко разоидется с ним из-за Грозного; заодно с славянофилами он готов переломить литературное копые за Минина, Сусанина и Скопина, но в “петербургском периоде” не увидит ничего специфически петербургского»⁶. Означало ли это отсутствие выработанной позиции, твердого взгляда? На этом никто особенно не настаивал. Тому, каким образом их артикулировал сам профессор, не считали нужным придавать значения. Многим казалось, что по складу мысли он ближе всего стоял к первому поколению славянофилов. Известные разногласия или особые отношения с ними, наряду с прочими фактами биографии Погодина, принуждали других выделять его в «одно целое направление»⁷.

К началу 1870-х годов название такому направлению было придумано. Для обозначения разного рода сервильной литературы глашатаев уваровской триады А.Н. Пыпин ввел понятие «официальная народность»⁸. Оно превратилось в опорную идеологему старолиберальной историографии и было усвоено последующими поколениями историков. С тех пор Погодин (с С.П. Шевыревым и ему подобными) проходит по черному списку уваровцев⁹.

Если А.Н. Пыпин отождествлял имперско-панегирическую публицистику николаевской России с «официальной народностью», то Г.В. Плеханов усмотрел в ней теорию социальной самобытности России. Однако он не сопоставлял тексты Погодина с уваровскими и перенес дефиницию Пыпина в марксистскую литературу. Погодин из литературного циника превратился в теоретика консервативно-охранительной мысли, родоначальника концепции самобытности русского исторического процесса. Вводную лекцию, прочитанную Погодиным в сентябре 1832 г. первокурсникам московского университета (в присутствии С.С. Уварова и А.С. Пушкина), Г.В. Плеханов назвал «первым систематическим изложением ex cathedra теории официальной народности»¹⁰. Пересмотру подверглось и ставшее ходячим к началу XX в. представление Пыпина о «неславянофильстве» Погодина. Найдя лежащие в его основе доводы убедительными более по внешности, чем по сути, Плеханов выявил у славянофильства и «официальной народности» тождество родовых признаков и лишь видовые, стилистические, т. е. теоретически несущественные, отличия – «простые оттенки одной и той же мысли, оттенки почему-либо неприятные или неудобные для одной из сторон». Такие оттенки и полутона вполне объяснимы «пролетарским происхождением Погодина и дворянским – славянофилов. «Теоретики официальной народности, – заключал Плеханов, – были родными братьями теоретиков славянофильства, но братьями, воспитавшимися при других условиях, в другой обстановке и потому усвоившими себе несколько иные привычки мысли и совсем другие вкусы». Между ними действительно случались размолвки, временами они могли сильно раздражать друг друга¹¹, но близкое родство в конце концов всегда давало о себе знать¹².

Плеханов, однако, не захотел обратить внимание на возникающий по ходу дела принципиальный вопрос. Если все дело было в социальных инстинктах, плебейских замашках Погодина, от которых его благородных «братьев» коробило, чем тогда объяснить дружеские отношения с ним на протяжении всей жизни чувствительного интеллигента С.П. Шевырева? Верный товарищ Погодина был таким же эстетствующим националистом и столбовым дворянином, как и славянофилы.

Плеханов разбирался только со взглядами на проблему «Россия и Запад». Займись он проблемой реформы Петра Великого, вывод его был бы скорее всего другой. Впрочем, точка зрения Плеханова не получила развития, хотя доказательно ее никто не опровергал.

Тема Погодина в той или иной степени представлена по меньшей мере тремя десятками авторов, в том числе первоклассными именами. Уже одна констатация этого факта свидетельствует о его значимости как сюжета истории исторической науки. Однако концептуально развернутых характеристик Погодина-историка, на которые прежде всего следовало бы обратить внимание, строго говоря, три. Первая из них дана еще при жизни Погодина (К.Д. Кавелин, 1847), вторая принадлежит П.Н. Милюкову (1896), третья – В.О. Ключевскому (1872, конец 1890-х). На выводы Кавелина и Милюкова опирались в большей или меньшей степени многие последующие трактовки Погодина. Тексты Ключевского о Погодине стали известны в советское время.

Концепция Кавелина сводилась к следующим тезисам.

1. Погодин занял промежуточное положение между Полевым и Соловьевым, обозначив собою переходное время изменения характера историописания; «всеми своими сторонами принадлежа к прошедшему, он не чужд некоторым новым требованиям, взглядов, ученых приемов, которых мы не встречаем у его предшественников».

2. Погодин принадлежит к «школе толкователей, экзегетиков, а не историков в настоящем смысле слова»

3. Труды Погодина содержат «светлые мысли», «ученые приемы довольно удачные» и прочие важные достоинства, однако лишены «ясной системы», «цельного взгляда» на русскую историю.

4. Причина такого изъяна коренится не в личных качествах Погодина как исследователя, а в распространенной у «специалистов»-эрудитов «бессознательной односторонности», состоящей в пристрастии возводить «в систему <...> нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет», причем не «какой-то именно взгляд», а «взгляд вообще», «самое теоретическое направление».

5. Будучи противником всяких систем и теорий, Погодин, не замечая того, сам же их строит, погружаясь при этом в «исторический мистицизм».

6. Погодин не сумел открыть собою «новую эпоху ученого обрабатывания русской истории», ибо оказался неспособным подняться до «высшего исторического воззрения». Ко второй половине 1840-х годов он уже целиком исчерпал себя как «ученый прежнего порядка».

7. Погодин довел до предела изучение «скандинавского элемента» древней русской истории¹³.

Начальные методологические координаты историографической оценки Погодина задавались его принципиальным оппонентом, продвигавшим новую исследовательскую парадигму. То, что прежде существовало, должно было перейти в разряд безнадежной архаики.

Разрушая миф о Карамзине, Милюков не имел оснований переоценивать значение главного из мифологизаторов историографа. «И по складу ума, и по характеру раз усвоенных воззрений на задачи науки, – писал Милюков, – Погодину предстояло сделаться очень полезным чернорабочим и сосредоточить все свои силы на предварительной разработке сырого материала. Он так и сделал»¹⁴. Потому лучшее из всего им написанного – семитомник «Исследования, замечания и лекции» – приобрел значение «незаменимого справочного пособия для занимающихся древнейшим периодом», ибо в нем отсутствовала всякая теоретическая мысль¹⁵. Этим, собственно, ограничивается положительное содержание ученой работы Погодина, которую Милюков оставил за пределами своего внимания. Достаточно было показать взгляды московского профессора на цели и способы исторического исследования как воплощение закоснелой, недоразвитой ученой мысли, остановившейся на уровне времен канцлера Н.П. Румянцева и митрополита Евгения, чтобы посчитать это излишним. По той же причине Милюков не захотел вдаваться в подробности постановки Погодиным вопроса об «особливости» или изоморфизме русского исторического процесса.

Послекарамзинский период русской историографии интересовал Милюкова преимущественно опытами применения новых философско-исторических идей к построению и объяснению русской истории. Погодинская историософия была одним из первых таких опытов, и Милюков должен был заняться ею всерьез. Просеяв должным образом наличный материал, он пришел к выводу, что *fons et origo* эпистемы Погодина составляла телеология. Если в прошлом все произошло так, а не иначе, значит, все и должно было быть так, как было; возникновение каждого нового кольца в цепи исторических событий, связывающее их в единое целое, есть «чудо», свидетельство Божественного Промысла. Для стремящегося секуляризовать исторический процесс позитивиста это означало фатализм, причем «самого худшего вида»¹⁶. Таким же таинством истории Погодин наделял слияние необходимости и свободы, уподобляя его таинству соединения человеческой мысли со словом, души с телом и т. д. Прямым следствием телеологического подхода явился царящий в погодинских работах «апофеоз *случайности*»¹⁷.

Развивая кавелинскую линию интерпретации Погодина и доказывая полную его теоретическую беспомощность, Милюков много

места уделит иллюстрациям метафизической, иррациональной составляющей его мировоззрения («мистический патриотизм», «исторический мистицизм» и т. д.). «Высшие взгляды» Погодина с их топорным инструментарием и «уродливыми выражениями» национализма были выставлены Милюковым на посмешище. Убеждения Погодина вытекали вовсе не из опыта исторического изучения, а из туманных мечтаний юности и желания «сделать *российскую историю охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия*» (курсив М.П. Погодина), иными словами, «подгонять объяснение прошлого к реабилитации настоящего»¹⁸. Низведением понятия о науке истории до уровня государственной пропаганды и полиции нравов Погодин исключался из числа представителей «главных течений русской исторической мысли». Вся его ученая репутация наделялась статусом побочной, тупиковой ветви развития историографии. В качестве предтечи «историко-юридической школы» Милюкова более устраивал Н.А. Полевой¹⁹.

Схваченный Милюковым образ Погодина как историка передан смелыми широкими мазками и потому содержит некую долю утрировки. Но в нем оказалось много метко и точно подмеченного, с чем до сих пор приходится по крайней мере считаться.

Погодинская «Древняя русская история до монгольского ига» поразила В.О. Ключевского своей допотопностью, возбудив легкую, местами насмешливую иронию. Как историк Погодин существовал «совсем в другой сфере сознания»²⁰.

Среди рабочих материалов Ключевского сохранились два мастерски исполненных психологических эскиза Погодина, оставленных до времени, к которым он уже более не возвращался²¹. В них нет и тени прежней иронии, автор суров и дидактичен, но по существу его взгляд за четверть века не изменился. Погодин – талант, личность с сильным творческим началом, владеющая «драгоценным даром историка» – «историческим чутьем», помогавшим ему «ощупывать узлы в нити нашей историч[еской] жизни»; его всегда влекло к «фактам, в которых чуялся научный вопрос, и он умел иногда угадывать путь, которым надо идти, чтобы найти ответ». Однако ни один из этого множества подмеченных и поставленных им вопросов «даже не был как следует подготовлен к научному разрешению (а просто был подержан в руках)». Безрезультатность всех его «хлопотливых ученых разысканий» была заложена в нем самом, в структуре и установках личности: развитая интуиция не сдерживалась должной ученой обработкой, дисциплинирующим ее научным методом. «Вина Погодина в том, что он не позаботился обработать свое природное чутье в научное понимание, несомненно тлевший в нем огонек, порывисто вспыхивавший своенравными

догадками, раздуть в ровный урегулированный свет знаний». Схватывая зачастую сущность отдельных исторических фактов, Погодин не умел возводить свои наблюдения и гипотезы в степень научного положения. Оттого тезис его походил на «догмат», а вместо научного построения у него «выходила только догматика, <...> историческая мифология или риторика». Последнему чрезвычайно способствовало «пылкое воображение», другой талант Погодина, которым он также был наделен с избытком и благодаря которому его труды наполнены «призрачными обобщениями», «более или менее удачными оборотами речи», скрывающими «непонимание или даже незнание» фактов²². Язык его опережал мысль, а та «подталкивалась первыми впечатлениями», «писал многое не подумав – авось оправдается», «искры с треском, который гасит огонь их произведший»²³. Погодина должно помнить «если не как учителя, то как урок; не как образец, которому надо подражать, но как предостережение, чего не следует повторять». Пример дарования, загубленного самим собою на корню и потому достойный сожаления. И все же: «люблю его бойкое перо, из-под которого так часто блещет ум и талант»²⁴.

Констатируя факт «известной неясности» оценки Погодина, Н.Л. Рубинштейн следовал за Кавелиным и Милюковым, несколько усилив тезис первого о переходном характере деятельности московского историка и, напротив, стилистически смягчив некоторые тенденциозные формулировки второго. С одной стороны, он указал на «элементы преемственности» между Погодиным и Соловьевым, «близость его государственной школе», даже «влияние на государственников», с другой – противопоставил новации исследовательских походов Погодина его консервативной установке на иррациональность и непостижимость истории.

Случай Погодина нельзя было упустить, чтобы использовать фундаментальное марксистское положение о зависимости метода от мировоззрения. Пыпинской дефиницией «официальная народность» Рубинштейн впрямую не пользовался, но изложение соответствующих сюжетов у него выстраивается в тему подчинения научного метода и материала историка политической идеологии самодержавия, «устаревшей» идее провиденциализма. Попытка связать материал «творчески новой идеей» (подразумевалась идея «органического, закономерного» развития) ему не удалось. Отсюда и квалификация исторической концепции Погодина как бесплодной, обращенной в прошлое, лишившей его в конечном счете «определяющего влияния» на историографический процесс. Значение Погодина Рубинштейн ограничил разработкой отдельных вопросов и «некоторым дальнейшим развитием научно-крити-

ческого метода»; у него важны не выводы («синтетическая часть» слабее всего), а своеобразие в постановке вопросов, движение мысли, «методологические принципы проделанной им критики источников». К ученым заслугам Погодина отнесена также публикаторская деятельность, впрочем, с оговоркой: его издания памятников русской истории не отличались высоким научным уровнем²⁵.

В последующей историографии до конца 1980-х годов за очень небольшим исключением преобладала или примитивная, или утрированная, или неопределенная²⁶, или вообще лишенная смысла трактовка Погодина²⁷. Значение его трудов выводилось из элементарной мысли о борьбе дворянско-монархического («реакционного») и буржуазного («прогрессивного») направлений в русской историографии²⁸. В бессознательно презентистских представлениях некоторых советских авторов Погодин писал свои труды, следуя требованиям не только министра Уварова, но и по указаниям шефа жандармов Бенкендорфа²⁹. Полноценный интерес до сих пор вызывает лишь статья И.М. Тойбина об исторических взглядах Пушкина и Погодина³⁰.

Ряд важных в историко-источниковедческом отношении тезисов Погодина отреферировал А.П. Пронштейн, но сделал это сбивчиво и с неточностями. Кроме «интересных высказываний» относительно источников древней русской истории и методе их анализа, который приводил к «малозначительным выводам», Погодин ничего существенного после себя не оставил. Формальное признание за ним «определенного вклада в современную ему историческую науку» автор совместил с утверждением о таком его качестве, как «отсутствие исторического подхода к источникам», вследствие чего тот «не мог объективно оценить содержащуюся в них информацию»³¹.

В приуроченной к юбилею С.М. Соловьева книге Н.И. Цимбаева автор неожиданно большое внимание уделил личности Погодина. Заметно, как временами он стремится соблюсти беспристрастность, местами едва ли не очаровывается им, но в конечном счете послушно следует запискам героя своей книги, где профессор описан в самых черных тонах³².

К 1980-м годам Погодин вошел в поле зрения советских славистов, изучается в контексте взаимосвязей исторической науки, исторической части славяноведения, с развитием общественной мысли и идейной борьбы в России, проблем становления нового соотношения исторического познания и исторического сознания³³.

Первая после 1910 г. монография о Погодине³⁴ была написана преимущественно на материалах жизнеописания Н.П. Барсукова. Автор ставил перед собой задачу подать Погодина «лишь в одном

качестве – как профессора кафедры русской истории Московского университета» и изложить внешнюю сторону жизни историка, его служебную и учено-педагогическую деятельность в 1835–1844 гг. Для полноты картины ему не хватило скрытой от посторонних глаз атмосферы этой деятельности – непрерывных интриг, сплетен, подсиживаний, о которых вопиет Погодин в своем дневнике. Ф.А. Петров уклонился от этой щепетильной темы и потому описание, в частности, отставки профессора и ее причин, со ссылкой на «реальные объективные перемены, происходившие в исторической науке в период кризиса феодально-крепостнической системы», выглядит неубедительно. Едва ли дело было в «системе исторических взглядов» Погодина, оказавшейся якобы «несозвучной умонастроениям эпохи» и потому не имевшей перспектив «в стенах университета»³⁵.

К концу 1990-х годов интерес к Погодину заметно возрос. О глубине этого интереса свидетельствует энциклопедическая статья К.Ю. Рогова о Погодине – наиболее качественная на сегодняшний день научная биография Погодина. По степени информационно-аналитической насыщенности она представляет собой серьезный вклад в изучение «одной из центральных фигур» литературного процесса и общественной жизни России середины XIX в.³⁶

Монография К.Б. Умбрашко о Погодине появилась в канун 200-летия последнего. Хотя книга об этом «историке и человеке» вышла под грифом Института российской истории РАН³⁷, профессионального интереса она не представляет. Умбрашко оказался «далек от сколько-нибудь внятного представления о задачах исторического исследования». Углубляться в комментарии сочинения, находящегося «за пределами сколько-нибудь приемлемого научного дискурса»³⁸, не имеет смысла. Остается лишь целиком разделить чувства Е.Э. Ляминой, у которой оно вызвало «горькое разочарование».

Последняя по времени из монографий о Погодине принадлежит перу Н.И. Павленко³⁹. Уже с первых ее страниц чувствуется уверенная рука знающего свое дело профессионала. Погодин представлен здесь в разных качествах и с разных сторон: профессиональной, творческой, культурной, общественной, частной, что делает чтение книги притягательным, сообщает ей познавательный интерес. За рамками книги почему-то остался один важнейший сюжет – политическая идеология, мировоззрение Погодина. Повествование состоит из двенадцати глав, заключительная из которых содержит в целом «положительную» оценку «феномена» Погодина.

Павленко не стал обременять себя архивными разысканиями (хотя нельзя сказать, что он вовсе им чужд), черпая потребный ему

материал из труда Н.П. Барсукова. Действительно, судя только по ссылкам, а их формально более половины от общего количества⁴⁰, этот труд использовался настолько широко, насколько это возможно. Перед автором стояла задача спрессовать в четыре сотни страниц то, на что у Барсукова ушло несколько тысяч, каждый раз артикулируя отношение к извлеченному с позиций исследователя. Сделать это ему удалось легко. Недоумение могут вызвать разве что уж очень наивные (лукавые?) для такого опытного историка предлоги в пользу уклонения от архивных исследований: «невозможность полностью прочесть каракули Погодина», нежелание «тратить силы и время на расшифровку подлинника» погодинского дневника, уже «достаточно основательно» использованного Н.П. Барсуковым, и др. (С. 4–5).

Добротная сама по себе монография, изданная издательством «Памятники исторической мысли», обезображена немислимым количеством погрешностей, превосходящим все, с чем нам когда-либо приходилось сталкиваться. Приведем только бросающиеся в глаза несообразности.

В тексте А.Ф. Бычков превращается в А.Ф. Быкова (С. 119), Свербеев – в Скорбеева (С. 218), Д.И. Иловайский – в Д.М. Иловайского (С. 160), Н.П. Филатов – в П.П. Филатова (С. 203), К.Н. Бестужев-Рюмин – в К.Д. Бестужева-Рюмина (С. 125), Ю.Ф. Самарин – в Ю.М. Самарина (С. 274), М.М. Стасюлевич – в М.К. Стасюлевича (С. 345), Г.Е. Щуровский и И.Д. Беляев – в Г.Е. Щуровского и И.П. Беляева (С. 83), Н.В. Савельев-Ростиславич в И. Савельева-Ростиславича (С. 178), Я.Я. Штелин – в Я.Л. Штелина (С. 201), М.Т. Каченовский – то в М.П. Каченовского (С. 249), то в Н.Т. Каченовского (С. 341), то в Каченовского (С. 63), А.Д. Блудова – в А.Н. Блудову (С. 231), московский городской голова Лямин в Лепина (С. 192), министры Канкрин и Ковалевский – в Канорина (С. 123) и Ковальского (С. 228), Степан Иванович Пономарев – в Семена Ивановича Пономарева (С. 92), Палацкий – в Полацкого (С. 238), М.А. Максимович – в А.М. Максимовича (С. 312, 325), князь Андрей Михайлович Курбский – в Михаила Андреевича Курбского (С. 143). Погодинскую «Древнюю русскую историю до монгольского ига» сначала рецензирует П. Полевой (С. 123), а на следующих двух страницах – давно умерший Н. Полевой (С. 124 и 125). Умерший в 1832 г. К.Ф. Калайдович в 1844 г. вдруг является погодинским «партнером по переговорам» о передаче журнала «Москвитянин» (С. 274. В творительном падеже – «Москвитяниным» (С. 258)). А.Н. Островский и В.О. Ключевский названы А.П. Островским (С. 280) и В.В. Ключевским (С. 199), так же как и безвестный А.Н. Бачинин, к статьям

которого отсылается читатель, – А.Н. Багининым (С. 6). О.М. Бодянский назван почему-то «харьковским профессором» (С. 161); старший библиотекарь императорской Публичной библиотеки (в 1852 г.) А.Ф. Бычков – ее «директором», год рождения Н.Г. Устрялова – 1805, указан же 1803 (С. 45). В главе 11 говорится, что в 1842 г. после случившегося с министром С.С. Уваровым удара тот «лишился речи, а затем последовала отставка» (С. 333–334), в то время как двумя абзацами выше дается точная дата отставки – 20 октября 1849 г.

Публикация статьи Погодина о Грозном отнесена к 1824 г., публикации статей о смерти царевича Димитрия и об Отрепьеве датированы 1827 г. (С. 143, 145), хотя все они опубликованы в одной третьей части «Московского вестника» 1829 г. «Знаменитая» статья М.Т. Каченовского «О баснословном времени в российской истории» (1833) отнесена к 1831 г. (С. 61). Ту же путаницу видим с названием погодинского сборника статей «Историко-критические отрывки» (то «Историко-критические отзывы», то «Историко-критические статьи» (С. 127, 160, 353. Сн. 9)). На с. 139 Н.И. Павленко упоминает о напечатанной Погодиным в 1860 г. статье «Царевич Алексей Петрович по документам, вновь найденным»⁴¹, в которой тот якобы «использовал обнаруженную им переписку царевича с членами его компании» (см. также включенное в список погодинских публикаций «Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича», с. 130, 143). Никакой переписки царевича Погодин не «обнаруживал» и не издавал. Очевидно, автор имел в виду другую книгу⁴², но при цитировании контаминировал заглавия, приписав Погодину открытие, к которому он не имел никакого отношения. Иногда встречается совсем уже немыслимое: оказывается, находясь «в ссылке в Михайловском», Пушкин был лишен «возможности... руководить журналом “Московский вестник”» (С. 285).

В книге много неверных цитаций текстов, заимствованных из книги Н.П. Барсукова. Возьмем цитации писем Н.В. Гоголя. Они даются то по Н.П. Барсукову (С. 301, 357. Сн. 26), то по «Сборнику ОРЯС» 1883 г. (С. 4), то по изданной в 1988 г. двухтомной переписке писателя (С. 38, 351. Сн. 26), то по его «Полному собранию сочинений». Все эти тексты напечатаны в последнем, но в монографии ни одна цитата не является аутентичной⁴³.

Хотя значение М.П. Погодина «в общественной и культурной жизни России XIX столетия трудно переоценить» (С. 3), у Павленко тот вышел каким-то уж совсем ординарным, малоинтересным историком и в сущности ничем не привлекательной личностью. «Наивный характер и примитивность многих суждений, отсутствие в концепции логики и фактов обеспечили ей забвение»

(С. 107); «все правильное в методике Погодина старо, а все новое – неправильно», в сравнении с Карамзиным он «сделал шаг назад» (С. 111); «друзей среди историков у Погодина не было. И это естественно, ибо...» и т. д. (С. 336), Резюме о «немалой заслуге» (С. 127) или просто «заслуге» и «несомненном вкладе» Погодина в русскую историографию и культуру XIX в. (С. 128) находится в очевидном противоречии с собственными наблюдениями и оценками. При всем том книга оставляет неплохое впечатление; она лучше всего, написанного о Погодине за многие десятилетия⁴⁴.

В этом смысле куда более последователен (и выразителен) был В.В. Розанов: «Его труды литературные и ученые – ничтожны или малозначительны <...>; он сгорел как свеча перед миром, не оставив по себе ничего, кроме некоторой копоты и куска пахнущей светильни <...>»⁴⁵.

Ни учителя, ни тем более пророка из Погодина не вышло. Безжалостная критика иной раз с избытком мотивировалась его поистине нестерпимыми, бьющими в глаза, недостатками. В своих вещах он оставлял слишком много недоделанного или плохо сделанного. По большому счету все, за что бы он ни брался, можно признать неудавшимся.

Примечания

- ¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888–1910. 22 т. Лучшую, выразительнейшую характеристику этого труда см.: Розанов В.В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 72–91. Барсуков трудился при помощи ножниц и клея в буквальном смысле (РГАЛИ. Ф. 87. Д. 84. Л. 516а. Письмо Н.П. Барсукова к П.С. Шереметеву от 26 июля 1906 г. См. также: РО ГПБ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 14–79).
- ² Н.В. Гоголь, один из немногих, кто хорошо знал и понимал Погодина, публично признался в том, что «решительно нет возможности показать его в том виде, каков он действительно есть» (Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 21). Сошлемся также на В.В. Розанова, находившего «характер, порывы, поступки, интересы, занятия» Погодина не поддающимися обобщению (Розанов В.В. Указ. соч. С. 74).
- ³ Линниченко А.И. М.П. Погодин (11 ноября 1800–1900). Общая характеристика // Линниченко А.И. Речи и поминки. Одесса, 1914. С. 78–89; Корсаков Д.А. Погодин М.П. // Рус. биограф. словарь. СПб., 1902. Т.: Плавильщиков–Примо. С. 54–155; Лилеев М.И. М.П. Погодин как профессор и историк // Сб. Ист.-филол. о-ва при ин-те кн. Безбородко. Нежин, 1903. Т. 4. С. 35–69.

- 4 Этому «мешает» только А.С. Пушкин. Для него Погодин – «истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности» (Письмо П.А. Плетневу 26 марта 1831 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 158). И.С. Аксаков назвал Погодина человеком «непосредственно русской природы» (*Аксаков И.С.* [М.П. Погодин. Некролог] // Правосл. обозр. 1876. № 2. С. 395). Впрочем, та же амбивалентность является не менее хрестоматийной референцией репрессированного инфантила (См.: *Касьянова К.* Особенности русского национального характера. М., 1993).
- 5 *Берг Н.В.* Посмертные записки // Русские мемуары: Избр. страницы, 1826–1856. М., 1990. С. 378. Ср.: Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина. М., 1871. С. 137.
- 6 *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в русской литературе. СПб., 1899. С. 129–130. В лекциях М.О. Кояловича Погодин является то ли непоследовательным государственным деятелем, то ли непоследовательным славянофилом (*Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 3-е изд. СПб., 1901. С. 235–237). См. также: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. М., 1872. Т. 1. С. 229.
- 7 Гиляров-Платонов Н.П. // Совр. известия. 1875. № 340.
- 8 *Пыпин А.Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. 3-е изд. СПб., 1906. С. 93–140 и др. Ответ Погодина см.: *Погодин М.П.* О славянофилах // Гражданин. 1873. № 11, 13.
- 9 До гипертрофии она доведена А.Л. Яновым, у которого Погодин выступает в качестве одного из «апостолов», «enfant terrible» Русской идеи, т. е. русского национализма в его «клинической форме». Редакцию погодинского журнала «Москвитянин» А.Л. Янов возвел в степень «мозгового треста» николаевского режима (*Янов А.Л.* Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999. С. 48). Попытку деканонизации взглядов А.Н. Пыпина на идеологию 1830-х годов см.: *Казаков Н.И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989. М., 1989. С. 5–41.
- 10 *Плеханов Г.В.* М.П. Погодин и борьба классов // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. 23. С. 78.
- 11 В момент острого негодования на Погодина Н.В. Гоголь писал: «Такой степени отсутствия чутья, всякого приличия и до такой степени неимения деликатности, я думаю, не было еще ни в одном человеке испокон веку. [...] Точно чушка, которая не даст <...> порядочному человеку: как только завидит, что он присел где-нибудь под забор, она сует под самую <...> свою морду, чтобы схватить первое <...>. Ейхватишь камнем по хрюкалу изо всей силы – ей это нипочем. Она чихнет слегка и вновь сует хрюкало под <...>» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. 1952. Т. 12. С. 364. Письмо Н.М. Языкову от 26 окт. н. ст. 1844 г.).
- 12 *Плеханов Г.В.* Указ. соч. С. 46–47, 49, 100. Ср.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 450. Примеч. 1. Погодина причисляли также к «почвеннической» фракции славянофильства (*Лилеев М.И.* Указ. соч. С. 68), к наивным шовинистам (*Линниченко А.И.* Указ. соч. С. 86), к «руссофильству», «русскому» или «национальному» направлению (Н.П. Барсуков и др.).

- 13 *Кавелин К.Д.* Исторические труды М.П. Погодина // Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. Стб. 98, 99, 101–106.
- 14 *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 307.
- 15 Там же. С. 306.
- 16 Там же. С. 306, 280.
- 17 Там же. С. 310.
- 18 Там же. С. 311.
- 19 Там же. С. 303. Примеч. 135; С. 304. Примеч. 137.
- 20 *Ключевский В.О.* Погодин [Рецензия на книгу М.П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига»] // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 141.
- 21 *Ключевский В.О.* М.П. Погодин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 148–150; *Он же.* М.П. Погодин // Там же. С. 150–152.
- 22 *Ключевский В.О.* М.П. Погодин. С. 149–150.
- 23 Там же. С. 150, 151.
- 24 Там же. С. 151, 152.
- 25 *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 271.
- 26 *Тереженко В.К.* М.П. Погодин в общественно-идейной борьбе 30–50-х гг. XIX столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 12–13.
- 27 См., напр.: «Холопская преданность самодержавию органически сочеталась у Погодина с космополитическими взглядами» (*Предтеченский А.В.* Официальное направление в русской историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 320).
- 28 *Шевцов В.И.* Вопросы отечественной историографии в русской исторической литературе 20–30-х годов XIX века // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976. С. 142–151; *Колесник И.И.* М.П. Погодин об «Истории России» С.М. Соловьева // Там же. С. 98–103 и др.
- 29 *Шатило А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 377.
- 30 *Тойбин И.М.* Пушкин и Погодин // Учен. зап. Курского пед. ин-та. Курск, 1956. Вып. 5. С. 70–122.
- 31 *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989. С. 260, 261.
- 32 *Цимбаев Н.И.* Соловьев. М., 1990.
- 33 *Дьяков В.А.* Ученая дуэль М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым: (О публичном диспуте по норманскому вопросу 19 марта 1860 г.) // Историография и источниковедение истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 40–56; *Досталь М.Ю.* Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844 гг.) // Славянская филология. Л., 1988. Вып. VI. С. 24–34; *Она же.* Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 4–116; *Она же.* П.И. Шафарик

А.Н. Бачинин

- и русские славянофилы в 40-е – 50-е гг. XIX в. // Павел Йозеф Шафарик (К 200-летию со дня рождения). М., 1995. С. 72–85 и др.
- 34 *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995.
- 35 Там же. С. 93, 97. Подобным же образом некоторые авторы объясняют факт смены на кафедре академика Погодина молодым Соловьевым, еще даже не магистром, «проявлением того, что отдельные представители власти чутко уловили преимущества нового стиля историописания для оформления охранительного способа идентификации» (*Антощенко А.В., Жуковская Т.Н.* Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века). Петрозаводск, 2001. С. 20).
- 36 См.: *Рогов К.Ю.* Погодин М.П. // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 661–672. По словам К.Ю. Рогова, под исторической наукой Погодин понимал «методологию изучения действия Божественного Промысла», опирающуюся на принципы «исторической критики и широкой фактографии» (*Рогов К.Ю.* К истории «московского романтизма» // Лотмановский сборник. М., 1997. [Вып.] 2. С. 340).
- 37 *Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин: Человек, Историк, Публицист. М., 1999.
- 38 *Лямина Е.Э.* Рец.: Умбрашко К.Б. М.П. Погодин // Новое литературное обозрение. 2001. № 48(2). С. 421, 423.
- 39 *Павленко Н.И.* Михаил Погодин. М., 2003.
- 40 Встречаются, к примеру, общие ссылки на 9 и даже на 13 страниц «Жизни» Погодина (С. 350. Сн. 15, 16).
- 41 Правильно: Царевич Алексей Петрович по свидетельствам, вновь открытым. Рассуждение М.П. Погодина. М., 1861. Первая редакция статьи «О характере Ивана Грозного», датированная 1827 г., осуществлена только в 1829 г., вторая и окончательная – в 1834 г. (*Погодин М.П.* Иоанн Грозный // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. № 3. С. 113–140). В последнем виде она была перепечатана в «Историко-критических отрывках».
- 42 Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым / С прилож. рассуждения М.П. Погодина. М., 1861.
- 43 Ср.: *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 295, 357. Сн. 21; *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 385–386 (Письмо Н.В. Гоголя к С.П. Шевыреву от 8 сентября н. ст. 1847 г.).
- 44 См.: *Киреева Р.А.* [Рец.:] Павленко Н.И. Михаил Погодин // Вопр. истории. 2004. № 7. 166–168. Возражая против сдержанной оценки, данной автором Погодину, Р.А. Киреева видит в нем «крупного ученого своего времени», опираясь, впрочем, на «наблюдения» самого Павленко (Там же. С. 168). Протест Р.А. Киреевой вызвало также многократное подчеркивание негативных черт в характере Погодина (нескромность, бестактность, высокомерие, приспособленчество, меркантильность и пр.), как будто характер сам по себе является критерием оценки ученого (Там же. С. 167).
- 45 *Розанов В.В.* Указ. соч. С. 104.

А.М. Пашков

А.С. ПРУГАВИН: ОТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
КРУЖКОВ ДО ИЗУЧЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА
(1869–1881 гг.)

Статья посвящена становлению научных интересов известного исследователя старообрядчества А.С. Пругавина (1850–1920). Уроженец Архангельска, в 1869–1871 гг. он учился в Москве, за участие в студенческих революционных кружках был выслан и в 1872–1873 гг. жил в Кемии. Там Пругавин был поражен, что почти все местное население принадлежало к старообрядцам. После освобождения из ссылки Пругавин начал активно изучать старообрядчество. В 1879–1881 гг. он опубликовал несколько работ о старообрядцах в газетах «Неделя» и «Голос» и журнале «Русская мысль». Пругавин считал старообрядцев массовым оппозиционным народным движением, но не сразу понял, что это консервативное движение.

Ключевые слова: А.С. Пругавин, старообрядчество, народничество, историография, Архангельская губерния, Русский Север.

Крупным исследователем старообрядчества на Русском Севере был Александр Степанович Пругавин (1850–1920)¹. Он родился в Архангельске и был старшим сыном смотрителя (затем инспектора) народных училищ Архангельской губернии. По воспоминаниям самого Пругавина, его отец «с увлечением работал на поприще народного образования целых 45 лет» и по общему убеждению «создал здесь (на севере) школу современного типа». Юность Пругавина совпала с периодом общественного подъема 1860-х годов.

В сентябре 1869 г. по окончании архангельской гимназии Пругавин поступил на учебу в Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве, но проучился там всего четыре семестра, так как был выслан на родину «за участие в студенческой истории», т. е. известном «деле Нечаева». Среди привлеченных к дознанию по нечаевскому делу «по подозрению в знании о тайном обществе»

© Пашков А.М., 2010

был и Пругавин. В мае 1871 г. судебное преследование в его отношении было прекращено за недостатком улик, и по делу нечаевцев он выступал в качестве свидетеля. Уже в середине 1870-х годов он стоял во главе революционного кружка студентов Петровской академии, вел пропаганду среди служителей Академии, активно участвовал в деятельности общества «Самообразование и практическая деятельность», где был членом издательской комиссии и отдела распространения.

К этому же времени относится и начало литературной деятельности Пругавина. В июне 1870 г. он обратился с письмом к Н.А. Некрасову, в котором сообщал, что задумал написать повесть о борьбе с голодом в северных губерниях России в 1868 г. и даже написал первую главу. Повесть «От слов к делу» была основана на реальных событиях. Когда северные губернии, писал Пругавин, «постиг голод, г-жа Вильяшева устроила в городе Пинеге даровые обеды, мастерские, лечебницу и школу для пострадавших от голода крестьян». Предприятие было закрыто губернатором на том основании, что оно возникло без разрешения местной администрации и что люди, имевшие к нему отношение (Христофоров и Войнаральский), находились под надзором полиции. Муж Вильяшевой, мировой посредник, был переведен в Онегу, а ссыльные – в Шенкурск. «Вот это-то дело, – писал Пругавин Некрасову, – сильно занимавшее меня и кажущееся мне очень характеристичным, я и задумал рассказать в повести. Я близко стоял к нему, знал его главных деятелей, поэтому смелее приступаю к выполнению своего желания». Вместе с письмом Пругавин отправил Некрасову отрывок из своей повести «В дороге», который, по его словам, «довольно полно» характеризовал «положение крестьян северных губерний во время голода». Однако отрывок не дошел до адресата, видимо, он был изъят полицией².

Таким образом, на формирование революционного мировоззрения Пругавина большое воздействие оказали бедствия северного крестьянства во время голода 1868–1869 гг. и знакомство со ссыльными. Из письма следует, что он был знаком со студентом Московского университета П.И. Войнаральским³, высланным в 1862 г. из Москвы за участие в студенческих волнениях и отбывавшим в 1862–1868 гг. ссылку на севере. Другой ссыльный, А.Х. Христофоров, студент Казанского университета, был исключен оттуда в 1861 г. за участие в студенческих волнениях и выслан в Саратов, а затем, в 1864 г., в Архангельскую губернию⁴. Круг знакомств Пругавина в годы его юности позволяет сделать вывод, что он приехал в 1869 г. на учебу в Петровскую земледельческую и лесную академию уже будучи убежденным революционером.

В апреле 1871 г. Пругавина задержали во время обыска на одной из квартир, исключили из Академии и распоряжением министра внутренних дел от 18 апреля 1871 г. за распространение нелегальной литературы, устройство «противозаконных сходок» и принадлежность к тайному обществу выслали под надзор полиции с мая 1871 г. сначала в Шенкурск, позднее в Архангельск, а затем за ведение антиправительственной пропаганды среди местных семинаристов – в Кемь. Вероятно, к этому времени относится его воспоминание о том, что ему «однажды пришлось пройти по этапу от Петербурга до Архангельска с партией арестантов». Пругавин вспоминал, что поводом к высылке послужила первая в его жизни корреспонденция, опубликованная в газете «Новое время» (1872. № 40), в которой говорилось «о печальном положении народного образования на севере и особенно о жалком состоянии архангельской духовной семинарии». Именно в Кеми началось его знакомство со старообрядчеством. Позднее Пругавин писал: «Здесь [в Архангельской губернии. – А. П.] мне пришлось прожить несколько лет в разных городах, между прочим в Кеми, который по справедливости может считаться главным центром поморского раскола, почти все постоянное население этого города состоит из старообрядцев-беспоповцев. Горя желанием сойтись с народом, изучить его нужды, стремления и запросы, я не мог, разумеется, не обратить внимания на раскол, который в жизни крайнего севера с давнего времени играет весьма важную роль, оказывая огромное влияние на весь склад и строй народной жизни. Живя в Кеми, Архангельске и других городах крайнего севера, я имел полную возможность лично знакомиться с представителями разных сект, бывать на их собраниях и собеседованиях, посещать их скиты, изучать различные рукописи, распространенные в их среде и т. д.».

В Кеми Пругавин находился до января 1873 г., а оттуда по распоряжению министра внутренних дел был переведен по болезни под надзор полиции в Воронеж. По прибытии в Воронеж Пругавин организовал революционный кружок и продолжал вести антиправительственную пропаганду, за что в конце 1873 г. был перемещен в город Коротояк, где поступил на службу в земскую управу. В 1873–1874 гг. он находился в переписке со многими деятелями «хождения в народ». По просьбе отца распоряжением министра внутренних дел Пругавин снова был перемещен под надзор полиции в Архангельскую губернию. С 20 августа 1877 г. его опять «водворили» в Архангельске, где он поступил на службу делопроизводителем в местное воинское присутствие. К этому времени относится его первая заметка, посвященная старообрядчеству, «Знаем ли мы раскол?» которая была опубликована под многозначитель-

ным псевдонимом Борецкий в газете «Неделя»⁵, издании либерально-народнического направления в 1880-е годы Распоряжением министра внутренних дел от 4 февраля 1879 г. Пругавин был освобожден от надзора.

В 1879 г. началась активная деятельность Пругавина по изучению старообрядчества: «Я немедленно же воспользовался свободой и отправился в Петербург, чтобы занятиями в тамошних библиотеках пополнить пробелы моего образования и затем возможно полнее ознакомиться с литературой вопроса о расколе и сектантстве». Одновременно Пругавин продолжал публиковать в столичных газетах свои корреспонденции о состоянии старообрядчества в Архангельской губернии. В газете «Неделя» была помещена его заметка «Староверческие скиты»⁶, в которой на примере Выговских и Топозерского скитов анализировались роль и значение старообрядческих скитов, описывалось их разорение в начале 1850-х годов. Подробно он рассказал и о разгроме Амбургского старообрядческого скита в 47 верстах от Архангельска, который считался «одним из древнейших в этом крае». Ему удалось опубликовать заметки об этом происшествии в газетах «Неделя» и «Голос»⁷. Для Пругавина изучение старообрядчества переплеталось с активной защитой старообрядцев от произвола местных властей. Сам он писал позднее: «Как раз около этого времени в Архангельской губернии был произведен разгром нескольких старообрядческих скитов, сопровождавшийся возмутительными сценами насилия и произвола местных низших властей. Об этом я напечатал ряд писем в “Голосе” и “Неделе”».

Другой причиной появления газетных публикаций Пругавина о старообрядцах стало его стремление сформировать общественное мнение и повлиять на принятие готовившихся тогда правительственных решений о старообрядцах. Сам автор объяснял причину их появления так: «В обществе и печати в это время циркулировало множество слухов о том, что в правительственных сферах вырабатываются правила, имеющие целью дать разные облегчения старообрядцам и последователям некоторых других менее вредных сект. Эти слухи и толки в связи с появившимися известиями о преследованиях и притеснениях старообрядцев и сектантов заставили меня написать ряд статей по поводу общественного положения последователей различных сект в России. Статьи эти были напечатаны в “Голосе” в течение 1879, 1880 и 1881 годов».

В ноябре 1879 г. в газете «Голос» была напечатана анонимная корреспонденция из Архангельска⁸, присланная, вероятно, Пругавиным. Это можно заключить из того, что его собственная статья, появившаяся вслед за анонимной, являлась ее расширенной вер-

сией и была написана теми же фразами и оборотами и в той же тональности⁹. В статье давалась высокая оценка значения старообрядчества в истории русского народа и роли Севера в истории старообрядчества. Пругавин предложил программу «собираания сведений о характере и распространении раскола» из 39 пунктов. Однако, как сообщал автор корреспонденции, «статистический комитет, не входя ни в какие рассуждения, отклонил эту программу, и автору ее остались совершенно неизвестными мотивы неприятия его записки».

Таким образом, начало активной работы Пругавина по изучению раскола относится к 1879 г., когда он был освобожден от полицейского надзора. Инициатива Пругавина по изучению старообрядчества носила оппозиционную направленность и именно поэтому не была поддержана архангельским статистическим комитетом. Недоверие чиновников вызывала и личность самого Пругавина, еще недавно присланного в Архангельск по этапу в ссылку под надзор полиции.

Потерпев неудачу в Архангельске, Пругавин решил выехать в Петербург, чтобы предложить свою программу на рассмотрение императорского Русского географического общества (далее – ИРГО). Его выступление «О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства» было прочитано на заседании Этнографического отделения ИРГО 30 апреля 1880 г.¹⁰ и получило большой общественный резонанс. Известно, что поддержку Пругавину в его изысканиях оказал секретарь отделения этнографии ИРГО В.Н. Майнов¹¹, который сам был автором работ о старообрядчестве¹². Пругавин отмечал, что его «проект программы для собирания сведений о современном состоянии русского раскола или сектантства» отделение этнографии встретило «сочувственно», и было принято решение отпечатать его и разослать всем членам этнографического отдела и «знатокам раскола», чтобы они «доставили в общество свои замечания и заключения по поводу этого проекта». Заметки об этом выступлении поместили многие газеты¹³. Вскоре программа Пругавина была опубликована в журнале «Русская мысль»¹⁴.

Расширенная «Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве» состояла из семи разделов. Первый раздел «Общий характер сект и распространенность их в изучаемом районе» состоял из 12 вопросов, второй «Догматическая сторона сектантских учений» – из 19 вопросов. В третьем разделе «Внутренний строй сектантских общин в связи с их экономическим бытом» (30 вопросов) есть примечание, что «в Архангельской губернии почти все скиты, из числа сохранившихся до настоящего

времени, служат теперь чем-то вроде богаделен, где находят приют больные, престарелые, хворые и т. д.». Пругавин зафиксировал, что старообрядческие скиты на Севере в тот период играли роль мирских богаделен, а само старообрядчество стремительно старело.

Четвертый раздел программы Пругавина «Семейный и домашний быт сектантов» состоит из 120 вопросов и содержит информацию, полученную автором от И.А. Протопопова: «...среди беспоповцев, живущих в Архангельской губернии, в Койденской волости Мезенского уезда... можно встретить огромные дома в 10–12 окон, населенные несколькими многолюдными родственными семьями, мирно уживающимися под одною крышею».

В пятом разделе «Умственное и нравственное развитие сектантов» (15 вопросов) приведены личные наблюдения Пругавина над жизнью и бытом северных старообрядцев: «В Кемском уезде Архангельской губернии нам удалось наблюдать, что местные старообрядцы до сих пор отказываются отдавать в школы своих детей, пока последние обязывались слушать в них Закон Божий наравне с православными. Но как только дети старообрядцев были избавлены от посещения уроков Закона Божия, они немедленно же начали в большом количестве посещать школы».

Шестой раздел «Отношение сектантов к правительству, духовенству и остальному населению. Взаимные отношения различных сект между собою» содержал 17 вопросов и был наиболее неприемлемым для духовных и светских властей. В этом разделе содержались сведения о низком авторитете православного духовенства среди крестьянского населения северной России: «В северных и северо-восточных губерниях чрезвычайно распространены, например, следующие пословицы: “не бежим церкви, а бежим священников”, “попят многие, а попов мало”, “церковь не в бревнах, а в ребрах”, “поп что ни говорит, а все в карман глядит”».

Последний, седьмой, раздел тоже был посвящен острой социальной проблематике – «Борьба с сектантством. Миссионерство. Единоверие» (16 вопросов). Пругавин отметил, что усиление влияния старообрядчества происходит в период тяжелых бедствий: «Известный голод 1867 г., постигший весь север России, чрезвычайно много способствовал развитию раскола, это факт, который подтверждают как местные миссионеры и священники, так и вообще все лица, имевшие случай делать наблюдения над состоянием местного сектантства». Таким образом, к началу 1880 г. интерес Пругавина к изучению старообрядчества не только уже сформировался, но и дал первые результаты.

После выступления на заседании Этнографического отделения ИРГО осенью 1880 г. Пругавин выступил на эту же тему на заседа-

нии Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ОЛЕАЭ) при Московском университете, прочитал реферат «О значении раскола сектантства и о необходимости тщательного изучения этого вопроса». Это общество также выразило готовность заняться сбором сведений о состоянии «раскола». Выступление Пругавина в ОЛЕАЭ также было замечено газетами¹⁵.

Старообрядчество интересовало Пругавина как массовое народное движение, оппозиционное существующему строю. Эти взгляды Пругавина основывались на народнической идеологии с ее идеями служения народу и прежде всего крестьянству, защите его интересов, демократизмом, социалистическими иллюзиями и социальным освобождением. Не случайно, что кроме Пругавина многие видные народники были авторами работ о старообрядчестве (Н.А. Щапов¹⁶, Н.А. Аристов¹⁷, Я.В. Абрамов¹⁸, В.В. Андреев¹⁹ и др.). Так, в 1881 г. появилась работа быстро эволюционировавшего к либеральному народничеству И.И. Каблица (под псевдонимом И. Юзов) «Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане»²⁰.

В 1880 г. в Москве возник новый либерально-народнический журнал «Русская мысль». В конце 1880 г. редактор журнала С.А. Юрьев пригласил к сотрудничеству в нем Пругавина, который сразу показал себя деятельным сотрудником и поместил в журнале ряд статей о расколе и сектантстве. Пругавин писал в автобиографии: «Выясняя в этих статьях значение раскола в русской народной жизни, я старался доказать, что чрезвычайная разнородность основных элементов, вызывающих и поддерживающих раскол, составляет главную причину, почему вопрос о сектантстве не может быть обсуждаем отдельно, сам по себе, без отношения его к другим наиболее важным и давно наболевшим вопросам нашей общественной жизни. Я доказывал, что вопрос о расколе тесно, органически связывается не только с вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всеми теми вопросами нашего общественного быта, которые относятся до правового и экономического положения народа».

Первой в этой серии стала статья «Значение сектантства в русской народной жизни»²¹. По словам Пругавина, несмотря на усилия славянофилов, «духовная, нравственная жизнь народа оставалась и, страшно сказать! – остается до сих пор столь же мало известною, как и сто лет назад...». Наибольшим пробелом Пругавин считал изучение раскола. В свое понимание термина «раскол» Пругавин вкладывал несколько иной смысл, чем современные ему церковные авторы: «...под словом раскол мы разумеем совокупность всех вообще религиозно-бытовых протестов и разномыслий

русского народа». Поэтому он включал в раскол не только старообрядчество, но и различные секты, как мистического (хлысты, скопцы и проч.), так и рационалистического (молокане, духоборы, штундисты и др.) направления.

По мнению Пругавина «раскол» был продуктом, «выработанным историческим ходом русской народной жизни», и вместе с крестьянской поземельной общиной являлся «наиболее ярким и выразительным явлением исторической жизни русского народа», а в области культуры «самым ярким явлением умственной, нравственной, интеллектуальной жизни нашего народа». В области «умственной жизни» русского народа заслуга «раскола» состоит в том, что богословские споры будили мысль, заставляли отказаться от бессознательного и механического отношения к церковным догматам. А пробудившееся сознание заставляло пересмотреть и многие другие стороны жизни, включая социальные и бытовые вопросы. В «расколе» Пругавин увидел смесь чисто религиозных и социально-общественных представлений.

Причины существования и развития «раскола» Пругавин видел не только в деятельности церкви, духовенства и школы, а в целом в «общественном положении народа», а именно в его «правовом и экономическом положении». Он считал, что именно от разрешения этих вопросов зависит «усиление или ослабление раскола», и видел прямую связь между состоянием «раскола» и существованием таких институтов, как паспортная система, подушная подать и т. д.

Для обоснования своих идей Пругавин цитировал работы А.П. Щапова²², А. Гакстгаузена²³ и Н.И. Костомарова²⁴. Опираясь на эти исследования и на собственные наблюдения, Пругавин рисовал впечатляющую картину влияния «раскола» на многие стороны жизни народа: «Под влиянием раскола складывается и развивается семейная домашняя жизнь многомиллионной массы сектантского населения; под его влиянием устанавливаются и регулируются взаимные отношения членов семьи между собою, привычки, взгляды, наклонности, верования».

В понимании причин возникновения «раскола» Пругавин был близок к А.П. Щапову и В.В. Андрееву, в его формулировках причин «раскола» чувствуется риторика народнических публицистов: «Народ встал за старину, потому что там, в этой старине, он видел волю и простор, там не давили его ни подушными данями, на паспортами, ни чрезмерными рекрутскими наборами».

Делая вывод о негативном отношении старообрядцев к православной церкви как государственному учреждению и к духовенству как чиновникам, Пругавин приводил также данные различных источников («Записка» И.С. Аксакова²⁵, материалы из сборника

В.И. Кельсиева²⁶ и др.). Таким же негативным было отношение старообрядцев к казенной школе и к подавленным правительственным контролем учителям. Все это заставляло народ в своих духовных исканиях идти в «раскол».

В ответ на жестокие репрессии против старообрядцев, как писал Пругавин, те объявили власть антихристовой и перестали за нее молиться. Вопрос о судьбе важнейшего старообрядческого догмата о немолении за царя Пругавин подробно разбирает со ссылкой на работы таких «обличителей раскола», как генерал И.П. Липранди²⁷ и профессор Московской духовной академии Н.И. Субботин. При этом, опираясь на тенденциозно подобранные данные этих обличителей, он впадал в ошибку, считая, что идея немоления за царя окрепла в последние десятилетия, охватив даже поповцев. Но при этом он все же отмечал, что за царя молятся «по преимуществу купцы», а немоления придерживаются крестьяне.

В этой статье Пругавин показал свое понимание раскола как самостоятельного, вышедшего из народной среды массового движения, т. е. показал социальные основы раскола. Он считал раскол реакцией народа на усиление влияния государства на церковь и церкви на прихожан. Из этого делался вывод, что старообрядцы относились к церкви как к государственному учреждению, а к духовенству – как к чиновникам. Помимо социальной направленности раскола Пругавин выделяет бытовые черты старообрядчества, а именно его влияние на семью. В статье отмечаются солидарность старообрядцев, «которой нет у православных», и их более высокий уровень благосостояния также по сравнению с приверженцами официального православия. Таким образом, в рассматриваемой статье Пругавин показывал старообрядчество как социальное и бытовое явление в жизни народа и как протест народа против подчинения православной церкви государству.

Следующая статья «Раскол и его исследователи»²⁸ развивала идеи, изложенные в первой. Пругавин еще раз подтвердил свою идею о большой роли старообрядчества «в народной жизни», имея в виду русский народ: «Необычайная поразительная живучесть раскола, его огромное, повсеместное распространение среди народа и непрерывное возникновение все новых и новых сект ясно свидетельствует о значении его в народной жизни». При этом он тут же отметил, что «наши сведения о расколе крайне отрывочны, не точны, не полны» и ни власти, ни духовенство, ни интеллигенция не знают как современного состояния, так и «истории религиозно-бытовых движений русского народа». Он подробно характеризовал издания, посвященные старообрядчеству, отмечая их устарелость, тенденциозность и спекулятивность.

Второй раздел статьи был посвящен подробному анализу материалов «статистических экспедиций» по изучению старообрядчества, проведенных Министерством внутренних дел в 1852 г. Их значение Пругавин видел в том, что «записки» и «отчеты о современном состоянии раскола», созданные по итогам этих обследований, во-первых, определяли политику властей в отношении старообрядцев вплоть до 1870-х годов, а во-вторых, считались образцом такого рода исследований по их «серьезности и капитальности».

Оценивая научный уровень этих сочинений, Пругавин писал: «Все их исследования имеют целью запугать правительство антигосударственными, чуть ли не революционными стремлениями раскола». Из этого Пругавин делает вывод, что «исследователи раскола совсем не знали народа, не умели говорить с ним, совсем не понимали его речи». Из всех исследователей, односторонний подход которых заставил правительство с 1853 г. «смотреть на раскольников как на заговорщиков», Пругавин выделяет двух, чьи работы носили более объективный характер, – П.П. Мельникова и И.С. Аксакова²⁹.

Для Пругавина изучение старообрядчества было формой изучения народа, народного характера для более успешного служения народу и установления прочных связей революционной интеллигенции и наиболее активной и оппозиционно настроенной части народа. Показательно также, что в своих призывах к изучению старообрядчества Пругавин использовал название революционного романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

Основным методом изучения старообрядчества Пругавин считал экспедиции в места расселения старообрядцев и личное общение исследователей со старообрядцами. В качестве примера успешности этого метода он привел свой опыт изучения старообрядцев: «В течение одного лета мне удалось перезнакомиться со многими представителями всех сект, распространенных в губернии; с некоторыми из них я сошелся настолько близко, что они охотно показывали мне все свои рукописи, книги, возили меня в скиты, водили в молельни и хотя, как иноверцу и “церковнику”, не позволяли присутствовать в моленных во время богослужения; но охотно разрешали находиться в это время в соседних сенцах, откуда можно было слышать и видеть все, что происходило в моленных». Таким образом, опыт изучения старообрядцев Архангельской губернии широко использовался Пругавиным при создании рассматриваемой статьи, посвященной итогам и методам изучения старообрядчества в целом.

Выступлением на заседаниях двух известных научных обществ и публикацией в первых номерах «Русской мысли» двух больших

статей и «Программы для собирания сведений о русском расколе или сектантстве» Пругавин заявил о себе как о деятельном исследователе раскола с позиций народничества. Его выступления и публикации имели шумную известность, встретили положительные отклики и критические отзывы.

Значение деятельности Пругавина по изучению старообрядчества состоит в том, что, будучи по своим убеждениям народником, он отнесся к изучению старообрядцев не как к «казенной надобности», к заданию начальства изучить старообрядцев, чтобы было легче их «искоренить», а с симпатией и живым научным интересом, с личной потребностью разобраться в этом сложном и непонятном для образованного интеллигента явлении. Этот подход сформировал и основной метод, которым он пользовался для своих исследований, – экспедиционный. В процессе своей исследовательской работы Пругавин проделал сложную идейную эволюцию от участия в тайных народнических кружках в 1870-е годы до участия в гражданской войне в Сибири в 1918–1920 гг. на стороне Белой армии.

Итак, на рубеже 1870–1880-х годов ссыльный революционер Пругавин, пораженный большой численностью, религиозной и политической оппозиционностью и своеобразным бытовым укладом старообрядцев на Русском Севере, решил посвятить свою жизнь изучению старообрядчества как социального, религиозного и бытового явления. Условия революционной ситуации рубежа 1870–1880-х годов и ослабление цензуры в тот период позволили ему развернуть активную деятельность и опубликовать в столичных либеральных и либерально-народнических изданиях ряд статей программного характера, посвященных изучению старообрядчества.

Примечания

- ¹ Биографические сведения об А.С. Пругавине см.: Деятели революционного движения в России. М., 1931. Т. 2. Вып. 3. С. 1276–1277 (сообщ. В.Д. Бонч-Бруевич); Русские ведомости. 1863–1913: Сб. ст. М., 1913. Отд. 2. С. 141–142; Характерный документ // Былое. 1907. № 9. С. 277; *Апетекман О.В.* Московские революционные кружки. А.С. Пругавин на заре своей деятельности // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Т. 1. С. 43–57; *Санакина Т.А.* Пругавин Александр Степанович // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 333; *Бокова В.М., Мясников А.Г.* Пругавин Александр Степанович // Русские писатели. 1801–1917: Биограф. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 165–167 и др.
- ² *Кошелев Я.* В Петербург, Некрасову // Правда Севера. 1974. 12 янв.

- 3 *Богина Л.С., Кириченко Т.М.* Революционер-народник П.И. Войнаральский. М., 1987.
- 4 *Порох И.В.* История в человеке. Саратов, 1971.
- 5 *Борецкий А.С.* Знаем ли мы раскол? // Неделя. 1877. № 49–50.
- 6 *Пругавин А.С.* Староверческие скиты (по поводу одного частного случая) // Неделя. 1879. № 38.
- 7 Архангельский уезд, 24-е февраля (корреспонденция «Голоса») // Голос. 1880. № 64.
- 8 Архангельск, 22 октября (корреспонденция «Голоса») // Голос. 1879. № 305.
- 9 *Пругавин А.* Изучение раскола // Голос. 1880. № 51.
- 10 *Пругавин А.* О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства // Известия ИРГО. 1880. Вып. 3 (записка, читанная в заседании Этнографического отделения ИРГО 30 апреля 1880 г.).
- 11 *Мельникова Е.В.* Майнов Владимир Николаевич // Русские писатели. 1801–1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 466–467.
- 12 *Майнов В.Н.* Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1887; *Он же.* Мертвый городок // Исторический вестник. 1880. № 11. С. 525–546; *Он же.* Живые покойники // Там же. 1881. № 12. С. 747–772.
- 13 Голос. 1880. № 121; Молва. 1880. № 120; Новое время. 1880. № 1504; Берег. 1880. № 47; С.-Петербургские ведомости. 1880. № 120.
- 14 *Пругавин А.С.* Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве // Русская мысль. 1881. № 3. 2-я паг. С. 23–42 (отд. изд.: М., 1881).
- 15 Отчет о заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в котором А.С. Пругавиным был прочитан реферат о значении раскола сектантства и о необходимости тщательного изучения этого вопроса // Русский курьер. 1880. № 342; То же // Русские ведомости. 1880. № 319.
- 16 *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядства... Казань, 1859; *Он же.* Земство и раскол. СПб., 1862.
- 17 *Аристов Н.А.* Устройство раскольнических общин // Библиотека для чтения. 1863. № 7. С. 1–32.
- 18 *Абрамов Я.В.* Выговские пионеры // Отечественные записки. 1884. Т. 3. С. 89–126; № 4. С. 347–383.
- 19 *Андреев В.В.* Раскол и его значение в народной жизни. СПб., 1870.
- 20 *Юзов И.* Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., 1881.
- 21 *Пругавин А.С.* Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 1. С. 301–363.
- 22 *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядства... Казань, 1859.
- 23 *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни. М., 1870. Т. 1.
- 24 *Костомаров Н.И.* История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. № 4. С. 469–536. Переизд.: Костомаров Н.И. Раскол. М., 1994. С. 265–326.
- 25 *Аксаков И.С.* Записка // Русский архив. 1866. № 4.

А.С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества...

- 26 Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В.И. Кельсиев. Лондон, 1860–1862. Вып. 1–4.
- 27 *Липранди И.П.* Краткое обозрение русских расколов, ересей и сект. М., 1870.
- 28 *Пругавин А.С.* Раскол и его исследователи // Русская мысль. 1881. № 2. С. 332–357.
- 29 *Смирнов С.В.* И.С. Аксаков и ярославское краеведение // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 252–260.

М.П. Мохначева

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ В МГИАИ – ИАИ РГГУ

Статья вторая

В статье анализируются особенности построения лекционных курсов и специальных курсов по истории исторической науки, подготовки и издания учебников и учебных пособий. Характеризуется вклад в развитие истории исторической науки В.Е. Иллерицкого, С.О. Шмидта, В.А. Муравьева и других.

Ключевые слова: история исторической науки, В.Е. Иллерицкий, С.О. Шмидт, В.А. Муравьев, Историко-архивный институт.

В середине 1950-х – 1960-е годы в МГИАИ складывалась историографическая «школа В.Е. Иллерицкого», становлению и развитию которой всячески способствовали А.С. Рослова, И.А. Кудрявцев, Н.Л. Рубинштейн и другие преподаватели кафедры.

Стремление помочь В.Е. Иллерицкому в разработке лекционного курса по историографии отечественной истории побудило Р.В. Макарову «взять на себя обязательства подготовить несколько лекций по историографии внешней политики России на Дальнем Востоке»¹. Так в «Трудах МГИАИ» вышли ее историографические статьи: «Роль Тимофея Шмалева в изучении истории русских географических открытий в Тихом океане во второй половине XVIII века» (т. 6), «К истории изучения русских открытий в Тихом океане (во второй половине XVIII века)» (т. 22), «Русская Америка в трудах советских историков (60–70-х годов)» (т. 30, вып. 1).

Еще пример. Н.Н. Яковлев в ходе работы над монографией «Вооруженные восстания в 1905 году» (1957) изучал в архивах Красноярска и Якутска материалы по своей теме и одновременно по истории исторических знаний коренных народов Сибири, о чем подробно рассказал на одном из заседаний кафедры. Сохранилась

стенограмма лекции Н.Н. Яковлева 4 ноября 1965 г. на тему «В.И. Ленин и историческая литература о Советах 1905 года», где автор предложил сконцентрировать внимание на освещении в дореволюционной литературе и работах советских историков трех «основных» вопросов: возникновение Советов, их деятельность и характер².

Ивану Архиповичу Кудрявцеву принадлежит особая роль в развитии советской исторической науки, становлении и развитии историографии отечественной истории в МГИАИ. Он отдал институту более 20 лет (1949–1970). Как заведующий кафедрой и одновременно проректор по учебной и научной работе (1949–1951) сделал очень много для коллег по кафедре и лично для В.Е. Иллерицкого. Об этом свидетельствуют материалы личного фонда И.А. Кудрявцева, переданные в 1975 г. в Архив АН СССР. Кудрявцев помогал Иллерицкому в разработке и издании программы и учебника по историографии истории СССР, редактировал его монографию «Русская историография второй половины XIX века» (М., 1957), дал предварительный развернутый отзыв на его докторскую диссертацию. Сохранились отзывы И.А. Кудрявцева с постраничными замечаниями на текст лекции В.Е. Иллерицкого «Современная буржуазная историография о развитии России в конце XIX – начале XX в.» и ряд других его лекционных и учебно-методических материалов.

И.А. Кудрявцев сам очень тщательно готовился к лекциям и семинарским занятиям. «Чтобы курс лекций был интересен для студентов, – считал он, – нужно коренным образом его перестроить. Фактическое направление лекционного курса, может быть, и заинтересует студентов, если лекции читаются живо и образно; но они, как правило, не будят творческой мысли студентов, толкают их на заучивание, зубрежку... Наши лекционные курсы необходимо строить в проблемном и историографическом направлении... Особенно важно раскрыть перед студентами пути решения проблем, лабораторно-научной работы... Создать фактологический курс лекций гораздо проще и легче, чем проблемно-историографический курс. Но его нужно создавать, идя от темы к теме». По поводу ведения семинаров Кудрявцев говорил так: «Руководитель семинара обязан назубок знать всю источниковедческую базу доклада, иметь точное представление о ее содержании и особенностях, а также досконально изучать доклад самого студента»³.

А.Н. Мельник установил, что И.А. Кудрявцев был автором (соавтором) ряда редакционных статей в журнале «Вопросы истории», ему, в частности, принадлежат статьи «Об образовании Русского централизованного государства» (1946. № 11–12) и «Против объективизма в исторической науке» (1948. № 12).

Журналистская деятельность Кудрявцева началась с заметок и статей для «Историко-революционного календаря» (1938, 1939). Статья «Е.М. Ярославский – редактор “Историка-марксиста” и “Исторического журнала”» (Исторический журнал. 1944. № 56) окончательно определила выбор профессии историка-журналиста, но педагогическое поприще оказалось, как признавался сам Иван Архипович, не менее притягательным. В 1948 г. он издает пособие для студентов-заочников по истории СССР и приступает к написанию глав учебного пособия по русской историографии, начинает серьезно и глубоко изучать историографическую ситуацию рубежа XVIII–XIX вв.

Несмотря на большую занятость (работа в журнале, педагогическая и административная деятельность в МГИАИ), в начале 1950-х годов И.А. Кудрявцев приступил к подготовке монографии о творчестве Н.М. Карамзина и М.Т. Каченовского.

В 1955 г. И.А. Кудрявцев успешно защитил одну из первых в советской историографии диссертаций по историографии – «История государства Российского» Н.М. Карамзина в истории отечественной историографии». В отзыве на диссертацию академик М.Н. Тихомиров писал: «Труд И.А. Кудрявцева написан на очень интересную тему, притом такую тему, которая крайне редко изучается в наших специальных работах; обычно ограничиваются краткими и часто устаревшими историографическими замечаниями о “Истории государства Российского”. Между тем многотомная история России, написанная Карамзиным, на протяжении долгого времени была предметом не только ученых, но и политических споров... Труд И.А. Кудрявцева... дает много нового и ценного материала не только для русской историографии в узком смысле этого слова, но и для истории русской общественной мысли. В поле внимания исследователя попадают давно забытые, но крайне интересные с историографической точки зрения работы, о которых ничего не сообщают наши книги и статьи по историографии XIX в.»⁴.

Через семь лет дискуссия вокруг «Истории» Карамзина была выбрана Кудрявцевым в качестве темы открытой лекции 12 ноября 1962 г. Собранный по теме лекции материал стал основой неопубликованной статьи «М.Т. Каченовский и его работы по вопросам русской истории», которая должна была войти в монографию «Скептическая школа в русской историографии». Об устойчивом интересе И.А. Кудрявцева к этой теме свидетельствуют его работы: 11-я глава «Н.М. Карамзин – представитель реакционной дворянской историографии первой четверти XIX в.» и 14-я глава «Развитие буржуазной исторической науки в первой трети XIX в.» в учебнике по историографии (1961; 2-е изд. – 1971); энциклопедическая

статья «Карамзин Н.М.» в «Советской исторической энциклопедии» (1965. Т. 7).

В 22-й том «Трудов МГИАИ», изданный в 1965 г. под редакцией В.Е. Иллерицкого, вошла статья И.А. Кудрявцева «“Вестник Европы” М.Т. Каченовского об “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина». Она тематически предопределила устойчивый интерес студентов и выпускников МГИАИ к таким научным направлениям, как история журнальной историографии и археографии. Они успешно разрабатываются в МГИАИ – ИАИ РГГУ на протяжении почти сорока лет в виде дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций, научных публикаций в периодических и продолжающихся изданиях, учебных пособий и монографий, о которых речь пойдет ниже.

О признании заслуг И.А. Кудрявцева в развитии отечественной историографии свидетельствуют отзывы на его работы, принадлежащие Б.Д. Грекову, Е.Н. Городецкому, В.Е. Иллерицкому, В.В. Мавродину, А.М. Панкратовой, С.А. Пионтковскому, В.И. Пичете. Эти материалы хранятся в личном архивном фонде историка. Источники, отражающие развитие историографии как учебной дисциплины в системе профессиональной подготовки историка-архивиста в 1950–1970-х годах, разнообразны по видам и жанрам. Помимо названных, сложились и другие комплексы опубликованных историографических источников и архивных материалов, на основе которых можно судить о научно-педагогической практике, научно-исследовательских приоритетах в историографии отечественной истории, а также об отношении научного сообщества к научно-педагогическим школам МГИАИ – источниковедческой и историографической.

К ним относятся восемь переизданий программы по историографии истории СССР с обновляемыми время от времени списками источников и литературы курса, авторскими и редакторскими исправлениями и дополнениями, которые, кстати сказать, никто специально не изучал, а также материалы, связанные с их обсуждением, и отзывы в печати. В протоколах заседания кафедры имеются любопытные сведения об этом источнике.

Это и лекции В.Е. Иллерицкого «Русская историография второй половины XIX века: лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института» (Под ред. И.А. Кудрявцева. М., 1956); его первая методическая разработка «Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников» (1969), первый теоретико-методологический доклад для студентов «Методические основы курса “Историография истории СССР”» на научно-методической конференции МГИАИ (1970)⁵.

Эти работы никто никогда не подвергал серьезному источниковедческому анализу.

Любопытно было бы провести сравнительный анализ методических разработок И.А. Кудрявцева, В.Е. Иллерицкого и работы А.М. Сахарова «Историография истории СССР. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов» (М., 1963), сравнить структуру и построение написанной А.М. Сахаровым энциклопедической статьи «Историография» (БСЭ. 2-е изд. М., 1957. Т. 50) с введением к учебнику (1961, 1971). Такое исследование позволит, на наш взгляд, прояснить многие моменты, связанные с научно-педагогическими школами этих историков, и, кроме того, уточнить тенденции развития и самоопределения предметной области историографии в системе исторической науки и исторического знания. Для лучшего понимания педагогических основ историографической «школы В.Е. Иллерицкого» стоит обратить внимание на его статью «О качестве знаний выпускников средних школ» (Преподавание истории в школе. 1965. № 6).

Спецкурсы и спецсеминары – особая страница в жизни и творчестве преподавателя высшей школы. Вместе с тем это и особая страница памяти его учеников о постижении основ профессии. Составители сборника, посвященного 50-летию МГИАИ, установили, что в 1946–1960 гг. в институте было прочитано свыше 100 спецкурсов. Мы уже отмечали выше, что кафедра истории СССР явилась инициатором такой формы «факультативной» работы со студентами. На рубеже 1940–1950-х годов на кафедре было разработано и прочитано немало оригинальных спецкурсов, в каждом из которых предусматривалась специальная вводная лекция (иногда две или даже три), посвященная истории изучения темы и источникам, раскрывающим ее проблематику. Сохранились протоколы обсуждения спецкурсов «История русского государства в XVII в.» (Н.В. Устюгов), «Внешняя политика России до Отечественной войны 1812 г.» (Т.М. Ягодина-Кириченко), «Великая Октябрьская социалистическая революция» (Н.Н. Яковлев) и др.⁶

Первый спецкурс по историографии в МГИАИ был прочитан в 1952/53 уч. г. В.Е. Иллерицким на тему «История России в освещении революционеров-демократов». И это, как он сам вспоминал, был первый шаг к его докторской диссертации «Революционно-демократическое направление в русской историографии 40–60-х годов XIX в.», защита которой состоялась в 1963 г. Сохранился протокол заседания кафедры, на котором обсуждался план этого спецкурса. Через год В.Е. Иллерицкий читал новый спецкурс – «Рабочее движение в освещении революционеров-демократов».

Затем он чередовал эти спецкурсы, но чаще все же объявлял и читал первый. В 1962/63 уч. г. Иллерицкий объявил еще один спецкурс – «Изучение истории исторической науки в дореволюционной и советской историографии». Это была вторая научная тема, которую он разрабатывал на протяжении всей жизни. Материал спецкурса получил развитие в его статье «Проблемы отечественной историографии в советской исторической науке [1917–1967]» (История СССР. 1968. № 1).

Смысл и значение этой статьи станут более понятными (адекватными авторскому замыслу) на фоне материалов дискуссии по проблемам теории, методологии и истории исторической науки, проходившей в 1961–1963 гг. в центральных исторических журналах: «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Вопросы архивоведения», «Исторический архив». Этот комплекс историографических источников дает яркое представление об историографической ситуации начала 1960-х годов, которая формировала отношение историка, преподавателя высшей школы к предмету, задачам и перспективам развития историографии как учебной дисциплины.

В 1960-х годах на исторических кафедрах МГИАИ появилось много оригинальных, охотно посещаемых студентами третьего–пятого курсов историографических спецсеминаров. В 1960/61 уч. г. Е.В. Чистякова объявила спецсеминар на тему «Русская историческая мысль в период позднего Средневековья». Он стал своеобразной отправной точкой для вышедших позже историографических работ Елены Викторовны Чистяковой и ее учеников. Книга «Да будет потомкам явлено. Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах» (1988) подготовлена Е.В. Чистяковой совместно с выпускником кафедры А.П. Богдановым. Сегодня эта книга входит в список обязательной литературы по истории исторической науки. Три главы из девяти написаны Чистяковой, пять – Богдановым, последняя, девятая, глава и заключение стали результатом их совместной работы.

В истории института немало подобных примеров. Было бы неплохо изучить эти «опыты» сотворчества учителя и ученика.

С 1960/61 и до 1966/67 уч. г. включительно под руководством И.А. Кудрявцева работали сразу два спецсеминара. Один – для студентов второго и третьего курсов на тему «Революционная и общественная мысль в России в 60–80-е годы XIX в.». Другой – для студентов четвертого и пятого курсов на тему «Общественно-политическая борьба и развитие общественно-политической мысли в XVIII–XIX вв.». На основе курсовых работ, подготовленных студентами, посещавшими эти спецсеминары, было написано более

двух десятков дипломных работ по историографии отечественной истории XIX в.

Среди спецкурсов и спецсеминаров на архивоведческих кафедрах в плане нашей темы следует особо отметить спецкурсы, которые вел доцент Ю.Ф. Кононов (1917–1970), заведующий кафедрой истории и организации архивного дела в 1949–1970 гг. Он внес большой вклад в посмертное издание учебного пособия И.Л. Маяковского по истории архивного дела в дореволюционной России (1960). Деятельно помогал В.Е. Иллерицкому в разработке курса историографии отечественной истории, в той его части, где требовались архивоведческие знания о личных архивных фондах и коллекциях российских историков.

Обычно Ю.Ф. Кононов объявлял сразу несколько спецкурсов, и всегда в их числе был спецкурс по истории рукописных собраний библиотек и частных коллекций, на который обычно записывалось больше всего студентов. В 1961 г. под редакцией Н.В. Бржостовской было издано его учебное пособие по этому спецкурсу – «Частные коллекции рукописных материалов в России до XIX века». В 1964 г. под ее редакцией вышло новое учебное пособие Ю.Ф. Кононова – «История личных фондов государственных деятелей России XVIII – первой половины XIX в.». Эти издания – фрагменты, увы, незавершенной монографии Ю.Ф. Кононова. Н.В. Бржостовская дала очень точную оценку направления и характера его научно-исследовательской работы: «В определенной степени исследование Ю.Ф. Кононова продолжает труд В.С. Иконникова, давшего в своем «Опыте русской историографии» свой свод сведений и библиографию по известным в его время частным архивам и коллекциям»⁷.

В 1961/62 уч. г. С.О. Шмидт впервые объявил и успешно провел в МГИАИ спецсеминар по источниковедению историографии, в котором приняли активное участие студенты четвертого и пятого курсов дневного отделения факультета архивного дела И. Беленький, В. Муравьев, В. Петухов, Е. Старостин, Е. Швейковская и другие. В спецсеминаре С.О. Шмидта они подготовили свои дипломные работы – очень важные для будущих исследователей источники в плане изучения лаборатории творческой мысли начинающего историка, «ученика школы С.О. Шмидта», а также в плане изучения истории разработки методики источниковедческо-историографических исследований и шире – в плане истории отечественной исторической науки в целом, ведь каждый из этих учеников сегодня является одним из ведущих специалистов в своей области исследований. Назвать все дипломные работы по историографии и источниковедению историографии, подготовленные в этом спец-

семинаре и заслуживающие специального изучения, просто невозможно. Следует, однако, заметить, что первая дипломная работа, выполненная под руководством С.О. Шмидта, была написана В.И. Бугановым на тему «Борьба с западным влиянием в сатирических журналах Н.И. Новикова» (1951).

Об опыте преподавания источниковедения историографии в МГИАИ, первых, безусловно впечатляющих, результатах в виде курсовых и дипломных работ, о студенческих докладах на спецсеминарах, кружке источниковедения, о публичных выступлениях учеников и их первых научных публикациях в отраслевой исторической печати, «Археографическом ежегоднике за 1973 год» (сообщения В.В. Галахова, М.А. Робинсона и др.), а также о перспективах развития источниковедения историографии С.О. Шмидт рассказывал на Всесоюзной конференции преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и пединститутов в Смоленске в 1973 г.⁸

Это, по сути, первый аналитический обзор, посвященный школе источниковедения историографии в МГИАИ, подготовленный ее создателем, что особенно ценно для истории исторической науки и исторического образования. Важно и то, что в работе этой конференции принимали участие наиболее яркие, талантливые ученики С.О. Шмидта – М.А. Робинсон, С.В. Чирков, К.Е. Новохатский, С.Б. Филимонов, В.Ю. Афиани; сегодня это известные специалисты, внесшие личный вклад в разработку теоретического и практического источниковедения, историографии, археографии, исторического краеведения. Их сообщения опубликованы в сборнике материалов конференции. Следует отметить также, что в работе конференции участвовали 250 специалистов. Это был один из самых крупных за всю историю отечественной исторической науки национальный форум историков, выступление на котором было не только почетным, но и принципиально важным в научно-педагогическом отношении, определяющим перспективы профессиональной подготовки историков в высшей школе.

В выступлении С.О. Шмидта прозвучала тогда очень полезная для изучения истории исторической науки и истории научно-педагогических школ мысль о необходимости создания объединенной картотеки дипломных работ по историографии, защищенных в вузах страны, с краткой аннотацией содержания каждой работы. Современные компьютерные технологии вполне позволяют создать такой уникальный банк данных. Для этого необходимы административная воля руководителей вузов, личная заинтересованность преподавателей историографии, поддержка работников государственных архивов, принявших на хранение в составе архивных

фондов вузов годичные приказы о защите дипломных работ с точными формулировками их названий, сведениями о научном руководителе и официальных оппонентах. Этот проект могла бы возглавить российская ассоциация «История и компьютер», подключив к работе вузовские лаборатории и центры исторической информации.

В числе научно-информационных проектов, приуроченных к 70-летию Историко-архивного института, было задумано создание электронного банка данных о дипломных работах, защищенных в институте за всю его историю. И такой банк уже создается. По подсчетам Л.И. Деминой, в 1954–1990 гг. на кафедре истории СССР подготовлено 87 дипломных работ по историографии отечественной истории, истории исторической науки, истории исторической мысли. К сожалению, не все они сохранились, но и по названию вполне можно судить о том, по каким направлениям развивались источниковедение историографии и сама историографическая проблематика в те годы на кафедре и в МГИАИ.

В 1970-х годах штатный состав кафедры истории СССР досоветского периода пополнился учениками С.О. Шмидта и В.Е. Иллерицкого, успешно защитившими кандидатские диссертации по историографии.

В 1968 г. на кафедру был принят В.А. Муравьев, самый талантливый и любимый ученик С.О. Шмидта и В.Е. Иллерицкого. В 1969 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Теория феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в.». Через год в штат кафедры был зачислен другой ученик В.Е. Иллерицкого – Л.В. Волков. Его кандидатская диссертация «Проблемы истории позднего феодализма в России в советской исторической науке (1917 – середина 1930-х годов)», как и диссертация В.А. Муравьева, получила высокую оценку специалистов-историографов⁹. С 1976 г. (в связи с переходом В.Е. Иллерицкого на должность профессора-консультанта по причине ухудшения здоровья) Виктор Александрович Муравьев стал ведущим лектором курса историографии (истории исторической науки) на факультете архивного дела ИАИ РГГУ¹⁰. В 1973/74 уч. г. он прочитал свой первый спецкурс «Дореволюционная большевистская историография».

В 1979 г. на кафедру пришел еще один ученик В.Е. Иллерицкого – В.И. Дурновцев, до этого он работал штатным преподавателем на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы истории России в научно-литературном наследии Е.В. Тарле». С 1979 по 1986 г. был деканом ФАД МГИАИ.

Начиная с 1982 г. в течение ряда лет читал спецкурс «Россия и Запад в русской историографии». Судя по спискам студентов, записывавшихся на этот спецкурс, он был одним из самых посещаемых спецкурсов в институте. Материалы спецкурса обобщены в двух интересных в источниковедческом плане учебных пособиях автора «Проблема истории России и стран Запада в освещении государственной школы» (1984) и «Россия и Европа: Обзор материалов по истории русской исторической мысли конца XVII – начала XX в.» (1985).

Небезынтересно сравнить программы спецкурсов, хранящиеся в архиве института, с изданными учебными пособиями по этим и другим спецкурсам, включая подготовленные автором данного очерка¹¹ и Л.И. Деминой, первой аспиранткой В.А. Муравьева. В 1983 г. она защитила кандидатскую диссертацию на оригинальную и совершенно не разработанную тему «Проблемы отечественной историографии в мемуаристике русских историков XIX – начала XX в.». Запомнились первое и второе обсуждения этой диссертации на кафедре. Тогда приходилось защищать не только методику исследования, предложенную диссертанткой и научным руководителем, но и саму постановку темы. Сегодня эта тема относится к числу приоритетных направлений в истории исторической науки и источниковедении историографии. В 1985 г. Л.И. Демина стала штатным преподавателем кафедры. В 1990 г. вышло ее учебное пособие по спецкурсу с тем же названием, что и диссертация.

Не менее интересно сравнить материал указанных спецкурсов и докторских диссертаций их авторов. Это позволит более полно представить процесс историописания, связь авторских особенностей с культурной традицией историографического «письма», определить первоначальный авторский замысел и специфику его трансформации в ходе работы над темой, наконец, обратиться к изучению механизмов формирования и функционирования исторической памяти и науки.

Восстановить полный список спецкурсов, состоявшихся в МГИАИ, а также не состоявшихся по тем или иным причинам, – довольно трудоемкое дело, но необходимое. Историографических спецкурсов было немного, в архивном фонде института сохранились сведения практически о каждом. Почти все историографические спецкурсы, объявленные в 1970–1980-х годах на кафедре отечественной истории досоветского периода, состоялись. Более того, многие из них были прочитаны также в ряде университетов и пединститутов Украины, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока¹².

Интересный комплекс архивных материалов и опубликованных историографических источников образовался при подготовке

учебного пособия «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1961. 3-й вып.). В издании 1971 г. этот труд стал единым, стабильным учебником для высшей школы. Вторая часть этого учебника (вторая его книга) «Историография истории СССР: Эпоха социализма» вышла в 1982 г. (М.: Высш. шк., 1982).

О насущной необходимости создания вузовского учебника по историографии отечественной истории говорилось в передовой статье «Об изучении истории исторической науки», написанной М.А. Алпатовым, Б.Г. Вебером и В.Е. Иллерицким (Вопросы истории. 1956. № 4). В тот год Иллерицкий уже сформировал авторский коллектив будущего учебника, началась интенсивная работа над текстами глав.

Введение и 10 глав из 31 в первой книге учебника были написаны самим Иллерицким. По его предложению Н.Л. Рубинштейн написал девять глав, И.К. Додонов – семь, по две главы написали И.А. Кудрявцев, С.О. Шмидт и Е.В. Чистякова¹³.

Главная заслуга в подготовке учебника, бесспорно, принадлежит В.Е. Иллерицкому и И.А. Кудрявцеву, они внесли большой личный вклад в его создание, были неутомимыми организаторами авторского коллектива. Первая часть вышла под редакцией В.Е. Иллерицкого совместно с И.А. Кудрявцевым. Участники проекта сочли своим долгом отметить в титульной библиографической аннотации (1971), что «большую помощь в подготовке текста учебника к изданию оказал канд. ист. наук В.А. Муравьев».

Следует заметить, что и вторая часть учебника (1982) вышла во многом благодаря стараниям В.А. Муравьева. Он взял на себя труд ответственного секретаря издания, после кончины В.Е. Иллерицкого фактически стал его ответственным редактором. В.А. Муравьев переработал тексты, написанные историками, ушедшими из жизни на момент редакционно-издательской подготовки второй части учебника к печати, существенно переработал и дополнил введение (в первом варианте это был текст В.Е. Иллерицкого); десятую главу – «Исследование проблем истории феодально-крепостнической России в современной советской историографии» (первоначально текст А.М. Сахарова), а также написанные ими части текста седьмой главы – «Изучение истории дооктябрьского периода в 1945 – конце 50-х годов». В.А. Муравьевым написаны обращение «От редколлегии» и девятая глава – «Развитие советской историографии истории СССР в 60–70-е годы». Он участвовал в создании семи из четырнадцати глав учебника.

Работа над учебником – показатель неформальной заинтересованности историка в повышении уровня преподавания истории,

вместе с тем это всегда особая страница научной биографии ученого, делающая его творческое наследие объектом пристального изучения не только историков, но и более широкого круга представителей науки и культуры. Не менее интересен источниковедческий анализ структурных частей, разделов и глав учебника, а также – как самостоятельный сюжет – анализ авторедактуры, редакторской правки на завершающем этапе подготовки текста к печати в плане самооценки по результатам предварительной критической оценки коллег. Очень показательным в этом отношении является введение к учебнику, та его часть, где В.Е. Иллерицкий дает более взвешенную (по сравнению с выступлением 11 марта 1948 г.) оценку учебника Н.Л. Рубинштейна. Здесь есть также краткие, но информативно насыщенные и эмоционально заряженные оценки других учебных пособий и обобщающих изданий по историографии отечественной истории, вышедших к тому времени.

Интересным аспектом изучения учебной литературы является проблема авторских подходов к освещению истории историографии, научных и дидактических приемов и методов, приоритетов и предпочтений, а также особенностей языка и стиля изложения материала. Кстати, этот вопрос чрезвычайно заботил В.Е. Иллерицкого как автора и редактора учебника 1971 г. На эту тему он размышлял в рецензии на книгу Л.В. Черепнина «Русская историография до XIX века. Курс лекций» (М., 1957). Любопытный факт: книга Черепнина была сдана в производство 30 октября 1956 г., подписана к печати 12 апреля 1957 г.; рецензия Иллерицкого была написана в предельно сжатые сроки, сразу же после выхода книги, что называется, на одном дыхании, и также оперативно опубликована (Вопросы истории. 1957. № 12).

Материалы, хранящиеся в архивном фонде МГИАИ, позволяют воссоздать атмосферу напряженной творческой работы над текстами отдельных глав учебника, причем в основном это сведения о работе над второй его частью – историографией истории СССР эпохи социализма. Обсуждение текстов глав этой части учебника было вынесено на ученый совет института. Такое решение было продиктовано временем, научной политикой в институте и стране в целом, но, главное, состоянием разработки истории историографии конца XIX – середины XX в.

В 1958 г. Е.А. Луцкий дважды (1 июня и 4 ноября) выступал на заседании совета с отчетом о работе над главой «Историческая наука в период борьбы за построение социалистического общества 1917–1930 гг.». В заключительном слове по итогам второго обсуждения он согласился с замечаниями коллег и представил новый вариант структуры данной главы, более четкий, акцентирующий

внимание студентов на основных направлениях и тенденциях развития исторической науки. Он, в частности, сказал: «Нужно показать основные этапы развития исторической науки, борьбу основных течений, основные мероприятия советского государства и коммунистической партии, посвященные исторической науке, отметить важные достижения в исторической науке, которые определили развитие исторической науки». И, продолжая, заметил: «Основной вопрос – это борьба марксизма-ленинизма с различными буржуазными теориями, борьба за утверждение марксизма-ленинизма в исторической науке»¹⁴. 15 мая 1959 г. на заседании кафедры истории СССР обсуждался первый вариант текста еще одной главы, написанной Луцким, – «Советская историческая наука в период Великой Отечественной войны и в сороковые годы» (рабочее название). Наиболее конструктивными, судя по второму варианту текста этой главы, оказались замечания Н.Н. Яковлева. Он так оценил эту главу: «В целом в ней все охвачено... Может быть, по некоторым вопросам надо будет внести исправления... оценить, что было положительного у Покровского и что было отрицательного»¹⁵. Последнее замечание носило принципиальный характер, призывало к объективной оценке деятельности М.Н. Покровского. Как известно, публично это было сделано лишь три года спустя, на XXII съезде КПСС в 1962 г.

Научная работа института в тот год была нацелена на изучение и воплощение в жизнь решений этого съезда.

6 февраля на ученом совете с докладом «О ликвидации последствий культа личности в вопросах истории Великой Октябрьской социалистической революции» выступал И.К. Додонов. Он отметил, что тема доклада и его проблематика определяются задачами, стоящими перед созданным в 1958 г. Научным советом по комплексной программе «История Великой Октябрьской социалистической революции». Выступившие в прениях Е.А. Луцкий, Н.Н. Яковлев, М.Н. Черноморский обратили внимание на «важность преодоления ошибочной методологии, навеянной культом личности Сталина»; необходимость трезвой оценки революции 1917 г., ее отдельных событий и истории в целом; выявление и публикацию новых материалов, а также на выработку новой концепции истории эпохи социализма¹⁶.

18 марта состоялось расширенное заседание ученого совета института совместно с представителями Института истории СССР АН СССР, на котором обсуждался доклад Е.А. Луцкого «М.Н. Покровский и советская историческая наука». В прениях выступили Е.Н. Городецкий, С.М. Дубровский, И.А. Кудрявцев, В.В. Максаков и С.О. Шмидт. Обсуждение шло долго и трудно. И.А. Кудрявцев,

как всегда, постранично отрецензировал текст, сделал немало любопытных замечаний, среди которых было и такое: «едва ли правильно Покровского в годы 1905–1917 оценивать как историка-марксиста»¹⁷.

В 1963 г. состоялось еще одно заседание ученого совета института, непосредственно связанное с ходом работы над второй частью учебника. 17 марта был заслушан доклад Л.М. Зак «Вопросы культурного строительства в СССР в советской историографии 1956–1962 гг.: между XX и XXII съездами КПСС»¹⁸.

В связи с подготовкой учебника нельзя не сказать о заседании ученого совета, посвященного 200-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Юбилейное заседание состоялось 28 ноября 1961 г. На нем был заслушан доклад И.К. Додонова «Исторические взгляды Ломоносова», в котором он поддержал точку зрения Б.Д. Грекова о роли Ломоносова в истории русской историографии и подчеркнул, что Ломоносов «занял место историка-патриота, историка-воина в борьбе с фальсификациями в русской истории. Он был проницательным исследователем русской истории»¹⁹. В.Е. Иллерицкий в своем курсе лекций подробно рассказывал нам, студентам, об этом заседании и развернувшейся на нем дискуссии, говорил и том, что небезынтересно проанализировать материалы этого заседания в числе других документальных комплексов, посвященных юбилейным датам в истории науки и их проведению в МГИАИ.

В середине – второй половине 1960-х годов оживилась работа по подготовке первой книги учебника, посвященной дооктябрьскому периоду. На заседании ученого совета института 22 марта 1966 г. Иллерицкий выступал с плановым отчетом о ходе этой работы, он выразил уверенность, что особых проблем с этой частью учебника не будет и уже можно планировать его сдачу в производство. Большую обеспокоенность, однако, вызвала у него вторая часть учебника, особенно послевоенный период истории исторической науки в СССР. В постановлении совета института была дана положительная оценка работы всех участников проекта. Ректор института Л.А. Никифоров подчеркнул: «*Исторический коллектив* (курсив мой. – М. М.) и сравнительно небольшой институт взяли на себя выполнение задачи, которая не выполняется и крупными учреждениями»²⁰.

Однако до окончания работы над второй частью учебника было еще далеко...

В 1973 г. на упоминавшейся выше Всесоюзной конференции преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов в Смоленске

В.Е. Иллерицкий выступил с докладом «Новый учебник “Историография истории СССР. Эпоха социализма”». Это был своеобразный итоговый «отчет». Иллерицкий рассказал о первоначальном замысле второй книги учебника, его авторском коллективе, в который входило семь преподавателей МГИАИ, подробно остановился на структуре учебника (два раздела, семь глав) и содержании каждой структурной части²¹. В самом начале своего выступления он авторитетно заявил, что работа над учебником завершена и его издание планируется на 1975 г.

Время распорядилось иначе. Учебник по историографии отечественной истории эпохи социализма вышел в 1982 г. в новой редакции, в новом структурном решении (три раздела, четырнадцать глав, насыщенных полезными в справочно-библиографическом отношении списками источников и литературы).

О трудностях, которые приходилось испытывать преподавателям МГИАИ в издании учебной и учебно-методической литературы, говорит и такой факт: одновременно с учебником, в конце ноября 1982 г., вышло учебное пособие Л.В. Волкова и В.А. Муравьева «Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х – конец 1950-х годов)». Его текст под редакцией В.Е. Иллерицкого был утвержден к печати советом МГИАИ 29 января 1979 г.

Сложная судьба была и у хрестоматии по историографии отечественной истории. Судя по архивным материалам, работа над хрестоматией началась в конце 1960-х годов с приходом на кафедру В.А. Муравьева. Одно из первых заседаний, на котором обсуждался вопрос об издании хрестоматии, так необходимой для ведения семинарских занятий, состоялось 28 декабря 1969 г. План-проект хрестоматии и особенно состав историографических источников вызвали живой интерес у присутствовавших²². По итогам обсуждения было принято решение готовить и публиковать материалы хрестоматии по частям, в виде отдельных выпусков. 28 декабря 1970 г. на кафедре обсуждался материал первой части (150 страниц) по историографии эпохи феодализма²³. Наконец 12 ноября 1973 г. эта часть хрестоматии была рекомендована к изданию. Но только через 11 лет, в 1984 г., она была опубликована и к тому же с сокращенным составом материалов. Причина – издательская норма тех лет: «не более 5 п. л.» для учебного пособия. На сборник материалов при издательской норме «от 6 п. л. и выше» у института не было средств²⁴.

В 1960–1980-х годах работа по совершенствованию преподавания дисциплины «Историография» в МГИАИ развивалась в тесном взаимодействии с другими научными и научно-педаго-

гическими центрами страны, параллельно с разработкой теории и методологии истории, развитием теоретического и прикладного источниковедения.

В архиве института хранятся тезисы интереснейших методологических докладов В.Е. Иллерицкого и его учеников. Так, 21 октября 1969 г., незадолго до выхода первой части учебника по историографии, Иллерицкий выступил на кафедре с докладом «Методологические основы курса “Историография истории СССР”». К этому времени уже было издано его новое методическое пособие по историографии для студентов-заочников. Через полгода на научно-методической конференции МГИАИ он выступал с докладом о методических основах курса «Историография истории СССР».

В сентябре 1973 г. программный доклад Иллерицкого «Основные итоги и ближайшие задачи историографической работы в МГИАИ» открыл первую историографическую конференцию преподавателей и аспирантов института. Проблема методики преподавания историографии волновала и В.А. Муравьева. 2 марта 1971 г. он предложил на обсуждение кафедры доклад на тему «Некоторые вопросы методики историографических исследований». Особое место в нем было уделено проблеме понимания предмета историографии в связи с развитием исторической науки, ее отраслевых и дисциплинарных полномочий, поднимался вопрос о периодизации и других принципиальных основах учебного курса историографии отечественной истории²⁵.

В 1970–1972 гг. В.А. Муравьев принимал активное участие в анкетировании вузов страны по проблеме постановки учебной, методической и научной работы в области историографии отечественной и всеобщей истории. Это был очень интересный совместный проект секции исторических наук научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР и научно-методического совета по истории Министерства просвещения СССР. Его результаты были изложены и проанализированы В.А. Муравьевым в докладе на всероссийской историографической конференции 1973 г. в Смоленске²⁶.

В.Е. Иллерицкий, В.А. Муравьев, В.И. Дурновцев представляли МГИАИ в головном совете по истории Минвуза РСФСР, Научном совете по проблеме «История исторической науки» Отделения истории АН СССР, на расширенных заседаниях ученого совета Института истории СССР АН СССР, в других специализированных научных советах. Эта страница истории мало известна сегодняшним студентам института, и не только им.

В 1977–1979 гг. Научный совет по проблеме «История исторической науки» Отделения истории АН СССР провел пять

«историографических сред», на которых обсуждались такие важные в теоретическом и историко-научном плане вопросы, как предмет и задачи историографии; понятие «историографический факт»; критерии анализа и оценки историографических фактов; классификация и использование историографических источников и др. На каждую «историографическую среду» собиралось до ста и более участников, академических и вузовских ученых, ведущих специалистов нашей страны в области источниковедения и историографии.

Большой резонанс в академических кругах вызвал, в частности, доклад В.И. Дурновцева «О содержании понятия “исторический факт”» на одной из «Историографических сред» (весна 1978 г.). К этому моменту вышел третий номер журнала «Вопросы истории» со статьей В.И. Дурновцева, В.Е. Иллерицкого и В.А. Муравьева «Итоги и перспективы издания Всесоюзного историографического ежегодника», где в числе других был поднят вопрос о разработке источниковедения историографии.

Вехой в истории историографии и источниковедения историографии стала конференция Научного совета по проблеме «История исторической науки» в Калинин в 1980 г. Ротапринтное издание «Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвузовский тематический сборник» (Редкол.: М.В. Нечкина (отв. ред.) и др. Калинин, 1980) сразу же стало редким (тираж 300 экземпляров был явно недостаточным). Содержание сборника требует специального изучения в плане анализа научной коммуникации источниковедения и историографии на концептуальном, авторском уровне. Здесь опубликованы тезисы докладов и сообщений 28 авторитетных советских историков (четверо из них – преподаватели МГИАИ В.И. Дурновцев, В.Е. Иллерицкий, А.Д. Степанский, С.О. Шмидт).

Характерно, что на этой конференции В.Е. Иллерицкий выступал в качестве оппонента В.И. Дурновцева. Тезисы его выступления «О толковании содержания историографического факта» – наглядный пример того, насколько учитель и ученик разошлись в понимании и трактовке этого аспекта теории, методологии и истории исторической науки. Иллерицкий говорил о том, что не следует сужать границы предмета историографии, критиковал «крайне жесткое и завышенное» понятие «историографический факт», предложенное Дурновцевым; подчеркнул также, что по-прежнему «защищает» наиболее раннее и самое удачное, на его взгляд, определение историографического факта, принадлежащее С.О. Шмидту (1965), «хотя теперь в него следует ввести некоторые поправки». Вместе с тем учитель принял и поддержал мысль ученика о необходимости

изучения иерархии историографических фактов, чтобы более точно трактовать сущностные параметры концепции – главного, по мнению обоих, историографического факта²⁷.

С.О. Шмидт в докладе «О некоторых общих проблемах истории исторической науки» в числе других оригинальных соображений высказал мысль о пользе введения понятия «научно-историографический факт» и обосновал свое отношение к этой понятийной категории с позиции истории исторической науки и исторической мысли. Таким образом, ранее предложенное С.О. Шмидтом определение источниковедения историографии как подкласса исторического источниковедения (1969) было дополнено новым содержанием, выводящим исследователей за пределы традиционного источниковедения – на междисциплинарный уровень²⁸.

В октябре 1978 г. В.А. Муравьев выступил на очередной «Историографической среде» с докладом «Рецензия как историографический источник». В определенном смысле это было новое слово в разработке проблематики историографических жанров. Впервые эта проблема была поставлена в качестве самостоятельной в статье М.В. Нечкиной «Монография: ее место в науке и в издательских планах» (Коммунист. 1965. № 9). Реакция на доклад В.А. Муравьева последовала незамедлительно (Вопросы истории. 1978. № 12).

В декабре 1979 г. коллектив кафедры истории СССР досоветского периода МГИАИ собрался на юбилейное заседание в честь 30-летия преподавания историографии в институте. В.Е. Иллерицкий, Р.В. Макарова, Т.М. Кириченко выступили с воспоминаниями о наиболее важных в научном отношении историографических разработках, осуществленных на кафедре в 1949–1979 гг. В.И. Дурновцев сделал доклад «Учебники и учебные пособия по историографии отечественной и всеобщей истории (опыт сравнительного анализа)». В.А. Муравьев выступил с докладом «К вопросу о периодизации курса историографии истории СССР».

К теме нашего очерка имеет непосредственное отношение еще один его доклад. 29 января 1982 г. в связи с подготовкой к 50-летию Историко-архивного института В.А. Муравьев выступил с докладом «Развитие историографических исследований в МГИАИ», в котором с благодарностью говорил о И.А. Кудрявцеве и В.Е. Иллерицком, оценил вклад кафедры в разработку историографических исследований, рисовал перспективу курса историографии в вузе, высказал мысль о необходимости разработки принципиально новых учебников по историографии отечественной и всеобщей истории, новых учебных пособий и учебно-методических материалов в помощь студенту.

Важными источниками для понимания роли и значения учебника по историографии отечественной истории, подготовленного в Историко-архивном институте, и более широко – для изучения роли научно-педагогической школы, сложившейся в институте, могут служить материалы Всесоюзного совещания историков о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (Москва, 18–21 декабря 1962 г.), сборники материалов всесоюзных историографических конференций в Томске (1976), Калинин (1978), Москве (1978), Риге (1979), Воронеже (1981) и др. Следует отметить также сборники межвузовских научных конференций в Петрозаводске (1985) и Калинин (1989). В работе этих конференций принимали участие преподаватели МГИАИ.

Источниками по истории теоретического источниковедения, включая развитие источниковедения историографии, являются сборники под общим названием «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Они выходили в виде отдельных томов «Трудов Томского государственного университета» (т. 166, 173, 178, 187, 183).

Нельзя не отметить издания материалов научных и научно-практических конференций и семинаров, проходивших в 1960–1980-х годах на базе Днепропетровского, Воронежского, Киевского, Московского, Омского, Петрозаводского, Тверского, Томского, Уральского университетов. Между ними и Историко-архивным институтом установились прочные научно-педагогические связи, наметилось взаимодействие в разработке актуальных проблем источниковедения и историографии отечественной истории. И это еще одна тема для специальной статьи или даже более крупного исследования. Анализ содержания вузовских историографических сборников, а также материалов источниковедческих конференций, проводившихся в МГИАИ, позволит предметно говорить о научной коммуникации тех лет.

Правда, во второй половине 1980-х годов многие межвузовские конференции проходили без непосредственного участия преподавателей МГИАИ: научные командировки профессорско-преподавательского состава института за счет госбюджетных средств были существенно ограничены, а затем и вовсе прекращены. Однако это обстоятельство, как и некоторые другие, связанные с административной и организационной перестройкой в институте, не помешали дальнейшему совершенствованию преподавания историографии и источниковедения историографии в МГИАИ.

В 1976 г. при МГИАИ начал работать специализированный совет по защите докторских диссертаций по специальности «Исто-

риография и источниковедение». На внешний отзыв и непосредственно в совет на защиту стали поступать кандидатские и докторские диссертации из регионов – университетов, пединститутов, различных научных и культурных учреждений страны. Сохранились кафедральные протоколы и стенограммы обсуждения историографических диссертаций известных сегодня историков, работающих в вузах, архивных учреждениях, академических институтах России и стран СНГ: В.А. Бердинских, А.Г. Болебруха, Г.И. Желтовой, Е.Б. Заболотного, В.Н. Иванова, И.И. Колесник, А.А. Севастьяновой, М.А. Соловьевой, В.И. Усанова и многих других.

«Дело соискателя ученой степени» – специфический комплекс источников, раскрывающий не только «внутреннюю коммуникацию» научно-педагогического сообщества (отношения между коллегами в вузе, на факультете, кафедре), но и более широкую научно-коммуникативную связь академических и вузовских структур и непосредственно ученых, построенную, как правило, на личных, реже производственных, отношениях. Особенно хорошо это видно на примере кафедральных документов: протоколов и стенограмм заседаний кафедры, на которых обсуждались отдельные главы, первоначальный и окончательный варианты текста диссертации, а также на примере отзывов кафедральных и официальных оппонентов, ведущей организации.

На кафедральных обсуждениях в большей степени, чем на защите диссертации, историк «открывает себя», идентифицирует свой потенциал в научном сообществе и более узком кругу специалистов, наиболее компетентных в теме его исследования. Конечно, эти документы порой очень несовершенны, ведь запись выступлений обычно ведет неопытная лаборантка, вчерашняя школьница, однако и это обстоятельство интересно для источниковеда как фактор трансляции и ретрансляции научной мысли. Сравнивая записи первого и второго обсуждений диссертации, можно установить, насколько понятнее, доступнее становится проблематика темы диссертации непосвященному слушателю, той же лаборантке и, следовательно, насколько важна для диссертанта и его оппонентов эта сторона историографического творчества.

Отметим наиболее яркие диссертационные работы выпускников МГИАИ по источниковедению журнальной историографии, которое родилось в качестве самостоятельного, перспективного направления именно у нас в институте.

Это диссертация А.Д. Зайцева ««Русский архив» – исторический журнал (1863–1917): история собирания, организации и издания исторических материалов» (1981) и его замечательные статьи и монографии, в которых подняты серьезные теоретические

и практические вопросы, связанные с разработкой источниковедения журнальной историографии и целого ряда других научных направлений исторической науки²⁹. Особенно интересна в плане перспектив журнальной историографии статья А.Д. Зайцева «Исторический журнал как предмет источниковедческого изучения (некоторые наблюдения)» (1994).

Это диссертация В.Ю. Афиани «Публикация исторических источников в отечественных журналах первой трети XIX в. (Опыт историографического изучения)» (1982). Его статьи в «Археографическом ежегоднике» за 1988–1989 гг. и многие другие публикации широко известны в нашей стране и за ее пределами. На них постоянно ссылаются не только историки, но и литературоведы, историки журналистики, а также историки культуры.

Это докторская диссертация В.П. Козлова «Русская археография конца XVIII – первой четверти XIX в.» (1989), положенная в основу его книги (1999), и более ранние его монографии о Румянцевском кружке (1981) и «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников (1989). Их можно назвать следующим, после диссертации И.А. Кудрявцева, крупным шагом в разработке журнальной историографии рубежа XVIII–XIX вв. Сегодня источниковедение историографии успешно развивается в ИАИ РГГУ под руководством С.О. Шмидта при участии и содействии учеников, воспитанников, последователей «школы С.О. Шмидта», выпускников МГИАИ разных лет – преподавателей института и других вузов, сотрудников академических научных и архивных учреждений, музеев и библиотек, представителей средств массовой информации. Это А.И. Аксенов, В.Ю. Афиани, В.Д. Банасюкевич, И.Л. Беленький, В.В. Белецкая, Л.И. Демина, А.В. Елпатьевский, С.С. Илизаров, Р.Б. Казаков, С.М. Каштанов, В.Ф. Козлов, Н.Н. Митрофанов, М.М. Мухамеджанов, Е.Ю. Наумов, Г.П. Присенко, Е.Б. Рашковский, Е.В. Старостин, Н.В. Серeda и В.Н. Серeda, И.С. Фесуненко, Е.Н. Швейковская, Л.И. Шохин и многие другие.

Яркий след в разработке отечественного источниковедения и историографии оставили безвременно ушедшие из жизни А.А. Амосов, А.Д. Зайцев, В.В. Кабанов, Г.И. Королев, М.П. Лукичев, В.А. Муравьев, Ю.Я. Рыбаков, Е.С. Сизов, А.Л. Станиславский.

Методику работы с историографическими источниками внедряют в практику преподавания источниковедения и историографии в государственных университетах классического типа и педуниверситетах России и стран СНГ Д.В. Карев, В.Н. Козляков, Л.В. Малиновский, А.А. Севастьянова, Л.И. Сизинцева, В.Е. Туманов, М.Ф. Шумейко, С.В. Шумихин и другие.

В известном, увы, далеко не полном словаре А.А. Чернобаева «Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории» (1-е изд. – 1998, 2-е изд., испр. и доп. – 2000) С.О. Шмидта назвали своим вторым учителем практически все ученики В.Е. Иллерицкого, а также многие другие выпускники МГИАИ, ныне известные историки, сотрудники академических институтов, архивных учреждений, преподаватели вузов. Интереснейший анализ содержания этого словаря провел Б.Г. Литвак в одной из последних своих работ по источниковедению историографии, опубликованной в сборнике его трудов «Парадоксы российской историографии на переломе эпох» (СПб., 2002).

Б.Г. Литвак не раз подчеркивал, что работы С.О. Шмидта (статьи, выступления, сообщения, доклады, рецензии, аналитические и мемориальные материалы об историках) всегда были и являются замечательным обучающим комплексом историографических источников. Говоря о статьях Шмидта, его докладах и выступлениях на конференциях и совещаниях, академик Д.С. Лихачев заметил: «Автору ближе всего исследования в малых формах. Но как много среди них работ с постановкой новых вопросов, определяющих пути развития разных областей исторического знания, и с ответами на уже дискутировавшиеся проблемы! И как много статей дискуссионного характера, особенно о предмете и задачах фундаментальных наук – источниковедения, историографии, археографии»³⁰.

Заслуживает специального изучения и такой комплекс источников, как редакционно-издательские материалы по подготовке историографических обзоров и публикации на страницах «Археографического ежегодника», в первую очередь это авторские тексты до и после редакторской правки, а также корректурные листы и верстка. Интересным в этом плане представляется такой сюжет: «Археографический ежегодник» и его авторы – преподаватели, аспиранты, студенты МГИАИ – ИАИ РГГУ. Первый шаг в изучении этой темы сделан С.В. Чирковым в обзоре «Проблемы историографии в трудах Археографической комиссии», он опубликован в «Археографическом ежегоднике за 1996 год» (М., 1998).

На протяжении всего очерка мы неоднократно обращались к «Трудам МГИАИ». О них как об источнике по истории становления и развития историографии и источниковедения историографии в Историко-архивном институте нужно говорить особо. Из 470 опубликованных в «Трудах МГИАИ» (1946–1976. 32 т.) статей, очерков, аналитических обзоров более тридцати – историографические, более ста – источниковедческие. Полностью историографические 22-й (1965) и 30-й (вып. 1, 1974) тома этого издания представляют самостоятельный научный интерес.

После 20-летнего перерыва в 1996 г. вышел очередной 33-й том трудов Историко-архивного института, в нем опубликованы теоретические и прикладные исследования, в основном историографические и историко-архивоведческие, принадлежащие авторам, представляющим новое поколение преподавателей ИАИ РГГУ. И это уже другая «эпоха» в истории исторической науки и историографии как учебной дисциплины в стенах института.

В 1990-х годах начался процесс методологического и методического переоснащения исторической науки, научно-дисциплинарной сферы гуманитарного знания. Существенно изменилось само понимание предмета историографии как специальной отрасли исторической науки и учебной дисциплины. Курс отечественной историографии «растворен» теперь в составе курса истории исторической науки, который в ИАИ РГГУ читают преподаватели, вышедшие из разных научно-педагогических школ, представляющие разные научные, теоретические и методические подходы к изучению и преподаванию этой дисциплины. На факультете архивного дела (ФАД) – В.А. Муравьев (до октября 2009 г.) и автор данного очерка. На факультете истории, политологии и права (ФИПП) – А.П. Логунов, Н.В. Иллерицкая, Е.В. Барышева и другие преподаватели.

При общей тенденции к сокращению числа аудиторных занятий на освоение учебной программы по той или иной дисциплине, на лекционный курс и семинарские занятия по истории исторической науки отводится недопустимо малое число часов. Так, на ФАДе рабочий учебный план на 2006/07 уч. г. предусматривал годовой лекционный курс в объеме 46 ч (23 лекции) и семинары – 14 ч (7 занятий). Еще недавно курс историографии отечественной истории входил в программы и учебные планы факультета документоведения, теперь его нет...

И это происходит тогда, когда решительно видоизменяется корпус историографических источников; существенно меняется соотношение малых и больших форм «историописания» в творчестве ученого; разительно изменились язык, стиль, построение исторического нарратива. Электронные версии текстов (электронные журналы, электронные учебники по истории, материалы интернет-конференций и проч.) быстро завоевывают статус эффективных научно-коммуникативных форм трансляции исторических знаний, становятся главными источниками, определяющими саморазвитие исторической науки, формирующими историческую память и научно-исторические знания нового поколения исследователей, молодых ученых, историков-любителей, всех интересующихся историей и ее изучением.

Компьютер принципиально изменил не только технику «письма» (технологии историописания), но и сам процесс мыслительной деятельности ученого, его исследовательский инструментарий.

Одним словом, прошедшее десятилетие заслуживает специального изучения, специального анализа историографических источников. Нам крайне важно было сохранить и обобщить то, что было накоплено предыдущей эпохой, создано нашими учителями. В очерке отмечены основные виды и комплексы источников, опубликованные и архивные материалы, требующие дальнейшего серьезного изучения.

Хочется надеяться, что «университетскую историографию», активно разрабатываемую в странах Западной Европы, а в последнее время и у нас в России³¹, пополнят новые исследования крупных форм, посвященные Историко-архивному институту, профессии историка-архивиста, роли архивных собраний, коллекций, отдельных видов источников в развитии историографии и истории историографии, истории исторической мысли и исторической науки в России.

Историография и архивы нераздельны в работах представителей научно-педагогической школы историографии и источниковедения МГИАИ – ИАИ РГГУ, в этом ее главная отличительная особенность.

Примечания

- 1 ЦМАМ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 897. Л. 5.
- 2 Там же. Д. 975. Л. 1–24. Материал лекции был обобщен в статье «Некоторые вопросы истории первой русской революции в трудах В.И. Ленина и в советской историографии» (Ленин и историческая наука: Сб. ст. М., 1968), а также в другой статье Н.Н. Яковлева – «В.И. Ленин как историк первой русской революции» (История и историки: Историогр. ежегод. за 1970 г. М., 1972).
- 3 Цит. по: Мельник А.Н. Творческие материалы личного фонда И.А. Кудрявцева // Археогр. ежегод. за 1984 г. М., 1986. С. 289.
- 4 Там же. С. 287.
- 5 Материалы научно-методической конференции МГИАИ (30 марта – 1 апреля 1970 г.). М., 1970. С. 9–11.
- 6 ЦМАМ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 529.
- 7 Бржостовская Н.В. Труды Ю.Ф. Кононова по истории архивного дела // Археогр. ежегод. за 1973 г. М., 1974. С. 264.
- 8 Шмидт С.О. Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии // Вопросы историографии в высшей школе (Всесоюз. конф.

- преподавателей историографии ист. СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. ин-тов. Смоленск, 31 янв. – 3 февр. 1973 г.) / Редкол.: М.В. Нечкина (отв. ред.) и др. Смоленск, 1975. С. 170–181.
- 9 Алексеева Г.Д., Вандакловская М.Г. Кандидатские диссертации по отечественной историографии (1965–1972) // Вопросы историографии в высшей школе... С. 125–126.
- 10 Муравьев В.А. Примерная программа дисциплины «История исторической науки» // Историко-архивоведение: Специальность 020800: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента (циклы общепрофессиональных дисциплин и дисциплин специальности) / Редкол.: Минаев В.В. (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2003. С. 571–614. По словам С.О. Шмидта, эта программа стала «главным побудительным толчком» для подготовки большой статьи постановочного типа «Размышления об “историографии историографии”», опубликованной в «Исторических записках» (М., 2005. № 8 (126)).
- 11 Мохначева М.П. Проблемы истории России в освещении публицистов-демократов (по изданным и архивным материалам). М., 1984; Курукин И.В., Мохначева М.П. Проблемы истории России в консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в. (Журнал «Русский вестник», 1856–1906). М., 1990.
- 12 Демина Л.И., Мохначева М.П., Муравьев В.А. Историографическая школа Историко-архивного института // Высшая школа в преддверии XXI века: Тез. докл. науч. конф., посвященной 75-летию Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 16–17 окт. 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 24–26.
- 13 Поскольку выпуски учебного пособия 1961 г. стали библиографической редкостью, приведем их содержание и состав авторов. Вып. 1 «Русская историография до XIX в.» состоит из восьми глав. Главы 1 и 2 о развитии исторических знаний в России до XVII в. написаны С.О. Шмидтом. Глава 3 «Русская историография XVII и первой четверти XVIII в.» принадлежит Е.В. Чистяковой, главы 4–8 о русской историографии XVIII в. написаны Н.Л. Рубинштейном. Вып. 2 «Русская историография периода кризиса феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений» состоит из семи глав, четыре из них написаны Н.Л. Рубинштейном, две – В.Е. Иллерицким, одна – И.А. Кудрявцевым. Вып. 3 «Русская историография эпохи империализма» включает пять глав, четыре из них написаны И.К. Додоновым, одна – А.С. Рословой.
- 14 ЦМAM. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 1117. Л. 42.
- 15 Там же. Д. 1465. Л. 51.
- 16 Там же. Л. 1–75.
- 17 Цит. по: Мельник А.Н. Указ. соч. С. 288.
- 18 ЦМAM. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 1585. Л. 1–146. В дальнейшем текст этого доклада стал составной частью монографии Л.М. Зак «История советской культуры»

- (М., 1981), а также написанной ею для пятого тома «Очерков истории исторической науки» (М., 1985) специальной историографической главы «Изучение истории культурного строительства в СССР».
- 19 ЦМAM. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 1465. Л. 35.
- 20 Там же. Д. 1941. Л. 40–87.
- 21 *Иллерицкий В.Е.* Новый учебник «Историография истории СССР. Эпоха социализма» // Вопросы историографии в высшей школе... С. 237–239.
- 22 И.А. Кудрявцев предложил выделить материалы по истории историографии народов СССР в отдельную книгу. В.Е. Иллерицкий не согласился с этим предложением, долго разъяснял свою позицию, говорил о необходимости взвешенного подхода к отбору источников и содержанию каждой структурной части хрестоматии, в частности рекомендовал вставить в раздел по XVIII в. фрагменты из «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова, а также ряд других исторических сочинений, изданных Российской академией наук (ЦМAM. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 2395. Л. 30).
- 23 Там же. Д. 3503. Л. 51.
- 24 *Мохначева М.П., Муравьев В.А.* Историография истории СССР с древнейших времен до конца XVII века. М., 1984. Затем с участием Л.И. Деминной вышли две другие части хрестоматии по XVIII и XIX вв. (М., 1988, 1990). Заключительный, четвертый, выпуск хрестоматии «История исторической науки в дореволюционной России» вышел в 1991 г. Материалы первого выпуска легли в основу подготовленных на кафедре источниковедения и историографии Днепропетровского госуниверситета «Методических указаний к практическим занятиям по курсу историографии истории СССР с древнейших времен до XVIII века» (Сост.: А.Г. Бoleбрух, Н.П. Ковальский, М.П. Мохначева, В.А. Муравьев, Ю.А. Мыцык. Днепропетровск, 1984).
- 25 ЦМAM. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 2503. Л. 45.
- 26 *Муравьев В.А.* О преподавании историографии истории СССР и всеобщей истории на исторических факультетах университетов и педагогических институтов (по материалам анкетных обследований) // Вопросы историографии в высшей школе... С. 110–123.
- 27 Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвуз. темат. сб. Калинин, 1980. С. 75–76; *Шмидт С.О.* О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1965. Т. 22: Историография истории СССР / Под ред. В.Е. Иллерицкого. С. 3–49.
- 28 *Шмидт С.О.* Теоретические проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и метод. проблемы. М., 1969. С. 265–267.
- 29 Памяти Андрея Дмитриевича Зайцева // Археогр. ежегод. за 1998 г. М., 1999. С. 239–261. Некролог опубликован в «Археографическом ежегоднике за 1997 год». См. также: Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенев. М., 1989; *Он же.* Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М., 2001.

М.П. Мохначева

- ³⁰ *Лихачев Д.С.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности С.О. Шмидта // Мир источниковедения: (Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта) / Редкол.: А.Д. Зайцев и др. М.; Пенза, 1994. С. 8.
- ³¹ Достаточно назвать фундаментальные монографии выпускника МГИАИ 1962 г. А.Е. Иванова: «Высшая школа России в конце XIX – начале XX века» (М., 1991), «Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г.» (М., 1994), «Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба» (М., 1999), «Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации» (М., 2004).

Д.А. Добровольский

«ЯКОЖЕ И ПРАРОДИТЕЛИ НАШИ ПОГЫНУША»: К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ XI – НАЧАЛА XII В.

Идея общих корней и единых предков представляется системообразующим элементом этнического самосознания. Однако в древнерусском летописании XI – начала XII в. встречаются лишь два упоминания о предках тех, кого летописец относит к «своим». Появление обоих этих фрагментов следует связывать с составлением Повести временных лет, а в летописании XI в. таких упоминаний не было вовсе. Очевидно, этничность не имела системообразующего значения для самоидентификации древнерусских книжников XI – начала XII в.

Ключевые слова: Древняя Русь, летописание, текстология, этническое самосознание, самоидентификация.

В современном русском слове «народ» отчетливо слышится корень *-rod-*, как если бы принадлежность к определенному этносу была производной от происхождения человека. Генетическая взаимосвязь двух имен существительных представляется совершенно очевидной. Такая же связь прослеживается в латинском *patio*, которое считается «семантической аналогией» разбираемого русского слова¹ и стало основой для существительных со значением «нация» в английском, немецком, французском и других новоевропейских языках.

Едва ли необходимо доказывать, что ссылки на «голос крови» и «заветы предков» являются важнейшей составляющей националистического и почвеннического дискурсов. Однако данная идея важна не только для обоснования крайней ксенофобии, но и для относительно «мирного» раскрытия идеи нации как таковой. В романе Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939) уроженцы Оклахомы, которых всячески унижают в Калифорнии, говорят о себе: «Мы не

какие-нибудь чужаки. У нас уже семь поколений родилось и выросло в Америке, а если копнуть поглубже, так там ирландцы, шотландцы, немцы, англичане. Один наш предок сражался за революцию, а сколько участвовало в гражданской войне – и с той и с другой стороны. Мы американцы»². Назвать своих предков значит здесь декларировать принадлежность не только к соответствующей семье, но и к определенному народу.

Более того, в русскоязычной научной традиции приняты сложные дефиниции этноса, включающие множество элементов и предполагающие соответственно комплексный характер определяемого объекта. «Собственно этнос <...> может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)», – писал ведущий советский этнолог Ю.В. Бромлей³. «Этничность <...> – это представление о наследуемой групповой солидарности, основанное на представлениях же об общих (не всегда реально общих) происхождении, исторических судьбах, интересах и культуре», – продолжают современные авторы⁴. Тезис о комплексности изучаемого феномена пережил даже смену фундаментальной этнологической парадигмы, связанную с распространением конструктивистских подходов, в рамках которых этнос воспринимается уже не как объективно существующая совокупность (ср. определение Ю.В. Бромлея), а как идеологический конструкт, имеющий весьма ограниченную реальную основу.

Рассмотренные в общем и целом, такие комплексные определения представляются очень взвешенными и сбалансированными. Однако на практике выясняется, что разграничивать народы по языковому критерию можно далеко не всегда, территориальное единство может быть очень важно на ранних стадиях сложения этносов, но в дальнейшем ослабевает, единство политическое и культурное желательны, но далеко не всегда достижимы и т. д. Не удастся отделить этносы от прочих форм человеческого объединения и по наличию у рассматриваемой группы сразу нескольких из упоминаемых специалистами признаков, поскольку сопряжение религиозного и политического принципов объединения образует «на выходе» теократическое государство, внутри которого может существовать любое количество этносов, а географическая близость, как правило, способствует культурному обмену, но единый этнос возникает из этого сочетания далеко не всегда.

Судя по всему, называемые в литературе признаки этноса далеко не равнозначны.

С другой стороны, для потестарных структур единство происхождения подданных и правителей существенного значения не имеет. Наоборот, ключевым результатом спора о «норманнской легенде» стало открытие того, что с точки зрения традиционного сознания иметь правителя «из своих» могло быть даже менее престижно и перспективно, чем находиться под управлением приглашенных на трон чужеземцев⁵. Несколько большее значение принадлежит проблемам происхождения в формировании религиозных общностей, поскольку верования (или неверие) родителей являются важным элементом воспитания детей. Вместе с тем мировые религии потому и могут именоваться мировыми, что всячески подчеркивают свой общечеловеческий, а соответственно и надэтнический характер: «нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол 3: 11). Видимо, наличие общих корней приобретает системообразующее значение лишь в некоторых специфических общностях, которые и следует противопоставить всем прочим, используя для этого особый термин «этнические». Но это значит, что и уровень развития этнического самосознания можно определять по тому, насколько часто человек вспоминает о корнях своего народа, его происхождении и общих предках, пусть даже легендарных. Интересно установить, когда такого рода самосознание сформировалось у древнерусских летописцев XI – начала XII в.

Тема отцов и дедов периодически звучит в речах героев летописного рассказа. В частности, в статье 6494 (986) г. Владимир Святославич отсылает проповедников-«немцев» со словами «идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть», а пришедшие вслед за немцами «жидове козарьстии» сами вспоминают о своих предках: «Разгнѣвася Богъ на отци наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших, и предана бысть земля наша хрестьяномъ»⁶. Отдельного внимания заслуживает, кроме того, формула *мы от рода рускаго*, фигурирующая в начале договоров Олега и Игоря с Византией⁷. И.В. Ведюшкина полагает, что подобные фрагменты могут привлекаться к изучению идентичности летописцев, поскольку «авторская позиция нередко выражается и прямой речью, и цитатами»⁸. Кроме того, реплики персонажей рассматриваются исследовательницей как опосредованное отражение «общественных представлений» (или даже «массового сознания», хотя вопрос о применении понятия «масса» к средневековому материалу остается открытым)⁹. Такой подход не лишен оснований, особенно в тех случаях, когда речь идет о деятелях, несомненно симпатичных

летописцу, как, например, Изяслав или Всеволод Ярославичи. Однако рядом с положительными героями на страницах Повести временных лет выступают фигуры более сложные, к примеру племянник Изяслава и Всеволода Олег Святославич, чьи речи и поступки вызвали иной раз весьма интенсивное порицание: «Олег же, възприимъ смыслъ буи и словеса величава, рече сице: “Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом”, и не възхотѣ ити к братома своима, послушавъ злых свѣтникъ»¹⁰. В некоторых случаях летописец даже иронизирует над словами персонажей. Так, записанные под 6611 (1103) г. обещания половецких ханов завоевать все русские города сбываются, но по отношению к самим степнякам:

Слова ханов

И рѣша унѣишии Урусобѣ: «Аще ты боишия руси, но мы ся не боимъ, сия бо избивше, поидем в землю ихъ и приимемъ грады ихъ, и кто избавитъ и от насъ»¹¹.

Рассказ о победе русских войск

Богъ великыи вложи *ужасть велику* в половцѣ, и *страх нападе на ня и трепеть* от лица русских вои <...>. И рече Володимерь: «Съ днь, иже створи Господь, възрадуемъ и възвеселимся во нь, яко *Господь избавиль ны е от врагъ наших*, и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и даль еси сих брашно людем русьскимъ»¹².

Было бы не вполне осторожно трактовать подобные выступления как выражение позиции самого летописца.

Важно соблюсти и еще одно ограничение, связанное с тем, что основу самосознания составляет, несомненно, чувство групповой солидарности, именуемое также «чувством-мы», а выраженное в летописи «чувство-мы» далеко не всегда распространялось на понятия «Русь» и «русский». Напротив, в статье 6360 (852) г. о руси говорится не в первом, а в третьем лице, как о чужом летописцу народе: «при семь цари приходиша русь на Царьгородъ, яко пишется в лѣтописаньи гречьстѣмъ»¹³. Такую же картину можно наблюдать в известии 6374 (866) г. о походе Аскольда и Дира на Константинополь: «абы буря вѣста с вѣтромъ и, волнамъ вельямъ вставшемъ, засобъ безбожных руси корабль смяте, и к берегу приверже, и избия, яко мало их от таковыя бѣды избѣгнути и въ свояси възвратишас [так! – Д. Д.]»¹⁴. До какой-то степени появление подобных пассажей может объясняться воздействием византийских образцов,

«Якоже и прародители наши погынуша»: к вопросу об этническом самосознании...

однако и в относительно «оригинальных» фрагментах летописного рассказа книжники тоже не всегда ассоциируют «своих» с «русскими», особенно если речь идет о языческих временах: «и поиде Святославъ на греки, и изидоша противу руси, видѣвше же русь убояшася зѣло множества вои»¹⁵, «и оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьюми земля руска и холмо-тъ»¹⁶; ср. в статье 6500 (992) г.: «заутра же приѣхаша печенѣзи, и свои мужъ приводоша, и въ наших не бысть»¹⁷. Очевидно, «наши» и «русские» для XI – начала XII в. это еще не одно и то же, а значит, и при изучении самосознания летописцев следует ориентироваться только на те фрагменты, где присутствуют местоимения *мы* и *нашъ* или по крайней мере появляются глаголы в соответствующих грамматических формах.

В свою очередь, если принимать во внимание только те места текста, в которых книжник говорит от собственного имени, пользуясь грамматическими формами первого лица множественного числа, то обнаружится, что сформулированному выше пониманию этничности соответствуют всего лишь два относительно небольших по объему отрывка. Первый находится в конце Сказания о славянской грамоте, помещенного в Повести временных лет под 6406 (898) г.:

тѣмже и словеньску языку учитель есть Павель, *от негоже языка и мы есмо, русь*, тѣмъ и нам, руси, учитель есть Павель, понеже учил есть языкъ словескъ и поставилъ есть епископа и намѣсника въ себѣ мѣсто Андроника словеньску языку, а словеньскый языкъ и рускый – одно, от варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене, аще и поляне звахуся, но словеньскаа речь бѣ¹⁸.

Второй расположен в эпитафии князя Владимира Святославича, читающейся под 6523 (1015) г.:

мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью, аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, *якоже и прародители наши погынуша*¹⁹.

Других формулировок, в которых можно, хотя бы с известными допущениями²⁰, увидеть упоминание о предках и прародителях летописца и его соотечественников, в тексте Повести временных лет нет. Дошедшие до нас источники позволяют определить момент включения в летопись обоих указанных фрагментов.

Применительно к Сказанию о славянской грамоте данная задача решается обращением к Новгородской I летописи младшего извода, где отсутствует не только само это Сказание, но и вся статья 6406 (898) г. в целом. По А.А. Шахматову, такое соотношение текстов однозначно свидетельствует о том, что отсутствующий в новгородской традиции фрагмент был внесен в состав летописи только во втором десятилетии XII в., в момент создания (или даже редактирования) собственно Повести временных лет. Иначе говоря, Сказания не было даже в так называемом Начальном своде конца XI в.

Правда, текстологические концепции А.А. Шахматова неоднократно подвергались критике, и во многом эта критика представляется справедливой. Многие элементы предложенной ученым схемы признаются сегодня разве что «достоянием» традиционно консервативных «университетских курсов»²¹. В то же время тезис о первичности значительной части текста Новгородской I по отношению к сопоставимым фрагментам Лаврентьевской, Радзивилловской и Ипатьевской доказывается целым рядом разноплановых аргументов, причем немалую роль занимают сугубо формальные соображения лингвистического характера²². Видимо, Сказание о славянской грамоте (а вместе с ним и рассуждение об апостоле Павле и его «наместнике» Андронике) было внесено в состав летописи только при составлении Повести временных лет.

Сложнее обстоит дело с фрагментом, находящимся в статье 6523 (1015) г. В новгородской летописи этого фрагмента нет, как и большей части эпитафии Владимиру Святославичу вообще²³. Более того, самый короткий вариант надгробного слова содержится в Лаврентьевской²⁴. А.А. Шахматов полагал, соответственно, что похвальное слово о крестителе Руси было расширено даже не при составлении ПВЛ, а при редактировании ее в 1118 г., а то и позднее – вплоть до момента составления так называемого Полихрона митрополита Петра (начало XIV в.).

Вместе с тем «новгородский» вариант эпитафии Владимиру не просто оказывается короче, чем «ипатьевский», но и заканчивается бессмысленной формулировкой, представляющей собой, скорее всего, результат искажения первоначального текста: «Мнози бо праведнии творяще, по правдѣ живуще, погыбают, нь воздати комуждо противу трудом и неиздреченою радостью, [юже] буди улучити всѣмъ крестианомъ». С другой стороны, в Новгородской I содержится ряд фраз, незнакомых Лаврентьевской, но присутствующих в Ипатьевской, а именно – пояснение к цитате из Рим 5:20, гласящее: «Аще бо въ невѣжествѣ етера согрѣшениа быша, послѣди же расыпашася покаяниемъ и милостинями, якоже глаголетъ: “в нем же ты застану, в том же ты сужю”, якоже пророкъ глаго-

леть: “живу азъ, Адоиаи Господь, яко не хощу смерти грѣшникомъ, нь обратитися имь от пути вашего злаго”. Мнози бо праведнии творяще, по правдѣ живуще, погыбають»²⁵. Иначе говоря, в сущности все три летописи передают один и тот же вариант эпитафии, хотя и в разной степени сохранности. Значит, либо восприятие «наших» как народа было характерно не только для книжников второго десятилетия XII в., но и, как минимум, для летописца конца предыдущего, XI в., либо Новгородская I летопись испытала какое-то вторичное воздействие со стороны списка Повести временных лет.

О.В. Творогов (который, собственно, и предложил вновь задуматься о столь нетривиальном соотношении летописей в передаче обсуждаемой части известия 6523 г.) об эпитафии Владимиру пишет мало, однако вся структура рассуждений ученого такова, что первоначальным следует признать именно максимально полный вариант известия о кончине крестителя Руси, сохраненный Ипатьевской летописью²⁶. В других работах последнего времени вопрос, насколько удалось установить, не обсуждался.

Содержание летописной эпитафии Владимиру не свидетельствует о гетерогенности ее текста. Напротив, ближе к началу похвалы усопшему книжник сетует на недостаточное «потщанье» русского народа в «мольбах» за Владимира «в день преставленья его», а в конце, в свою очередь, утверждает, что «сего <...> в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье»²⁷. По мнению Н.К. Никольского, в результате возникает некоторое противоречие, так что летописная эпитафия Владимиру уступает в стройности той, которая вошла в состав так называемого Слова о том, како крестися Владимир, взяв Корсунь²⁸. Д.С. Лихачев также отмечал, что «утверждение», содержащееся в первой половине эпитафии, «как будто бы противоречит заключительным словам той же летописной похвалы Владимиру»²⁹. Вместе с тем, если в конце надгробного слова говорится именно об известности Владимира среди русских людей, то в первом из двух суждений контекст более сложный, ибо субъектом прославления здесь выступает не человечество, а Господь, так что речь идет, скорее всего, не просто об увековечении памяти, а о чудесах, которые должны были бы дать основания для канонизации: «да аще быхом имѣли потщанье и мольбы приносили к Богу за нь в днь преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше к нему, прославиль бы и». Можно ли соотносить эти два высказывания между собой – непонятно, а следовательно, не убеждает и выдвинутый Н.К. Никольским аргумент содержательного плана.

Заслуживает внимания и указание Памяти и похвалы князю Владимиру, являющейся, по предположению А.А. Шахматова, самым архаичным по составу из местных исторических сочинений³⁰.

В разных фрагментах Памяти и похвалы нашли воплощение разные хронологии правления святого князя, но в одной из них взятие Корсуни приурочено к «третьему лету по крещении»³¹. Вероятно, составитель Памяти пользовался каким-то очень ранним летописным источником, еще не испытавшим определяющего воздействия легенды о походе Владимира на Корсунь и женитьбе на византийской принцессе Анне, хотя данная легенда и читается сегодня как в списках Повести временных лет³², так и в Новгородской I летописи, представляющей Начальный свод³³. Вместе с тем в составе Памяти и похвалы присутствует отрывок, выглядящий как полемика с летописью по вопросу о прославлении Владимира чудесами: «Не дивимся, възлюбленѣи, аще чудесь не творить по смерти, мнози бо святии праведнѣи не створиша чудесь, но святи суть. Речь бо нѣгдѣ о томъ святѣи Иванѣ Златоустѣи: “От чего познаемъ и разумѣемъ человекъ свята, от чудесь ли, или от дѣль?” И рече: “От дѣла познати, а не от чудесь, много бо и възсви чудесь створиша бѣсовскимъ мечтаниемъ”. И бяху святѣи апостоли и бяху лжии апостоли; и бѣша святѣи пророци и бяху лжии пророци, слугы дияволя, ино чудо, самъ сотона преображается въ ангель свѣтель. Но от дѣль разумети святого, яко же апостоль рече: “Плодь духовный есть любви, радость, терпѣнье, благовѣрие, благодать, кротость и въздержание. На таковыхъ нѣсть закона”»³⁴. Появление в архаичном по составу памятнике подобного рассуждения также могло бы стать свидетельством древнего происхождения всей летописной эпитафии Владимиру, а не только определенных ее частей.

В то же время обрыв фразы о гибели праведников, наблюдаемый под 6523 г., оказывается не единственным для Новгородской I младшего извода. Точно так же на полуслове оборвано в этом источнике известие 6582 (1074) г. о кончине Феодосия Печерского, завершающееся в новгородской летописи сценой прощания игумена с князем Святославом: «И шестому дни наставшю, болну суцу вѣдому, прииде к нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ. Сѣдящимъ же имъ у него, рече ему Феодосии: “се, отхожю свѣта сего; се, предаю ти монастырь на соблюдение, еда будетъ что смятение в немъ; и се, поручаю игуменьство Стефану, и не даи его въ обиду”. И абие князь Святославъ и съ сыномъ своимъ Глѣбомъ цѣловавъ святого старца и обѣщавъся монастыремъ пещися»³⁵. Оба раза книжник подходит к переписываемому тексту совершенно механически, не обращая внимания на перебивы в логике повествования. Манера эта характерна, но не вполне типична для рукописной традиции Начальной летописи³⁶, так что, скорее всего, у обоих казусов – одна причина: пополнение текста Новгородской I по некоему дефектному списку Повести временных лет, в котором

имелись, соответственно, не только тетради с повествованием о событиях третьей четверти XI в., но и отдельные листы с отрывками статей за 1010-е годы. Однако это вынуждает признать, что новгородская летопись не может служить источником для восстановления Начального свода не только в описании событий третьей четверти XI в., но и в части, касающейся смерти Владимира.

В свою очередь, Память и похвала сходятся с летописью только по содержанию. Формальной переключки между двумя памятниками нет, а значит, нельзя переоценивать и доказательства, отсылающие к их взаимосвязи.

Существует и прямое доказательство того, что в Начальном своде читался очень краткий вариант эпитафии Владимиру. Оно связано с двумя произведениями – «Словом о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» и особым видом проложного сказания о Борисе и Глебе. Н.К. Никольский полагал, что «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» служило источником летописного рассказа, в том числе в части, касающейся кончины князя³⁷. Однако Слово не содержит лишь некоторых из вставок и несообразностей, характерных для сопоставимого отрезка летописного текста. Наиболее примечательная черта дошедших до нас версий Начальной летописи – совмещение двух версий ответа бояр Владимиру (предложения «испытать» конкурирующие «веры», разослав посольства, и ссылки на авторитет Ольги) – в рассматриваемом памятнике налицо³⁸. Соответственно еще А.А. Шахматов заключал, что не Слово было источником летописи, а, наоборот, летопись послужила, хотя и не единственным, но важным источником для Слова³⁹. При этом Слово не могло опираться на самую древнюю версию Начальной летописи, иначе в нем присутствовал бы только какой-то один из двух советов⁴⁰. Источником Слова была как минимум копия Начального свода, в момент составления которого и произошло, судя по всему, совмещение альтернативных версий знаменитой сцены.

В то же время эпитафия Владимиру, завершающая Слово о его крещении в Корсуни, оказывается существенно короче, чем в Лаврентьевской, Радзивилловской или Ипатьевской, и не включает примечательным образом никакого упоминания о прародителях: «сеи есть новъи Костянтинъ великаго Рима, иже крестися самъ и люди своя, тако и сеи створи подобно тому, сего бо в память деръжать рустии князи и людие, поминающе святое крещение, прославляють Бога, въ молитвахъ, и въ пѣснехъ, и в псалмѣхъ поюще Господеви, новии людѣ просвѣщении святымъ крещениемъ, чающе надежа великаго Бога Спаса нашего Исуса Христа вздати комуждо противу дѣломъ неиздреченую радость, юже буди улучити всѣмъ христьяномъ»⁴¹.

В свою очередь, текст проложного сказания не вполне идентичен тексту «Слова, како крестися Владимир». Напротив, чтению Слова *держать русии князи, и людие* в списке проложного Сказания, опубликованном Н.И. Милютенко, соответствует *князи русьстии и людие*, фраза *просвѣщении святымъ крещениемъ* заменена на *просвѣщении Святымъ Духомъ*, а в обороте *вздати комуждо противу дѣломъ неиздреченую радость* добавлен союз *и*, а винительный падеж заменен на творительный, в связи с чем вся конструкция потеряла в смысле и приобрела черты анаколута: *вздати комуждо противу дѣломъ, и неиздреченную радостью*⁴². Однако в остальном эпитафия Владимиру, вошедшая в состав Пролога, совпадает с сопоставимым фрагментом Слова. Видимо, различия двух версий имеют сугубо механическую природу.

Для Н.К. Никольского доказательством связи рассматриваемого сочинения с «древнейшей (не дошедшей до нас) редакцией» статьи 6523 г. служила прежде всего сама краткость помещенной в нем эпитафии⁴³. В свою очередь, аргументы А.А. Шахматова базируются не на отсутствии в особом виде проложного сказания каких-либо чтений, несомненно внесенных в сопоставимые летописные статьи при создании Повести временных лет, а наоборот – на присутствии в сказании определенных дополнений, характерных также и для Новгородской I младшего извода⁴⁴. Такое соотношение текстов, естественно, может объясняться далеко не только зависимостью сказания от Начального свода, но и, скажем, зависимостью новгородской летописи от Пролога. Более того, последнее объяснение представляется даже предпочтительным, поскольку Новгородская I уже показала свою ненадежность в передаче древнего текста известия о кончине Владимира. Вместе с тем «Слово о том, како крестися Владимир», посвящено принятию Русью христианства, а проложное сказание – естественным образом – гибели Бориса и Глеба. Иначе говоря, два связанных между собой произведения излагают разные сюжеты. Некие сведения об обоих эпизодах сразу могли содержаться только в летописном рассказе, который оказывается в такой ситуации не единственно возможным, но все-таки наиболее очевидным промежуточным звеном. Иначе говоря, предположение о зависимости обоих рассмотренных сочинений от летописи, причем именно в форме Начального свода, оказывается как минимум самым простым. Однако это, в свою очередь, дает основания утверждать, что даже в Начальном своде, составленном на рубеже XI–XII вв., не содержалось ни одного упоминания о предках или прародителях в сочетании с личным или притяжательным местоимением первого лица единственного числа.

Естественно, все выдвинутые соображения носят весьма и весь-

ма гипотетический характер. Стремление составителей Новгородской I младшего извода пополнить доставшийся от предшественников рассказ лишило современных исследователей надежной опоры при реконструкции статьи 6523 (1015) г. Симптоматично, однако, что атрибуция обоих этнических идентификаций составителю ПВЛ оказывается прямым продолжением тезиса о малом удельном весе этнической компоненты в структуре самоописания первых русских летописцев. Мысль о прародителях и корнях не имела для книжников системообразующего значения. Ее включение в летописный рассказ было делом одного конкретного лица, чьи вкусы и историософские представления отличались при этом от представлений предшественников. Это не позволяет считать этническое начало и идею своего народа системообразующими для летописного творчества как такового. В структуре летописного рассказа этничность оказалась практически не нужна. Представляется важным учитывать данное обстоятельство и при оценке летописи как исторического источника, и при типологической оценке древнерусской культуры в целом.

Примечания

- 1 Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1995. Вып. 22. С. 254–255.
- 2 *Стейнбек Дж.* Гроздь гнева / Пер. с англ. Н. Волжиной. М., 2007. С. 305.
- 3 *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57–58.
- 4 *Чешко С.В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 40.
- 5 Ср.: [*Лихачев Д.С.*] Комментарии // Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 400.
- 6 Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. М., 1997. Т. I. Стб. 85–86. Здесь и далее древнерусские тексты приводятся в упрощенной орфографии и с современной пунктуацией. Квадратные скобки обозначают конъектуры издателей.
- 7 Там же. Т. 38. С. 20 (договор Олега); Там же. Т. 1. Стб. 46 (договор Игоря).
- 8 *Ведюшкина И.В.* «Чувство-мы» в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1994. С. 6.
- 9 *Ведюшкина И.В.* Формы проявления коллективной идентичности в Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 286, 288, 298–299, 309.
- 10 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 230.

Д.А. Добровольский

- 11 Там же. Стб. 278.
- 12 Там же. Стб. 278, 279. (Курсивы везде мои – Д. Д.)
- 13 Там же. Стб. 17.
- 14 Там же. Стб. 21–22.
- 15 Там же. Стб. 70.
- 16 Там же. Стб. 79.
- 17 Там же. Стб. 122.
- 18 Там же. Т. 38. С. 19.
- 19 Там же. Т. 1. Стб. 131. (Курсив в обеих цитатах мой – Д. Д.)
- 20 Отнесение первого из приведенных фрагментов к теме происхождения небес-спорно, поскольку конструкции с предлогом *отъ* могут указывать как на происхождение, так и на принадлежность к чему-либо (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. Т. 6. С. 211–212). Соответственно, формулировка *от негоже языка и мы есмо русь* может указывать как на происхождение руси, так и на принадлежность этой группы (народа? племени? совокупности подданных Рюриковичей?) к некоему более крупному целому, именуемому *языкъ словѣньскъ*.
- 21 Гиттиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет: I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20.
- 22 Развернутый анализ этих соображений приводится в работе: Добровольский Д.А. Реконструкция летописных сводов XI в.: Поиски эффективного приема. (В печати.)
- 23 ПСРЛ. Т. 3. С. 169.
- 24 Там же. Т. 1. Стб. 131.
- 25 Ср.: Там же. Т. 2. Стб. 116.
- 26 Творогов О.В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет» // In Мемогіам: Сб-к памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 208–209.
- 27 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 131.
- 28 Никольский Н.К. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // Христианское чтение. 1902. № 7. С. 98.
- 29 [Лихачев Д.С.] Комментарии. С. 471.
- 30 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 31–40.
- 31 Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 324.
- 32 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109–112.
- 33 Там же. Т. 3. С. 150–152.
- 34 Память и похвала... С. 322.
- 35 ПСРЛ. Т. 3. С. 201.
- 36 В общем протографе Радзивиловской и Лаврентьевской летописей были пропущены конец статьи 6572 (1064) и начало статьи следующего 6573 (1065) г. В результате в хронологии Лаврентьевской образовался пропуск и сразу за известием 6572 г., «аннексировавшим» основную часть текста 6573 г., идет изло-

«Якоже и прародители наши погынуша»: к вопросу об этническом самосознании...

жение событий 6574 (1066) г. (Там же. Т. 1. Стб. 163–166). Внешне получившийся текст – вполне «гладкий»: фразы до и после лакуны идеально состыковались между собой в структурном отношении («Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимирь, внукъ Ярославль, Ростиславъ же отступи кромѣ изъ гра[да], не убоаявсь его, но не хотя противу строеви своему оружья взяти»), так что заметить проблему можно лишь при творческом и даже критическом подходе к переписываемому материалу. Однако составитель Радзивилловской не только выявил пропуск, но и попытался исправить ошибку, уменьшая на один номера нескольких последующих годов (ПСРЛ. Т. 38. С. 70–73). Напротив, новгородский книжник отнесся к задаче пополнения своего оригинала совершенно механистически и начал копировать рукопись, даже не убедившись, что списываемая статья читается в ней до конца.

- 37 *Никольский Н.К.* К вопросу об источниках... С. 96–98; *Он же.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб-к Отд. рус. яз. и слов. Имп. АН. СПб., 1907. Т. 82. № 4. С. 4–6.
- 38 Тексты летописи и Слова по списку XV в. en regard: *Никольский Н.К.* Материалы для истории... С. 9–11.
- 39 *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 311–313.
- 40 Скорее всего – предложение разослать посольства (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 107), однако обоснование данного тезиса избыточно усложнит и без того непростую аргументацию, а кроме того, имело бы лишь косвенное отношение к теме предлагаемой статьи. Более сложную трактовку вопроса см.: *Гиттиус А.А.* Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3. С. 20–23.
- 41 *Никольский Н.К.* Материалы для истории... С. 20–21.
- 42 Святые князья и мученики Борис и Глеб / Исслед. и подгот. текстов Н.И. Милотенко. СПб., 2006. С. 404–406.
- 43 *Никольский Н.К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.): корректур. изд. СПб., 1906. С. 278.
- 44 *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 49–50.



О.Б. Бокарёва

ПОСОЛЬСКИЕ КНИГИ ПО СВЯЗЯМ РОССИИ С ПЕРСИЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Статья посвящена источникам, образовавшимся в деятельности внешнеполитического ведомства России в первой половине XVII в. Рассматриваются особенности данных источников, отражающих специфику делопроизводства Посольского приказа и актуальные направления внешней политики Российского государства в царствование Михаила Федоровича и в первые годы правления Алексея Михайловича.

Ключевые слова: посольские книги, делопроизводство, Посольский приказ, Россия, Персия.

Посольские книги представляют собой сборники документов Посольского приказа. Они составляют основу «дипломатических» фондов-коллекций Российского государственного архива древних актов (бывшие фонды МГАМИД)¹.

Обычно в посольских книгах фиксировалось отправление русских посольств за рубеж и пребывание иностранных миссий в Российском государстве в конце XV – начале XVIII в. Посольские книги как комплекс исторических источников содержат в себе тексты различных документов: договоров («докончаний»), грамот монархов, переписки посольских дьяков с приставами и воеводами пограничных городов, наказов («наказных памятей»), отчетов («статейных списков»), «вестовых списков», верительных и «опасных» грамот, протоколов переговоров, списков подарков, росписей продовольствия, челобитных писем, содержащих разного рода «прошения» иностранных дипломатов к русским правителям.

Разработкой и оформлением норм дипломатического церемониала и делопроизводства занимался Посольский приказ, учрежденный в 1549 г. и прекративший функционировать в качестве

© Бокарёва О.Б., 2010

Посольской канцелярии в 1720 г.² Документацию Посольского приказа русские историки начали изучать в начале XVIII в., с началом эпохи преобразований, предпринятых Петром I. Показательно в этом отношении целенаправленное собрание древних рукописей среди просвещенной элиты русского общества, в том числе для написания исторических работ³.

В дореволюционной историографии внешнеполитическому ведомству России уделялось подробное внимание. Раннему периоду функционирования Посольского приказа посвящены монография и справочное издание В.И. Саввы. Внешнеполитическое учреждение в его работах предстает в системе государственных учреждений России, в основном XVI в. Автор рассматривает порядок координации внешней политики страны, внутреннюю организацию ведомства, персональный состав штата служащих и их биографии⁴. Общий очерк деятельности Посольского приказа представлен в монографии С.А. Белокурова⁵. Эта работа, базирующаяся на материалах второй половины XVII в., послужила основой для последующих исследований всех аспектов деятельности Посольского приказа, его структуры, источников финансирования, состава служащих. Реконструкция биографических данных одного из руководителей Посольским приказом думных дьяков И.Т. Грамотина приведена в работе М.П. Пуцилло⁶.

В советский период появляются работы о зарождении приказной системы управления в России, о руководящем составе и служащих Посольского приказа⁷.

В современной историографии эту традицию продолжили Н.М. Рогожин, Д.В. Лисейцев, А.В. Беляков, Б.А. Куненков⁸. Посольским книгам как историческому источнику посвящен ряд работ Н.М. Рогожина⁹. Особое внимание автор уделяет изучению и публикации посольских книг по связям России с Ногайской ордой, с Грецией, с Крымским ханством¹⁰. В своих работах Рогожин рассматривает такие аспекты деятельности Посольского приказа, как делопроизводство и штат служащих внешнеполитического ведомства России, приводит реконструкцию биографий руководящего состава учреждения (применяя метод сравнительного анализа текстов посольских книг и их источников, находящихся в столбцах), проводит анализ корпуса посольских книг (98 наименований).

Проблема публикации источников из «дипломатических» фондов РГАДА возникла с момента начала их изучения. Во второй половине XIX в. тексты наиболее востребованных посольских книг и не вошедших в них источников публикуются в специальных («Сборники Русского исторического общества») и периодических («Вестник Европы» и др.) изданиях.

В конце XIX в. Н.И. Веселовский начал публикацию посольских книг по связям Русского и Иранского государств. Он осуществил издание трех «персидских» книг конца XVI в. и одной «персидской» книги начала XVII в.¹¹ Отдельно Н.И. Веселовский опубликовал столбец XVII в. со статейным списком о дипломатической миссии посланника М.Н. Тиханова и подьячего А. Бухарова¹².

Проблемы публикации и изучения посольских книг (выявление палеографических и кодикологических особенностей, вопросы их происхождения, состава и структуры) связаны со степенью их сохранности¹³. Сравнивая количество сохранившихся в РГАДА посольских книг с упомянутыми в Описях Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614, 1626 и 1632 гг., Н.М. Рогожин пришел к выводу, что часть источников была утрачена во время стихийных бедствий (пожары в Москве в 1571, 1626 гг.), в период Смутного времени, в Отечественную войну 1812 г., часть книг пришла в ветхость и пропала, однако определенный массив посольских книг, в том числе по связям России с Персией, сохранился¹⁴.

На XVII в. приходится 18 книг (период с 1618 по 1692 г.). К первой половине XVII в. относится семь книг: № 1 (6) 1618–1624 гг., 4°, 536 л.; № 2 (7) 1629–1711 гг., 4°, 313 л.; № 3 (8) 1629 г., 2°, 66 л.; № 4 (9) 1640–1643 гг., 4°, 605 л.; № 5 (10), 1642–1649 гг., 4°, 312 л.; № 6 (11) 1644–1645 гг., 4°, 523 л.; № 7 (12) 1649–1650 гг., 4°, 482 л.¹⁵

Первая «персидская» посольская книга XVII в. («книга № 6» в хронологической последовательности, в качестве единицы хранения в архиве) содержит в себе дипломатические документы за 1618–1624 гг.¹⁶ Эта рукопись размером 14,4×19,5–19,6 см¹⁷ написана несколькими почерками XVII в. Преимущественным сюжетом филиграни является изображение «кувшинчика».

В книге № 6 содержатся: «1. Отписки к государю из Персии от посланника Ивана Чичерина и дьяка Михайла Тюхина... о последовавшей смерти первому их товарищу послу князю Михайлу Борятинскому, об отпуске их обратно в Россию и об отправлении с ними к государю персидского посла Булат-бека» (л. 1–47); «2. Грамоты государевы в Казань, Астрахань и на Терек к воеводам о принятии едущего к государю персидского посла Булат бека, и на оныя грамоты от них воевод отписки» (л. 47–77); 3. Статейный список послов «Михайла Тюхина, как были они в Персии и у шаха на посольстве» (л. 77–332); «4. Записка, что препоручено было оным послам в государеве наказе и что по тому исполнено» (л. 333–357); «5. Отписки к государю от казанского воеводы об отправлении в Москву, бытность посла у государя на приезде, и обратной оному послу список (окончания нет)» (л. 357–525); «6. Отписка к государю из Персии от посланника Василья Коробьина и дьяка Остафья

Кувшинова, как они были у шаха на отпуске и о едущих к государю шаховых послых... с коими послана к государю Риза Господня»¹⁸ (л. 526–532).

Сведения о наличии данной книги в архиве Посольского приказа содержатся в описи 1626 г.: «Книга кизылбашская послов Михайла Борятинского да Ивана Чичерина, да дьяка Михайла Тюхина 127-го (1618/1619) году, в тетратех, не переплетена»¹⁹. Посольские документы книги № 6 относятся к периоду с мая 1618 г. по июнь 1624 г. Основная часть документации относится к 1618–1620 гг. Здесь описываются подробности отправления, пребывания в Персии и возвращения русской дипломатической миссии, которую возглавлял посол князь М.П. Борятинский, боярин, воевода и болховский наместник. Он умер во время исполнения миссии в декабре 1618 г. и поэтому его имя не упоминается в пространном статейном списке книги № 6. Члены посольства, которое было одним из самых длительных (29 месяцев), возвратились в Москву в октябре 1620 г. Отчет о проведенной дипломатической миссии представлял в Посольский приказ дворянин Иван Чичерин, заменивший князя М.П. Борятинского. В остальной части книги содержатся документы (в основном отписки государевых людей) о присылке шахом Аббасом I царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Ризы Господней с послами Русан-беком и Булат-беком, купчиной Мама Салаи. Дипломатические документы в переплетенных тетрадах вошли в состав архива Посольского приказа. Повторное упоминание о книге № 6 встречается в описи 1673 г.: «Книга с 7127-го (1618/1619) по 129-й (1620/1621) год, статейный список государевых послов Ивана Чичерина да дьяка Ивана Тюхина, как они посылаемы в Кизылбаши, тут же приезд кизылбашского посла Булат-бека»²⁰.

Вторая «персидская» посольская книга XVII в. («книга № 7») содержит документы второй половины XVII – начала XVIII в.²¹ Эта рукопись размером 15,9–16×21,1–21,2 см написана несколькими почерками второй половины XVII – начала XVIII в. Водяные знаки плохо видны.

В книге № 7 находятся: «1. Выписка о приездах и отправлениях персидских и российских послов, посланников и гонцов. 2. Переводы грамот. 3. Выписка о титулах российских государей. 4. Выписка о размере денежного жалованья и фуража российским и персидским послам». К 1650 г. в книге относится запись о приеме в России персидского посла Магмета Кулы-бека, приезжавшего к царю Алексею Михайловичу с грамотами от шаха «о брацкой древней дружбе», и о действиях астраханских «воровских казаков, которые ходят на море и людей шаховых побивают» (л. 1–4).

В описях архива Посольского приказа данная книга не отражена, что подтверждает данные о позднейшем составлении книги в единый комплекс.

Третья «персидская» посольская книга XVII в. («книга № 8») содержит ряд источников, относящихся к 1629 г. (15 марта – 26 апреля 1629 г.). Эта рукопись размером 33,1(20,4–20,5 см отличается от других «персидских» посольских книг за первую половину XVII в.²² Рукопись написана несколькими почерками первой половины XVII в. Преимущественным сюжетом филигрании является изображение «шута»²³.

В книге № 8 содержатся: «1. Выписка о бытности персидского посла Магмет Сали-бека у государя на приезде» (л. 1–7); «2. Записка, о чем предлагал посол в ответе» (л. 7–43); «3. Записка о слушании боярами изветного на бывших в Персии государевых послов князь Григорья Тюфякина с товарищи списка о непорядочных их там поступках» (л. 44–58); «4. Записка о положении нареченных послов, князь Григорья Тюфякина, Григорья Фефилатьева и дьяка Федора Панова государевой опалы и о взятии вотчин их на государя, а поместья роздать другим в роздачу» (л. 59–65).

Упоминание о книге № 8 находим в описи 1673 г., где указано, что к началу 70-х годов XVII в. источники этой книги находились в столбцах²⁴.

Четвертая «персидская» посольская книга XVII в. («книга № 9») содержит документы 1640–1643 гг.²⁵ Эта рукопись размером 14,3×19,4 см написана несколькими почерками XVII в. Преимущественным сюжетом филигрании является изображение «шута».

В книге № 9 содержатся: «1. Отписка терского воеводы князь Ивана Хилкова с товарищи, что бывший у персидского шаха Сефия литовской посланник Теофил Шемберг на возвратном пути убит от буйнацкого Мурзы-бека Магметева сына; и об отправлении к государю от шаха посла Асан-бека» (л. 1–5); «2. Приезд персидского посла Асан-бека и купчины Аги Магамета в пограничной российской Терской город и отправление оных чрез Астрахань и Казань в Москву» (л. 5–107); «3. Приезд посла и купчины в Москву и бытность ево у государя на приезде с шаховою грамотою и с подарками» (л. 107–182); «4. Известие, от пристава князь Михайла Мещерского о скоропостижной смерти персидского посла Асан-бека, о учинении о том распросов и о принятии по смерти ево всех посольских дел братом ево Сарыхан-беком» (л. 182–212об.); «5. Представление от Сарыхан-бека, поданное в Посольский приказ о том, что от шаха приказано им с братом на словах: 1. О пресечении воровства от казаков на Каспийском море; 2. О утверждении свободной торговли торговым людям;

3. И об отпуске оставшихся после литовского посла трех человек в их отечество» (л. 212об.–243); «6. Учиненный на то представление ответ, данный на письме ж Сарыхан-беку» (л. 243–253); «7. Дела о заплате в государеву казну по указу шахову 842 тюменей без 6 аббасов серебра за разграбленную в Персии государеву казну; о покупке на оное серебро товаров; и об отдаче от Сарыхан-бека оных товаров по московской цене» (л. 253–297); «8. Записка о бытии Сарыхан-бека и купчины у государя на отпуске и отправлении оных обратно в Персию» (л. 297–603).

Данная книга упоминается в описи 1673 г.: «Книга, а в ней приезд к Москве кизылбашского посла Асан-бека 149-го (1640/1641) году»²⁶.

Пятая «персидская» посольская книга XVII в. («книга № 10») содержит комплекс источников 1642–1649 гг.²⁷ Эта рукопись размером 13,7–13,8×19–19,1 см написана несколькими почерками XVII в. Преимущественным сюжетом филиграни является фрагментарное изображение «шута».

В книге № 10 содержатся: «1. Отправление к персидскому шаху в послах дворянина Семена Васильевича Волынского и дьяка Сергея Матвеева» (л. 1–25); «2. Государева грамота к шаху» (л. 25–41); «3. Наказ, данный послам» (л. 41–216); «3. Копия с ответного письма, данного в прошлом 1641-м году бывшему в Москве персидскому послу Сарыхан-беку» (л. 217–255); «4. Проезжие грамоты в Нижний, в Казань, в Астрахань, на Терек и к кумыцким и черкасским князьям и мурзам об отпуске в Персию государевых послов» (л. 256–271); «5. Отписки из Астрахани и с Терека от воевод и от самих послов, из коих видно, когда они пошли за границу, когда были у шаха и потом с министрами в ответе и когда возвратились в Москву» (л. 272–293); «6. Перевод с шаховой грамоты» (л. 294); «7. Ответное письмо о разных делах, данное из Посольского приказа персидскому послу Магметь Кулы-беку, бывшему в Москве в 1649-м году» (л. 295–310).

Данная книга упоминается в описи 1673 г.: «Книга, а в ней отпуск в Персиду и приезды к Москве государевых послов Семена Волынского да дьяка Сергея Матвеева 150-го (1641/1642) году»²⁸.

Шестая «персидская» посольская книга XVII в. («книга № 11») состоит из документов 1644–1645 гг.²⁹ Эта рукопись размером 16×19,8 см написана несколькими почерками XVII в. Преимущественным сюжетом филиграни является фрагментарное изображение «шута».

В книге № 11 находятся: «1. Обратный в Россию из Персии приезд российских послов Семена Волынского и дьяка Сергея Матвеева и с ними приезд персидского посла Аги Асана» (л. 1–151);

«2. Бытность того персидского посла у государя на приезде и имевшаяся с ним у бояр конференции о заплате убытков, причиненных в Персии российским подданным, и о новом учреждении брать пошлину со всяких как российских в Персии, так и персидских в России товаров» (л. 152–359); «3. Бытность его же посла у государя на отпуске; и отъезд его из Москвы в Персию» (л. 359–523).

Данная книга упоминается в описи 1673 г.: «Книга, а в ней приезд к Москве и отпуск с Москвы кизылбашского посла Аги Асана 152-го (1643/1644) году»³⁰. Источники этой рукописи, как и книги № 10, находились в столбцах архива Посольского приказа. После 1673 г. обе рукописи были из тетрадей сформированы в две объемные книги³¹. В описи 1673 г. отмечен «статейный список в тетратех государевых послов князь Савелья Козловского да дьяка Ивана Зиновьева 154-го (1645/1646) году», обозначенный в описи 1680 г., в настоящее время отсутствующий в составе этих посольских книг³².

Седьмая «персидская» посольская книга XVII в. («книга № 12») содержит документы 1649–1650 гг.³³ Эта рукопись размером 15×19,9–20 см написана несколькими почерками XVII в. Преимущественным сюжетом филигрании является фрагментарное изображение «шута».

В книге № 12 содержатся: «1. Отписки к государю от воевод с Терека и из Астрахани о приезде туда от персидского шаха Аббаса посла Магмет Кулы-бека да купчины Бежим-бека и с ними ж от шемахинского Хусрев-хана человека Худай берды-бека» (л. 1–9); «2. Перевод с грамот шаховых и шемахинского хана к российским воеводам о пропуске того посла» (л. 9–12); «3. Отписки из Астрахани и из Казани о приеме того посла и что в приставех у него астраханец Федор Агibalов» (л. 13–16); «4. Грамота в Казань и Нижний о приеме того посла с товарищем и о даче им поденного корму» (л. 16–18); «5. Отписка с Терека о приеме того посла и роспись лошадям, коих ведут к государю в дары» (л. 18–26); «6. Отписки из Казани, из Нижнего об отпуске в Москву того посла и памяти в разные приказы, а в грамоте в города о приеме того посла и о даче подвод и поденного корму» (л. 26–43); «7. Указ об отправлении в Нижней Новгород Тимофея Степановича Владычкина для встречи персидского посла и быть у него в приставех с данным ему наказом» (л. 43–54); «8. Отписки из Нижнего и грамоты туда ж о приеме посла» (л. 54–60); «9. Памяти в разные приказы о исправлении на посольском дворе, что в которых комнатах худо, кому посла встречать и быть у него на стороже» (л. 60–62); «10. Отписки от пристава Владычкина и к нему грамоты, в какое время быть ему с послом к Москве» (л. 62–87); «10. Отписки от него ж Владычкина

и из Володимера от воевод об отпуске того посла к Москве; памяти о приуготовлении послу комнат» (л. 87–93); «11. Отписки из Астрахани, как приехал туда персидской посол, что там делал и как от туда отправлен» (л. 94–103); «12. Памяти о установлении на посольском дворе сторожи и докладная и примерная выписки о даче персидским послам, також и едущему ныне поденного корму» (л. 103–137); «13. Выписки о чинимых персидским послам встречах под Москвою и у государей на приездах, как встречать нынешнего посла, как содержать его на дворе и какие товары продавать персидским купчинам» (л. 137–163); «14. Памяти в Конюшенной и другие приказы о изготовлении саней и лошадей для встречи персидского посла и скольким людям из какого приказа быть на встрече того посла» (л. 163–181); «15. О бытии персидского посла и купчин у государя на приезде и о посылке к послу государева стола» (л. 181–197); «16. Переводы с шаховых и шемахинского хана грамот к государю» (л. 198–203); «17. Памяти в разные приказы о даче персидскому послу питья пряных кореньев и для рождения дщери государевой вместо стола поденного корму вдвое» (л. 204–212); «18. Выписка о розыске в Астрахани прокормщика персидского подданного тезика Амир-ханка, которой говорил про государя, государыню царицу и царевича непристойныя злые речи; и прислан был с сим послом от шаха к государю для учинения ему смертной казни; и учиненный ему, Амир-ханку, от бояр приговор казнить смертию, однако ж государь его, ханка, простил и послал к шаху» (л. 213–234); «19. Памяти о изготовлении к отъезду посла судов» (л. 234–236); «20. О оценке присланным от шаха к государю лошадям» (л. 236–238); «21. Следственное дело, как посольские люди подрались с людьми боярина Милославского» (л. 239–244); «22. Роспись с оценкою подаркам, привезенным ныне от шаха к государю» (л. 245–251); «23. Памяти в разные приказы о заготовлении к отъезду посла судов, о подарках посольских, принесенных государю; и о заготовлении как послу, так купчинам и людям их государева жалованья на отпуске» (л. 252–271); «24. Записка о бытии персидского посла у государя на приезде и у бояр в ответе» (л. 272–302); «25. Выписка, чинимая в Казанском дворце, почему брали в Астрахани с персидских товаров пошлины» (л. 302–305); «26. Копия с ответного письма, данного от бояр персидскому на все чинимыя от него предложения, и о всех с российской стороны неудовольствиях» (л. 305–340); «27. Записка о бытии персидского посла и купчины у государя на отпуске» (л. 341–349); «28. Копия с грамоты государевой к шаху» (л. 349–356); «29. Записка о посылке стольника Петра Васильевича Шереметева к персидскому послу к государевым столом» (л. 356–359); «30. Памяти о даче послу

лошадей и стругов» (л. 359–360); «31. Разные посольские челобитные и по оным государевы грамоты в Понизовые города о выдаче недоданного послу поденного корму» (л. 361–408); «32. Выписка, боярской приговор и грамоты государевы на Терек, чтоб трех человек воров казаков при персидском после казнить смертью, прочих казаков публично прислать в Москву, а грабленные ими животы отдать персидским подданным» (л. 408–419); «33. Памяти о даче послу в дороге поденного корму» (л. 419–421); «34. Память астраханцам Любиму Саврасову о бытии ему дорожным приставом у шемахинского хана человека Кущея берды-бека, а Ивану Горяинову у персидского купчины Бежим-бека» (л. 421–425); «35. Челобитная шемахинского хана человека о неимании с его товаров и с бусы в Астрахани пошлин и потому ж грамота» (л. 426–429); «36. Роспись, что послано куда государевых грамот с посольскими и с купчинных, и с шемахинского хана человека приставы» (л. 429–432); «37. Отписки из Казани о приезде посольском туда и об отпуске его в Астрахань» (л. 434–446); «38. Отписки из Астрахани о приезде туда посла и об отпуске его на Терек» (л. 446–461); «39. Отписки с Терка о приезде туда посла и об отпуске его на кизлярской перевоз обратно в Персию» (л. 461–463); «40. Отписки с Терка и из Астрахани о учиненной ворами казаком смертной казни, а другим наказания и посылке последних в Москву, коим тут же и роспись» (л. 464–476).

Данная книга упомянута в описи 1673 г. неоднократно: «Книга, а в ней приезд к Москве и отпуск с Москвы кизылбашского посла Магмет Кули-бека 158-го (1649/1650) году», «Расходные книги дорожного пристава Федора Огибалова, как он был в приставех у кизылбашского посла у Магмет Кули-бека 158-го (1649/1650) году»³⁴. Источники этих книг, систематизированных в один исторический документальный комплекс после 1673 г., были отмечены в столбцах³⁵.

Посольские книги – ценный исторический источник, средство самопознания общества в исторической ретроспективе. Изучение этих официальных документальных исторических комплексов «дает возможность выявить наиболее типичное в ведении посольской документации», состав которой в XVII в. «выглядел довольно устойчивым», а «в оформлении посольских книг выработались определенные традиции»³⁶.

Обозначенные в статье «персидские» книги первой половины XVII в. были целенаправленно созданы в Посольском приказе. Документация, содержащаяся в них, охватывает сложный период в отечественной истории (преодоление последствий Смутного времени, военные конфликты с Польшей и др.). Детальное рассмотре-

ние особенностей этих исторических источников будет проведено в диссертационном исследовании.

Примечания

- 1 Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. и авт. вступ. ст. Н.М. Рогожин. М., 1990. 237 с.
- 2 Юзефович Л.А. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал: конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 10–11; Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. 432 с.
- 3 Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 г. имел: первое оригинальное произведение по международному праву на русском языке. М., 2008. 202 с.
- 4 Савва В.И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. М., 1983. 228 с.; Он же. О посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. 401 с.
- 5 Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. 170 с.
- 6 Пуцилло М.П. Думный дьяк Иван Тарасевич Грамотин (1606–1638). СПб., 1878. 16 с.
- 7 Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006. 603 с.; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. 200 с.; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 607 с.; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 225 с.
- 8 Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994. 223 с.; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. 264 с.; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 403 с.; Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1615 гг.: структура, служащие, делопроизводство: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. 31 с.
- 9 Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 262 с.; Он же. Посольские книги конца XV – начала XVII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. 223 с.
- 10 Посольская книга по связям России с Ногайской ордой, 1489–1508 гг. М., 1984. 100 с.; Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594 гг. М., 1988. 194 с.; Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Элиста, 2003. 315 с.
- 11 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: В 3 т. / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890–1892. 3 т.
- 12 Труды Восточного отделения императорского Русского Археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI. С. 151–312.

О.Б. Бокарёва

- 13 Россия и греческий мир в XVI в.: В 2 т. / Подгот.: С.М. Каштанов и Л.В. Столярова при уч. Б.Л. Фонкича. М., 2004. Т. 1. 527 с.
- 14 Обзор посольских книг... С. 53.
- 15 РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Книги и дела. 1588–1719 гг. Д. 6–12. Л. 7–13.
- 16 Там же. Кн. 6. 536 л.; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. С. 370–396.
- 17 Здесь и далее первая цифра обозначает ширину рукописи, вторая – ее длину (высоту).
- 18 РГАДА. Ф. 77. 1625. Д. 2. Л. 6, 7; *Августин (Никитин), архим.* Риза Господня и Россия // Альфа и Омега. М., 2006. № 2 (46). С. 332–350.
- 19 Опись архива Посольского приказа 1626 г.: В 2 ч. / Подгот. В.И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1. С. 227 (Л. 369).
- 20 Опись архива Посольского приказа 1673 г.: В 2 ч. / Подгот. В.И. Гальцов. М., 1990. Ч. 1. С. 350.
- 21 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 7. Л. I–VI, 1–313 [3].
- 22 Там же. Кн. 8. Л. I–Юб., 1–65.
- 23 *Лихачев Н.П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. Табл. 55–56.
- 24 Цит. по: *Рогожин Н.М.* Посольский приказ. С. 187.
- 25 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 9. Л. I–VI, 1–605.
- 26 Опись архива Посольского приказа 1673 г. С. 350.
- 27 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 10. Л. I, 1–310об. [2].
- 28 Опись архива Посольского приказа 1673 г. С. 350.
- 29 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 11. Л. I–Юб., 1–524.
- 30 Опись архива Посольского приказа 1673 г. С. 350.
- 31 Цит. по: *Рогожин Н.М.* Посольский приказ. С. 188.
- 32 Там же.
- 33 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 12. Л. I–VIюб. [VII], 1–476об.
- 34 Опись архива Посольского приказа 1673 г. С. 350.
- 35 Цит. по: *Рогожин Н.М.* Посольский приказ. С. 189.
- 36 *Тихомиров М.Н.* Приказное делопроизводство в XVII в. // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 362.

А.Б. Асташов

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА ПО ПЕРЕПИСИ 1920 г.

В публикации представлены данные о количественном, половом, возрастном, социальном, социально-экономическом, профессиональном, образовательном и национальном составе Красной армии на август 1920 г. Публикацию предваряет вводная статья о Военном отделе статистики ЦСУ и истории военной переписи Красной армии 28 августа 1920 г. Представленные материалы являются наиболее полными статистическими сведениями о социальном составе российских вооруженных сил в период ведения военных действий за какой-либо срок их существования.

Ключевые слова: Красная армия, социальный состав.

В последнее время при успешном изучении проблемы человека на войне¹ основное внимание уделяется войнам с внешним врагом, особенно войнам XX в. Намного меньше внимания уделено человеку во внутренних конфликтах, в том числе в Гражданской войне 1918–1920 гг.

Для решения проблемы человека на войне важно изучение социального состава воюющих сторон. В советской литературе это происходило под углом выяснения и доказательства прежде всего классовой природы воина революционной армии. Больше всего эта тема разрабатывалась в работах М.А. Молодцыгина, Л.М. Спирина и А.В. Крушельницкого, которые сравнивали социальный состав царской армии периода Первой мировой войны и Красной армии и Флота начала 1920-х годов. За последние десятилетия были изданы ценные материалы о Красной армии и Флоте периода Гражданской войны². И все же нынешняя историографическая ситуация в военно-исторической антропологии требует значительного расширения как проблематики, так и источниковой базы. В работах

по социальному составу армии в Гражданской войне, отличающихся слишком узкой классово-интернационалистической проблематикой, не хватает конкретных цифр: авторы часто делают выводы на основании расчетов по отдельным войсковым частям и объединениям, широко применяя при этом метод экстраполяции данных для всех вооруженных сил Советской республики. Предлагаемые материалы военной переписи 1920 г. позволят историкам значительно продвинуться в исследованиях военно-исторической антропологии Гражданской войны, изучении комбатанта Советской республики этого периода.

Подготовка и проведение военной переписи 28 августа 1920 г. была организована Отделом военной статистики Центрального статистического управления, созданного в 1918 г. Его цель определялась как «обслуживание нужды государства в области статосведения вопросов военного дела, выявляя процессы, происходящие в военной социальной среде». Научной задачей называлось выявление законов, управляющих процессами в военной социальной среде. Философской задачей были названо изучение военной психологии источников войн, милитаризма и пр.³

Крупнейшим мероприятием Отдела военной статистики явилась перепись Красной армии и Флота. Ее проведение намечалось в составе общероссийской переписи 1920 г., но по специальной программе. Военные переписчики руководствовались Инструкцией для производства профессиональной и сельскохозяйственной переписи населения с учетом промышленных заведений в Красной армии и Флоте (Приложение к приказу РВСР от 20.07. 1920 г. № 1351). Согласно инструкции, переписи подлежали личный состав; принадлежавший войсковым частям и учреждениям конский состав и прочий скот; промышленные заведения и мастерские; сельскохозяйственные посевы и инвентарь; огородные культуры. Вводились следующие формы переписной отчетности: для личного состава – бланк формы № 1, для подворной ведомости – бланк формы № 3. Общее руководство производством переписи в РККА оставалось за ЦСУ, при котором существовала специальная комиссия в составе представителей от Управления делами РВСР, Полевого штаба Реввоенсовета, Всероглаштаба, Центрального управления снабжения, Штаба Морских сил республики. При всех учреждениях, штабах армии и флота находились ответственные за проведение переписи. Вплоть до каждой роты назначались военные регистраторы, которые сдавали первичные переписные материалы инструктору. Перепись охватывала все штабы, части войск, команды, подчиненные как фронту, так и округам, курсы командного состава, военно-лечебные заведения (госпитали, лазареты, команды

слабосильных, эвакуационные пункты), общежития, питательные и пере-сылные пункты, команды судов, находящихся в плавании или личный состав которых в день переписи во время стоянки судна находился на судах, а также лиц судовой команды, проводивших ночь на судне на день переписи⁴.

Согласно специальной Инструкции для заполнения бланков переписи в Красной армии и Флоте, перепись начиналась в назначенный ЦСУ день (28 августа 1920 г.) и обязательно заканчивалась через 3 дня. Перепись производилась военными регистраторами под наблюдением и руководством войсковых инструкторов и руководителей путем личного опроса, без документов; регистратор исключительно сам заполнял листки. На фронте заполнялись личный листок и промышленная карточка при наличии мастерских и других промышленных заведений. В тылу заполнялся личный листок, при казарменном или усадебном расположении – подворная ведомость, а при наличии промышленного заведения – и промышленная карточка⁵.

Личный листок опрашиваемого (форма № 1) содержал 18 вопросов, составленных в соответствии с требованиями статистики того времени, и включал: фамилию, имя, отчество; родной язык; гражданство; место рождения; время принятия на службу в Красную армию и Флот; семейное состояние; грамотность; образование; участие в войне (нахождение в частях во время войны, но не обязательно участие в военных действиях); занятия до поступления на службу (с разделением на главные занятия и прочие); профессию; должность и специальность в настоящее время в армии; трудоспособность; физические недостатки; психические болезни⁶. Правительством придавало проведению военной переписи большое значение. Разработка карточного материала переписи армии и флота была произведена в кратчайшие сроки.

Материалы по переписи Красной армии и Флота 28 августа 1920 г. в настоящее время сосредоточены в фонде ЦСУ (РГАЭ. Ф. 1562), а также в фондах РГВА. В РГАЭ представлены как черновые (таблицы регистраторов из отдельных войсковых частей), так и сводные материалы (ведомости инструкторов на войсковые объединения), а также итоговые таблицы ЦСУ по армии и флоту. В РГВА же отложились главным образом печатные материалы переписи⁷. В обнаруженных итогах переписи представлены подвергшиеся разработке 14 из 18 вопросов анкеты. При этом в документах отдела военной статистики в РГАЭ ряд подсчетов проведен по половому признаку; здесь также много документов по территориям (губерниям, уездам), отдельным воинским объединениям. В материалах РГВА⁸ больше сохранилось сведений о национальном

составе, образовании и т. п. мужчин в Красной армии и Флоте. Сводные материалы по итогам переписи предполагалось опубликовать в т. XIII Трудов ЦСУ⁹. Однако в печати данный том не появился¹⁰. Ряд сведений из готовившихся к печати материалов были опубликованы в относительных цифрах и в очень сокращенных объемах¹¹. Именно этими сведениями и оперируют историки в освещении социального состава Красной армии периода Гражданской войны¹².

В литературе существует недоверие к статистике этого периода¹³. Но о каких-либо ошибках в подсчетах по военной переписи 1920 г. не говорится. Именно итоговые данные военной переписи 1920 г. были взяты за основу сведений по социальному составу Красной армии и Флота и в других изданиях 20-х годов¹⁴. В. Чернавский, начальник информационно-статистического отдела ПУРа, прямо писал, что «более точных и полных цифр нам получить не удастся»¹⁵. К этим же цифрам апеллируют без приведения основных ее показателей и без критики их достоверности и современные исследователи¹⁶.

Что же нового добавляют представленные материалы военной переписи к социальным характеристикам Красной армии и Флота периода Гражданской войны? Больше всего споров вызывает количество бойцов Красной армии и Флота в августе 1920 г. Практически во всех советских и зарубежных изданиях это количество вплоть до конца 70-х годов определялось в 5–5,5 млн человек (на конец 1920 г.)¹⁷. Эту цифру впервые сообщил Л.Д. Троцкий в декабре 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов¹⁸. После опубликования новых материалов¹⁹ в литературе стали одновременно фигурировать другие цифры на 1920 г.: около 5 (едоков) и около 3 (действительных бойцов) млн человек. При этом исследователи, настаивавшие на цифре в 5 млн, объясняли численную разницу состава армии планами ее сокращения после окончания Гражданской войны с 5 до 3,3 млн²⁰.

Согласно переписи 28 августа 1920 г. в Красной армии и Флоте состояло на это время 2 892 066 человек, мужчин и женщин²¹. Эта цифра приводится и в других источниках ЦСУ, она близка и к другим сведениям о численности армии²². Расхождение же в цифрах, как представляется, объясняется следующими обстоятельствами. В повседневной отчетности фигурировали цифры штатного расписания, заданные военными комиссариатами. Согласно этим сведениям в Красную армию за три года было привлечено 6 707 588 человек²³. К осени 1920 г. в Красной армии насчитывалось 5 427 273 человек: 2 455 990 в действующей армии и 2 971 283 в тылу²⁴. Однако это были лишь штатные единицы. Перепись показала количество

вдвое меньшее: 2 892 066 человек. Приведенные цифры совпадают с количеством войск, подчиненных полевому командованию на фронте и в тылу: 2 937 141 человек²⁵. Близкая к этой цифра в 3,3 млн как «вполне боеготовой и жизнеспособной» части состава РККА была взята за основу на заседании РВС 6 декабря 1920 г.²⁶ Реальное количество, около 3 млн человек, состоящих в Красной армии и Флоте, осталось известным только узкому кругу военного командования и правительства.

Важным вопросом является и количество командного состава в Красной армии и Флоте. Подтекст этого вопроса состоит в определении количества офицеров царской армии, перешедших служить большевикам. По переписи в Красной армии и Флоте насчитывалось 71 302 командира²⁷. По всей вероятности, именно такова была численность командного состава армии, соответствовавшего чинам офицеров и генералов старой армии. Эта цифра вполне соответствует и соотношению количества командиров на рядовой состав в старой армии: 1 командир на 40–50 человек²⁸.

Цифры возрастного состава Красной армии и Флота по переписи 1920 г. известны в литературе давно²⁹. Однако представленные материалы переписи возраста по годам дают возможность делать самые разнообразные подсчеты. Бросается в глаза чрезвычайно большой процент младших возрастов в составе Красной армии. Так, только в возрасте 15–17 лет, т. е., в сущности, детей в армии насчитывалось 32 466 человек, 1,1% всего состава РККА. Это почти в 20 раз больше количества детей, бывших в армии в годы Первой мировой войны³⁰. Самый большой процент состава армии представлен возрастными в 19 и 20 лет, соответственно 10,3 и 10,2%. Вероятно, здесь нашла свое воплощение призывная политика сделать ставку на более молодые возраста, которые «еще не изведали военной службы, не потрепаны испытаниями войны, не выбиты из равновесия резким переломом режима в старой армии и по молодости своей гибче и восприимчивее»³¹. В целом, молодежь от 15 до 24 лет составляла 53,3%³².

Важной характеристикой Красной армии являлось участие в ней десятков тысяч женщин. В литературе уже приводилась общая цифра участия женщин в Красной армии и Флоте в Гражданской войне: 65 836 человек³³. По материалам РГАЭ, их было 64 074 человек³⁴. При этом больше всего женщин – участниц войны было в самых младших возрастах: в 15 лет – 11%, в 16–17 лет – 19%, в 18 лет – 6%, далее приблизительно по 2%. В целом женщины в армии в годы Гражданской войны составляли 2,2–2,3% от ее состава. Это было первым случаем массового участия в войне жен-

щин России. Оно равнялось в относительных величинах участию женщин в годы Великой Отечественной войны – 2,3%³⁵.

Материалы переписи дают точные сведения и о социально-экономическом статусе контингента Красной армии. В советской историографии классовый состав вооруженных сил на конец 1920 г. обычно определялся так: 14,9% рабочих, 77,4% крестьян, 7% служащих, 0,7% прочих³⁶. Однако даже те материалы, на которые ссылались советские историки, содержат уточняющие «классовый состав» сведения. Так, фабричные и заводские рабочие составляли 3,27%, а чернорабочие – 10,13%. Значительную часть, не фигурировавшую в историографии, составляли ремесленники и мастеровые (16,37%) и т. д.³⁷ Большая ценность материалов переписи 28 августа 1920 г. состоит в наличии данных по профессиональному составу Красной армии, представленному в самых значительных комбинациях: по фронтам и тылу, по возрастам и т. д. В представленных материалах есть и подробные сведения об образовании различных категорий служащих в Красной армии и Флоте.

Подробные сведения даны в переписи и о национальном составе Красной армии и Флота. В литературе есть работы, сделанные в основном из расчета национального состава лишь отдельных воинских объединений³⁸. При этом авторы указывали на отсутствие полной сводки данных о национальном составе Красной армии³⁹. Представляемые материалы дают такую сводку. Прежде всего обращает внимание действительно широко интернациональный состав вооруженных сил революции – 132 национальности. Но эти же материалы позволяют развеять мифы о большом количестве в составе Красной армии китайцев, латышей, венгров, сербов.

В целом представленные материалы военной переписи РККА и Флота являются наиболее полными статистическими сведениями о социальном составе советских Вооруженных сил в период ведения военных действий за какой-либо срок их существования.

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

Социальный состав Красной армии и Флота
по переписи 28 августа 1920 г.⁴⁰

Таблица 1

Сводная по Республике возрастная группировка
по категориям войсковых частей и их объединений
(мужчины–женщины)

Возраст	По округам (Беломорский, Восточно-Сибир- ский, Заволжский, Западный, Западно- Сибирский, Кав- фронт, Киевский, Московский, Орлов- ский, Петроград- ский, Приволжский, Уральский, Харьковский)	По фронтам	Флот	Всего
15	1001–165	1292–129	165–9	2458–303
16	3128–709	3328–536	299–26	6755–1271
17	9658–1943	8138–1451	466–36	18262–3430
18	56026–2886	27600–2352	1018–58	84644–5296
19	187731–3440	101437–2773	2189–62	291357–6275
15–19	257544–9143	141795–7241	4137–191	403476–16575
20	165988–3438	117946–3051	3455–63	287435–6552
21	107608–2077	77565–1864	1876–36	187078–3977
22	120729–2594	95811–2316	2754–61	219337–4971
23	119250–2386	96628–2035	3862–60	219774–4487
24	100827–1892	80852–1546	3288–45	184988–3483
20–24	614602–12387	468802–10812	15235–265	1098612–23464
25	99653–1783	78167–1592	3709–48	1815569–3423
26	88899–1437	65318–1176	2657–29	156894–2642
27	88555–1248	38527–1026	3287–40	150384–2314
28	85584–1252	54471–900	2852–32	142907–2184
29	65344–760	40841–533	2117–23	108302–1316
25–29	428012–6480	297324–5227	14622–172	740043–11879
30	65050–1070	39205–715	1719–34	105979–1819
31	44985–350	25565–258	1083–13	71639–621
32	52784–602	31444–430	1294–10	85530–1042
33	39050–498	23573–287	919–17	63557–802
34	28292–346	16774–222	666–22	45737–590
30–34	230162–2866	136561–1912	5719–96	372442–4874
35–39	77236–1841	51260–970	2190–78	130694–2889
40–44	19850–1065	11393–466	822–46	32066–1577
45–49	4919–671	3478–320	460–32	8857–1023
50–59	2961–618	1875–258	371–38	5207–914
60 и выше	936–111	457–55	71–3	1464–169
Не указан	5734–123	29331–586	53–2	35718–711
Итого	1642074–35304	1142276–27847	43642–923	2827992–64074
Всего				2892066

Источник: РГАЭ. 1562. Оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 4.

Таблица 2

Возрастная группировка населения по категориям войсковых частей и объединениям по губерниям

Губерния	15–19 (лет)	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	60+	Не ук-но	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Алтайская	1981 (муж)	6437	4919	2043	519	184	98	42	12	8	16243
	156 (жен)	132	68	24	15	7	2	7	2	0	413
Архангельская	1661	3862	4147	2861	557	82	18	8	1	7	13204
	72	81	36	23	16	3	6	3	3	9	243
Астраханская	4024	4706	3716	2708	2970	1042	61	37	10	124	19398
	28	41	28	14	16	10	3	6	0	12	158
Бакинская	531	4479	4399	2332	203	31	12	11	2	4	12004
республика	61	40	21	9	4	4	1	2	0	9	142
Брянская	3795	18914	10406	4605	1008	261	29	22	9	61	39110
	77	132	69	46	17	12	5	8	3	9	369
Витебская	2776	10906	7827	4172	977	246	66	48	22	39	27079
	233	385	200	77	44	24	22	10	2	4	1001
Владимирская	1670	6128	5882	2861	710	163	57	28	7	9	17515
	22	39	30	10	5	9	2	7	9	0	124
Вологодская	2901	4230	5010	2819	688	123	42	35	17	7	15872
	40	61	44	16	17	10	10	9	1	0	208
Волынская	834	1767	1064	561	384	162	66	57	26	2	4923
	119	156	46	29	17	12	3	4	0	1	387
Воронежская	1047	3596	3920	2719	1149	551	32	13	3	20	13050
	130	145	71	27	36	21	5	5	94	09	440
Вятская	7094	15051	11918	6571	2183	366	71	47	9	45	43355
	123	272	60	77	150	33	13	11	6	0	745
Гомельская	1740	9665	8268	4193	722	195	59	29	10	296	25537
	238	288	140	41	28	24	8	6	2	0	775

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Донецкая	3491	12787	6153	2560	945	394	64	29	7	58	26488
	434	466	164	78	41	24	15	13	1	3	1239
Донская	4779	17300	12135	5911	2787	515	162	126	54	146	43915
	300	429	190	88	55	28	18	15	2	1	1126
Екатерин- бургская	8128	15291	9926	4277	2190	559	169	56	9	87	41322
	232	338	176	72	41	27	18	9	0	5	918
Екатерино- славская	1671	6184	2590	1164	691	259	137	108	36	32	12872
	466	528	200	85	56	29	15	17	1	5	1402
Енисейская	11331	12506	6825	3880	1651	852	476	65	17	1174	38777
	160	241	130	64	38	24	7	5	0	9	678
Иваново- Вознесенская	623	2404	1876	1262	275	75	11	10	2	3	6541
	4	14	10	6	4	2	3	4	0	0	47
Иркутская	3321	4492	2526	1785	512	219	128	105	44	12	13144
	152	120	65	32	21	14	4	8	1	0	417
Калужская	988	5708	5855	3047	591	202	74	26	11	39	16541
	52	62	43	24	11	9	5	6	1	2	215
Киевская	2577	10593	3840	1650	479	156	81	51	20	48	19495
	142	200	125	57	34	25	7	16	1	2	609
Киргизский крае- вой комиссариат	81	312	252	71	25	11	1	0	1	2	756
	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Костромская	1507	6632	4808	2102	557	148	28	17	4	28	15831
	20	44	21	15	8	3	6	7	3	0	127
Кубано- Черноморская	3044	7991	5629	2244	1300	217	28	17	4	28	20538
	66	79	31	16	12	2	6	7	3	0	208
Курская	2978	7834	7403	3126	523	1370	30	23	19	384	23690
	129	147	59	22	9	10	6	7	2	7	398
Маркштадская	978	2623	1645	854	251	26	5	2	0	3	6387
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Московская	25860	39996	28616	15517	4084	991	316	247	78	614	116318
	333	507	340	196	132	90	84	84	8	4	1778
Нижегородская	4508	9991	7918	6160	1233	263	74	26	13	54	30240
	28	67	50	22	21	6	8	5	0	0	207
Николаевская	337	732	457	230	74	37	11	9	1	1	1889
	25	24	6	4	2	1	2	0	0	0	64
Новгородская	998	3810	3713	2157	512	179	54	34	15	9	11481
	54	122	62	33	20	22	7	7	2	1	330
Одесская	1249	5597	2378	911	405	131	56	40	10	18	11195
	30	70	23	18	10	4	1	4	1	0	161
Олонечкая	305	935	968	698	284	73	19	5	0	0	3267
	36	50	21	4	7	3	0	0	1	2	124
Омская	7602	12378	8470	4422	759	295	113	87	26	24	34176
	192	257	149	72	62	25	22	24	0	1	804
Оренбургская	1067	3811	2990	1272	551	75	31	28	9	10	9844
	160	192	107	38	34	6	7	15	0	7	566
Орловская	10694	7108	5390	2961	1389	404	23	37	11	49	28066
	135	156	96	48	19	12	8	9	1	1	487
Пензенская	4638	9599	7286	3815	880	272	58	36	9	35	26628
	95	165	90	47	30	15	14	10	3	0	469
Пермская	7439	13815	8934	4651	1688	265	40	29	5	29	36895
	65	113	80	39	14	9	9	9	1	0	339
Петроградская	12208	21207	15495	7965	3246	1068	262	252	68	154	61925
	141	264	207	118	84	77	54	44	15	12	1016
Подольская	327	1062	520	312	141	56	27	19	9	3	2476
	33	46	23	13	4	2	2	0	0	0	123
Полтавская	4275	13910	4673	1843	609	179	40	31	24	30	25584
	169	215	91	39	18	15	13	2	0	0	562

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Псковская	1456	6260	5286	3099	609	177	60	25	7	34	17013
	75	171	84	36	22	7	10	3	1	2	411
Рязанская	2858	13370	9983	85?	1840	300	77	56	11	65	37060
	27	110	67	28	14	10	11	6	2	0	349
Самарская	4174	17551	13374	7878	5681	419	118	95	29	114	49433
	354	427	263	99	79	41	26	17	5	2	1313
Саратовская	8923	24602	16680	11823	6884	560	90	78	19	649	70308
	337	452	286	90	57	31	10	16	3	0	1282
Симбирская	3613	12904	9784	4676	2178	295	95	60	12	95	35512
	138	272	145	60	50	24	22	14	2	2	729
Северо-Двинская	287	1436	1563	1167	288	47	15	0	0	7	4810
	1	12	3	1	1	1	1	0	0	0	10
Семипалатинская	1467	4659	3222	1476	346	148	63	22	3	44	11450
	46	71	43	30	14	7	3	3	0	0	217
Смоленская	24770	28037	23307	10746	2250	568	144	85	26	273	90206
	232	467	261	123	71	40	24	24	2	12	1256
Ставропольская	3884	9023	3945	1786	635	99	23	5	3	46	19449
	27	41	17	10	7	1	1	0	0	1	105
Тамбовская	4056	12057	9821	5456	1448	1544	97	62	16	47	34604
	292	330	194	91	70	43	25	23	2	4	1074
Татарская респ.	4557	14219	11198	8357	3702	320	110	36	13	28	42540
	114	199	93	39	18	15	12	9	0	0	499
Тверская	3940	14199	11412	5742	1090	268	92	53	12	60	36868
	54	104	57	29	19	12	13	10	3	0	301
Терская	2527	5684	3612	1890	922	162	78	44	20	34	14973
	243	258	149	82	33	21	11	11	3	2	813
Томская	4726	12415	6785	2906	641	213	119	63	15	56	27939
	141	183	700	49	30	12	12	2	1	2	532

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

Окончание таблицы 2

А.Б. Астапов

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Тульская	2102	8338	6286	4549	947	169	87	50	12	145	22685
	163	157	74	38	33	20	12	16	4	1	518
Тюменская	2406	4162	3137	1852	404	47	20	6	5	18	12057
	44	92	33	10	17	2	6	4	0	0	208
Уфимская	4186	8928	6045	2303	847	178	35	17	9	39	22587
	130	148	86	39	30	12	7	5	4	1	462
Харьковская	8456	30801	12480	5508	1739	545	202	125	39	137	60032
	1033	1313	624	192	126	68	30	33	9	7	3435
Херсонская	1933	7916	2812	998	417	118	56	36	13	23	14322
	124	175	83	24	10	8	2	2	0	2	433
Царицынская	2255	4607	3541	2080	1201	302	65	26	5	14	14096
	171	241	102	45	15	7	3	4	1	0	590
Челябинская	5156	14002	12162	5349	1028	243	51	27	8	18	38044
	202	224	112	50	36	8	4	1	4	0	641
Черниговская	970	4769	2503	1085	482	169	30	30	12	19	10069
	132	156	66	31	18	10	6	4	1	1	425
Череповецкая	241	1339	1661	730	140	29	2	3	0	5	4150
	2	4	8	2	3	0	0	1	0	1	21
Ярославская	1574	5739	6306	3114	815	253	46	57	13	47	17964
	35	88	58	21	16	12	5	11	1	3	250
Всего	257501	614396	428012	230162	77236	19850	4919	2961	936	5725	1641742
	9143	12387	6480	2866	1841	1065	671	618	111	123	35305

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 1.

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

Таблица 3

Семейное состояние военнослужащих мужчин в связи с возрастом
и войсковыми категориями по Красной армии и Флоту

Возраст	Состояние					
	Холостые	Женатые	Вдовы	Разведенные	Неустановленные	Итого
15–19	343133	50601	212	139	14737	408822
20–24	713968	364230	4269	1398	37057	1120922
25–29	276271	444421	8604	1924	24143	755363
30–39	81150	404219	11270	1685	16439	514763
40–49	4594	34567	2022	208	1538	42929
50–59	574	3975	583	28	222	5382
60 и старше	107	992	312	5	75	1491
Не указавшие	2982	2480	61	13	30203	35739
Итого	1422779	1305485	27333	5400	124414	2885411

Источник: Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2). С. 94–95. РГВА Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 47об.–48.

Таблица 4

Сводная по республике таблица возрастной группировки населения по категориям войсковых частей и объединений в Красной армии и Флоте. Комсостав (мужчины–женщины)

Возраст	Части							Итого	Всего с Туркестаном
	По фронтам	Штабам пехотных армий	Пехотным дивизиям	Конным частям	Отдельным бригадам	Трудовым армиям	По флоту		
15			3–0	1–0				4–0	6–0
16	3–1	5–2	8–1	5–1				21–5	24–6
17	11–2	29–2	51–4	13–2	1–0	3–0	1–0	109–10	123–14
18	21–10	126–18	177–6	45–4	4–0	19–0	9–0	401–38	444–45
19	57–24	293–31	572–11	98–10	14–0	26–1	16–0	1076–77	1187–84
15–19	92–37	453–53	811–22	162–17	19–0	48–1	26–0	1611–130	1784–149
20								12342–103	2622–111
21								2559–78	2821–83
22								3910–95	3448–102
23								5243–108	5769–118
24								5848–89	6322–95
20–24	607–73	4659–225	11342–120	1953–49	257–0	553–5	531–1	19902–473	21882–509
25								5610–91	6093–98
26								5087–62	5554–65
27								4712–63	5087–67
28								4428–69	4848–73
29								3782–30	4105–33
25–29	884–32	5866–177	12547–78	2368–25	334–0	599–2	1021–1	23619–315	25687–336
30–34	629–17	3363–68	5744–31	1218–4	130–1	338–3	583–0	12005–124	12971–132
35–39	816–11	1462–29	1886–10	365–2	36–1	148–0	282–0	4495–53	4847–62
40–44	111–3	544–14	630–3	125–2	18–0	54–0	151–0	1633–22	1777–25
45–49	66–2	276–6	163–1	33–0	4–0	27–0	75–0	644–9	712–12
50–59	38–3	160–3	87–0	22–0		14–0	77–04	398–6	438–7
60+	7–1	30–0	8–0	1–0		2–0	13–0	61–1	70–1
Не указано	166–20	278–18	453–5	29–0	8–0	3–0	6–0	943–43	958–43
Итого	2916–199	17091–593	33671–270	6276–99	806–2	1786–11	2765–2	65311–1176	71126–176

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 104. Л. 1.

Таблица 5

Распределение военнослужащих мужчин Красной армии и Флота по социальным, профессиональным группам и по главным занятиям до поступления в армию

	Рабочие	Служащие	Хозяева без наемной силы	Помогающие члены семьи	Хозяева с наемной силой	Прочие	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Работники сельского хозяйства	94154	0	1547930	582782	4479	0	2229345
Из них:							
Огородники	6774	0	4415	1137	0	0	6326
Рыболовы	3577	0	9319	5234	0	0	18130
Садовники, садоводы	2393	0	5097	1574	0	0	9964
Земледельцы без специальности	84601	0	1522931	572570	3781	0	2183773
Прочие	2809	0	6168	2377	698	0	12052
2. Горнорабочие	8795	0	22	34	0	0	8851
3. Металлисты	92111	0	5141	5993	491	0	103646
4. Деревообделочники	17334	0	3152	2948	327	0	23761
5. Писчебумажники	455	0	15	12	0	0	482
6. Печатники	9963	0	184	214	10	0	10371
7. Текстильщики	9148	0	768	755	67	0	10738
8. Швейники	15574	0	4368	3635	355	0	23932
9. Кожевники	29456	0	10501	8450	798	0	49205
10. Пищевики	17793	0	1246	1940	160	0	21139
11. Табачники	204	0	0	0	0	0	204
12. Химики	1684	0	146	128	6	0	1964
13. Стеклофарфорщики	1317	0	0	0	0	0	1317
14. Работники по обработке минералов	1172	0	101	82	0	0	1355

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8
15. Строители	29058	0	3715	4485	0	0	37258
16. Работники художественной промышленности	819	0	98	56	0	0	973
17. Железнодорожники	6823	0	0	0	0	0	6823
18. Водники	5373	0	21	24	0	0	5418
19. Местно-транспортники	8295	0	823	375	0	0	9403
20. Рабочие силовых установок	14064	0	0	0	0	0	14064
21. Разные рабочие	1975	0	0	0	0	0	1975
22. Рабочие без обозначения специальности	39927	0	0	0	0	0	39927
23. Административный персонал	0	760	0	0	0	0	760
24. Технический персонал	0	16823	0	0	0	0	16823
25. Хозяйственно-распределительный персонал	0	28290	0	0	0	0	28290
26. Учетно-контрольный персонал	0	18533	0	0	0	0	18533
27. Делопроизводственный персонал	0	60119	0	0	0	0	60119
28. Медико-санитарный персонал	0	14555	0	0	0	186	14745
29. Работники просвещения	0	11362	0	0	0	1228	12590
30. Работники искусства	0	6597	0	0	0	166	6763
31. Юридический персонал	0	938	0	0	0	19	957
32. Работники охраны безопасности	0	862	0	0	0	0	862
33. Работники связи	0	6422	0	0	0	0	6422

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8
34. Работники гигиены	0	3331	385	239	78	0	4033
35. Работники питания и общежитий	0	4785	0	0	0	0	4785
36. Служащие без обозна- чения специальности	0	9516	0	0	0	0	9516
Торговцы	0	0	4709	1451	0	0	6160
Рентьеры	0	0	0	0	0	6	6
Духовенство	0	0	0	0	0	407	407
Армия и флот	0	0	0	0	0	3921	3921
Деклассированные элементы	0	0	0	0	0	11	11
Иждивенцы государ- ственных и обществен- ных учреждений	0	0	0	0	0	4	4
Прочие занятия	0	0	166	193	1972	119	2450
Итого по занятиям	405494	182897	158349	613796	8653	6067	2800398
Не указавшие	0	0	0	0	0	0	56321
Итого самостоятельных	405494	182897	1583491	613796	8635	6067	2856719
Несамостоятельные (домашнее хозяйство, нетрудоспособные, учащиеся, прочие несамостоятельные)	0	0	0	0	0	0	28692
Итого	405494	182897	1583491	613796	8653	6067	2885411

Источник: Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2). С. 143–144. РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 72–72об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 105. Л. 143–144.

Сводная таблица по учету занятий военнослужащих Красной армии и Флота в соответствии с возрастом

	15–19	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60	Неизв.	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Рабочие									
Работники сельского хозяйства	12344	35240	25684	18233	2139	279	73	162	94154
Без специальности	11191	32189	23010	15997	1776	237	56	144	84601
Горнорабочие	763	3143	2763	1851	234	25	8	8	8795
Металлисты	13061	39003	23877	14113	1652	214	36	155	92111
Деревообделочники	1743	6025	5121	3814	488	75	24	44	17334
Писчебумажники	60	162	120	92	15	9	1	2	455
Печатники	1826	3989	2440	1480	169	92	5	22	9963
Текстильщики	1114	3046	2567	2088	270	34	7	22	9148
Швейники	1573	6243	4691	2635	321	45	13	53	15574
Кожевники	4985	11926	7502	4454	450	57	17	76	29456
Пищевики	2178	6810	4866	3438	409	53	10	23	17793
Табачники	34	62	41	49	16	2	0	0	204
Химики	240	624	415	356	42	3	1	3	1684
Стеклофарфорщики	177	519	368	221	87	2	0	3	1317
Работники по обработке минералов	159	402	326	243	32	6	4	0	1172
Квалифицированные строители	2504	9646	8428	6294	951	180	47	73	28123
Всего строителей	2594	9952	8668	6530	1000	194	48	74	29058
Работники художественной промышленности	102	268	268	202	23	4	2	1	819
Железнодорожники	853	2670	1718	1368	169	28	7	10	6823
Водники	556	2087	1998	983	187	42	10	10	5373
Местно-транспортники	834	2926	2373	1340	297	73	19	33	8295
Рабочие силовых установок	1889	5593	3749	2430	306	60	15	22	14064
Разные рабочие	273	829	476	338	53	4	0	2	1975

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Рабочие без обозначения специальности	5957	13804	10219	7880	1533	255	69	210	39927
Итого рабочих	53262	155323	109750	74538	9832	1490	369	930	405494
Служащие									
Административный персонал	40	171	205	242	73	24	5	9	760
Техперсонал	1398	5785	5040	3700	671	163	31	35	16823
Хозяйственно-распределительный персонал	3180	10640	8187	5388	692	116	32	55	28290
Учетно-контрольный персонал	2033	6135	4874	4380	858	187	34	32	18533
Делопроизводственный персонал	13103	24244	12513	8366	1361	267	102	163	60119
Медико-санитарный персонал	627	3045	4358	5028	1174	214	56	57	14559
Работники просвещения									
Академики, ученые, профессора, лекторы	7	39	53	61	15	4	2	4	185
Всего работников просвещения	1154	3597	3174	2921	383	79	28	26	11362
Работники искусства									
Актеры, режиссеры	107	425	323	265	56	5	4	6	1191
Артисты цирка и балагана	6	65	69	76	10	3	1	0	230
Балерины, танцовщики	2	12	11	3	0	0	0	0	28
Музыканты, дирижеры	599	1196	1001	918	210	50	23	7	4064
Певцы, хористы	11	39	59	65	12	6	0	0	192
Художники, декораторы, скульпторы	70	249	198	151	22	5	1	1	697
Всего работники искусства	847	2061	1707	1557	312	70	29	14	6597
Юридический персонал	7	92	244	446	116	22	7	4	938
Работники охраны безопасности	138	181	184	222	75	36	22	4	862
Работники связи	1436	3126	1030	658	101	22	9	40	6422
Работники гигиены	778	1238	727	512	55	16	1	4	3331
Работники питания и общежития	357	1087	1297	1467	390	134	46	7	4785
Всего служащих	26203	65035	45757	36898	6676	1440	430	458	182897

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

Окончание таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Лица внеслужебного положения	163	694	472	306	61	15	3	4	1718
Хозяева без наемных рабочих									
Работники сельского хозяйства									
Земледельцы без специальности	191308	573980	416132	313633	20793	1624	394	5067	1522931
Всего хозяев	193664	581777	423207	320292	21798	1681	404	5107	1547930
Всего хозяев без наемных рабочих	196621	593527	434090	328958	22800	1863	448	5184	1583491
Помогающие члены семьи	109593	267428	141353	61528	1645	97	27	1111	582782
Работники сельского хозяйства									
Всего помогающие члены семьи	115387	281426	149157	64776	1846	108	33	1163	613796
Хозяева с наемными рабочими									
Сельские хозяева	406	1288	1112	867	82	13	6	7	3781
Всего хозяев с наемными рабочими	738	2629	2179	2650	360	63	18	16	8653
Духовенство	19	56	109	162	54	6	1	0	407
Армия и Флот	97	833	1051	1102	539	225	41	33	3921
Несамодельные	136	51	22	3	0	1	0	0	213
Нетрудоспособные	855	2432	2011	1437	207	68	49	36	7095
Не указавшие	7598	10081	6337	3927	534	102	99	27643	56321
Учащиеся	7723	8809	4046	465	16	1	9	291	21331
Всего	408822	1120922	755963	514769	42930	5382	1491	35738	2885411

А.Б. Астахов

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 110. Л. 1–10, 12–13, 15–21, 26, 31, 34–36.

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

Таблица 7

Образовательный ценз мужчин Красной армии и Флота

Ценз	Количество
Неграмотных	494833
Грамотные без образовательного ценза	431941
В том числе	
Умеющих только читать	28965
Малограмотных	65699
Умеющих читать и писать	228276
С домашним образованием	108901
С образовательным цензом	
Низший образовательный ценз	1725224
В том числе не окончивших	479983
Средний образовательный ценз	70413
В том числе не окончивших	36797
Высший образовательный ценз	13376
В том числе не окончивших	6185
Итого с образовательным цензом	1809013
В том числе не окончивших	522965
Специальный образовательный ценз	129381
В том числе не окончивших	30777
Всего	2865168

Источник: Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2.) С. 78–79. РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 39об.–40.

Таблица 8

Распределение военнослужащих мужчин
Красной армии и Флота по национальности и грамотности
в связи с территорией и войсковыми подразделениями
(после национальности указано общее количество,
из них – неграмотные).

Национальность		Национальность	
1		2	
Абхазы	6–6	Каракалпаки	167–9
Аваро-андийцы	89–51	Карачаевцы	5–3
Авганцы	118–18	Карелы	1236–956
Австрийцы	605–493	Кашгарцы	56–4
Айны	1–0	Кипчаки	1–0
Албанцы	6–2	Киргизы	9958–1593

Продолжение таблицы 8

1		2	
Американцы	6–6	Корейцы	207–146
Англичане	35–33	Коряки	2–0
Арабы	21–11	Кряшины	220–110
Армяне	5976–4477	Кумыки	150–93
Бакалинцы	2–2	Курды	32–18
Балкары	9–1	Курляндцы	10–6
Башкиры	18221–7565	Лазы	1–0
Белоруссы	62495–54111	Лаки	57–30
Бельгийцы	13–13	Латгальцы	223–187
Бессермяне	8–3	Латыши	16603–15977
Болгары	439–366	Лезгины	287–141
Босняки	18–12	Литовцы	4904–4432
Буры	1–1	Лопари	12–6
Буряты	66–42	Лытки	6–3
Великороссы	2268429–1925219	Мещеряки	123–56
Венгерцы	5945–5459	Мингрельцы	5–5
Вогулы	6–4	Молдаване	1314–812
Вотяки	10388–7017	Монголы	6–4
Гагаузы	12–7	Мордва	15187–10492
Галичане	509–370	Муганлинцы	87–5
Голландцы	37–37	Нагайбаки	70–62
Горцы Кавказа	43–16	Негры	1–0
Греки	764–696	Немцы	19899–17757
Грузины	748–653	Ногайцы	59–18
Дагестанцы	8–3	Норвежцы	3–1
Даргинцы	59–34	Осетины	599–386
Датчане	7–7	Остяки	11–5
Дунгане	560–94	Пермяки	622–400
Евреи горские	53–41	Персы	1955–408
Евреи	38327–35712	Поляки	22083–19077
Заменкулы	1–0	Португальцы	2–2
Зыряне	3916–3133	Румыны	777–570
Ижоры	138–138	Русины	109–62
Имеретины	3–3	Самоеды	8–6
Ингуши	116–49	Сарты	6623–793
Индейцы	1–0	Сербы	967–748
Индусы	12–2	Сирхалдеи	27–22
Ирландцы	2–2	Словенцы	162–144
Испанцы	7–7	Басаранцы	1–0
Итальянцы	121–119	Таджики	438–62
Кабардинцы	419–85	Талышинцы	1–0
Кадарцы	6–0	Тарчи	238–46
Казачи-киргизы	354–89	Татары	96490–51033
Калмыки	1671–314	Татары азербайджанские	1441–428
Караимы	189–167	Татары сибирские	46–23
Китайцы	2236–705	Таты	1–1

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

Окончание таблицы 8

1		2	
Текинцы	92–11	Черемисы	9947–6950
Тептяри	160–44	Черкесы	203–115
Тургусы	3–1	Черногорцы	8–7
Турки	856–241	Чехословаки	927–895
Туркмены	1203–110	Чеченцы	494–96
Удморды	25–10	Чуваши	29038–21370
Удинцы	3–3	Чудь	57–44
Узбеки	2589–309	Чухонцы	128–107
Украинцы	167304–143063	Шведы	60–60
Фарсиды	19–0	Швейцарцы	7–7
Финны	4067–3902	Эсты	5718–5541
Французы	55–53	Юкагиры	2–2
Хорваты	238–165	Якуты	19–11
Цыгане	155–38	Японцы	7–6

Источник: Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. XIII. Вып. 2.) С. 52–53. РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 26об–27.

Примечания

- 1 Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007.
- 2 Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1978. Т. 4 (далее – Директивы); Реввоенсовет республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997.
- 3 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 25. Л. 199; Д. 92. Л. 28.
- 4 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 102. Л. 1–4об.
- 5 Там же. Л. 12–13.
- 6 Там же. Л. 14–16.
- 7 Труды ЦСУ. Т. 13. Вып. 2: Отдел военной статистики. Итоги переписи Красной Армии и Флота 28 Августа 1920 года. (Серия 1, выпуск работ отдела военной статистики) // РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432.
- 8 Данное дело представляет типографский экземпляр без титульного листа с записью чернилами на одном листе: Труды ЦСУ. Т. 13. Вып. 2. Отдел военной статистики. Итоги переписи Красной Армии и флота. 28 августа 1920 года. (Серия 1, выпуск работ отдела военной статистики); РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 1.
- 9 Труды ЦСУ. М., 1920. Т. 13. Вып. 1: Отдел военной статистики. Итоги переписи Красной Армии и флота, 28 августа 1920 г. Это издание, на кото-

- рое ссылаются в своих работах М.А. Молодцыгин и А.В. Крушельницкий, ни в одной из центральных библиотек Москвы, включая библиотеки РГАЭ, РГАФ и РГВА, обнаружить не удалось.
- 10 Энциклопедия статистических публикаций (Древняя Россия, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик, X–XX вв.) / Симчера В.М. и др. М., 2001. С. 284.
 - 11 Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. За пять лет работы Центрального статистического управления. М., 1924. С. 92–96. (Труды ЦСУ; Т. 17).
 - 12 *Молодцыгин М.А.* Рабоче-крестьянский союз, 1918–1920. М., 1987. С. 216; *Она же.* Социальный и национальный состав Красной Армии в годы гражданской войны // *Армия и общество, 1900–1941 гг.* М., 1999. С. 115–138; *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне. М., 1968. С. 348.
 - 13 *Каряева Т.Ф.* За строкой директивы главкома // *Новое в жизни, науке, технике.* Сер. «История». 1980. № 12. С. 58–59; *Она же.* Об издании документов по истории строительства РККА и вооруженной борьбы в 1917–1922 гг. // *Военно-исторический журнал.* 1978. № 9. С. 82; *Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А.* Становление РККА как армии дружбы и братства народов // *Боевое содружество советских республик, 1919–1922 гг.* М., 1982. С. 23–24.
 - 14 Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 7.
 - 15 X лет Красной Армии: Альбом диаграмм. М., 1928. С. 2.
 - 16 *Молодцыгин М.А.* В.И. Ленин о значении союза рабочего класса с крестьянством в защите Советской власти // *Защита великого Октября.* М., 1982. С. 66.
 - 17 *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979. С. 504; *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. М., 2006. С. 410. Все ссылки приводились на издание «50 лет Вооруженных сил СССР» (М., 1968. С. 158–159), в котором, однако, указания на источники этой цифры отсутствовали.
 - 18 *Benvenuti Fr.* The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 1988. С. 214, 257.
 - 19 Директивы. С. 185, 227, 276–277; *Молодцыгин М.А.* Рабоче-крестьянский союз, 1918–1920. С. 213.
 - 20 *Молодцыгин М.А.* Красная Армия: Рождение и становление, 1917–1920 гг. М., 1997. С. 197.
 - 21 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 4. Или 2 885 411 (без разделения на женщин и мужчин): Итоги переписи Красной Армии и флота. 28 августа 1920 года (Труды ЦСУ. Т. 13, вып. 2). С. 52–53 // РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 26об.–27.
 - 22 Итоги переписи населения 1920 г. С. 7. Согласно специальному воинскому учету на 1 сентября 1920 г. в РККА числилось 3538 тыс. человек: Там же; X лет Красной Армии. С. 6.
 - 23 Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исслед. М., 2005. С. 165, 167.

Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г.

- 24 Директивы. С. 227. См. также цифру штатной численности Красной армии в 1920 г. в 5300 тыс. чел.: X лет Красной Армии. С. 6.
- 25 Директивы. С. 185.
- 26 РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 13. Л. 155–156; Доклад Главного командования в РВС республики о плане сокращения армии. 5.12.1920. г. // Директивы. С. 227. В издании «X лет красной армии: Альбом диаграмм» (С. 6) состав Красной армии оценивается в 3538 человек при штатной численности в 5300 тыс.
- 27 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 104. Л. 1.
- 28 В царской армии, согласно Общей сводке потерь комсостава, было 130 959 человек офицеров и генералов (РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 465. Л. 22об.–23), т. е., исходя из расчета постоянной действующей армии в 6500–6800 тыс. солдат (*Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 181–184) около 50 чел. на 1 командира.
- 29 Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. С. 92.
- 30 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 4; *Минакова В.П., Фомичев И.В.* Общественно-педагогическое движение в России в годы Первой мировой войны. Воронеж, 2003. С. 79–80; Дела «о розыске и возвращении бежавших в действующую армию детей и юношей, не достигших 18-летнего возраста»: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 724–730.
- 31 Реввоенсовет республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997. С. 22–23.
- 32 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 4; Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. С. 92.
- 33 *Молодцыгин М.А.* Социальный и национальный состав Красной Армии в годы Гражданской войны. С. 119. В издании «Итоги переписи населения 1920 г.» (С. 7) указана другая цифра женщин в РККА – 66 198 человек.
- 34 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 104. Папка «Военнослужащие». Л. 4.
- 35 800 тыс. женщин на 34,5 млн призванных в армию: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Ист. опыт России. М., 1999. С. 165; Россия и СССР в войнах XX века. С. 288.
- 36 Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. С. 94; *Стирлин Л.М.* Указ. соч. С. 346; 50 лет вооруженных сил СССР. С. 158; *Кораблев Ю.И.* Указ. соч. С. 504.
- 37 Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. С. 91.
- 38 *Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А.* К вопросу о становлении Красной Армии как армии дружбы и братства народов // Гражданская война на Северном Кавказе. Материалы регион. науч. сес. 23–24 дек. 1980. Махачкала, 1982. С. 178–186; *Они же.* Становление РККА как армии дружбы и братства народов // Боевое содружество советских республик. 1919–1922 гг. М., 1982. С. 16–29.
- 39 *Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А.* К вопросу о становлении Красной Армии. С. 183.
- 40 Все таблицы, кроме специально оговоренных, были составлены в ЦСУ и взяты из соответствующих архивных документов.

Р.Н. Перелётов

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ДОНСКОГО БАСЕЙНА

Имеющиеся археологические материалы позволяют утверждать, что Византийская империя играла огромную роль в организации международных экономических контактов региона Донского бассейна в эпоху Средневековья. В товарообороте рынка Донского бассейна были различные сорта византийских тканей, продукты питания, благовония и всевозможные украшения из цветных металлов, художественного стекла и прочих материалов. Кроме того, здесь имели хождение золотые, серебряные и медные византийские монеты. Статья посвящена анализу данных нумизматических материалов Донского бассейна.

Ключевые слова: Донской бассейн, византийские монеты, клад, городище, могильник, подражание.

С древнейших времен и вплоть до окончательного вхождения в состав Российской империи в XVIII в. Донской бассейн не принадлежал целиком какой-либо одной племенной группе или государственному образованию. Вследствие этого в эпоху Средневековья данный регион являлся уникальной контактной зоной и местом пересечения по меньшей мере пяти цивилизаций: западноевропейской, среднеазиатской, византийско-причерноморской, тюркско-кочевнической и славяно-русской.

В самых разнообразных широтных и меридиональных направлениях территорию этой речной системы пересекали водные и сухопутные трансконтинентальные магистрали, благодаря непрерывному существованию которых формировалось и даже после глобальных политических потрясений сохранялось единое культурно-экономическое пространство Евразийского материка и Северной Африки. Имеющиеся археологические материалы позволяют

утверждать, что огромную роль в организации международных экономических контактов региона в указанный период играла Византийская империя. В товарообороте рынка Донского бассейна были различные сорта византийских тканей, продукты питания, благовония и всевозможные украшения из цветных металлов, художественного стекла и прочих материалов. Кроме того, здесь имели хождение золотые, серебряные и медные византийские монеты.

На сегодняшний день на территории Донского бассейна нам известны пять кладов и 25 случаев обнаружения местонахождений отдельных византийских монет, монетных обломков и подражаний им. По целому ряду кладов и местонахождений сохранилась лишь отрывочная информация. Часто неизвестны точный состав и количество монет в кладе. В разных публикациях встречаются расхождения в атрибуции одних и тех же монет. Общее число учтенных византийских монет едва превышает сотню экземпляров, причем значительная их доля в свое время осела в частных коллекциях или была утрачена для науки безвозвратно. Нельзя забывать и том, что большое количество редких монет, пользующихся огромным спросом на черном рынке, уходит в руки коллекционеров, минуя вообще какой-либо учет и регистрацию.

Из всего учтенного нами комплекса византийских монет с Верхним Доном могут быть связаны лишь два отдельных местонахождения. Они включают в себя не более четырех экземпляров, имеющих неясную атрибуцию (Тульская область, до 1822 г.; Елецкий район, до 1954 г.). Впрочем, для полноты картины распространения данных материалов следует отметить, что в верховьях соседнего Окского бассейна прослеживается еще клад и два отдельных местонахождения византийских монет (Белёв, до 1807 г.; Серповое, 1892 г.; Серповое, 1896 г.)¹.

На Среднем Дону был найден клад византийских монет VII–XII вв., точный состав которого не известен (Ростовская область, XIX в.), и на реке Хопёр обнаружена одна медная монета в 40 нуммий (село Пады, до 1962 г.)².

В могильниках левобережья Нижнего Дона известны семь случаев обнаружения отдельных находок византийских монет, общее количество которых доходит до 12 экземпляров (Большая Орловка, до 1988 г.; Романовская, 1884 г.; Романовская, до 1988 г.; Саловский могильник, 1981 г.; Потайной могильник, до 1981 г.; Соколовская балка, до 1988 г.; Дорофеевский могильник, до 1988 г.)³. Клад византийских монет был обнаружен в устье Дона в станице Елизаветовская в 1901 г. Одна византийская монета Нижнего Дона (станция Пятиизбянская, до 1893 г.) тяготеет к месту древнего Волго-Донского волока и группе концентрации отдельных находок визан-

тийских монет в районе соседнего Волгограда, где фиксируется не менее 10 случаев их обнаружения (Водянское городище, до 1915 г.; Водянское городище, 1915 г.; Водянское городище, до 1916 г.; Водянское городище, до 1923 г.; Александровка, до 1903 г.; Рахинка, 1907 г.; Городище, 1892 г.; Красноармейский район, 1906 г.; Палласовский район, около 1915 г.; Денежный остров, 1926 г.). Еще один клад медных византийских монет происходит из пригорода Волгограда (Волго-Донская железная дорога, до 1926 г.)⁴.

Особый интерес представляют византийские монеты, обнаруженные на месте Левобережного Цимлянского городища, традиционно связываемого с хазарским Саркелом или Белой Вежей русской начальной летописи. В 1883 г. во время раскопок В.И. Сизова здесь были обнаружены монета и клад, точный состав которого не установлен. В 1887 г. раскопки Н.И. Веселовского дополнили коллекцию византийских монет Левобережного Цимлянского городища еще двумя экземплярами. Одна монета была найдена в 1894 г. Наконец, в период проведения грандиозных раскопок накануне затопления Саркела водами Цимлянского водохранилища за три полевых сезона 1949–1951 гг. экспедицией М.И. Артамонова были найдены отдельно друг от друга в разных слоях 43 византийские монеты. Таким образом, комплекс византийских монет Левобережного Цимлянского городища на сегодняшний день является наиболее полно описанным и, пожалуй, самым многочисленным из сохранившихся на всей территории Донского бассейна⁵.

Опись последних 43 монет публиковалась дважды. В первый раз – в широко известной публикации В.В. Кропоткина в 1962 г. Автор в приложении к основной описи византийских монет, обнаруженных на территории СССР, указал, что информацию о данных монетах ему предоставил руководитель экспедиции 1949–1951 гг. М.И. Артамонов, а атрибуцией их занимались Л.Н. Белова и И.В. Соколова. В 2006 г. С.А. Плетнева в своей книге, посвященной Саркелу – Белой Веже, опубликовала опись этих же 43 монет со ссылкой на описи, делавшиеся в полевых условиях 1949–1951 гг., без указания имен нумизматов, проводивших атрибуцию⁶. Списки монет В.В. Кропоткина и С.А. Плетневой имеют целый ряд расхождений, и понять на основании имеющихся на сегодняшний день опубликованных материалов, какой из них является более точным, невозможно.

Сравнительный анализ двух списков показывает, что авторы идентично описывают 28 медных монет и одну серебряную монету из 43 экземпляров.

1. Василий I Македонянин, 867–886 гг., Херсонес: 6 экз., медь.
2. Император?, IX–X вв., Херсонес: 4 экз., медь.

3. Константин VII Багрянородный и Роман II, 945–959 гг., Херсонес: 4 экз., медь.

4. Роман II, 959–963 гг., Херсонес: 6 экз., медь.

5. Никифор II Фока, 963–969 гг., Херсонес: 1 экз., медь.

6. Иоанн Цимисхий, 969–976 гг., Херсонес: 1 экз., медь.

7. Василий II Болгаробойца, 976–1025 гг., Херсонес: 3 экз., медь.

8. Василий II Болгаробойца и Константин VIII, 976–1025 гг., место чекана?: 1 экз. серебро, с двумя отверстиями.

9. Феодора, 1055–1056 гг., место чекана?: 2 экз., медь.

10. Роман IV, 1067–1071 гг., место чекана?: 1 экз., медь.

В четырех случаях несоответствия в списках монет В.В. Кропоткина и С.А. Плетнёвой несущественны, сопоставление описаний этих монет вполне допустимо.

1. У В.В. Кропоткина: император?, IX–X вв., Херсонес: 2 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: император?, X в., Херсонес: 2 экз., медь.

2. У В.В. Кропоткина: Роман II, 959–963 гг., Херсонес: 1 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: Роман II, 959–963 гг., место чекана?: 1 экз., медь.

3. У В.В. Кропоткина: Василий II Болгаробойца и Константин VIII, 976–1025 гг., место чекана?: 1 экз., серебро с приклепанным ушком, подражание?; у С.А. Плетнёвой: Василий II Болгаробойца и Константин VIII, 976–1025 гг., место чекана?: 1 экз., серебро?

В шести случаях несоответствия в списках монет В.В. Кропоткина и С.А. Плетнёвой существенны, но приемлемы, сопоставление описаний этих монет допустимо с некоторыми оговорками.

1. У В.В. Кропоткина: Роман I Лакапин, 919–944 гг., место чекана?: 1 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: император?, IX–X вв., место чекана: 1 экз., медь.

2. У В.В. Кропоткина: Константин VII Багрянородный, 944–959 гг., Херсонес: 1 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: император?, X в., место чекана?: 1 экз., медь.

3. У В.В. Кропоткина: Никифор II Фока, время?, место чекана?: 1 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: император?, X в., место чекана?: 1 экз., медь.

4. У В.В. Кропоткина: Никифор II Фока, 963–969 гг., Херсонес: 1 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: император?, X в., Херсонес: 1 экз., медь.

5. У В.В. Кропоткина: Василий II Болгаробойца, 976–1025 гг., Херсонес: 1 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: император?, X в., Херсонес: 1 экз., медь.

6. У В.В. Кропоткина: император?, XI в., место чекана?: 1 экз., медь; у С.А. Плетнёвой: Роман IV, 1067–1071 гг., место чекана?: 1 экз., медь.

Наконец, еще четыре монеты в списках В.В. Кропоткина и С.А. Петнёвой имеют полные несоответствия и сопоставление описаний этих экземпляров невозможно.

В.В. Кропоткин:

1. Император?, X–XI вв., место чекана?: 1 экз., медь.
2. Василий II Болгаробойца и Константин VIII, 976–1025 гг., Херсонес: 1 экз., медь.
3. Император?, XI–XII вв., место чекана?: 1 экз., медь в позолоте.
4. Алексей I Комнин, 1081–1118 гг., место чекана?: 1 экз., серебро с отверстием.

С.А. Плетнёва:

1. Савромат I, 93–123 гг., Боспорское царство: 1 экз., медь.
2. Константин VII Багрянородный, 913–959 гг., Херсонес: 1 экз., медь.
3. Константин VII Багрянородный и Роман II, 945–959 гг., место чекана?: 1 экз., медь.
4. Исаак I Комнин или Константин X Дука, 1057–1059 гг. или 1059–1067 гг., место чекана?: 1 экз., медь.

Левые притоки Дона, Северский Донец и Оскол, также известны находками византийских монет. На правом берегу Северского Донца в районе Луганска был обнаружен небольшой клад монет VI в. (Луганск, до 1899 г.). К этому же времени относится монета, найденная на противоположном (правом) берегу Северского Донца (Лимаревка, 1872 г.). Еще один клад VI–IX вв. происходит с того же правого берега среднего течения Северского Донца (Старобельский уезд, до 1888 г.). В верховьях реки известны отдельная находка византийской монеты (Коробовы хутора, 1905 г.), одно подражание и два оттиска византийских монет (Дмитриевский археологический комплекс, 1973 г.). Последние находки явно принадлежат к изделиям хазарских мастеров⁷.

По правому и левому берегам Оскола вдоль всего его течения известны семь случаев находок восьми отдельных византийских монет и одного подражания (Нижняя Дуванка, до 1888 г.; Гаевка, 1904 г.; Завалишино, 1927 г.; Столбица, 1869 г.; Купянск, до 1888 г.; Купянский уезд, до 1888 г.; Купянский уезд, до 1921 г.). В одном случае византийская монета находилась в составе клада арабских монет начала X в. (Завалишино, 1927 г.). Следует отметить, что в соседнем Сеймском бассейне византийские монеты в составе кладов арабских монет или в сочетании с другими предметами попадались трижды (Коробкино, 1915 г.; Моисеевка, 1866 г.; Шпилевка, 1879 г.)⁸. Также к верховьям Северского Донца близки отдельные находки византийских монет из междуречья Орели и Са-

мары, левых притоков Нижнего Днепра (Зачепиловка, до 1988 г.; Малая Перещепина, до 1988 г.)⁹.

Таким образом, в бассейне Дона на сегодняшний день зафиксировано более 97 монет, 2 обломка и 2 оттиска византийских монет. Среди них встречаются 15 золотых монет, 6 серебряных, 48 медных, 2 медные в позолоте и 1 электрова монета. В более чем 29 случаях металл, из которого изготовлены монеты, не определен. Подлинными византийскими монетами являются более 95 экземпляров, 6 экземпляров относятся к подражаниям.

По императорам, времени и месту чекана все зафиксированные византийские монеты Донского бассейна выстраиваются в следующий список.

1. Император?, время?, место чекана?: более 28 экз.
2. Юстин I, 518–527 гг., место чекана?: 1 экз.
3. Юстиниан I, 527–565 гг., место чекана?: не менее 3 экз.
4. Фока, 602–610 гг., место чекана?: 1 экз.
5. Ираклий, 610–641 гг., место чекана?: 1 экз.
6. Константин (?), время?, место чекана?: не менее 2 экз.
7. Констант II, 641–668 гг., место чекана?: 1 экз.
8. Констант II и Константин IV Погонат, 654–659 гг., место чекана?: 1 экз.
9. Константин IV Погонат, 668–685 гг., место чекана?: 2 экз.
10. Константин IV Погонат с братьями Ираклием и Тиберием, 668–669 гг., место чекана?: 1 экз.
11. Леонтий II, 695–698 гг., место чекана?: 1 экз.
12. Тиберий III Апсимар, 698–705 гг., место чекана? хазарское подражание?: 1 экз.
13. Тиберий III Апсимар, конец 698 – лето 705 гг., место чекана?: 2 экз.
14. Феодосий III, 716–717 гг., Константинополь: 1 экз.
15. Лев III Исавр, 717–741 гг., Константинополь: 2 экз.
16. Лев III Исавр и Константин, 720–741 гг., место чекана?: 4 экз.
17. Лев IV Хазар с сыном Константином, 775–780 гг., место чекана?: 1 экз.
18. Василий I Македонянин, 867–886 гг., место чекана?: не менее 1 экз.
19. Василий I Македонянин, 867–886 гг., Херсонес: 7 экз.
20. Император?, IX–X вв., Херсонес: 6 экз.
21. Лев VI, 886–912 гг., место чекана?: 1 экз.
22. Константин VII Багрянородный, 913–959 гг., Херсонес: предположительно 1 экз.
23. Константин VII Багрянородный и Роман I, 919–921 гг., Херсонес: 1 экз.

24. Роман I, 919–944 гг., место чекана?: не менее 2 экз.
25. Константин VII Багрянородный, 944–959 гг., Херсонес: 1 экз.
26. Константин VII Багрянородный и Роман II, 945–959 гг., место чекана?: предположительно 1 экз.
27. Константин VII Багрянородный и Роман II, 945–959 гг., Херсонес: 4 экз.
28. Роман II, 959–963 гг., место чекана?: 1 экз.
29. Роман II, 959–963 гг., Херсонес: 7 экз.
30. Никифор II Фока, 963–969 гг., место чекана?: не менее 2 экз.
31. Никифор II Фока, 963–969 гг., Херсонес: не менее 2 экз.
32. Иоанн Цимисхий, 969–976 гг., Херсонес: 1 экз.
33. Василий II Болгаробойца, 976–1025 гг., Херсонес: не менее 4 экз.
34. Василий II Болгаробойца и Константин VIII, 976–1025 гг., место чекана?: 4 экз.
35. Василий II Болгаробойца и Константин VIII, 976–1025 гг., Херсонес: предположительно 1 экз.
36. Феодора, 1055–1056 гг., место чекана?: 2 экз.
37. Исаак I Комнин или Константин X Дука, 1057–1059 гг. или 1059–1067 гг., место чекана?: предположительно 1 экз.
38. Роман IV, 1067–1071 гг., место чекана?: не менее 2 экз.
39. Михаил VII Дука, 1071–1078 гг., место чекана?: 1 экз.
40. Император?, XI–XII вв., место чекана?: предположительно 1 экз.
41. Алексей I Комнин, 1081–1118 гг., место чекана?: 2 или 3 экз.

Из приведенного списка видно, что около 35 экземпляров византийских монет Донского бассейна чеканилось в Херсонесе. С Константинопольским чеканом четко могут быть соотнесены лишь три экземпляра. Место чекана остальных монет, за исключением шести хазарских подражаний, не ясно.

С какими-либо датами соотносятся примерно 73 монеты. Картина распределения их по векам выглядит следующим образом:

- монет VI в.: 4 экз.;
- монет VII в.: 10 экз.;
- монет VII–VIII вв.: 3 экз.;
- монет VIII в.: 8 экз.;
- монет IX в.: 8 экз.;
- монет IX–X вв.: 7 экз.;
- монет X в.: 23 экз.;
- монет X–XI вв.: 9 экз.;
- монет XI в.: 7 экз.;
- монет XI–XII вв.: 4 экз.

Можно, конечно, заявить, что определенный всплеск хождения византийской монеты наблюдается в X в., но ввиду немногочислен-

ности всего установленного комплекса византийских монет Донского бассейна это утверждение будет весьма условным. Нам ясно, что в эпоху раннего Средневековья византийская монета имела свободное хождение на территории Донского бассейна одновременно с арабской монетой. Она проходила через руки как кочевнического тюркского, так и оседлого славяно-русского населения. Интересно, что подавляющее большинство арабских монет Донского бассейна дошло до нас в виде кладов, а византийских – в виде отдельных находок. Трудно сказать, было ли это результатом использования дирхема преимущественно в качестве сырья и украшений, а византийских монет именно в качестве денег в повседневной розничной торговле, или это всего лишь результат меньшего спроса на византийскую монету по сравнению с арабской. Впрочем, ясно, что византийская монета продержалась на рынке Донского бассейна чуть дольше арабского дирхема, но в целом вышла из употребления к началу или середине XII в.

Мы по-прежнему склоняемся к мысли, что исчезновение с русского рынка иностранных денег и начало так называемого безмонетного периода – это результат вхождения в широкое обращение собственных русских меховых и кожаных денег, доминировавших в товарно-денежном обращении русских земель наряду с серебряными платежными слитками вплоть до второй половины XIV в.¹⁰

Примечания

- 1 *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // *Археология СССР. Свод археологических источников.* М., 1962. С. 29.
- 2 Там же. С. 27, 28.
- 3 *Копылов В.П., Смоляк А.Р.* Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII – первой половине VIII вв. // *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Межвуз. сб. науч. тр.* Ростов н/Д, 1988. С. 57–67.
- 4 *Кропоткин В.В.* Указ. соч. С. 29, 30.
- 5 Там же. С. 27.
- 6 Там же. С. 48; *Плетнёва С.А.* Древнерусский город в кочевой степи: Ист.-стратигр. исследование. Воронеж, 2006. С. 380–382.
- 7 *Кропоткин В.В.* Указ. соч. С. 35; *Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989. С. 111.
- 8 *Кропоткин В.В.* Указ. соч. С. 24, 35–37.
- 9 *Копылов В.П., Смоляк А.Р.* Указ. соч. С. 65–67.
- 10 *Перелётов Р.Н.* О денежном обращении Донского бассейна в VIII–XV вв. // *Единство гуманитарного знания: Новый синтез: Материалы XIX Междунар. науч. конф.* М., 2007. С. 267–270.



Е.В. Пчелов

**СИМВОЛИКА РЕГАЛИЙ
РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ: ЦВЕТА И ЧИСЛА**

Рассматриваются символические аспекты, связанные с семантикой, внешним оформлением и функционированием широкого круга вещей, которые можно отнести к разряду государственных регалий: венцов и корон, скипетров, тронов и тронных мест и т. д. На материале XVI–XIX вв. проанализированы такие особенности символики регалий, как символика цвета (золотой, красный, зеленый, синий) и числовая символика (3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12) регалий.

Ключевые слова: регалии, троны, короны, символика, репрезентация власти.

В современной историографии изучение регалий российских правителей занимает определенное место как в общеисторическом ключе, в том числе в контексте истории государственной символики и форм презентации власти (работы М.Б. Свердлова, А.Л. Хорошкевич, М.Е. Бычковой, А.В. Лаврентьева и др.¹), так и в рамках детальных конкретно-исторических и искусствоведческих исследований отдельных регалий или же их комплексов. Из трудов недавнего времени особенно выделяются исследования И.А. Бобровницкой и М.В. Мартыновой², обратившихся к малоизученным и оставшимся вне поля зрения исследователей регалиям, таким как троны русских царей. Показательна также фундаментальная работа Н.В. Жилиной о шапке Мономаха³ (другие важные работы о ней принадлежат М.Г. Крамаровскому, И.А. Бобровницкой⁴); некоторые заслуживающие внимания исследования посвящены или отдельным памятникам, например Казанской шапке⁵, трону Ивана Грозного («Мономахову трону») в Успенском соборе⁶, или их «тематическим» комплексам (например, воинским регалиям москов-

ских царей⁷). В этих трудах так или иначе уделяется внимание вопросам символики регалий, их семантике, хотя специальных исследований, связанных прежде всего с семиотическим анализом этих вещей и их функционированием (подобно работам М.А. Бойцова на западноевропейском материале⁸), совсем немного (важнейшее значение имеют труды Б.А. Успенского, посвященные вопросам семиотики власти и сакральных символов⁹). Остановимся на некоторых аспектах символики регалий (с экскурсами в семиотически близкие области), которые еще не получили освещения или же не в полной мере оказались осмыслены исследователями. Под регалиями подразумевается широкий круг вещей, включающий не только собственно инсигнии (венцы – короны, скипетры, державы и т. д.), но и другие предметы, служившие принадлежностью монархов и выполнявшие в их символической презентации определенные функции (например, троны и тронные места вообще).

Символика цвета

Чрезвычайно существенным в символическом оформлении власти русского государя был золотой цвет. Именно золотой (а совсем не красный) цвет занимал самое высокое место в символической иерархии цветов, обозначая сакральный характер своего «носителя». Парадное одеяние русского царя было золотым, так же, как золотым было и декоративное оформление многих царских регалий, – золото с древнейших времен служило символом власти и богатства¹⁰. Золотому «колориту» русской монархии способствовала и давняя традиция уподобления правителя солнцу, существовавшая и на Руси. Поскольку солнцу уподоблялся Христос, а царь уподоблялся Христу, то возникала своего рода символическая триада из трех сопряженных друг с другом явлений: солнца, Христа и царя¹¹. Следовательно, царь, облаченный в золотые одежды, как бы уподоблялся и солнцу, и Христу. Заметим, что к образу солнца, по всей видимости, восходит и форма короны¹² (ср. трехчастный венiec на Руси, пятилучевую корону русских правителей на некоторых изображениях, форму корон на головах двуглавого орла с печати Ивана III 1497 г.).

Золотой колорит был основным и в ювелирно-художественном оформлении практически всех основных регалий: венцов, корон, скипетров, державы, тронов (за исключением костяного трона, приписываемого Ивану Грозному), вплоть до конца XVII – начала XVIII в. и даже до екатерининской эпохи, когда к нему окончательно «добавился» бриллиантовый. Первые царские венцы, в оформлении которых использовано множество бриллиантов, относятся

к 1670-м годам – это несохранившаяся Алмазная шапка Федора Алексеевича 1679 г. (при создании которой, вероятно, был использован венец Алексея Михайловича 1672 г. и отдельные элементы которой, в свою очередь, были перенесены на Алтабасную шапку Ивана Алексеевича 1684 г.) и дошедшие до наших дней Алмазные шапки царей Ивана (1687 г.) и Петра (1684 г.) Алексеевичей¹³. Корона Екатерины II – так называемая Большая императорская корона – ознаменовала собой торжество бриллиантовой «темы» в художественном решении государственных регалий.

Второе место в иерархии цветов принадлежало красному цвету. Это хорошо видно на примере пространственного соотношения кремлевских Красного и Золотого крылец. Красным крыльцом называли лестницу, примыкавшую к Грановитой палате и служившую для царского выхода во время торжественных церемоний, а также и всю обходную галерею, соединявшую здания восточного фасада дворцовых построек на уровне «второго» этажа. К Красному крыльцу с северной стороны примыкала Боярская площадка, откуда поднималась лестница «в три отдыха» (Постельное крыльцо), завершавшаяся так называемой Золотой решеткой. За Золотой решеткой располагалась Верхоспасская площадка, откуда Золотое крыльцо (которое также называли Красным) вело на четвертый этаж Теремного дворца, где находились покои царя. Пятый этаж дворца назывался Златоверхим теремком¹⁴. Путь государя при венчании на царство / коронации обозначался красным ковром. Венцы и короны в большинстве случаев украшались крестами, в основании которых находились красные драгоценные камни, или же просто камнями. Так, вишнево-красная шпинель (лал) увенчивала Казанскую шапку Ивана Грозного, затем этот камень был перенесен на вершине венца Михаила Федоровича 1627 г., а еще позже, в 1687 г., лал увенчал Алмазную шапку царя Ивана Алексеевича (при этих изменениях на Казанскую шапку был водружен желтый яхонт, а на венец 1627 г. – изумруд)¹⁵. Красные камни венчают и Алмазную шапку Петра Алексеевича (1684 г.), и корону Анны Иоанновны (куда красный турмалин перенесен с короны Екатерины II¹⁶), и Большую императорскую корону Екатерины II (шпинель, привезенная еще Н. Спафарием из Китая для Алексея Михайловича). Алтабасная шапка Ивана Алексеевича (1684 г.) увенчана крестом, как бы состоящим из красных камней (вероятно, он был создан значительно раньше – на рубеже 1620–1630-х годов¹⁷). В центре креста на державе Алексея Михайловича 1662 г. турецкой работы также помещен красный камень. Красный алмаз венчает парадный шестопер (турецкой работы), подаренный в 1656 г. Алексею Михайловичу стамбульским купцом Дмитрием Астафье-

вым. Красные камни служат декоративным оформлением барм Алексея Михайловича 1662 г. также турецкой работы.

Сопряжение высшей власти с золотым и красным цветами прослеживается также и в колорите зданий Петербурга. Так, первоначально стены Зимнего дворца, построенного при Елизавете Петровне, были окрашены в светло-песочный (т. е. золотистый) цвет, а колонны и скульптуры на балюстраде – в белый. Только в 1888 г., при Александре III, при ремонте дворца стены стали лазурными, а колонны остались белыми. В 1901 г. весь дворец стал темно-красным, в 1911 г. – кирпично-красным, в 1927 г. стены – серовато-зелеными, колонны – белыми, в 1930 г. и стены, и колонны покрасили в коричнево-серый цвет двух оттенков, в 1934 г. стены стали оранжевыми, колонны остались прежними, с 1946 г. стены – светло-зеленые, колонны – белые, как и сейчас¹⁸.

Дворец А.Д. Меншикова в Петербурге, построенный «вчерне» к 1711 г., имел высокую крышу, крытую листами луженого железа, выкрашенными в шахматном порядке красным суриком (подобно крыше Теремного дворца в Кремле). Стены дворца первоначально были окрашены в темно-серый цвет, а в 1721 г. их покрасили золотистой охрой, а декоративные детали фасадов – светло-желтой краской (в таком виде дворец сохранялся до 1739 г.)¹⁹. Золотистый цвет фасада дворца, с одной стороны, подчеркивал кратологическую семантику резиденции петербургского губернатора, с другой – отсылал к оранжевому «колориту» названий его владений – Ораниенбурга (Раненбурга) в Рязанской губернии (имение Меншикова, с. Слободское) и Ораниенбаума, загородной резиденции Меншикова, основанной в 1712 г. В основе этих топонимов лежит, как кажется, не столько «красивость» подобных топонимов в Германии (в частности, в княжестве Анхальт)²⁰, сколько ориентация на Голландию, столь близкую Петру I. Оранжевый цвет как символ династии Оранских, ставший национальным цветом Голландии, послужил символическим основанием и вышеприведенных топонимов, и, возможно, охристой раскраски дворца²¹.

Сложнее обстоит дело с третьим и четвертым цветами. В некоторых случаях (особенно, когда заметно влияние восточного, преимущественно персидского, искусства²²) в оформлении регалий третье место принадлежит голубому (синему) цвету, однако в большинстве случаев колорит регалий показывает преобладание зеленого цвета над синим²³. Со времен Алексея Михайловича особенно существенным стало сочетание красного и зеленого (в отношении регалий это можно объяснить традициями турецкого искусства²⁴, однако и русские по происхождению памятники культуры того времени демонстрируют ту же закономерность).

Сочетание золотого, красного и зеленого было основным и в колорите царского дворца в Кремле. Резной декор Теремного дворца был расписан охрой, киноварью, светло-зеленой краской и позолотой²⁵. Кровли царских палат, в том числе Грановитой, были покрыты позолотой. На миниатюре из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича» 1672 г. крыша Средней Золотой палаты имеет красно-зеленую расцветку. Цветовая гамма царских дворцов дополнялась белым цветом стен палат и зеленью садов, разбитых на сводах каменных зданий на уровне второго и третьего этажей. Таким образом, внешне царский дворец с южного, «парадного» фасада (от Москвы-реки) напоминал собою райский сад (поднятый на высоту, устремленный к небу), среди которого вырастали царские хоромы, решенные в красно-бело-золотой гамме.

Числовая символика

В оформлении регалий и парадном церемониале большое место принадлежит также числовой символике. Можно выделить следующие значимые числа.

Три. Число очевидно восходит к символу Святой Троицы. Это число ступеней, ведущих к царскому трону, как о том свидетельствуют записки современников²⁶ и сохранившийся двойной трон царей Ивана и Петра Алексеевичей. Тернарная структура была характерна для объектного титула русских государей (наименование Троицы в XVI–XVII вв. даже присутствовало в начальной части титула)²⁷. Вероятно, трехчастную структуру имели некоторые царские венцы. Об этом свидетельствует, например, описание царского венца 1624 г., который не сохранился до нашего времени²⁸, изображение венца на парсуне Алексея Михайловича 1670-х годов (возможно, это как раз венец 1624 г.) и на портрете Алексея Михайловича в «Титулярнике» 1672 г. Из трех частей состоят скипетры Михаила Федоровича, Петра Алексеевича, Екатерины II. Декоративные трилистники увенчивают шар державы Алексея Михайловича (турецкая работа, 1660–1662 гг.), трилистник же является на вершием его посоха (также турецкая работа, посох привезен царю в 1658 г.)²⁹.

Пять. Пятилучевые короны из алмазов увенчивают алмазных двуглавых орлов и восьмиконечные звезды на Алмазных шапках царей Ивана и Петра Алексеевичей.

Шесть. Шестиконечные звезды (наряду с другими декоративными фигурами, например «арабским цветком») являются элементами золотого филигранного орнамента шапки Мономаха, что объясняется ее вероятным византийским происхождением (по дати-

ровке Н.В. Жилиной: начало – 60-е годы XIII в.)³⁰. Шестиугольные розетки декора шапки находят также изобразительные аналогии в узоре на несохранившейся монгольской печати, привешенной к духовной грамоте Ивана Калиты 1339 г.

Семь. Таково количество медальонов в бармах Алексея Михайловича. Семь – это и число башен вдоль каждой из трех стен Московского Кремля (конец XV – конец XVII в., до постройки так называемой Царской башни в 1680 г.).

Восемь. Это число входит преимущественно в изображение восьмиконечной звезды (так называемая звезда Бога Саваофа). Она присутствует в оформлении двух боковых медальонов барм Алексея Михайловича, в декоре белокаменных наличников окон Грановитой палаты (звезда между львами). На государственной печати 1667 г. семь восьмиконечных звезд окружают изображение двуглавого орла, изображения восьмиконечных звезд имеются и в земельных гербах «Титулярника» 1672 г. Три восьмиконечные звезды изображены над Московским Кремлем на налuche саадака Алексея Михайловича, созданного мастером Прокофием Андреевым в 1673 г. Изображения восьмиконечных звезд присутствуют и на «Великом стяге» Ивана Грозного 1560 г. Восьмилепестковые цветы (восьмиконечные звезды) из алмазов являются элементами оформления Алмазных венцов царей Ивана и Петра. Восемь граней-пластин составляют основную часть шапки Мономаха. Восьмичастную структуру имеет шатер «Мономахова трона» в Успенском соборе (здесь можно вспомнить традицию древнерусской храмовой архитектуры – восьмерик на четверике). Собор Покрова на Рву представляет собой в плане также восьмиконечную звезду. Позднее именно восьмиконечная звезда была наиболее распространенным знаком российских орденов. Сложно сказать, насколько с символикой числа восемь связан тот факт, что золотая цепь-окладень Михаила Федоровича (впервые упоминается в документах в 1640 г.) состоит из 88 звеньев.

Девять. По свидетельству иностранцев, всего девять ступеней имела центральная лестница, которая вела с Соборной площади на Красное крыльцо и предназначалась для послов мусульманских или «языческих» государей³¹. Возможно, символика девяти восходит к монгольским обычаям³². И действительно, в монгольской (и даже шире – дальневосточной – китайской и японской) традиции число девять считается сакральным и связано с верховной властью. Можно вспомнить девятихвостое знамя Чингисхана, девять войлочных чепраков, составлявших походный трон Батые, девятикратное преклонение колен перед новопровозглашенным ханом³³. Девять лепестков имеют также стилизованные декоратив-

ные цветы и плоды граната в оформлении державы Алексея Михайловича (турецкой работы).

Двенадцать. Двенадцать ступеней вели к «чертожному месту» в Успенском соборе при венчании на царство государя³⁴.

Интересна числовая символика «Мономахова трона» (моленного места царя Ивана Грозного в Успенском соборе Московского кремля). Его основание, естественно, четырехугольное (обращенное на четыре стороны света). Прочтение сюжета барельефов на стенках идет от северной стороны к западной и южной (т. е. в круговом направлении против солнца). Шатер трона украшен тремя рядами декоративных кокошников. В каждом ряду таких кокошников 8 и всего 24. Между кокошниками нижнего ряда расположены 8 цветков. Кроме того, шатер украшен двенадцатью резными деталями в виде кубков, в которых склонны видеть символическое изображение сосудов для мира³⁵. В нижней части шатра по четырехстороннему периметру идет ряд маленьких кокошников, всего их 36 (по 12 на каждой стороне). Таким образом, числа 8 и 12 кажутся наиболее значимыми в оформлении этого трона. «Мономахов трон» послужил прообразом шатра над местом гибели Александра II в петербургском храме Спаса на Крови.

Отметим, что по 12 (и всего 24) печатей с земельными эмблемами изображены вокруг двуглавого орла на аверсе и реверсе Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х годов.

Наряду с вышеназванной числовой символикой в декоративно-художественном оформлении регалий играли определенную роль и сочетания четырех животных символов. Число четыре соответствовало, с одной стороны, символике четырех евангелистов, с другой – четырех царств из библейской книги пророка Даниила.

Так, налуч саадака «Большого наряда», созданный в кремлевских мастерских европейскими мастерами в августе 1627 г. – ноябре 1628 г. для царя Михаила Федоровича, украшен четырьмя животными-символами³⁶. Вокруг двуглавого орла, находящегося в центре, расположены четыре медальона с четырьмя животными – одноглавым белым с золотом орлом, держащим царский венец, вверху справа от двуглавого орла; коричневым грифоном, держащим в лапе державу, вверху слева; белым единорогом, держащим скипетр, внизу справа, и золотым львом, держащим меч, внизу слева. Все животные помещены в золотых медальонах с «шахматным» фоном. Представляется, что их выбор был обусловлен определенной близостью с символами четырех евангелистов³⁷. Типологическая аналогия здесь вполне уместна. И действительно, орел (символ Иоанна) и лев (символ Марка) очевидны. В этом случае ангелу (символ Матвея) соответствует крылатый грифон, а тельцу

(символу Луки) – единорог. Таким образом, два этих символа были переосмыслены в традиции российской эмблематики: грифон здесь может выступать эмблемой рода Романовых (если в начале XVII в., это действительно было так, о чем вроде бы свидетельствует прапор боярина Никиты Ивановича Романова; в качестве же официального романовского герба грифон известен только с середины XIX в.³⁸), а единорог уже присутствовал в государственной символике в XVI в. (как копытное и рогатое животное он ближе всего тельцу³⁹). Более того, даже расположение животных на налуче в определенном ракурсе соответствует традиции их расположения в изобразительном материале тогдашней европейской культуры – орел и ангел (как жители небесных сфер) помещались вверху, а бык и лев (как обитатели Земли) – внизу. Правда, в средневековой Европе, как правило, ангел и лев помещались справа от центрального изображения (слева от зрителя), а орел и бык – слева (справа от зрителя)⁴⁰. На налуче же саадака (напомню, что делали его иностранные по происхождению мастера) орел и единорог помещены справа от двуглавого орла, а грифон и лев – слева. Чем была вызвана такая «инверсия» – сказать сложно, но важно иметь в виду, что абсолютно жесткого и во всех случаях одинакового сопряжения символов евангелистов с четырьмя частями общей композиции не существовало. Важно также понять, почему каждое из животных, изображенных на налуче, держит именно эту регалию, а не какую-либо другую. Здесь прежде всего бросается в глаза определенное соотношение форм предметов: скипетру соответствует меч, а венцу – держава. Венец (царская шапка) был, безусловно, важнее других регалий, поэтому его держит орел, занимающий верхнее правое место от государственного орла. Далее по иерархии регалий вроде бы должны идти сначала скипетр (государь держит его в правой руке), а затем держава (в левой руке). Но поместить скипетр в левой верхней от орла части (как следовало бы по иерархии мест вокруг центра, принятой в средневековой символике русской царской власти) было бы неверным, поскольку скипетр соотносится с правой стороной. Отсюда ясно, что скипетр должен был оказаться в лапах того животного, которое расположено от двуглавого орла справа, но внизу. Таким зверем и стал единорог – здесь существенно то, что скипетр в некоторых русских текстах XVI в. прямо соотносится с рогом единорога. В левой части композиции должна была располагаться держава – ее получил грифон, находящийся вверху. А затем следовал меч, как наименее значимая регалия, его получил лев (символ воинственности) – и таким образом скипетр единорога и меч льва составили стоящую напротив друг друга пару. Царская птица орел вполне логично

держала царский венец, а крылатый грифон – державу (если полагать, что грифон занял «место» ангела, то его сопряжение с державой выглядит еще более символичным, ведь державка (яблоко) по сути символизирует мир). Те же четыре символа присутствуют и в оформлении двойного трона Ивана и Петра Алексеевичей (в основе которого, по предположению М.В. Мартыновой, лежат детали трона Михаила Федоровича).

Еще одна четверка животных-символов находится в основании «Мономахова трона». Эти фигуры поддерживают трон с четырех углов, причем изображены звери свернувшимися так, что царское место покоится на их спинах. Со времен И.Е. Забелина известны названия этих зверей: «лютой», он же «лев», он же «скимент (скимен)»; «уена» и два «оскрогана»⁴¹. Забелин так описывает их местоположение: лев – под правым передним углом трона, уена – под правым задним, два оскрогана – под левыми передним и задним углами. Современное расположение этих фигур не соответствует описанию Забелина, поскольку известно, что во время реставраций фигуры переставлялись. Содержание барельефов, украшающих стенки трона и иллюстрирующих «Сказание о дарах Мономаха», определяет их последовательность: цикл начинается на северной стенке, продолжается на западной, заканчивается на южной (сам трон обращен, естественно, на восток)⁴². Таким образом, и круговая «последовательность» зверей соответствует их перечислению в описании: 1. Лев; 2. Уена; 3. Оскроган; 4. Оскроган. Эта последовательность находит параллели в описании четырех зверей из книги Пророка Даниила (7: 3–8), которые в христианской культуре служили символами четырех царств – «империй»: Вавилонского, Персидского, Македонского и Римского. Поэтому вряд ли можно сомневаться, что звери у подножия «Мономахова трона» (о чем уже писали в историографии) также символизировали эти четыре древних царства⁴³. И действительно, библейское описание зверей и внешний вид деревянных фигур «Мономахова трона» (как и их названия) с большой точностью соответствуют друг другу. Первый зверь – «лютый», или «лев», или «скимен», т. е. львенок⁴⁴. Первый зверь видения Даниила – «как лев, но у него крылья орлиные». Второй зверь – «уена», т. е. медведь (одно из значений этого слова)⁴⁵. В книге Даниила ему соответствует второй зверь, «похожий на медведя». Интересно, что уена «Мономахова трона» имеет длинный высунутый язык. Третий зверь в библейском тексте «как барс» (т. е. пардус, в древнерусской традиции это слово обозначало также «рысь»⁴⁶). Четвертый зверь менее определен: его особенность – «большие железные зубы». Оскроганы «Мономахова трона» представлены с большими клыками в верхней и нижней челюстях.

Происхождение и значение загадочного слова «оскроган» неизвестно. Возможно, это транскрипция какого-то иностранного, вероятно, греческого слова (или сочетания слов). Во всяком случае, искажение какой-то первоначальной формы в слове «оскроган» (может быть, «астроген»?) вполне допустимо. Пока эта загадка остается неразрешенной.

Итак, цветовая и числовая символика, как видим, играла существенную роль в символическом оформлении регалий и в репрезентации царской власти русской монархии в целом, причем, с одной стороны, она отличалась заметным разнообразием, с другой – присутствовала в самых разных контекстах: от эмблематики вещей до организации пространства и сакральной топографии.

Примечания

- ¹ *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 293–296, 301–303; *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России. X–XX века / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997. С. 16–376; *Бычкова М.Е.* Московские самодержцы: История возведения на престол. Обряды и регалии. М., 1995; *Она же.* Магия власти: Обряды возведения на престол. Царские регалии. М., 2009; *Лаврентьев А.В.* Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, награжденные знаки и медали. 1604–1606 гг. М., 2001.
- ² *Бобровницкая И.А.* Регалии российских государей. М., 2004; *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых // Искусство Средневековой Руси: Материалы и исследования, 12. М., 1999. С. 295–308; *Она же.* Регалии царя Михаила Федоровича. М., 2003; *Она же.* Регалии царя Алексея Михайловича. М., 2004.
- ³ *Жилина Н.В.* Шапка Мономаха: историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.
- ⁴ *Крамаровский М.Г.* Шапка Мономаха: Византия или Восток? // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. Вып. 47. С. 66–70; *Бобровницкая И.А.* Шапка Мономаха // Филлимоновские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 59–85. К сожалению, иной, весьма поверхностный, характер носят труды Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой (*Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Татарские шапки – короны русских царей // Идель. 1996. № 3–4. С. 66–71; *Она же.* Короны русских царей – памятники татарской культуры // Казань – Москва – Петербург. Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 40–52 (То же // Татарское возрождение. Эпоха и личность. Казань, 2000. С. 213–229)), в которых чувствуется идеологическая предвзятость.
- ⁵ *Лаврентьев А.В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. М., 2008. С. 99–117.

- 6 *Бочаров Г.Н.* Царское место Ивана Грозного в московском Успенском соборе // Памятники русской архитектуры и монументальное искусство. М., 1985. С. 39–57; *Флайер М.* «Мономахов трон» Ивана Грозного в пространстве перед иконостасом // Иконостас: Происхождение – Развитие – Символика / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 599–620; *Соколова И.М.* Трон царя Ивана Грозного в Успенском соборе. М., 2006.
- 7 *Левыкин А.К.* Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997.
- 8 *Бойцов М.А.* Папский зонтик, бог Гелиос и судьбы России // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2004. М., 2005. С. 99–154; *Он же.* Символический мимесис – в средневековье, но не только // Там же. С. 355–396; *Он же.* Сидя на алтаре // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 190–262; *Он же.* Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.
- 9 *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 205–337; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Он же.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000; *Он же.* Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 149–196; *Он же.* Свадьба Лжедмитрия // Там же. С. 197–228; *Он же.* Литургический статус царя в русской церкви: Приобщение Св. Тайнам // Там же. С. 229–278; *Он же.* Крест и круг. Из истории христианской символики. М., 2006.
- 10 Многочисленные примеры предметов из золота см.: Золото: Металл богов и царь металлов. Из собрания Государственного Исторического музея / Авт.-сост. Т.И. Сизова. М., 2007.
- 11 *Успенский Б.А.* Крест и круг. С. 234–246, 271–272.
- 12 Там же. С. 272.
- 13 *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых. С. 302–304. Алмазный трон Алексея Михайловича 1659 г. является подарком царю от имени армянской торговой компании, находившейся в Иране. Общее цветовое впечатление от этой вещи создается сочетанием золотого, красного, серебряного и голубого цветов.
- 14 *Вьюева Н.А., Романенко А.И.* Дворцы и сады. М., 2003. С. 10, 69–70.
- 15 *Мартынова М.В.* Регалии царя Михаила Федоровича. С. 14–15.
- 16 *Бобровницкая И.А.* Регалии российских государей. С. 10–11.
- 17 *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых. С. 305.
- 18 *Крутиков П.Г., Принцев Н.А.* Эрмитаж: Науки служат музам. Л., 1989. С. 27–29.
- 19 *Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова. М., 1986. С. 22 (текст Г.В. Михайлова).
- 20 По мнению Е.М. Поспелова (*Поспелов Е.М.* Историко-топонимический словарь России. Досов. период. М., 2000. С. 140, 153).

- 21 «Мираж оранжевый» в стихотворении «Жора Петербургская» В. Пяста и Б. Мосолова (1915 г.).
- 22 Троны персидской работы – подаренный Аббасом I Борису Годунову в 1604 г. (именно он использовался при венчаниях на царство в XVII в.) и трон Михаила Федоровича (*Бобровницкая И.А.* Регалии российских государей. С. 24, 26). В оформлении обоих широко использована бирюза.
- 23 Примечательно, что после учреждения гвардии Петром I мундирным цветом Преображенского полка был зеленый, а Семеновского полка – синий.
- 24 Искусство Блистательной Порты. М., 2008. С. 34–41 (кат. № 1–3).
- 25 *Вьюева Н.А., Романенко А.И.* Указ. соч. С. 69.
- 26 Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 39, 134, 207, 217.
- 27 *Пчелов Е.В.* Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Междунар. науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 130–131.
- 28 *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых. С. 299–300.
- 29 Искусство Блистательной Порты. С. 34–37 (кат. № 1, 2). Излюбленными растительными мотивами турецких ювелиров являлись в тот период раскрывшиеся плоды граната, цветы тюльпана и цветы гвоздики.
- 30 *Жилина Н.В.* Указ. соч. С. 42–45.
- 31 Свидетельства иностранцев (Два сватовства иноземных принцев к русским великим князям в XVII столетии / Пер. А.Н. Шемякина // Чтения в О-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1867. Кн. 4, IV. С. 9 (вторая пагинация); *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 34). На миниатюре из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича» лестница действительно имеет девять ступеней, что в реальности было маловероятным из-за ее высоты – возможно, имелся в виду один из ее пролетов.
- 32 Как предполагает Л.А. Юзефович: Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 146.
- 33 *Базаров Б.В., Ням-Осор Н.* К истории государственной символики и церемониала монголов // Восток. 2004. № 1. С. 36.
- 34 *Бобровницкая И.А.* Регалии российских государей. С. 22.
- 35 *Соколова И.М.* Указ. соч. С. 30.
- 36 *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII веков. Каталог. М., 2002. С. 64–66 (№ 34).
- 37 А.Б. Лакиер, полагая, что это саадак византийской (греческой) работы, совершенно безосновательно, на мой взгляд, считал эти фигуры символами четырех римских префектур (!) (*Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 144).
- 38 *Лукомский В.К.* Герб рода Романовых // Лицевой и летописный изборник Дома Романовых. М., 1913. Вып. 1. С. 109–113; *Таубе М.А.* К истории герба

Е.В. Пчелов

- Дома Романовых // Гербовед. 1913. № 7. С. 109–117; *Тройницкий С.Н.* Герб Дома Романовых на предметах, хранящихся в Московской Оружейной палате // Гербовед. 1913. № 2. С. 25–27; *Лукомский В.К.* Происхождение эмблем герба Дома Романовых // Вестник Общества ревнителей истории. Пг., 1914. Вып. 1. С. 229–230; *Паласиос-Фернандес Р.* О гербе Романовых // Гербовед. М., 1997. № 23. С. 148–155; *Он же.* О символе боярина Н.И. Романова // Гербовед. М., 1997. № 24. С. 59–61; *Он же.* Родовой символ Романовых // 275 лет геральдической службы. СПб., 1997. С. 39–48; *Хоруженко О.И.* Забытые источники по истории герба Дома Романовых // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII науч. конф. М., 2006. С. 408–412.
- 39 О возможности сопряжения символов тельца и единорога см.: *Мерзлютина Н.А.* Изображение льва и единорога в древнерусском искусстве // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 2001. Вып. 4. С. 202. Вероятно, и сам символ единорога восходит к символу быка (*Иванов Вяч.Вс.* Единорог // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 429).
- 40 *Подосинов А.В.* Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. М., 2000.
- 41 *Соколова И.М.* Указ. соч. С. 24.
- 42 Там же. С. 35.
- 43 Там же. С. 24.
- 44 *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001. С. 230.
- 45 Там же. С. 251.
- 46 *Королев Г.И.* Новгородская «рысь» и псковский барс // Гербовед. М., 2002. № 55. С. 19–26.

С.В. Зверев

НОВГОРОДСКИЕ МОНЕТЫ
ПЕРИОДА ШВЕДСКОЙ ОККУПАЦИИ 1611–1617 гг.
ИСТОРИЯ АТРИБУЦИИ

Шведские войска под командованием Я. Делагарди захватили Новгород 16 июля 1611 г. Шведские оккупанты использовали возможность чеканки денег в Новгороде. К.И. Якубов первым сообщил о чеканке монет в Новгороде в период шведской оккупации. И.Г. Спасский, А.С. Мельникова, В.Л. Янин и другие исследователи определили типы новгородских копеек 1611–1617 гг. Шведы чеканили русские серебряные копейки с именем свергнутого царя Василия Шуйского. Основным источником сырья для чеканки новых копеек стали «старые деньги» – монеты трехрублевой стопы XVI – начала XVII в.

Ключевые слова: Новгород, монетный двор, копейка, шведы, атрибуция.

Шведские войска под командованием Якоба Делагарди заняли Новгород 16 июля 1611 г. Вскоре после захвата города от имени новгородских властей и шведского короля был заключен договор, по которому Новгород признавал шведского короля Карла IX своим покровителем и предусматривал избрание одного из его сыновей великим князем Новгородского государства, а также Владимирского и Московского государств, если они захотят присоединиться к Новгороду. Когда стало известно, что на шведский престол взошел Густав II Адольф, то новгородцы вынуждены были остановиться на кандидатуре его младшего брата Карла Филиппа. В период до прибытия шведского принца в Новгород управление переходило к Я. Делагарди, а новгородский воевода князь И.Н. Большой-Одоевский и митрополит Исидор должны были «держаться с ним совет»¹. В 1611–1612 гг. шведы сумели занять Ивангород, Ям, Копорье, Гдов, Орешек, Ладогу, Корелу. Значительная часть северо-западных русских земель оказалась под их контролем.

© Зверев С.В., 2010

Но финансовые ресурсы были весьма ограничены. Приходилось изыскивать разные способы для получения денег. Возможность чеканки местной, русской монеты привлекла особое внимание оккупантов.

О факте чеканки монет в Новгороде при шведах историкам стало известно в 1890 г. благодаря архивным изысканиям К.И. Якубова, изучавшего русские документы Стокгольмского государственного архива². Однако сами монеты были выделены И.Г. Спасским из многих типов копеек начала XVII в. только в 1947 г.³ Это оказались копейки с именем Василия Ивановича, заметно отличающиеся по весу от монет трехрублевой стопы – копейки с датой «от Сотворения Мира» РІН ((7)118 = 1609/10) со средним весом 0,53–0,54 г и копейки с датой НРГІ (Новгород, (7)113 = 1604/05) со средним весом 0,48 г.

История изучения памятников нумизматики «царского периода» имеет более чем трехсотлетнюю историю. Еще в середине XVII в. А. Олеарий и А. Мейерберг опубликовали рисунки русских монет XVI–XVII вв.⁴ В ранних рукописных каталогах XVIII в. коллекций Я.В. Брюса, П.В. Меллера, И. Блюэра, А.И. Остермана преобладало разделение царских монет по именам монархов⁵. Первый печатный каталог русских монет был издан на латинском языке в 1745 г.⁶ В 80-х годах XVIII в. были опубликованы исследования М.М. Щербатова⁷ и М.Д. Чулкова⁸, явившиеся первыми попытками проследить связь памятников нумизматики с историей страны, найти в летописях, актовом материале или записках иноземцев объяснение всех изображений на монетах. Даже критиковавшие отдельные положения М.М. Щербатова И. Бакмейстер⁹ и Т.И. Мальгин¹⁰ сами писали свои труды под влиянием его «романтических» толкований¹¹.

В конце XVIII в. в отечественной нумизматической литературе была сделана первая публикация копейки с именем Василия Шуйского, чеканенной в Новгороде в период шведской оккупации. В изданном О.П. Беляевым в 1800 г. «Кабинете Петра Великого» при описании нумизматической коллекции впервые отмечена копейка Василия Ивановича с буквами ЗРГІ (правильно, НРГІ – С. З.) под конем¹². Эта монета лишь в середине XX в. получила верную атрибуцию, а тогда была указана в числе монет Василия Шуйского, поскольку его имя стояло на оборотной стороне копейки.

Отсутствие коллекционного и научного интереса к монетам «царского периода» исключало возможность обстоятельного изучения истории денежного обращения XVI–XVII вв., а также привлечения самих монет в качестве исторического источника для решения проблем экономической и политической истории Русского

государства. Вышедшие в XIX в. каталоги С. де-Шодуара¹³, И.П. Сахарова¹⁴, Ф.Ф. Шуберга¹⁵, Я.Я. Рейхеля¹⁶, Д.П. Сонцова¹⁷, Э.К. Гуттен-Чапского¹⁸ включали лишь немногие образцы русских монет «царского периода» с разделением по именам монархов. Монеты XVI–XVII вв. воспринимались как однообразный материал, не имеющий критериев для датировки.

В 1865 г. была издана монография Д.И. Прозоровского «Монета и вес в России до конца XVIII столетия», ставшая первым серьезным исследованием эволюции веса монет. Автор выявил связь событий Смуты и введения вместо трехрублевой четырехрублевой монетной стопы, когда из гривенки серебра 204,756 г стали чеканить монеты не на 3, а на 4 рубля. В этом исследовании были использованы записные книги Новгородского денежного двора 1610–1611 гг.¹⁹, вывезенные из Швеции С.В. Соловьевым и опубликованные Археографической комиссией в 1864 г.²⁰ Однако Д.И. Прозоровский не проявил интереса ни к месту выпуска, ни к периодам чеканки монет, хотя первые записи фиксируют изготовление копеек в Новгороде в период признания городом власти провозглашенного царем польского королевича Владислава, а последние записи сделаны буквально в первые дни после захвата города шведами в июле 1611 г.

В 1890 г. К.И. Якубов опубликовал опись русских документов так называемого Делагардиевского архива, хранящихся в Стокгольмском государственном архиве. Он привел сведения о книгах Новгородского денежного двора 1613–1617 гг., свидетельствующих о чеканке монет русскими мастерами и по русскому образцу. Были приведены некоторые имена денежных мастеров, других работников, администрации Новгородского денежного двора. К.И. Якубов опубликовал выдержки из разных книг²¹. В описи отмечены документы, связанные со сбором денежной контрибуции с жителей города²², запись о выплате в феврале 1613 г. жалованья «денежного дела подьячим»²³, полностью приведен текст челобитной 1616 г. плавильщика денежного двора Луки Афанасьева²⁴. Исследования К.И. Якубова показали исключительное многообразие и большое значение этого обширного комплекса документов для отечественной истории и нумизматики.

В начале XX в. был опубликован ряд работ В.К. Трутовского²⁵, А.С. Уварова²⁶, С.И. Чиждова²⁷, посвященных технике чеканки монет в допетровское время. Авторы не вполне ясно представляли себе технику обработки металлов и с излишним доверием относились к изображениям на старинных миниатюрах и монетах.

В начале XX в. в нумизматической и исторической литературе возникла острая дискуссия о времени снижения веса копеек в на-

чале XVII в., давшая начало научному изучению денежного обращения периода Смуты. В дискуссии участвовали С.Б. Веселовский, И.И. Кауфман и С.И. Чижов. Предметом спора стали разные по весу монеты царя Василия Шуйского, из общей массы которых тогда еще не были выделены легковесные копейки с его именем, чеканенные шведами в оккупированном Новгороде.

С.Б. Веселовский в 1908 г. в исследовании по финансовой политике первых лет царствования Михаила Федоровича определил, что одной из важных статей дохода казны был передел «старых денег» в «новые». Историк отметил, что среди монет Василия Шуйского наряду с копейками трехрублевой стопы встречаются монеты пониженного веса, и пришел к выводу, что введение четырехрублевой стопы произошло «именно в его злополучное царствование». Правительство Михаила Федоровича «с первого года продолжает выпуск монеты того же веса»²⁸. Те же доводы повторены в специальной работе С.Б. Веселовского о снижении веса копеек при Василии Шуйском²⁹.

В 1910 г. было опубликовано исследование экономиста И.И. Кауфмана «Серебряный рубль в России...», посвященное истории русских денег. Исследуя вопрос о времени введения четырехрублевой стопы, И.И. Кауфман пришел к выводу, что снижение веса копейки в начале XVII в. произошло в первый год царствования Михаила Федоровича. Копейки Василия Шуйского пониженного веса были им определены как «воровские» неполновесные монеты, выбитые на денежных дворах, когда в годы Смуты был ослаблен государственный контроль над монетной чеканкой³⁰.

В 1913 г. подвести итоги дискуссии взялся С.И. Чижов, известный нумизмат, секретарь Московского нумизматического общества. Он также опирался только на нумизматические данные, но, в отличие от С.Б. Веселовского и И.И. Кауфмана, разделил монеты Шуйского московской и новгородской чеканки. В московском чекане, несмотря на некоторое понижение веса в отдельных группах, С.И. Чижов не обнаружил следов введения четырехрублевой стопы. Среди монет, чеканенных в Новгороде, он выделил группу легковесных копеек с обозначением НРГ. Хотя о чеканке монет в Новгороде в период шведской оккупации 1611–1617 гг. уже было известно, автор не высказал догадку о выпуске этих легковесных монет шведами. В итоге С.И. Чижов признал правильной точку зрения С.Б. Веселовского, добавив при этом, что понижение веса монет, хотя и началось при Василии Шуйском, «не было признано официально, хотя правительство им фактически уже пользовалось»³¹.

Однако именно эти наблюдения С.И. Чижова заставили С.Б. Веселовского усомниться в правильности первоначальных выводов

и оставить открытым вопрос об инициаторах изменения монетной стопы в начале XVII в. В «Сошном письме» он с некоторым недоумением отметил: «Во всяком случае, факт понижения веса не подлежит сомнению, и возникает вопрос, кому, при наступлении распада государственной власти, принадлежит почин в этом деле»³².

Эта безрезультатная дискуссия обнаружила главный методологический недостаток исследований начала XX в. Признанным историческим источником оставались сами монеты, а такой важный источник, как клады, еще не получил должной оценки. Многие десятки кладов монет XVI–XVII вв. даже Археологической комиссией признавались «не заслуживающими внимания» и возвращались находчику или отправлялись в переплавку³³. Те немногие клады, которые попадали в музеи, продолжали оставаться не разобранными по составу и зачастую имели лишь самые краткие сведения о времени сокрытия и общем весе. К концу XIX – началу XX в. в музеях и частных коллекциях скопились огромные фонды русских монет XVI–XVII вв.³⁴, которые непрерывно пополнялись новыми находками кладов. Но не было даже попытки привлечь этот богатейший материал в качестве полноценного исторического источника. А.В. Арциховский даже в 1947 г. отмечал: «Пренебрежение нумизматов, археологов и историков к этим научным материалам полное»³⁵. Бурное развитие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин почти не затронуло царские монеты XVI–XVII вв.

Продуктивная методика работы с русскими средневековыми монетами была разработана лишь в середине XX в. Для ее создания большое значение имела работа Секции нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры (ГАИМК) в 20-е годы XX в. по публикации топографии находок кладов монет³⁶. Интерес к монетнымкладам способствовал внедрению новой методики работы с массовым нумизматическим материалом. Этот метод основывался на детальном сличении лицевых и оборотных сторон монет. В процессе чеканки, когда один из монетных штемпелей изнашивался, то парный ему еще продолжал использоваться, но уже в сочетании с другим штемпелем. Так получались «родственные» монеты, связанные по одному из штемпелей. Штемпельные связи позволяют исследователю построить хронологический ряд монет, чеканенных на одном монетном дворе.

Зарождение этого важнейшего метода связано с именами швейцарского нумизмата Ф. Имхоф-Блюмера³⁷ и русского нумизмата И.И. Толстого³⁸. В 1930-х годах подробное обоснование метода поштемпельного анализа сделал А.Н. Зограф³⁹. Он указал на большое значение анализа технических данных монет для определения

последовательности смены штемпелей. Ученый отметил: «Восстановить эту последовательную смену мы можем, наблюдая признаки постепенного срабатывания штемпелей: появление и развитие царапинок, трещинок, выбоин, стирание отдельных деталей и т. д. Такое восстановление цепи штемпелей оказывает существеннейшую помощь в хронологической группировке монет»⁴⁰.

В 1947 г. И.Г. Спасский блестяще использовал метод поштемпельного анализа для работы с русскими монетами «царского периода», не имеющими явных датирующих признаков⁴¹. Анализ технических данных в нумизматике стал основой для систематизации монет XVI–XVII вв.⁴² Научное направление, сформированное И.Г. Спасским, дало новое понимание нумизматического памятника как ценного исторического источника, отражающего технические, экономические, художественные, идеологические особенности своего времени. Ученый убедительно доказал, что копейки пониженного веса с именем Василия Шуйского следует отнести к чекану шведов, захвативших Новгород в 1611–1617 гг.⁴³

В 1955 г. И.Г. Спасский опубликовал обширное историко-нумизматическое исследование, посвященное истории русского денежного обращения с 1533 по 1617 г.⁴⁴ Была выполнена первая полномасштабная научная систематизация монет «царского периода», которая оказала решающее влияние на изучение русских средневековых монет и истории денежного обращения. В этой работе монеты, чеканенные на Новгородском денежном дворе в период шведской оккупации, стали предметом специального исследования. И.Г. Спасский точно указал на причины чеканки: «Чтобы подчинить своим интересам экономику захваченного края, шведам в Новгороде была нужна русская монета. Они организовали ее чеканку теми штемпелями, которые оказались у них под руками на денежном дворе»⁴⁵. Ученым были приведены цифровые данные книг Новгородского денежного двора 1610–1611 гг., на основании которых подробно рассмотрены вопросы техники чеканки монет и организации монетного производства. Была дана краткая характеристика документов Новгородского денежного двора 1613–1617 гг. и в полной мере использованы опубликованные К.И. Якубовым образцы записей. И.Г. Спасский отметил, что «по сравнению с рубриками учета 1611 г. новым в шведском чекане является прежде всего переделка старых денег, свидетельствующая о введении новой монетной стопы»⁴⁶.

Поскольку из записей книг Новгородского денежного двора следовало, что до начала 1615 г. чеканили из 100 рублей «старых денег» на 120 рублей «новых», а затем до 1617 г. на 130 рублей «новых денег», ученый рассчитал нормативный вес этих монет исходя

из нормативного веса «старых» монет трехрублевой стопы. Следует отметить, что сделанные на этой неверной основе выводы И.Г. Спасского о чеканке в Новгороде до января 1615 г. монет на 3,6 рубля из гривенки, а в 1615–1617 гг. – на 3,9 рубля из гривенки надолго вошли в нумизматическую литературу.

И.Г. Спасский определил, что в 1611–1615 гг. шведы использовали подлинные штемпели с именем Василия Шуйского в сочетании со старыми датированными лицевыми штемпелями РІН (1609/1610 г.) и НРПІ (1605 г.). К чекану шведов в 1615–1617 гг. были отнесены монеты, битые такими же лицевыми штемпелями в сочетании с другими оборотными с именем Михаила Федоровича. К выпуску шведов в Новгороде были отнесены копейки с буквами НРСІ под ногами коня и именем Василия Шуйского. И.Г. Спасский высказал предположение о «шведском» происхождении копеек НРСІ с именем Михаила Федоровича. Он допускал возможность их чеканки при Михаиле Федоровиче, но высказал сомнения, что после возвращения Новгорода в состав Российского государства там позволили бы использовать «шведские» штемпели. Окончательное решение вопроса ученый откладывал до исследования чеканки Михаила Федоровича в целом⁴⁷.

Систематизация монет этого государя была выполнена в 1960 г. А.С. Мельниковой⁴⁸. Она согласилась с мнением И.Г. Спасского о чеканке шведами в Новгороде монет с именем Михаила Федоровича в 1615–1617 гг., но не приняла гипотезу о вывозе штемпелей. Определив три оборотных штемпеля с именем Михаила Федоровича как сделанные при шведах, А.С. Мельникова проследила их использование в период после возвращения Новгорода в состав Русского государства и сделала вывод, что эти штемпели остались на денежном дворе. Начало чеканки в Новгороде монет с именем Михаила Федоровича она связала с русско-шведскими переговорами в с. Дедерино в 1616 г.⁴⁹ В этой работе была сделана существенная поправка в схему монетной чеканки Новгорода в 1611–1617 гг. На основе поштемпельного анализа А.С. Мельникова дала иную атрибуцию всех типов копеек с буквами НРСІ, которые были определены ею как один из видов подделок, чеканенных в Дании после 1619 г.⁵⁰

И.Г. Спасский согласился с доводами А.С. Мельниковой, что штемпели не были вывезены или уничтожены. Он указал, что ее исследование подтвердило факт чеканки шведами монет с именем Михаила в 1617 г., а обнаруженная им новгородская копейка с датой РКЕ ((7)125 = 1617 г.) усиливает убежденность, что чеканка штемпелем 1605 г. после освобождения Новгорода была невозможна⁵¹.

Работы И.Г. Спасского о чеканке копеек в оккупированном шведами Новгороде весьма заинтересовали шведских нумизматов и вызвали в 1960-х годах оживленную дискуссию на страницах нумизматических журналов и даже в шведских газетах. В ряде статей Э. Натхорст-Бёёс высказал сомнения в том, что шведы в Новгороде могли заниматься столь неблагоприятным делом, как чеканка неполноценных монет. По его мнению, атрибуция И.Г. Спасского была недостаточно подтверждена документально⁵². В то же время Э.Г. Берггрен поддержал выводы И.Г. Спасского об особенностях денежного обращения в период Смуты и аргументировал свое мнение данными Книг Новгородского денежного двора 1613–1617 гг., хранящихся в Стокгольмском государственном архиве⁵³.

В связи с этой дискуссией И.Г. Спасский в нескольких публикациях 1972 г. на основании архивных документов доказал шведскую инициативу в чеканке копеек пониженного веса в Новгороде в 1611–1617 гг. Более того, он привел свидетельства организации после 1617 г. в шведских владениях чеканки уже откровенно фальшивых монет. Ученый опубликовал два письма, отправленных летом 1615 г. шведским королем Густавом II Адольфом руководителю государственного казначейства об организации чеканки копеек для содержания оккупационных войск в России. Было опубликовано «Наставление» боярам, назначенным принимать приезжавшего в 1618 г. шведского посла Стенбука, где содержались упреки в увозе из Новгорода денежного мастера Нефёдки для организации «в Свее» чеканки поддельных копеек с именем Михаила Федоровича⁵⁴. И.Г. Спасский вновь обратил внимание на датированные 1617 г. новгородские копейки Михаила Федоровича и опять высказал сомнение в возможности чеканки монет в Новгороде после 1617 г. штемпелями, сделанными при шведах. Появление «шведских» копеек с именем Михаила Федоровича ученый датировал второй половиной или концом 1615 г. В заключение он высказал надежду, что «со временем методами нумизматики удастся проверить правильность заявленного московскими дипломатами обвинения в незаконной чеканке копеек Михаила Федоровича в самой Швеции»⁵⁵.

Таким образом, в работах И.Г. Спасского были выявлены основные типы монет, чеканенных в Новгороде в период шведской оккупации, и документально доказана шведская инициатива в изготовлении сперва легковесных, а затем фальшивых русских монет.

- 1 Коваленко Г.М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 133.
- 2 Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. М., 1890; *Он же*. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.
- 3 Спасский И.Г. Классификация русских монет XVI и начала XVII в.: Тез. дис. ... канд. ист. наук / Гос. Эрмитаж. Л., 1947.
- 4 Olearius A. Vermehrte neue Beschreibung der Muscowitischen und Persislen Reise so durch Geldenheit einer holsteinischen Gesandschafft an den russichen Zaar und Konig in Persien geschehen. Schleswig, 1656; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; Альбом А. Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизводимые в подлиннике и в натуральную величину, с приложением карты царского посольства 1661–1662 г. СПб., 1903.
- 5 Спасский И.Г. На заре русской нумизматики // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977. С. 56–61; *Он же*. Рукописное наследие Древней Руси в нумизматике начала XVIII в. и нумизматические контакты В.Н. Татищева // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Вып. IX. С. 44–46; Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de Curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint Pétersbourg. Par Jean Bacmeister. Sous bibliothécaire de l'Académie des Sciences. De l'Imprimerie privilégiée de Weitbrecht and Schnoor. SPb., 1776. S. 242–254; Versuch über die Bibliothek und das Naturailen und Kunst-Cabinet der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St.-Petersburg, aus dem Französischen des Herrn Bibliothekars Johann Bacmeister. St.-Petersbourg, gedrückt bey Weitbrecht und Schnor, 1777 // St.-Peterburgisches Journal. 1777. Кн. VIII; *Le Clerk M.* Historie physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. P., 1783. V. II.
- 6 Musei Imperialis Petropolitani, vol. II, pars III, dua continentur nummi recentiores. СПб., 1745 (Nummi ruthenici).
- 7 Щербатов М.М. Опыт о древнейших российских монетах // Академические известия на 1780 г. СПб., 1780. Ч. VI. С. 201–351, 445–474; Академические известия на 1781 г. СПб., 1781. Ч. VII. С. 32–48, 134–171, 304–318, 433–442; Ч. VIII. С. 566–581, 698–713, 825–842.
- 8 Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей императрицы Екатерины Великия. СПб., 1781. Т. I, кн. 1. С. 114–122.
- 9 Versuch über die russischen Munzen (перевод И. Бакмейстера) // Neues St.-Petersb. Journal. 1781. Ч. I–III.
- 10 Мальгин Т.И. Опыт исторического исследования и доказательства о древности в Российском государстве монеты разного достоинства и медалей своих соб-

- ственных // Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией. СПб., 1810. Ч. IV.
- 11 О других нумизматических исследованиях см.: Северова М.Б. Нумизматическая литература в России XVIII века: Общ. обзор. Аннот. библиогр. 1710–1800 гг. Л., 1982; Спасский И.Г. Очерки по истории... С. 91–108.
 - 12 *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд. 3. С. 33.
 - 13 *Chaudoir S. de.* Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères, qui ont eu cours en Russie depuis les temps plus reculés jusqu'à nos jours. St.-Petersburg, 1836. V. I; 1837. V. II; Recueil de planches. 1836; *де-Шодуар С.* Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен / Пер. с фр. В.А. СПб., 1837. Ч. 1; 1841. Ч. 2.
 - 14 *Сахаров И.* Описание русских монет минц-кабинета И.Т. Яковлева. СПб., 1839.
 - 15 *Шуберт Ф.Ф.* Описание русских монет и медалей собрания генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта. СПб., 1843. Ч. 1; *Schubert T.F.* Monnaies russes des derniers trois siècles, depuis le Czar Ioann Wasiliewicz Grosnyi, jusqu'à l'empereur Alexandre II, 1547–1855. Leipzig, 1857; *Idem.* Monnaies et médailles russes, d'après l'État donné par le cabinet du général d'infanterie T.F. Schubert à Saint-Petersburg. Première partie. Monnaies. Leipzig, 1858.
 - 16 *Reichel J.* Die Reichelsche Munzsammlung in St.-Petersburg. Th. I. Russland. 1842. (Книга вышла в 1847 г.)
 - 17 *Сонцов Д.* Деньги и пулы Древней Руси, великокняжеские и удельные. М., 1860; Прибавление второе. М., 1862.
 - 18 *Гуттен-Чапский Э.К.* Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. СПб., 1875. 182 с.
 - 19 *Прозоровский И.Д.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865. С. 390–401.
 - 20 Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. II. С. 62–75.
 - 21 *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива... I. С. 1–38; IV. С. 39–78.
 - 22 Там же. I. С. 46.
 - 23 Там же. IV. С. 53.
 - 24 Там же. I. С. 31–32.
 - 25 *Трутовский В.К.* Нумизматика. М., 1909. Вып. 1. Общее введение в нумизматику (Из лекций, читанных в Московском Археологическом институте). 115 с.: ил.; *Он же.* Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI века // Нумизматический сборник. Московское нумизматическое общество. М., 1911. Т. I. С. 401–482.
 - 26 *Уваров А.С.* Денежное дело // Сборник мелких трудов А.С. Уварова. М., 1910. Т. II.
 - 27 *Чижев С.И.* К истории денежного производства на Руси за царский период // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916. С. 24–46.

- 28 *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909. С. 15–16.
- 29 *Веселовский С.Б.* Понижение веса копеек при царе Василии Шуйском // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. 2. С. 135–144.
- 30 *Кауфман И.И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 80–82.
- 31 *Чижов С.И.* О весе копеек царя Василия Шуйского // Нумизматический сборник. М., 1913. Т. II. С. 164.
- 32 *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: Исслед. по истории кадастра и посошного обложения Моск. государства. М., 1915. Т. I.
- 33 Отчеты Археологической комиссии за 1899 г. СПб., 1901. С. 117, 159; ... за 1901 г. СПб., 1903. С. 122, 162; ... за 1902 г. СПб., 1904. С. 124, 167 и др.
- 34 *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея: Нумизматический отдел // Древности. Труды ИМАО. М., 1888. Т. 12; *Ласковский В., Лашков Н.* Краткое описание Новгородского музея. Новгород, 1893; *Они же.* Новгородский музей в 1892–1893 гг. (Летопись приращений). Новгород, 1894; *Берендтс А.* Описание русских монет музея Ярославской ученой архивной комиссии, пожертвованных И.А. Вахромеевым. Ярославль, 1898; *Черетнин А.И.* Каталог Рязанского музея. Отдел нумизматический. Вып. 1. Рязань, 1894.
- 35 *Арциховский А.В.* Основные вопросы археологии Москвы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1947. Вып. 7. С. 19.
- 36 *Ильин А.А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков // Труды нумизматической комиссии ГАИМК. 1921. Вып. 1; *Он же.* Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода // Труды нумизматической комиссии ГАИМК. 1925. Вып. 5; *Фасмер Р.Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Серия обществ. наук. 1933. Вып. 7. № 6–7. С. 473–484; *Гурулева В.В.* А.В. Орешников и создание комиссии по нумизматике и глиптике ГАИМК // Нумизматический сборник № 5. Московское нумизматическое общество. М., 1997. С. 42–52.
- 37 *Imhoof-Blumer F.* Die Munzen Akarnaniens // Numismatische Zeitschrift. Wien, 1878. Bd. 10. S. 1–180.
- 38 *Толстой И.И.* Русская допетровская нумизматика. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884. Вып. 1; Монеты Псковские. СПб., 1886. Вып. 2.
- 39 *Зограф А.Н.* Научное значение метода сличения штемпелей в античной нумизматике (Доклад 29 октября 1932 г.) // Ленинградское общество коллекционеров. Секция нумизматов: [Программа заседаний]. Л., 1933. С. 3. Работа ученого, умершего в блокадном Ленинграде в 1942 г., была опубликована уже после войны; *Зограф А.Н.* Античные монеты // Материалы и исследования по истории СССР. М.; Л., 1951. Вып. 16. С. 33, 107–108.
- 40 *Зограф А.Н.* Античные монеты... С. 33.
- 41 *Спасский И.Г.* Классификация русских монет XVI и начала XVII в.

С.В. Зверев

- 42 *Спасский И.Г.* Анализ технических данных в нумизматике // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. 1951. Вып. 39. С. 69–75.
- 43 *Спасский И.Г.* Винницкий клад (Из истории денег в России в период польско-шведской интервенции начала XVII в.) // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. № 2. С. 32–40.
- 44 *Спасский И.Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. Вып. 44. С. 214–363.
- 45 Там же. С. 343.
- 46 Там же. С. 342.
- 47 Там же. С. 344.
- 48 *Мельникова А.С.* Систематизация монет Михаила Федоровича // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 66–90.
- 49 Там же. С. 83.
- 50 Там же. С. 85–87.
- 51 *Спасский И.Г.* Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв.: Обобщающий докл. по раб., представленным в качестве дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1961. С. 20.
- 52 *Nathorst-Boos E.* Nyare osteuropeisk litteratur // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad. 1964. № 8. P. 116; *Idem.* Nagra kommentarertill recensionen av I.G. Spasskijs arbeten // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad. 1965. № 2. P. 27–29; *Nathorst-Boos E., Berggren E.G.* Nagot om den kopparmuntningen // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad. 1965. № 5. P. 97.
- 53 *Berggren E.G.* Nagot om den kopparmuntningen // Samlarjournalen. Skovde, 1964. № 5–6; *Idem.* Den svensken myntnigen i Novgorod under «Oredans tid» // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad. maj, 1967; *Idem.* En svensk falskmyntnigen i forska dagars Rusland // Smalonds Allerhanda and Ionkopings Pasten. 25, 26 IV 1967.
- 54 *Спасский И.Г.* Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611–1617 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. IV. С. 160–173; *Он же.* Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611–1617 гг. // Новое в археологии: Сб. ст., посвященный 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972. С. 294–301; *Он же.* Новые документы о Новгородском денежном дворе в 1611–1617 гг. // Тезисы докладов, посвящ. итогам полевых археологических исследований 1971 г. М., 1972.
- 55 *Спасский И.Г.* Новые материалы о Новгородском денежном дворе... С. 299.

Ю.Э. Шустова

ПРОДАЖА КНИГ ТИПОГРАФИИ ЛЬВОВСКОГО
СТАВРОПИГИЙСКОГО БРАТСТВА
ПО РЕЕСТРАМ АНАСТАСИИ ЛЯСКОВСКОЙ
(1676–1680 гг.)

Исследуются механизмы продажи книг типографии Львовского Успенского Ставропигийского братства во второй половине 70-х годов XVII в. по реестрам выдачи книг для продажи со складов Анастасии Лясковской и получения ею для продажи книг. Проводится сравнительный анализ реестров и атрибуция изданий, определяются репертуар и количество продаваемых книг и сумма, возвращаемая братству за проданные книги.

Ключевые слова: Львовское Успенское братство, типография Ставропигийского братства, продажа книг, цены на книги, источники по истории книготорговли.

Документы архива Львовского Успенского Ставропигийского братства являются важными источниками по истории книжности, которые позволяют изучать историю издания книги от ее замысла и механизмов издательского процесса до способов распространения и культуры чтения. В последнее время большое внимание уделяется изучению истории торговли и распространению книг, разрабатываются источниковедческие аспекты информативности источников разных видов. В связи с этим весьма важным представляется источниковедческое изучение делопроизводственных документов, касающихся деятельности типографии. Особый интерес вызывают реестры выдачи книг для продажи, сохранившиеся с 60-х годов XVII в. В их числе уникальными являются реестры, которые отражают участие в делах братства женщины – жены члена братства Ивана Лясковского Анастасии. О роли женщин в истории братства в историографии существует несколько точек зрения. Одни считали, что женщины имели право быть членами

братства, мотивируя это тем, что в реестр членов братства в разное время были вписаны четыре женщины. Другие полагали, что членство их в братстве было номинальным и ограничивалось финансовым воспомоществованием. Однако при изучении документов архива братства проблема представляется в несколько ином ракурсе. Жены членов братства активно принимали участие в деятельности братства, выполняли ту работу, которую по тем или иным причинам не могли выполнять их супруги. Реестры выдачи для продажи книг показывают, что на протяжении пяти лет жена члена братства Анастасия Лясковская лично занималась книготорговлей, получала книги для продажи, вела записи для финансового отчета перед братством. В ее руках были сосредоточены огромные суммы денег, лежала большая ответственность в реализации книг, и она с этой работой успешно справлялась.

Сохранились две делопроизводственные книги братства, в которых зафиксировано сотрудничество с ним Анастасии Лясковской на протяжении четырех лет. Обе – тетради форматом *in folio*, в бумажном переплете коричневого цвета. Первая – реестр выдачи книг со склада для продажи: «Gmacowu registr, co się xięgi przedawali przez pp. braciey a die 11 7-bris, anno 1676 ad 6-tam X-bris 1683 y expensa tyż znaydziesz»¹ («Складской реестр выдачи панами братьями книг для продажи с 11 сентября 1676 по 6 декабря 1683 г.»), в котором содержатся записи о выдаче ей книг со склада в период с 13 декабря 1676 г. по 2 октября 1680 г. (Д. 1103. Л. 1–7об.; АЮЗР. Т. 11. С. 607–611). Вторая тетрадь имеет общий заголовок на переплетном листе: «Ab A° 1676 ad 1683 maj 24. Expensia y przedaż» и состоит из двух частей, имеющих свои заголовки: «A° 1677, 11 marty. Regester xiąg odebrania przez panią Janową Laskowską, z czego ma dać rachunek lubo mnie, lubo samym ich mościom panom Bracy, a co kolwiek odbierze y iako wiele, ktorego miesiąca y dnia swoją ręką dla większey wiary powinna się podpisować» (Д. 1104. Л. 1; АЮЗР. Т. 11. С. 616) («1677 г., 11 марта. Реестр книг, полученных пани Яновой Лясковской, с которого должна представить счет или мне, или самим панам старшим братьям, сколько взяла, в каком количестве, какого месяца и дня, своей рукой для большей веры должна подписываться») и «Distribucia cerkiewna» («Расходы церковные») с 25 февраля 1677 г. по 24 февраля 1682 г. (Д. 1104. Л. 9–39об.; АЮЗР. Т. 11. С. 616–619). Записи, касающиеся получения книг для продажи Анастасией Лясковской, содержатся в первой части реестра и по своему содержанию практически полностью повторяют записи о выдаче ей книг в предыдущей книге (Д. 1104. Л. 1–8).

В «Gmacowum regestrem» записано, что книги со склада для продажи с 13 декабря 1676 г. по 2 октября 1680 г. получала Анастасия

Лясковская, которая на страницах этого реестра именуется «Pani Janowa Laskowka», но чаще всего «Pani Janowa Laszkowska», т. е. как жена члена братства Яна (Ивана) Лясковского.

Формуляр записи о выдаче книг на протяжении всего реестра практически не изменялся. Он включает дату выдачи книг; указание, кому они выдаются; дается перечень выданных книг (название издания, цена за экземпляр, количество выданных книг одного наименования и сумма в злотых); имя выдавшего книги члена братства; практически всегда запись заканчивается указанием общей стоимости выданной партии книг («Summa facit»). Формуляр записи о получателе книг для продажи со склада отличается разнообразием формулировок и позволяет судить о механизме книготорговли в братстве во второй половине XVII в. Можно привести в качестве примера следующие: «Pani Janowa Laszkowska xięgi odbiera do przedania, iako niżey» («Пани Янова Лясковская книги получала для продажи нижеследующие»), «Pani Janowa Laszkowska tak za to płaci, iako niżey» («Пани Янова Лясковская платит за это [полученные книги. – Ю. III.] согласно нижеследующему»), «Pani Janowa Laszkowska powzięła xiąg do przedania przez ręce moje, iako niżey» («Пани Янова Лясковская взяла книги для продажи согласно моей [члена братства, выдававшего книги. – Ю. III.] собственоручной записи»), «Wydało się paniey Laszkowskiey xięgi do przedaży, a naprzod» (Д. 1103. Л. 1об.–5об.; АЮЗР. Т. 11. С. 607–610) («Выдано пани Лясковской для продажи, прежде всего»). Такие записи характерны для периода с 13 декабря 1676 г. по 9 мая 1679 г., которые вел Яков Павлович, отвечавший за выдачу книг. Он же выдавал книги со склада и в дальнейшем, однако с 5 августа 1679 г. формуляр записи меняются, становится более подробными (Д. 1103. Л. 6об.–7об.; АЮЗР. Т. 11. С. 610–611). Возможно, это объясняется принятым на собрании братства решением об усилении контроля со стороны членов организации за процессом книготорговли – основного источника доходов братства. В этих записях фиксируется не только имя члена братства, выдававшего со склада книги, но и имена старших братьев, которые de jure принимали решение о выдаче книг. Старшими братьями в 1678–1680 гг. были Киприан Кисельницкий, Семен Лавришевич, Стефан Красовский, Яний Мазараки, Николай Михалевич, Яков Лавришевич, Петр Куртович. Также появляются более подробные записи, касающиеся обстоятельств получения книг со склада: «W niebytnosci iego mości p. Jakuba Lawryszewicza... wydało się xiąg do przedania pani Laszkowskiey» («Во время отсутствия пана Якова Лавришевича... выданы книги для продажи пани Лясковской»), «...wydane

xięgi do p. Laskowskey, za ktore p. Jakub ma oddać peniądze» («...выданы книги п. Лясковской, за которые п. Яков должен отдать деньги»).

Второй реестр («Regester xiąg odebrania przez panią Janową Laskowską») был заведен, видимо, позже, чем первый (Д. 1104. Л. 1–8). Содержательная часть обоих реестров начинается с записи, датированной 13 декабря 1676 г. В заголовке «Gmachowego rejestru» указана более ранняя дата – 11 сентября 1676 г., а в заголовке «Regesterr xiąg odebrania przez panią Janową Laskowską» – 11 марта 1677 г., т. е. более поздняя запись по сравнению с первой содержательной записью реестра. Возможно, решение о ведении реестра о получении книг для продажи с собственноручными подписями получателя очередной партии со склада было принято в начале 1677 г. и первые записи в нем сделаны «задним числом».

Записи в реестре вел на польском языке, видимо, Яков Павлович, который непосредственно выдавал книги, осуществляя записи в своем реестре выдачи книг. Формуляр записей в реестре полученных Анастасией Лясковской книг несколько отличается. После указания даты в большинстве записей говорится, что «pani Janowa Laskowska odebrała do przedania z gmachu cerkownego...» («пани Янова Лясковская получила для продажи со склада церковного...») или «odebrała do przedania xiąg z gmachu» («получила для продажи книги со склада»). После списка полученных книг, включающего количество экземпляров каждого полученного наименования издания, стоимость одного экземпляра и выданного числа книг, указывается стоимость полученной партии книг, после чего следует собственноручная подпись Анастасии Лясковской. Практически всегда она расписывается кириллическими буквами, написанными неуверенным полууставом. Из этого можно сделать вывод, что Анастасия Лясковская не обладала достаточными навыками письма в силу того, что писать ей приходилось относительно немного и в своей графике она повторяла книжный полуустав тех книг, которые продавала. Свое имя она писала в нескольких вариантах: «Наста'ниа ЛашкѸвъ'капа» или «Настасииа ЛашкѸвскапа», а также сокращенно: «Нас. Лас.» или «Анас. Лас.».

Не все записи в двух реестрах полностью идентичны. Только в «Regestere xiąg odebrania...» есть запись о получении Анастасией Лясковской для продажи 14 Часовников (Д. 1104. Л. 3об.). Больше всего таких «разночтений» встречается в записях 1680 г. Только в «Gmachowym rejestre, co się xięgi przedawali przez pp.» есть запись о получении со склада Анастасией Лясковской пяти Октоихов на сумму 150 злотых (Д. 1103. Л. 7об.; АЮЗР. Т. 11. С. 611). 5 июня ей была выдана очередная партия книг, однако в «Regestere xiąg ode-

brania przez panią Janową Laskowską» говорится о получении ею в том числе 100 экземпляров новоизданной псалтири на сумму 270 злотых (Д. 1104. Л. 7), в то же время в «Gmacowym regestrze» содержится запись о выдаче в этот день 20 Евангелий на сумму 200 злотых (Д. 1103. Л. 7об.; АЮЗР. Т. 11. С. 611). Записи о выдаче книг 21 октября 1680 г. на сумму 1923 злотых 20 грошей и 12 ноября 1680 г. на сумму 741 злотых 16 грошей есть только в «Regestere xiąg odebrania...» (Д. 1104. Л. 7, 8). Только в этом реестре имеется запись о выдаче в январе 1677 г. партии книг из трех изданий на сумму 560 злотых (Д. 1104. Л. 1об.). Некоторые записи различаются датами. Так, одна и та же партия выданных для продажи книг (семь изданий) в «Regestere xiąg odebrania...» датируется 6 сентября 1677 г., а в «Gmacowym regestrze» записано, что в этот день был выдан только Часовник, а остальные шесть изданий Анастасия Лясковская получила 18 октября (Д. 1104. Л. Зоб.; Д. 1103. Л. Зоб.; АЮЗР. Т. 11. С. 608, 609). Такие разночтения позволяют сделать вывод о том, что иногда записи о выдаче денег велись одной из сторон самостоятельно, не дублируя друг друга, а при подготовке финансового отчета перед братством сличались все записи из разных источников и составлялся полный отчет. Возможно, существовали и индивидуальные реестры, черновики, в которых также дублировались сведения о получаемых для продажи книг. Такие источники более позднего периода сохранились в архиве братства. Так как на продавца книг возлагался большой груз материальной ответственности, то вполне закономерно, что нужно было все тщательно фиксировать и следить, чтобы при составлении отчета перед братством все приходно-расходные финансовые документы не противоречили друг другу.

Получение книг со склада позволяет сделать выводы о скорости реализации тиражей тех или иных изданий и, в свою очередь, о распространении книг братской типографии. Это единственные сохранившиеся источники за тот период, содержащие подробную фиксацию получения для продажи книг, позволяющие представить масштаб книготорговли. Именно в руках Анастасии Лясковской, выполняющей функции дозорца по продаже книг, была сосредоточена основная книготорговля, хотя небольшие партии книг на протяжении этого периода получали для продажи и другие члены братства (Д. 1101. Л. 1об.–4), в том числе Яков Лясковский (Д. 1103. Л. 6об.; АЮЗР. Т. 11. С. 610).

Интенсивность реализации каждого издания была разной. Быстрее всего продавались книги учебные так называемые (Часовнички, Грамматички и Псалтирки), которые стоили довольно дешево и были доступны широкому кругу населения, а объемные

дорогие богослужебные издания, такие как Трефологион (Минея праздничная), могли себе позволить даже не все церкви и монастыри. Наибольшее количество экземпляров книг для продажи было выдано Анастасии Лясковской в 1679 г. на сумму 9450 злотых 20 грошей, наименьшее – в 1678 г. на сумму 3980 злотых 7 грошей. Практически всегда на протяжении рассматриваемого периода количество выдаваемых книг было прямо пропорционально их стоимости, за исключением 1680 г. (см. диаграммы 1, 2). Это объясняется прежде всего тем, что неравномерно на протяжении рассматриваемых пяти лет выдавались учебные дешевые книги. Больше всего таких книг было выдано в 1679 г. – 300 Часовничков, 300 Грамматик и 100 Псалтирей, а меньше всего – в 1678 г., когда было выдано 127 Псалтирей учебных.

Диаграмма 1. Количество экземпляров выданных для продажи книг в 1676–1680 гг.

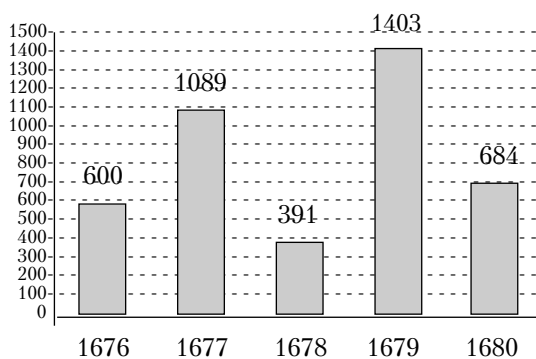


Диаграмма 2. Стоимость выданных для продажи книг в 1676–1680 гг., злотые

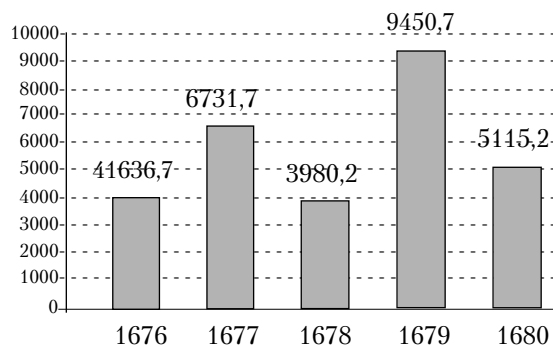


Таблица 1

Роспись выдаваемых для продажи Анастасии Ляковской
изданий книг в 1676 – 1680 гг.

Наименование издания	Год издания, формат	Год выдачи, количество экземпляров					Всего, кол-во экз.
		1676	1677	1678	1679	1680	
Евангелие	1670, 2°	20	60	30	100	70	280
Апостол	1666, 2°	10					10
Трефологион	1651, 2°	10	12	10	14	6	52
Триодь цветная	1663, 2°	10	61	27	54	48	200
Триодь постная	1664, 2°	20	48	21	55	27	171
Октоих	1644, 2°	10	22	11	10	5	58
Служебник	1666, 4°	50	51	45	125	80	351
Требник	1668, 4°	50	60	40	130	70	350
Шестодник	1671, 4°	50	50		130		230
Часослов полу- уставный	1668, 4°	20	30	30	30	40	150
Полуустав	1670, 12°	50		50	55		155
Псалтирь	1668, 4°; не ранее 1679–1680	100	250	127	100	100	677
Часовничек	1669, 8°; 1677	200	345		300	200	1045
Грамматика	1671, 8°		100		300	38	438
Всего		600	1089	391	1403	684	4167

Репертуар выдаваемых для продажи изданий отличался несущественно и варьировался от 10 (в 1678 и 1680 гг.) до 13 (в 1676, 1677 и 1680 гг.) изданий. Однако некоторые издания выдавались не всегда. Не всегда выдавались Шестодник, Полуустав, Часовничек и Грамматика (табл. 1). Апостол выдавался только в 1676 г., а потом, возможно в связи с тем, что закончился тираж книги, не выдавался. То что выданы были последние экземпляры Апостола, говорит и тот факт, что это единственные книги, которые получены были для продажи в переплете, в отличие от всех остальных, выдаваемых в секстернах (тетрадах). По количеству выдаваемых книг и пометам в реестрах можно установить, когда закончился тираж того или иного издания, и для продажи стали выдавать очередное переиздание книги. Как правило, книги выдавались партиями, в которых было кратное десяти количество книг. Так, 4 июня 1677 г. со склада был выдан 31 Часовничек (Д. 1104. Л. 2об.; Д. 1103. Л. 2об.; АЮЗР. Т. 11. С. 608) и 2 августа еще 14 экземпляров

«z gmachu carkiewnego» (Д. 1104. Л. 3об.), что говорит о том, что тираж книги закончился и выданы были все оставшиеся в наличии экземпляры. А уже 7 сентября 1677 г. Анастасии Лясковской выдали 100 экземпляров новоизданных Часовничков (Д. 1103. Л. 3об.; Д. 1104. Л. 3об.; АЮЗР. Т. 11. С. 608).

Цены на книги оставались на протяжении рассматриваемого периода времени практически неизменными. Лишь в отдельных случаях можно говорить о повышении цен на определенные издания. Цены на книги устанавливало братство на собраниях, учитывая их себестоимость (оплата труда типографа и «челяди», т. е. работников типографии, словолитейника, расходы на бумагу, краски, ремонт типографского станка и пр.) и определенную прибыль. Для продажи выдавались книги в соответствии со строго утвержденной «Таксой на проданя книг...»². Однако иногда братство принимало решение о пересмотре цен на те или иные издания. Как правило, повышение цены было связано с тем, что заканчивался тираж того или иного издания. Так, в сентябре (октябре) 1677 г. Тефологион выдавался для продажи по цене 50 злотых, а в следующий раз, в феврале 1678 г., – по цене 56 злотых 20 грошей (Д. 1104. Л. 3об., 4об.; Д. 1103. Л. 3об., 4об.; АЮЗР. Т. 11. С. 608, 609). В 1677 г. подорожала и Триодь постная. Если в январе она выдавалась для продажи по 13 злотых 20 грошей, то в октябре – по 15 злотых 20 грошей (Д. 1104. Л. 1об., 3об.; Д. 1103. Л. 1об., 3об.; АЮЗР. Т. 11. С. 608). Октоих на протяжении рассматриваемого периода дорожал дважды. Если в 1676–1677 гг. он выдавался по 22 злотых, то в 1678 г. он стоил на 6 злотых дороже, а в 1680 г. подорожал еще на 2 злотых.

В реестре указывалось только название книги. Не фиксировался год ее издания, формат, объем, самоназвание или иные особенности издания. Поскольку продавцы имели дело, как правило, с текущим репертуаром книг – ограниченным количеством имевшихся в наличии в братских складских помещениях изданий, они знали все особенности этих книг и для делопроизводственных записей не требовалось подробно фиксировать выходные данные книг. Это иногда затрудняет атрибуцию того или иного издания. Однако в большинстве случаев установление издания не вызывает вопросов. Это в первую очередь относится к большеформатным богослужебным книгам, которые переиздавались только после того, как тираж предшествующего издания был распродан.

Иногда одна и та же книга называлась в реестрах по-разному. Так, в «Gmascowum regestре» книга стоимостью 1 злотый называется «Часовничек» («Czasowniczek») (Д. 1103. Л. 2об.; АЮЗР. Т. 11. С. 607), а в «Regestre xiąg odebrania» – «Грамматичка» («Grammatyczka») (Д. 1104. Л. 2об.). В 1671 г. в типографии брат-

ства печатником Стефаном Половецким была издана книга, на титульном листе которой указано ее название «Октоихъ сиржѣчь осмогласникъ» размером in quarto. Однако она отличается от богослужебного Октоиха, значительно большего по объему, издававшегося в типографии братства с 1630 г. форматом in folio. В предисловии к книге она названа Шестодником, что объясняется тем, что это сокращенный вариант книги, «в коротцѣ, безъ всеневныхъ пѣнїи»³. Эта книга предназначалась прежде всего «для потребы молодыхъ дѣтей побожнаго ученїя». А одно из требований, предъявляемых к учебным книгам, – их доступность: «иждь не кождый зможетъ коштомъ своимъ болшую и достатнѣйшую мѣти Книгу, а нѣкоторыи найдуются, иждь для многихъ своихъ забавъ, и трудностей не могутъ всеневнаго и великаго пѣнїя церковнаго быти участниками, абы принаймнѣй тую отрывавши Книгу... пѣнїи божественныхъ... чуйностїю слухати приготовлялися»⁴. Именно поэтому Октоих, предназначенный «для дѣтей в Школахъ учачихся сей ШЕСТОДНИКЪ (выделено в тексте. – Ю. Ш.) реченый выдалисмо»⁵. В реестрах продаж книг богослужебный Октоих форматом in folio значится как Ochtai и продавался по цене от 22 до 30 злотых, а учебный Октоих форматом in quarto – как Szestodnik и продавался по цене 7 злотых.

Чаще всего различать издания, называемые одинаково в реестрах, можно только исходя из цены на книгу. Так, в рассматриваемых документах встречаются названия Часослов, Часослов большой, Полуустав большой, Полууставец, Полуустав церковный. Из анализа цен на эти книги устанавливается, что в рассматриваемых реестрах речь идет о двух изданиях. Цена книги одного из них – 8 злотых 20 грошей, а цена за экземпляр другого издания зависела от качества бумаги: книга на толстой бумаге стоила 7 злотых, а на тонкой – 9 злотых. Первое издание можно атрибутировать как Часослов, изданный типографом Симеоном Ставницким в 1668 г., на титульном листе книга названа «Орологїон сиречь Часословъ полуставный»⁶. Второе издание можно атрибутировать как Устав молитвенный, изданный Степаном Половецким в 1670 г.⁷ В приходно-расходной книге братства, веденной Степаном Лавришевичем в 1664–1671 гг., имеется запись о получении в июне 1670 г. тиража «Полуставъчыкувъ», часть которого была отпечатана на гданьской (толстой) бумаге (1112 экз.), часть – на тонкой французской (100 экз.) и 125 экз. – на смешанной бумаге (Д. 1088; АЮЗР. Т. 11. С. 487). Таким образом, в рассматриваемых реестрах речь идет именно об издании 1670 г. Устава молитвенного.

Установление часто переиздаваемых учебных изданий затруднено еще тем фактором, что многие из них не сохранились и из-

вестны только по архивным материалам. Так, в 1676 г. было выдано для продажи 100 экз. Псалтири, вероятнее всего издания 1668 г. В течение рассматриваемого периода книга переиздавалась по меньшей мере два раза. В библиографии известна Псалтирь, изданная не ранее 1677 г.⁸, которая могла выдаваться для продажи начиная с 1677 г. Второе издание Я.Д. Исаевич и А.Я. Запаско атрибутировали как Псалтирь, вышедшую из печати в 1679 или 1680 г.⁹ Сегодня неизвестно ни одного сохранившегося экземпляра этого издания. В рассматриваемых реестрах записано, что новоизданная Псалтирь в количестве 100 экз. по цене 3 злотых 6 грошей была выдана Анастасии Лясковской 18 октября 1679 г. Также в другой записи от 5 июня 1680 г. отмечено получение 100 экземпляров новоизданной Псалтири по цене 2 злотых 21 грош (Д. 1104. Л. 6, 7). В книге расходов на типографию имеется запись о выдаче 29 мая 1679 г. типографу Симеону Ставницкому «на допечатывание» Псалтири 50 злотых, а 12 марта 1680 г. состоялся полный расчет с типографом за тираж книги – 1987 экз. (АЮЗР. Т. 12. С. 363, 364). Вероятнее всего, в 1679 г. часть отпечатанного тиража Псалтири уже поступила в продажу, в то время как завершена печать книги была только в 1680 г. Как это отразилось на выходных данных книги нам остается неизвестно. Различие в цене книги в 1679 и 1680 гг. можно объяснить тем, что 3 злотых 6 грошей могли стоить книги в переплете. Согласно «Таксе на проданя книг» от 1 апреля 1671 г. переплетенную Псалтирь следовало продавать по 3 злотых 15 грошей, а в секстернах – по 2 злотых 21 грошу (Д. 1100. Л. 1).

Также вызывает трудности атрибуция Часовничка, так как многие школьные издания не сохранились до наших дней. По архивным документам нам известно издание Часовничка школьного¹⁰, тираж которого поступил на склад братства в июне 1669 г., а полный расчет с типографом Степаном Половецким состоялся 11 августа 1669 г. за отпечатанные 1550 экз. *Czasowniczkow szkolnych* (АЮЗР. Т. 11. С. 265, 487). Вполне вероятно, что в 1676–1677 г. продавали экземпляры этого издания Часовничка. В рассматриваемых реестрах в записях от 6 сентября 1677 г. отмечена выдача для продажи новоизданного Часовничка (Д. 1103. Л. Зоб.; Д. 1104. Л. Зоб.; АЮЗР. Т. 11. С. 608). Экземпляры этого издания также не сохранились¹¹. В архивных документах имеется запись от 18 октября 1677 г. о расчете с типографом за тираж 1998 экз. *Czasosłowa*, из расчета 5 грошей за каждый экземпляр (АЮЗР. Т. 12. С. 363). С сентября 1677 г. Анастасия Лясковская продавала Часовнички этого издания.

Также большие трудности в атрибуции Грамматички – издания небольшого, предназначавшегося для обучения чтению, дешевого

Таблица 2

Роспись выдаваемых для продажи книг Анастасии Лясковской
в 1676–1680 гг.

Наименование книги	Год издания, формат	Цена книги (злотый, грош)	Количество книг (штук)	Сумма (злотый, грош)
Евангелие	1670, 2°	20 зл.	280	5600 зл.
Апостол	1666, 2°	16 зл.*	10	160 зл.
Трефологион	1651, 2°	50 зл.	22	1100 зл.
		56 зл. 20 гр.	30	1700 зл.
Триодь цветная	1663, 2°	17 зл. 20 гр.	200	3533 зл. 10 гр.
		16 зл.*	8	128 зл.
		13 зл. 20 гр.	32	591 зл. 10 гр.
Триодь постная	1664, 2°	15 зл. 20 гр.	131	2052 зл. 10 гр.
		22 зл.	32	704 зл.
		28 зл.	21	588 зл.
Октоих	1644, 2°	30 зл.	5	150 зл.
		8 зл.	351	2808 зл.
Служебник	1666, 4°	8 зл.	351	2808 зл.
Требник	1668, 4°	9 зл. 20 гр.	350	3383 зл. 10 гр.
Шестодник	1671, 4°	7 зл.	230	1610 зл.
Часослов полууставный	1668, 4°	8 зл. 20 гр.	150	1300 зл.
Полуустав на толстой бумаге на тонкой бумаге	1670, 12°	7 зл.	140	980 зл.
		9 зл.	15	135 зл.
		2 зл. 21 гр.	577	1557 зл. 27 гр.
Псалтирь	1668, 4°; не ранее 1677, 4°; 1679–1680	3 зл. 6 гр.	100	320 зл.
		1 зл.	1045	1045 зл.
Часовничек	1669, 8°; 1677	1 зл.	1045	1045 зл.
Грамматика	1671, 8°	12 гр.	438	175 зл. 6 гр.
Всего			4 167	29 621 зл. 13 гр.

*Книги в переплете

и чрезвычайно востребованного. Они издавались большими тиражами, часто переиздавались, но в большинстве своем не сохранились до наших дней. Можно предположить, что Грамматичкой

назывался «Букварь языка славенска», изданный Степаном Половецким в 1671 г. Это издание известно в единственном сохранившемся экземпляре¹². Возможно, Букварь допечатывался или переиздавался по мере реализации тиража.

Всего за пять лет Анастасия Лясковская получала для продажи 14 изданий, из них три – учебные (Псалтирь, Часовничек и Грамматика). Ей было выдано 4167 экз. книг на сумму 29621 злотый 13 грошей. Частота выдаваемых книг и их количество позволяют сделать выводы о спросе на те или иные издания у читателей. Наибольшим спросом пользовались учебные книги, особенно для начального обучения грамоте, которые были довольно дешевыми, а значит, доступными широкой аудитории покупателей. Меньшим спросом пользовались большие по объему богослужебные книги Трефологион (Минея праздничная) и Октоих. Реестры дают нам дополнительные сведения об изданиях, которые не сохранились до наших дней, позволяющие реконструировать репертуар издаваемых типографией книг. Это важные источники для изучения механизмов книготорговли во второй половине XVII в., поскольку содержат репрезентативную информацию о количестве выдаваемых для продажи книг, о ценах на издания, о скорости их реализации постоянным книгопродавцом на протяжении пяти лет, в руках которого была сосредоточена основная книготорговля изданиями типографии Львовского братства.

Примечания

- 1 Центральный государственный исторический архив Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1103. Л. 1 (далее ссылки на документы фонда следуют в тексте с указанием номеров дела и листа); Архив Юго-Западной России. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 11. С. 607 (далее ссылки на издание следуют в тексте с указанием тома и номера страницы).
- 2 Шустова Ю.Э. Каталог 1671 г. продажи книг типографии Львовского Ставропигийского братства // Восточная Европа в древности и средневековье: Пробл. источниковедения: XVII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто; IV Чтения памяти д-ра ист. наук А.А. Зимина: Тез. докл. М., 2005. Ч. 2. С. 362–366; Она же. Источники о продаже книг типографии Львовского Успенского братства во второй половине 60-х – первой половине 70-х гг. XVII в. // Бібліотечний вісник: Науково-теор. та практ. журн. 2008. № 1. С. 19–20.
- 3 Октоих. Львов: Тип. братства, 1 янв. 1671. Л. [1].
- 4 Там же. Л. [1]об.–[2].
- 5 Там же. Л. [2].

Продажа книг типографии Львовского Ставропигийского братства...

- 6 Исаевич Я.Д., *Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1. № 446. С. 80.
- 7 Там же. № 474. С. 84.
- 8 Там же. № 547. С. 92.
- 9 Там же. № 585. С. 95.
- 10 Там же. № 459. С. 82.
- 11 Там же. № 551. С. 93.
- 12 Российская национальная библиотека. Отдел редких книг. Инв. № 1491. Шифр IV.8.17.

Д.Н. Рамазанова

БУХАРЕТСКИЙ СПИСОК
«ХРИСМОЛОГИОНА» ПАИСИЯ ЛИГАРИДА:
ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ И КОДИКОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

Статья посвящена палеографическому и кодикологическому исследованию Бухарестского списка «Хрисмологиона» Паисия Лигарида. Этот список представляет собой второй этап копирования текста «Хрисмологиона», вероятно, с одного из списков Иоанна Сакулиса, причем скорее всего с сохранившегося Иерусалимского кодекса. Возможные датировки списка относятся как к середине – второй половине XVII в., так и к первой четверти XVIII в. Происхождение кодекса связано с Молдовалашскими землями, а возможно, и непосредственно с Бухарестом.

Ключевые слова: Хрисмологион, палеография, кодикология, манускрипт, Бухарест.

Особенности развития христианской цивилизации в поствизантийскую эпоху, связанные с захватом Османской империей почти всей территории Православного Востока, нашли непосредственное воплощение в греческой литературе этого периода. С первых лет после падения Константинополя и до образования нового греческого государства в XIX в. судьба греческого мира была в центре внимания многих христианских писателей. Положение, в котором оказалась греческая государственность, отразилось и на развитии некоторых жанров литературы.

Одним из таких жанров был жанр плачей (могодий) о Восточной церкви, захваченной агарянами¹. Авторы могодий, с одной стороны, оплакивали утраченное, погибшее, а с другой – обращались к христианам с призывом помочь в освобождении «плененной» церкви. Среди адресатов подобных обращений оказывался русский царь – монарх последнего непорабощенного православного государства². Большую роль в структуре могодий играли различного рода пророчества о дальнейшей судьбе Константинополя.

© Рамазанова Д.Н., 2010

Русскому государю было также посвящено и сочинение другого жанра, однако имеющее общие сюжетные элементы с монодиями, – «Хрисмологион», или «Книга пророчеств» (от *χρησμός* – пророчество) Паисия Лигарида.

Профетическая литература занимала важное место как в греческой, так и в латинской и славянской культурной традиции позднего Средневековья и раннего Нового времени, однако подобного сборника пророчеств, своего рода антологии этого жанра, которую представляет собой «Хрисмологион» Паисия Лигарида, до него не существовало.

Неординарная личность Паисия Лигарида, сыгравшего важную роль как в истории греческой и русской церкви, так и в целом в истории связей России и Православного Востока в середине XVII в., обусловила большой интерес к этой фигуре со стороны специалистов. Жизни митрополита газского посвящены труды П. Пирлинга, Е.Ф. Шмурло, Г.Т. Хионидиса, З.Н. Цирпанлиса³. Большое внимание уделялось богословско-полемиическим сочинениям Паисия⁴. Периодически в этих исследованиях упоминается и «Хрисмологион»⁵, однако основное внимание исследователей (во всяком случае российских) было сосредоточено на отношениях этого сочинения с «Хрисмологионом» Николая Спафария, являющимся, по сути, русским переводом первой книги труда Паисия Лигарида⁶. В результате памятник изучался вне его греческого контекста. Единственным исключением является работа Г.Т. Хионидиса, который рассматривает «Хрисмологион» в качестве важнейшего сочинения Паисия. Исследователь отмечает, что Паисий собирал материалы для «Хрисмологиона» в сочинениях многих авторов по многим странам, а завершил работу над произведением в «ромейских провинциях» (Дунайских княжествах)⁷. Однако основной целью Хионидиса было изучение жизни и деятельности Паисия Лигарида, что не предполагало полного источниковедческого изучения памятника.

Характеристика «Хрисмологиона», данная в работе Г.Т. Хионидиса⁸, основывается, по сути дела, только на одном списке сочинения Лигарида – Иерусалимском⁹. Исследователь полагает, что это – единственный полный список «Хрисмологиона». Второй упоминаемый Г.Т. Хионидисом список – Афинский¹⁰ – содержит не весь текст произведения и является более поздним. Б.Л. Фонкич в исследовании, посвященном греческому книгописанию в России в XVII в., в принципе говорит лишь об известном ему Иерусалимском списке «Хрисмологиона» Паисия Лигарида¹¹. Другие списки «Хрисмологиона» мало известны в научной литературе.

Между тем в библиотеке Румынской Академии наук в Бухаресте хранится еще один список «Хрисмологиона»¹², описанию которого и посвящена эта статья.

Малая известность Бухарестского списка связана, по видимому, с тем, что в нем отсутствуют начальные два листа, содержавшие, среди прочего, и название сочинения. Еще в 1910 г. румынский ученый Д. Руссо отождествил текст этой рукописи с «Хрисмологионом» Паисия Лигарида¹³, однако этот факт остался незамеченным специалистами, и исследований, посвященных данному памятнику, так и не появилось. В то же время Бухарестский список представляет интерес как полнотой представленного текста, так и сопровождающими изучаемое сочинение записями и пометами.

Паисий Лигарид (1609/10–1678) – грек с острова Хиос, начальное образование получил на родине, а в 1623 г. покинул Хиос и продолжил свое образование в Риме, в Коллегии св. Афанасия, учрежденной для греков папой Григорием XIII¹⁴. Закончив это учебное заведение в 1636 г., Паисий получил степень доктора богословия. Современники считали его одним из наиболее ученых людей XVII в. Важной чертой жизни Паисия в Риме стала страсть к чтению, подкрепленная возможностью посещать крупнейшую в то время Ватиканскую библиотеку. Знание им самых разных греческих и латинских авторов скажется впоследствии в работе над «Хрисмологионом». После окончания коллегии Паисий некоторое время оставался в Италии, а затем – отправился на Восток, где был учителем в Валахии и Молдавии, в том числе в Ясской академии, основанной Василием Лупу; затем – протопопом в Иерусалиме, а затем и архиепископом Газы¹⁵. Известно, что во второй половине 1650-х годов Лигарид находился в Дунайских княжествах.

В феврале 1662 г. Паисий прибыл в Москву с грамотой от константинопольского патриарха Парфения и оставался здесь на протяжении долгого времени, став одним из важнейших участников дела патриарха Никона¹⁶. В связи с этим разбирательством Паисий составил несколько богословско-полемических сочинений на греческом языке, в том числе ответы на тридцать вопросов боярина С.Л. Стрешнева (15 августа 1662 г.), 61 ответ на вопросы царя Алексея Михайловича (26 ноября 1662 г.), отчет о суде над патриархом Никоном и др. Эти сочинения имеют большое значение для российской истории XVII в. и неоднократно становились предметом рассмотрения в специальной литературе¹⁷. После отъезда из Москвы в 1672 г. Лигарид пребывал в Киеве, где и скончался.

Наши представления о распространении «Хрисмологиона» Паисия Лигарида опираются не только на сами сохранившиеся

списки, но и на свидетельства, содержащиеся в «Записках» Павла Алеппского, сына и сотрудника антиохийского патриарха Макария¹⁸. Именно благодаря тому, что Павел Алеппский рассказывает историю создания «Хрисмологиона» и его копирования, мы знаем о существовании нескольких списков, изготовленных вскоре после создания сочинения. Эта история уже хорошо известна в научной литературе, но в нашей работе необходимо обратиться к ней вновь и рассмотреть «Записки» как источник информации для изучения Иерусалимского и Бухарестского списков «Хрисмологиона», а также для определения места Бухарестского списка в рукописной традиции этого сочинения.

В «Записках» Павла Алеппского подробно описывается путешествие Макария Антиохийского по странам и землям восточно-христианского мира. Во время пребывания в Валахии Макарий и Павел встретились с митрополитом Газским Паисием, у которого они обнаружили «...греческую книгу, которую он (Паисий Лигарид. – *Д. Р.*) составил в разных странах и из многих книг и назвал Χρησμός, т. е. Книга пророчеств...»¹⁹. Комментируя содержание рукописи, Павел Алеппский отмечает, что она «содержит в себе предсказания (выбранные) из пророков, мудрецов и святых касательно событий на Востоке: об агарянах, Константинополе и покорении ими этого города – известия весьма изумительные; также о будущих и имеющих еще совершиться событиях»²⁰. Исходно существовал только один список Хрисмологиона («Она единственная и не имеет другого списка ее»), и лишь в дальнейшем были изготовлены еще два: «...я (Павел Алеппский. – *Д. Р.*) заставил того же писца (Иоанна Сакулиса. – *Д. Р.*) снять с нее также два списка. С большим трудом митрополит дал нам ее для переписки, ибо он, т. е. митрополит газский, не желал этого, пока я не добился его согласия при помощи подарков и потому, что ему стало совестно перед нами, и он разрешил нам списать ее»²¹.

Встреча Макария Антиохийского и Павла Алеппского с Паисием произошла в конце их первой поездки в Россию, датируемой 1654–1656 гг. в Валахии. Следовательно, к 1656 г. «Хрисмологион» Паисия Лигарида уже был написан, но существовал только в одном экземпляре, представлявшем собой автограф Паисия. После встречи Макария и Павла с Паисием были изготовлены еще два списка этого сочинения. Важность того факта, что Павел Алеппский уговорил Лигарида позволить переписать «Хрисмологион», особенно ощутима в связи с дальнейшими событиями, которые также изложены Павлом в его «Записках».

Действительно, на этом история «Хрисмологиона» не заканчивается. Напротив, Павел Алеппский сообщает, что «впоследст-

вии упомянутый митрополит (Паисий Лигарид. – *Д. Р.*) прислал нам из своей страны известие, что когда он находился в стране мадьяр, они ограбили его и взяли все, что с ним было, и в числе отнятого была вышеупомянутая книга». После этого отношение Лигарида к спискам его сочинения изменилось: «Он славил и благодарил Бога, что мы позаботились снять с нее копию, иначе бы она исчезла совершенно и весь его труд пропал бы даром», и теперь сам «умолял нас (патриарха Макария и Павла Алеппского. – *Д. Р.*) снять для него список, а он, как мы сказали, был у нас уже написан»²².

Если сопоставить эти сведения с другими биографическими данными о Макарии и Павле, то можно восстановить следующую картину. Вскоре после встречи с Паисием Лигаридом Макарий Антиохийский и Павел Алеппский, взяв оба скопированных списка, отправились к себе в Дамаск, куда и прибыли в 1659 г. Уже находясь в Дамаске, они получили весть от Паисия Лигарида, который после возвращения из Венгрии («страны мадьяр») в «свою страну» (здесь, по-видимому, речь идет о Дунайских княжествах, поскольку предшествующие описываемым событиям годы он провел именно там) просит сделать для него копию «Хрисмологиона». О том, когда началось и сколько времени продолжалось путешествие Паисия в Венгрию, ничего не известно, можно лишь утверждать, что оно состоялось между 1659 и 1662 гг., поскольку уже в 1662 г. Паисий приехал в Москву. Как следует из сообщения Павла, они не стали делать копию, поскольку Иоанном Сакулисом уже был изготовлен ранее один «лишний» экземпляр, который они и отправили Лигариду. Эту рукопись митрополит газский должен был получить до своего отъезда в русскую столицу.

Рукопись «Хрисмологиона» едва ли представляла большой интерес для грабителей. Они могли ее продать, но скорее всего – выбросили или сожгли. Видимо, автограф сочинения погиб. Таким образом, к 1662 г. существовало два списка «Хрисмологиона», выполненных в 1656 г. Иоанном Сакулисом для Макария Антиохийского. Один из списков принадлежал Макарию и находился у него, второй был отослан Лигариду и прибыл вместе с митрополитом в Москву, где Николай Спафарий выполнил с этой рукописи перевод первой книги «Хрисмологиона» на русский язык²³.

Из этих двух списков Сакулиса в настоящее время известна судьба только одного – списка, оставшегося у Макария. Ныне этот список находится в Иерусалимской библиотеке. Список Паисия должен был находиться в Москве²⁴, но здесь не обнаружен. Если предположить, что Лигарид не оставил «Хрисмологион» в Москве, то следует думать, что этот кодекс остался в Киеве, где Лигарид

скончался по пути из Москвы на Восток. Однако сведения о нахождении этого списка в Киеве тоже отсутствуют.

Сообщения Павла Алепского завершаются на истории этих двух списков и существовавшего ранее оригинала, о происхождении остальных копий «Хрисмологиона» подобных сведений не существует. Следовательно, о последующей рукописной традиции этого сочинения можно говорить лишь предположительно. Какое же место занимает в ней Бухарестская рукопись? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к ее описанию.

Список содержит 234 листа (5 листов чистых + 448 пронумерованных страниц + 5 листов чистых), является кодексом in-folio, составленным из квинтионов (тетрадей по 10 листов). Рукопись имеет несколько пагинаций, последняя из которых, постраничная, выполнена с применением штампов и возникла, по-видимому, в XX в., во время подготовки описания рукописей Д. Лицика. Во всяком случае, Лицика в своем описании следует именно ей²⁵. Также существует пагинация XVIII в., выполненная черными чернилами. На некоторых листах начальной части рукописи сверху имеются записи арабскими буквами. Кроме того, на внешних верхних углах листов встречаются арабские записи, которые, однако, относятся не к нумерации листов или страниц, а к нумерации тетрадей. Это – единственная система сигнатур (номеров тетрадей), существующая в данной рукописи. Например, на л. 299 – ۸ كراس («курраc 8» – «тетрадь 8») и на л. 298 – ۹ كراس («курраc 9» – «тетрадь 9» – Наличие сигнатур на смежных страницах указывает на то, что нумеровался как первый, так и последний лист тетради. Номера проставлены в обратном для европейского читателя порядке, но в правильной последовательности с точки зрения арабского письма. Подобная нумерация тетрадей «с конца» могла быть сделана только тогда, – когда весь текст уже был переписан; следовательно, можно предположить, что нумеровали тетради не для писца-грека, а для восточного переплетчика, более привычного к письму справа налево и соответствующему расположению страниц. Почерк арабских записей и даже само использование восточных арабских цифр позволяет датировать эту нумерацию XVIII–XIX вв.²⁶ Предположение о восточном переплетчике подтверждается и тем, что переплет, изготовленный из картона, обтянутого красно-коричневой кожей со слепым тиснением, выполнен в виде сумки с клапаном (миклаб), что характерно именно для арабских и турецких рукописей. Однако даже наличие всех этих элементов не позволяет с уверенностью говорить ни об этнической принадлежности переплетчика (араб или турок), ни о месте выполнения работы, поскольку в XVIII–XIX вв. и арабы, и турки часто посещали

территорию Дунайских княжеств, а некоторые – жили в этих землях постоянно²⁷. С другой стороны, тогдашний владелец кодекса, приобретя рукопись в Бухаресте, мог заказать переплет непосредственно на Востоке.

Следует отметить, что по организации пространства страницы Бухарестский список полностью копирует Иерусалимскую рукопись: как и в ней, текст ограничен красной рамкой размером 261 x 156 мм, которая определяет размеры текстового заполнения страницы, а на странице – 32 строки. Однако не только это было заимствовано из Иерусалимского списка. Следы явного копирования наблюдаются также и при декорировании рукописи. Единый стиль орнамента и одинаковые элементы декора присутствуют в обоих кодексах, к ним относится использование вязи для надписаний глав, выполненных из сочетания больших и малых букв, в которых частично расставлены знаки акцентуации, средних и малых инициалов, часть из которых – орнаментированы. Все элементы оформления выполнены красными чернилами, вероятно, тем же писцом, что и основная часть рукописи.

В кодексе обнаруживаются почерки двух писцов: текст почти полностью писан одним из них – с. 1–446; второму писцу принадлежит только последняя страница – с. 447. Оба почерка относятся к так называемому молдовалашскому типу греческого скорописного письма. Ни тот ни другой нельзя отождествить с письмом Иоанна Сакулиса, переписчика двух списков «Хрисмологиона», одним из которых является Иерусалимский кодекс. Следовательно, Бухарестский список не относится к тем двум копиям, которые были сделаны с оригинала Паисия Лигарида по просьбе Макария Антиохийского и Павла Алеппского Иоанном Сакулисом. Однако отметим, что этот писец обладал не только особым письмом, но и характерным для него оформлением писчего пространства, которое полностью присутствует в Бухарестском кодексе и описано выше. Поэтому можем предположить, что эта рукопись должна быть скопирована с одного из двух списков «Хрисмологиона», выполненных И. Сакулисом.

Что касается локализации, то тип письма, а также история рукописи, отраженная в имеющихся в ней записях и пометах, позволяет сделать вывод, что данный список выполнен, скорее всего, в Бухаресте или на ближайших территориях, поскольку это письмо встречается в греческих рукописях и документах Константинополя и Молдовалахии. Датировка кодекса может иметь лишь предположительный характер, поскольку рукопись не содержит точной даты ее написания; кроме того, и филигранные бумаги Бухарестского кодекса не отождествляются однозначно. Бумага рукописи имеет

водяной знак «корона с виноградом с литерами Ρ и F внутри знака». Точно идентифицировать этот знак не удастся: более ранняя его датировка указывает на 1649, 1663 гг.²⁸ другая относит создание кодекса уже к первой половине XVIII в.²⁹ Таким образом, бумага дает неоднозначные сведения для времени создания рукописи, охватывающие период от середины – второй половины XVII в. до первой четверти XVIII в.

Содержащиеся в Бухарестской рукописи пометы позволяют проследить историю бытования этого списка «Хрисмологиона».

Первая по времени запись (с. 447) принадлежит руке иерусалимского патриарха Хрисанфа и гласит: «Ματαιοπονία ἢ ψευδοπονία ὡς ἐπὶ τὸ πλείστον, † ὁ Τεροσολύμων Χρῦσανθος» («По большей части – бесполезный или ложный труд, † Хрисанф, патриарх Иерусалимский»). Эта запись может быть датирована временем не ранее 1707 г., когда Хрисанф стал иерусалимским патриархом, и не позднее 1731 г., когда он умер³⁰. Кроме этой весьма нелепной записи, в кодексе есть и другие пометы Хрисанфа, выделяющие наиболее важные для владыки части «Хрисмологиона», в том числе: «βλάχοι πόθεν» (с. 97), «ἔλληνες πόθεν, γραικοί πόθεν» (с. 98), «ἀρχαιολογία τῆς Βλαχίας» (с. 251), «ἀρχαιολογία τῶν ῥώσων ἤτοι μοσχόβων» (с. 423) и др. Судя по указанным пометам, Хрисанфа особенно интересовали места, связанные с историей греков, россос (или московитов) и валахов, а также пророчества, относящиеся к этим народам. В кодексе также присутствуют условные знаки в виде указательного пальца (с. 4, 19, 44, 54, 61а, 98, 108, 258 и др.) и отчеркивания на полях – двумя прямыми линиями (с. 8, 20, 21, 54, 56, 57, 59, 61, 61 в, 63, 67, 69, 70, 73, 75, 76, 78, 80, 82, 85, 86, 87, 89, 90, 92, 100, 101, 109, 118, 125, 127, 128, 132, 155, 163, 164, 166, 169, 170, 171, 172, 174, 181, 212, 213, 215, 228–230, 237, 239–241, 247, 251–252, 269, 272–275, 279, 283, 285, 310–311, 313, 315, 318, 323, 356, 360, 374, 375, 377, 378, 385, 391, 393, 395, 400, 423, 429, 432) или одной волнистой (с. 68, 178, 261, 273, 275, 283, 293, 311, 316).

Таким образом, в кодексе имеются различные следы работы Хрисанфа над текстом, но наиболее характерными для Хрисанфа являются простые отчеркивания текста двумя линиями. Изобилие помет указывает на внимательное прочтение текста Хрисанфом, которого содержание трактата, с одной стороны, заинтересовало, а с другой – возмутило, что и воплотилось в записи на последней странице. Не совсем ясно, что имел в виду Хрисанф, говоря, что труд бесполезный «по большей части». Возможно, отмеченные отрывки из истории греков, валахов и россос показались ему все-таки не лишены смысла? Также можно предположить, что не-

готивное отношение к сочинению связано с личностью его автора, поскольку Паисий Лигарид находился в очень сложных отношениях с предшественником Хрисанфа в сане иерусалимского патриарха Досифеем.

Неизвестно, кто был владельцем кодекса после смерти Хрисанфа, однако на с. 1 и 448 внизу имеется штамп библиотеки коллегии Св. Савы («Biblioteca Kollegiului St. Sava»). Видимо, рукопись не покидала пределов Бухареста. На с. 448 чуть выше штампа имеется еще одна запись на румынском языке, выполненная черными чернилами: «Petimpul lui Radu Voda, intre Teofilu Coridalos si Nichiforu din Creta s'a facut o discutie despre... 1897 Decembre 2». Прочитать текст этой записи до конца не удалось.

В XX в. рукопись в составе прежних собраний оказалась в библиотеке Румынской Академии, где находится и сейчас.

Ни одно из существующих исследований Бухарестской рукописи не дает представления о составе сочинения Паисия Лигарида в изучаемом кодексе, в связи с чем нам кажется важным дать содержание «Хрисмологиона» по этому списку. Греческий текст заглавий приводится в соответствии с оригиналом, квадратные скобки обозначают восстановление отсутствующих букв.

- с. 1–4 – Προοίμιον δευτερον.
- с. 4–7 – Προοίμιον τρίτον.
- с. 7–11 – Ἐκ τῶν προλεγομένων τὸ πρῶτον περὶ τῆς θείας γραφῆς.
- с. 11–18 – Ἐκ τῶν προλεγομένων τὸ δεύτερον ὅτι ἀρχὴν ἔχει ὁ κόσμος.
- с. 18–24 – Ἐκ τῶν προλεγομένων τὸ τρίτον ποίαν ἡμέραν, καὶ ποῖον μῆνα ἐκτίσθη ὁ κόσμος.
- с. 24–29 – Πρῶτος χρησμός παρωχημένος περὶ τοῦ πρώτου ἀνθρώπου τοῦ Ἀδάμ.
- с. 29–32 – Τρίτος χρησμός παρωχημένος περὶ τοῦ Νῶε.
- с. 32–35 – Τέταρτος χρησμός (так!) παρωχημένος περὶ τοῦ Ἰάφεθ.
- с. 35–39 – Χρησμός πέμπτος παρωχημένος περὶ τοῦ τῆς πυργοποιίας.
- с. 39–43 – Χρησμός εκτος παρωχημένος περὶ τοῦ Ἀβραάμ.
- с. 44–48 – Χρησμός ἑβδομος παρωχημένος περὶ (так!) τοῦ Ἰακῶβ.
- с. 48–53 – Χρησμός ὄγδοος παρωχημένος περὶ τοῦ Μωσέως.
- с. 53–57 – Χρησμός (так!) ἑνατος παρωχημένος περὶ τοῦ Ἰησοῦ τοῦ Ναυῆ.
- с. 57–61b – Χρησμός δέκατος παρωχημένος περὶ τοῦ Σαμψῶν.
- с. 61b–68 – Χρησμός ενδέκατος παρωχημένος (так!) περὶ τοῦ Δαβίδ.
- с. 68–74 – Χρησμός δωδέκατος παρωχημένος περὶ τοῦ Σολομῶντος.

- c. 74–84 – [Χ]ρησμός δέκατος τρίτος παρωχημένος περι τῶν τεσσάρων βασιλειῶν
- c. 85–88 – Χρησμός παρωχημένος δέκατος (так!) περι τῶν σιβύλλων.
- c. 88–92 – Χρησμός δέκατος πέμπτος παρωχημένος περι τοῦ τρίποδος.
- c. 93–98 – Χρησμός δέκατος ἕκτος παρωχημένος περι τοῦ Βυζαντίου ἢ Βύζαντος.
- c. 99–101 – Χρησμός δέτος (так!) ἑβδομος παρωχημένος περι τῆς ἀνακτίσεως τοῦ Βυζαντίου.
- c. 101–105 – Χρησμός δέκατος ὄγδοος παρωχημένος περι τοῦ Σεβήρου.
- c. 105–107 – Χρησμός δέκατος ἔννατος παρωχημένος περι τοῦ Γαλατά.
- c. 107–110 – Χρησμός δέκατος (так!) παρωχημένος περι τῆς πόλεως (так!) καὶ πρῶτου Κωνσταντίνου.
- c. 110–115 – Χρησμός εἰκοστὸς πρῶτος παρωχημένος περι τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου.
- c. 115–119 – Χρησμός εἰκοστὸς δεύτερος παρωχημένος πῶς ἐχριστιάνισεν ὁ μέγας Κωνσταντίνος.
- c. 120–125 – Χρησμός εἰκοστὸς τρίτος παρωχημένος περι τοῦ ὄροσκόπου τῆς Κωνσταντινουπόλεως.
- c. 125–130 – Χρησμός εἰκοστὸς (так!) τέταρτος παρωχημένος περι τῶν τειχῶν τῆς Κωνσταντινουπόλεως
- c. 130–133 – Χρησμός εἰκοστὸς πέμπτος παρωχημένος, Οὐάλεντος περι τῆς Κωνσταντινουπόλεως (так!).
- c. 133–140 – Χρησμός εἰκοστὸς ἕκτος παρωχημένος Κωνσταντίνου περι τῆς πόλεως.
- c. 140–145 – Χρησμός εἰκοστὸς ἑβδομος (так!) παρωχημένος περι Κωνσταντίνου καὶ Ἰουλιανοῦ τῶν Βασιλέων.
- c. 145–149 – Χρησμός εἰκοστὸς ὄγδοος παρωχημένος περι ἰ Οὐαλεντινοῦ, καὶ Οὐάλεντος
- c. 149–155 – Χρησμός εἰκοστὸς ἔννατος παρωχημένος περι τοῦ μεγάλου Θεοδοσίου, καὶ τῆς στήλης αὐτοῦ.
- c. 155–162 – Χρησμός τριακοστὸς παρωχημένος περι τοῦ μικροῦ Θεοδοσίου.
- c. 162–166 – Χρησμός τριακοστὸς πρῶτος παρωχημένος περι [Ζ]ήνωνος, καὶ [Ι]ουστίνου
- c. 166–173 – Χρησμός τριακοστὸς δεύτερος παρωχημένος περι τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ βασιλέως τοῦ Μεγάλου.
- c. 173–176 – Χρησμός τριακοστὸς τρίτος παρωχημένος περι Μαυρικίου τοῦ βασιλέως.

- c. 176–207 – Χρησιμὸς τριακοστὸς τέταρτος παρωχημένος περὶ Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως.
- c. 207–212 – Χρησιμὸς τριακοστὸς πέμπτος παρωχημένος οὐαί σοι ἐπτάλοφε, ὅτι οὐ χιλιάσεις, καὶ περὶ τοῦ Μωάμεθ.
- c. 212–218 – Χρησιμὸς (так!) τριακοστὸς ἕκτος παρωχημένος περὶ τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πωγωνάτου καὶ περὶ ἀρράβων ἢ σαρακινῶν.
- c. 218–227 – Χρησιμὸς (так!) τριακοστὸς ἕβδομος παρωχημένος περὶ Κωνσταντίνου καὶ Εἰρήνης, καὶ περὶ βουλγάρων.
- c. 226 – чистая.
- c. 227–237 – Χρησιμὸς (так!) τριακοστὸς ὄγδοος παρωχημένος περὶ Θεοφίλου καὶ Μιχαήλ καὶ περὶ Κρήτης.
- c. 237–242 – Χρησιμὸς τριακοστὸς ἔννατος παρωχημένος περὶ τοῦ σχίσματος τῶν ἐκκλησιῶν.
- c. 242–249 – Χρησιμὸς τεσσαρακοστὸς παρωχημένος περὶ Βασιλείου καὶ Λέοντος, τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ.
- c. 249–270 – Χρησιμὸς τεσσαρακοστὸς πρῶτος παρωχημένος Λεοντίου μοναχοῦ.
- c. 271–300 – Χρησιμὸς παρωχημένος ἔσχατος τεσσαρακοστὸς δεύτερος Σχολαρίου πατριάρχου περὶ τῆς ἀλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως.
- c. 300–302 – Μονωδία Γενναδίου Σχολαρίου πατριάρχου περὶ τῆς ἀλώσεως τῆς Νέας [Ρ]ώμης.
- c. 302–311 – Ἐλεγεία τοῦ σοφοῦ Ματθαίου τοῦ Καμαρεώτου εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν.
- c. 312–313 – Βιβλίον δεύτερον περὶ τῶν μελλόντων χρησιμῶν τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Προοίμιον πρῶτον
- c. 313–336 – Προίμιον (так!) δεύτερον.
- c. 336–341 – Προοίμιον τρίτον.
- c. 341–343 – Ἐκ τῶν προλεγομ(так!)νων το πρῶτον περὶ θεοσημεΐας
- c. 343–356 – Ὀνειροκρίτης.
- c. 356–365 – Ἐκ τῶν προλεγομένων τὸ δεύτερον περὶ μαγείας.
- c. 365–369 – Βροντολόγιον τῶν δώδεκα μηνῶν.
- c. 369–379 – Ἐκ τῶν προλεγομένων το τρίτον εἰ δὴποτε οἱ ἄρα γε οἱ χρησιμοί.
- c. 379–387 – Χρησιμὸς μέλλων πρῶτος περὶ τῆς χρονολογίας τοῦ κόσμου.
- c. 387–390 – Χρησιμὸς δεύτερος μέλλων περὶ τῆς γενεαλογίας καὶ βασιλείας τοῦ Μωάμεθ.
- c. 390–393 – Χρησιμὸς τρίτος μέλλων περὶ τοῦ Μωάμεθ τῆς παλαιᾶς γραφῆς.
- c. 394–401 – Χρησιμὸς τέταρτος μέλλων περὶ τῶν ρητῶν τῆς Νέας διαθήκης περὶ τοῦ Μωάμεθ.
- c. 401–407 – Χρησιμὸς πέμπτος μέλλων περὶ τῶν σποράδην λεγομένων (так!) περὶ τοῦ Μωάμεθ.

- с. 401 – Χρονολογία τοῦ Νικηφόρου τοῦ Ξανθοποῦλου ἀκολουθοῦντος τοὺς ἑβδομήκοντα.
- с. 407–410 – Χρησιμὸς ἕκτος ἐκ τῶν λεγομένων περὶ τοῦ Μοάμεθ παρὰ τῶν θεῶν πατέρων.
- с. 410–417 – Χρησιμὸς μέλλον ἑβδομος ἐκ τοῦ Ἱππολύτου Ρώμης περὶ τῶν ἀγαρηνῶν ἐκ τῆς βιβλιοθήκης τοῦ πανσόφου Φωτίου, τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν, Ἱππολύτου Ρώμης, λόγος ἐκ τῶν ὁράσεων τοῦ προφήτου Δανιὴλ ἐν τῇ συντελείᾳ τῶν αἰῶνων, οὗ ἡ μῆμη τελεῖται 30 (λ) Ἰαννουαρίῳ.
- с. 417–422 – Χρησιμὸς μέλλον ὄγδοος ἐκ τοῦ οἰοῦ πατρὸς ἡμῶν Ἀνδρέου τοῦ διὰ Χριστὸν σαλοῦ.
- с. 423–429 – Χρησιμὸς μέλλον ἔννατος περὶ τοῦ Ξανθοῦ γένους.
- с. 429–433 – Χρησιμὸς μέλλον δέκατος περὶ τῆς αἰσχάτης (так!) βασιλείας τῶν ἔθνῶν.
- с. 433–434 – Χρησιμὸς μέλλον ἐνδέκατος περὶ τοῦ μέλλοντος βασιλέως Ἰωάννου.
- с. 434 – Χρησιμὸς ἕτερος περὶ τοῦ αὐτοῦ πτωχοῦ ἄνακτος Ἰωάννου.
- с. 435 – Χρησιμὸς ἕτερος εἰς τὴν πόλιν καὶ εἰς ἄν(θρωπ)ον κρατοῦντα τὴν πόλιν καὶ δεικνῦντα αὐτήν.
- с. 435–444 – Χρησιμὸς μέλλον δωδέκατος περὶ τῶν λεγομένων (так!) διὰ τοὺς Ρῶσους.
- с. 444 – Χρησιμὸς μέλλον δέκατος τρίτος ἀπὸ τῶν ἀποκρύφων τοῦ Ἑσδρα.

Таким образом, палеографическое и кодикологическое исследование малоизвестного Бухарестского списка «Хрисмологиона» Паисия Лигарида показало важное значение данного кодекса для изучения рукописной традиции этого памятника. Рукопись выделяется как полностью представленного в ней текста, так и особенностями оформления. Можно также сделать вывод, что этот список представляет собой второй этап копирования текста «Хрисмологиона», однако датировать изготовление рукописи оказалось невозможным. Более определенные выводы можно сделать относительно локализации памятника. Скорее всего, кодекс был изготовлен в Молдавальных землях, а возможно, и непосредственно в Бухаресте.

Существование списка «Хрисмологиона», непосредственно связанного с одной из рукописей Иоанна Сакулиса, внушает надежду на то, что со временем будет обнаружена и вторая из сделанных им в Валахии копий этого произведения. Поиск такой копии представляется важнейшей эвристической задачей.

- ¹ Сочинения этого жанра не раз становились предметом исследования (*Λάμπρος Σ.Π.* Μονωδία καὶ θρήνοι ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως // Νέος Ἑλληνομνήμων. 1908. 5. Σ. 190–269). О жанре монодия в русской литературе см. подр.: *Фонкич Б.Л.* Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 270–292.
- ² *Βακαλόπουλος Ἀπ.* Ἱστορία τοῦ Νέου Ἑλληνισμοῦ. Τ. Γ'. Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 378–380.
- ³ *Πιρлинг Π.* Паисий Лигарид: Дополнительные сведения из римских архивов // Русская старина. 1902. Т. 109. С. 337–351; *Шмурло Е.* Паисий Лигарид в Риме и на греческом Востоке // Труды V съезда русских академических организаций за границей в Софии 14–21 сентября 1930 г. [София], 1932. Ч. 1. С. 531–588; *Hionides H.T.* Paisius Ligarides. New York, 1972; *Τσιρπανλής Ζ.Ν.* Ἑλληνικό κολλέγιο τῆς Ρώμης καὶ οἱ μαθητὲς του (1576–1700). Θεσσαλονίκη, 1980. Σ. 472–478.
- ⁴ *Лавровский Л.* Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита газского // Христианское чтение. 1889. № 11–12. С. 672–736; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 354; *Suttner E.Chr.* Panteleimon (Paisios) Ligarides und Nicolae Milescu // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. В. 26. 1983. Göttingen, 1983. S. 73–94; *Ševčenko I.* A New Greek Source concerning the Nikon Affair: Sixty-One Answers by Paisios Ligarides given to Tsar Aleksej Michajlovič // Γεννάδιος. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 237–263.
- ⁵ *Λαούρδας Β.* Κρητικά παλαιογραφικά // Κρητικά χρονικά. № 6. 1952. Σ. 206; *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 287.
- ⁶ *Михайловский И.Н.* Важнейшие труды Николая Спафария (1672–1677). Киев, 1897. С. 1–13; *Кудрявцев И.М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 189–194.
- ⁷ *Hionides H.T.* Paisius Ligarides. P. 48.
- ⁸ *Ibid.* P. 121–140.
- ⁹ Краткое описание списка см.: *Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α.* Ἱεροσολυμικὴ βιβλιοθήκη. Τ. 1. Ἐν Πετροπόλει, 1891. Σ. 255–256.
- ¹⁰ *Hionides H.T.* Paisius Ligarides. P. 122; имеется в виду список Афинской Национальной библиотеки — ΕΒΕ. ΜΠΤ. № 23 (*Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α.* Op. cit. Т. 4. Σ. 36).
- ¹¹ *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 287.
- ¹² Библиотека Румынской Академии наук. Отдел рукописей. № 386.
- ¹³ *Russo D.* Studii critice (Études critiques). Bucarest, 1910. P. 92–97.
- ¹⁴ *Hionides H.T.* Paisius Ligarides P. 22–23.
- ¹⁵ *Лавровский Л.* Указ. соч. С. 680.

- ¹⁶ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2; *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. С. 256–519.
- ¹⁷ *Соболевский А.И.* Указ. соч. С. 354; *Ševčenko I.* A New Greek Source concerning the Nikon Affair. С. 237–263; *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи в России в... С. 286–288.
- ¹⁸ *Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 568–569.
- ¹⁹ Там же. С. 569.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ В автографе Николая Спафария русский перевод сочинения не сохранился. Один из списков: РНБ. Эрмитажное собрание. № 27.
- ²⁴ В связи с отъездом Паисия из Москвы был издан царский указ от 30 мая 1672 г., предписывавший «отпустить ис Москвы в Палестину газского митрополита Паисия; а на Симоновском подворье, где он митрополит жил, хоромы и сад и погреб и всякое строение по его великого государя указу приказано беречь Посольского приказу греческого языка переводчику Миколаю Спотариосу, и жить ему Миколаю на том подворье в его митрополичьих хоромах и переводить греческие и латинские книги и писать греческой и словенской и латинской лексикон» (Дополнения к актам историческим, собранныя и изданные Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1857. С. 217). Среди греческих книг, которые должен был переводить Николай Спафарий, могла быть и рукопись «Хрисмологиона».
- ²⁵ *Litzica D.* Biblioteca Academiei Române: Catalogul manuscriselor grecești. București, 1909. P. 6.
- ²⁶ Выражаю глубокую признательность Д.А. Морозову за консультации по прочтению арабских помет и датировке арабского письма.
- ²⁷ *Meiseles G.* Rumanian Interest in Arabic Studies // *Israel Oriental Studies*. Vol. III. Tel Aviv, 1973. P. 232–260.
- ²⁸ *Дианова Т.В., Костюшина Л.М.* Филигрны XVII века по рукописным источникам ГИМ. М., 1988. № 109 (1649 г.) и № 110 (1663 г.).
- ²⁹ *Николаев В.* Водяные знаки Оттоманской империи. Т. 1. София, 1954. № 364, 365 (1721 г.).
- ³⁰ *Στάθη Π.* Χρυσάνθος Νοταράς πατριάρχης Ἱεροσολύμων. Πρόδρομος τοῦ Νεοελληνικοῦ Διαφωτισμοῦ. Ἀθήνα, 1999. Σ. 49–163.

М.Ш. Холов

МЕРЫ ВЕСА БУХАРСКОГО ЭМИРАТА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена одной из малоизученных областей истории науки и техники Средней Азии – таджикским мерам веса конца XVIII – начала XX в. На основе изучения оригинала рукописи конца XVIII в. – «Маджма' ал-аркам» (مجمع الارقام), хранящейся в Национальной библиотеке им. Фирдоуси (№ 649), приведены все таджикские меры веса рассматриваемого времени в алфавитном порядке. Кроме мер веса Бухары и других крупных средневековых городов приведены система и меры веса труднодоступных горных областей эмирата, так называемой Восточной Бухары. Все приведенные местные меры переведены в метрическую систему.

Ключевые слова: мера, единица, вес, мискаль, дирхам, манн, Бухара, Восточная Бухара.

Метрология Средней Азии – предмет сложный и малоизученный. Этому вопросу посвящено небольшое число специальных статей, рассматривающих частные вопросы. В 70-х годах XX в. Е.А. Давидович собрала и обобщила известные тогда материалы по метрологии средневековой Средней Азии в одну работу¹. Приведенные в этой работе данные не полны, да и специальных источников того периода очень мало. Информация иностранцев (особенно русских ученых), посещавших Среднюю Азию, относится главным образом к позднему Средневековью, в большинстве случаев – к XIX в. Надо отметить, что сущность среднеазиатских систем не всегда ими была правильно понята, но безусловное достоинство их свидетельств – прямые указания о размерах среднеазиатских единиц. В разных среднеазиатских письменных источниках содержится обильный метрологический материал, но сведений для перевода этих единиц в метрическую систему почти нет.

© Холов М.Ш., 2010

Большой редкостью являются и труды местных авторов, посвященных метрологии. Одним из немногих позднесредневековых трудов, посвященных этой теме, является «Маджма' ал-аркам» (مجمع الأرقام – «Собрание цифр») Мирзы Бади' -дивана², представляющий собой официальное руководство для бухарской ханской канцелярии по ведению финансового и поземельно-податного учета.

В сочинении излагаются основные принципы административного, финансового и налогового управления, правила составления реестров налоговых поступлений, расходных ведомостей, актов земельных и прочих жалований, а также приведены меры веса, длины, площади, поливной воды и др.

Сочинение «Маджма' ал-аркам» состоит из пяти глав. Первая глава посвящена предварительным рассуждениям о том, как следует исполнять службу в государственных диванах. Во второй и третьей главах излагаются правила составления приходно-расходных ведомостей, принцип административно-хозяйственного деления государства, система знаков *сийаката* (наука о системе знаков). Четвертая глава посвящена математике – арифметике, алгебре, геометрии. Пятая глава касается астрономии и содержит в основном таблицы арифметических действий с градусными делениями по принципу действий с шестидесятеричными дробями. Меры веса и система их построения, существовавшая в Бухаре XVIII – начала XX в., приведена на шести листах третьей главы книги (л. 396–42а).

В 1981 г. вышел русский перевод «Маджма' ал-аркам», сделанный А.Б. Вильдановой³. К сожалению, переводчица основное внимание уделила только переводу текста. Ни во введении, ни в примечаниях и приложениях книги системе мер веса Бухары не уделяется должного внимания, хотя эти тексты занимают большой объем и имеют существенное значение в понимании смысла книги. Даже в переводе текста опущены переводы пяти листов (с 40б по 42б), которые посвящены в основном мерам веса. Причину этого в ссылке № 36 переводчица объясняет тем, что данные стихов л. 40а о мелких кратных единицах мер веса якобы повторяются⁴. В приложениях (глоссарий) приведены не все основные меры системы веса Бухары (*джав, донг, санг, сир*), и информация о них очень скудна. Например, из восьми видов *маннов* Бухары приведен только *манн* в 27392 *мискаля* (8-пудовый *манн*), и то потому, что этот *манн* упомянут в тексте (л. 42а). О существовании других видов *маннов* информация отсутствует. Из двух видов *мискалей* (в 4,8 и 5,0 г), которые являются основными кратными единицами мер веса, приводится только один (4,8 г) и т. п.

Исходя из вышесказанного целью данной работы является установление системы мер веса Бухары XVIII – начала XX в., их номенклатуры, кратных и числового значения с переводом их в метрическую систему.

Система мер веса Бухары

В «Маджма' ал-аркам» система мер веса Бухары описана так: «Следует знать, что вес одного шариатского *манна* – сорок *истаров*. Каждый *истар* равен четверем с половиной *мискалям*. Следовательно, один *манн* равен ста восьмидесяти *мискалям*. Один *са'* равен восьми *ратлам*. Один *ратл* равен двадцати *истарам*. Один *мискаль* содержит шесть *данак*ов. Один *данак* содержит шестнадцать *джавов*. Часть ученых придерживаются упомянутых [мер], а другая стоит на том, что один *мискаль* равен ста *джавам...*»⁵.

Отсюда вытекает, что главной мерой веса в Бухаре являлся *манн* и система была построена на *мискалях*. Но в средневековых среднеазиатских городах и областях было в хождении множество размеров одной и той же единицы. Для выяснения других мер веса и системы их построения сначала рассмотрим основные кратные и составляющие *манна* – *мискаль* и *дирхам*.

Мискаль (مئقال) и *дирхам* (درهم)

Известно, что основу всех мусульманских весов составляют *мискаль*, который основывается на римско-византийской *солиде*, и *дирхам*, который восходит к греческой *драхме*⁶. Канонически, т. е. согласно шариату, *мискаль* и *дирхам* относятся как 10:7, в то время как на практике – 3:2. Все остальные определения весов зависят от надежного установления этих двух единиц.

При упоминании денег в актовом источниках XVI–XVIII вв., как правило, указывался их вес⁷. Основной серебряный номинал – *теньгу* – в XVI в. при Шейбанидах (после реформы Кучкунчи-хана) и в XVII–XVIII вв. при Джанидах (до реформы Абдулгази-хана) чеканили весом в 1 *мискаль*. Для джанидской золотой монеты в XVIII в. также был определен вес в 1 *мискаль*. Анализ очень интересной денежной реформы 913–914 гг. хиджры (1507–1509 гг.) Шейбани-хана позволил заключить, что *мискаль* равнялся 4,8 г⁸.

Среднеазиатские *мискали*, размер которых и систему деления на кратные удалось выяснить, равнялись 6 *донгам*, 12 *нимдонгам*, 24 *нахудам* (реже – *тассу*, *тассудж*), 96 или 100 *джав* (а также *хабба* и *арна*).

Меры веса Бухарского эмирата в конце XVIII – начале XX в.

В Бухаре XVIII – начале XX в. существовали две местные группы *мискалей* и *дирхамов*¹⁰:

- а) *мискаль* в 4,8 г и *дирхам* в 3,36 г («золотой»);
- б) *мискаль* в 5,0 г и *дирхам* в 3,5 г («каменный», или «весовой»).

Таблица 1

Виды *мискалей* и их кратные

Виды <i>мискалей</i>	Кратные							
	<i>донг</i>	<i>нимдонг</i>	<i>нахурд</i>	<i>джав</i>	<i>нимча</i>	<i>чорйак</i>	<i>сир</i>	<i>дунимсир</i>
«золотой» (4,8 г)	6	12	24	96	1/20	1/80	1/128	1/320
«каменный» (5,0 г)	6	12	25	100	1/20	1/80	1/128	1/320

Мискали первой и второй групп делились на дробные доли по-разному:

– первый *мискаль* в 4,8 г равнялся 24 *нахурдам*, или 96 *джав*, и образовывал, главным образом, единицы «малого веса» («вазни хурд»);

– второй *мискаль* в 5,0 г равнялся 25 *нахурдам*, или 100 *джав*, и образовывал, главным образом, единицы «большого веса» («вазни бузург»).

Таблица 2

Виды *мискалей* и их количество в разных *маннах*

Виды <i>мискалей</i>	Русский		Виды <i>маннов</i>				
	<i>золотник</i>	<i>фунт</i>	одинарный	пятеричный	8-пудовый	16-пудовый	пуд Бурнашёва
«золотой» (4,8 г)	1,12	1/85,5	1/5333 1/3	1/26666 2/3	1/27392	1/54784	1/4166,6
«каменный» (5,0 г)	1,17	1/82	1/5120	1/25600	1/26208,8	1/51200	1/4000

Из двух *мискалей*, как самостоятельных единиц в Бухаре XVIII – начале XX в., чаще употреблялся *мискаль* в 4,8 г: он был положен в основу монетного чекана (серебряные и золотые монеты весом в 1 *мискаль*; серебряные монеты весом в $7/10$ *мискаля*, т. е. как *дирхам* этой группы), употреблялся для взвешивания драгоценных камней, металлов, изделий из них, образовывал более крупные единицы веса (группу единиц «малого веса»), а также служил для уточнения контроля размеров некоторых единиц из групп единиц «большого веса». В XVIII – начале XX в. этот *мискаль* употреблялся не только в самой Бухаре, но и в других городах и областях Средней Азии, т. е. имел статус общесреднеазиатской единицы¹¹. *Мискаль* в 4,8 г вычислен на основании нумизматических данных и свидетельств письменных источников XVI–XIX вв. о размерах бухарского *мискаля* в русских единицах веса.

Мискаль в 5,0 г как самостоятельная единица в Бухаре XVIII – начале XX в. не употреблялся. Но он был положен в основу крупных местных весовых единиц группы «большого веса». Этот *мискаль* вычислен на основании сравнительного анализа свидетельств письменных источников и результатов изучения размеров и системы построения некоторых крупных единиц группы «большого веса»¹².

Данные нумизматики о размерах *мискаля* подтверждают Ханвей¹³ и Мейендорф¹⁴. Томпсон был в Бухаре в 1741 г. и отметил, что 85,5 бухарских *мискалей* равны 1 русскому *фунту*. Следовательно, 1 *мискаль* равен: $409,512 : 85,5 = 4,79$ г. Свидетельство Мейендорфа относится к 1820 г., согласно ему *мискаль* был равен 1,12 русского *золотника*, т. е. $1,12 \times 4,2657 = 4,784$ г.

Далее подробно рассмотрим основные меры, входящие в систему мер веса Бухары в алфавитном порядке.

Джав (جو)

Джав – «ячменное зерно» (араб. *хабба*, узб. *арпа*, *арфа*) персидская мера веса, равная $1/4$ *тассу* (араб. *тассудж*), или $1/16$ *донга*, или $1/96$ *мискаля*. Примерно вплоть до XIV в. *джав* была равна 0,045 г (при *мискале* в 4,3 г), позднее – 0,048 г (при *мискале* в 4,6 г)¹⁵. В Бухаре XVI–XIX вв. *джав* равнялась $1/96$ *мискаля* в 4,8 г и $1/100$ *мискаля* в 5,0 г, т. е. 0,05 г. В других местах Средней Азии размер *джав* зависел от размера *мискаля* и от отношения к нему¹⁶.

Донг (دانگ)

Донг (*донак* (دانك)) в арабизированной форме – *доник* () – вообще шестая часть чего-либо, в частности, как весовая и денежная единица (также длины и площади) – $1/6$ *дирхама* или чаще $1/6$ *динара* – *мискаля*¹⁷.

Специальное значение этого термина в среднеазиатских источниках XIV–XIX вв. – $1/6$ *мискаля*. Например, от бухарского *мискаля* в 4,8 г *донг* равнялся 0,8 г, от хорезмского *мискаля* в 4,53–4,55 г – 0,76 г¹⁸.

Дунимсир (دو نیم سیر)

Дунимсир (2,5 *сира*) – очень важная и употребительная единица в системе кратных *манна* позднесредневековой Средней Азии. Размер *дунимсира*, составляющего $1/16$ *манна*, зависел от размера соответствующего *манна*. В Бухаре, например, 2,5 *истара*, которые тоже назывались *дунимсиром*, были равны 54 г; *дунимсир* от бухарского *манна* в 25,6 кг был равен 1,6 кг; от бухарского *манна* в 128 кг – 8 кг; от бухарско-самаркандского *манна* в 20 кг – 1,25 кг.

Дунимсиры от бухарско-самаркандских *маннов* в 16 пудов и особенно 8 пудов, равные соответственно 1 пуду (16,38 кг) и 0,5 пуда (8,19 кг), стали единицами общесреднеазиатского значения.

В некоторых источниках значение таджикского термина *дунимсир* переводчиками искажено. *Дунимсир* – на таджикском языке означает 2,5 *сира*, а в некоторых работах термин перевели как две по половинке *сира* (*ду ним сир*), т. е. один *сир* ($0,5+0,5=1$), что породило много неясности в размере этой единицы.

Истар (ایستار)

Истар (название происходит от греческого *статер*) – мера веса в мусульманских странах, равная $4S$ *мискалям* (по 4,46 г), или $2/5$ *дирхама*, т. е. 20 г¹⁹.

В позднесредневековой Бухаре *истар* равнялся 4,5 *мискаля* по 4,8 г, т. е. 21,6 г²⁰. Однако появилась *истар* здесь намного раньше, так как органически входила в систему канонических *ратля* и *манна*. *Истар* была кратной шариатского *манна* ($1/40$) и использовалась для подсчета вместо *сир*.

Манн (من)

Манн, или *батман*, является одной из главных мер веса позднесредневековой Средней Азии. *Манн* – старая мера веса мусульманского Востока и восходит к античной *мине*. Канонически, т. е. согласно шариату, в мусульманских странах в Средние века *манн* был равен 2 *ратлям* по 130 *дирхамов*, или 812,5 г. Постепенно размеры *манна* изменялись и появилось множество видов *маннов*.

В Бухаре XVIII – начале XX в. существовали две группы *маннов* (по «большому весу» и по «малому весу») и по нескольку *маннов* в каждой группе. Вне зависимости от абсолютных размеров

среднеазиатских *маннов*, система их деления на кратные была единой²¹. Названия кратных *манна* в разных местах Средней Азии были то различными (особенно названия мелких кратных), то одинаковыми. С другой стороны, среднеазиатские *манны* были построены не на *дирхамах*, а на *мискалях* или пересчитаны в *мискали*.

Манны различались не только по городам и областям. На рынках одного города или области существовали *манны* разных размеров, каждый из которых имел свою сферу действия. Иногда *манны* одного города получали более широкое распространение (как *манны* Бухары). Некоторые виды *маннов* даже искусственно создавались для удобства торговли с Россией (например, *манны* в 8 и 16 *пудов*) и впоследствии занимали прочное место в хозяйственной жизни Средней Азии.

Было выяснено, что все *манны* Мавераннахра делились на кратные следующим образом: *манн* состоял из 40 *сиров* (для шаритатского *манна* вместо *сир* используется термин *истор*), но основная линия деления осуществлялась не через *сир*, а через такие единицы, которые позволяли последовательно провести принцип деления на 2 и на 4. Во многих местах Средней Азии промежуточной единицей был *дунимсир* (2,5 *сира*), равный 1/16 *манна*, затем *чорйак* (или *чойрак*), равный 1/4 *дунимсира* и т. д. В системах веса некоторых областей *сир* отсутствует, но основной принцип деления *манна* на 2 и 4 остается неизменным (табл. 3).

Таблица 3

Манн и его кратные

	Кратные						
	<i>дунимсир</i>	<i>сир</i> (<i>истор</i>)	<i>чорйак</i>	<i>нимчорйак</i>	<i>нимча</i>	<i>нимним-ча</i>	<i>санг</i>
<i>Манн</i>	1/16	1/40	1/64	1/128	1/256	1/512	1/1024

В Бухаре *батманы* делились на кратные по четверичной системе. *Сир*, равный 1/40 части всякого *батмана*, является составляющей единицей, а не простой его кратной. *Сир* часто фигурирует в разнообразных источниках рассматриваемого и более раннего времени. Однако соотношение *сира* и *батмана* полностью не соответствует четверичной системе деления последнего. Поэтому в рассматриваемое время, вероятно, значительно чаще употреблялась единица в 2,5 *сира* (*дунимсира*), составляющая 1/16 часть *батмана*²². Она же была положена в основу дальнейшего деления *батмана* на кратные: *чорйак* (очень употребительная единица) – 1/4 *дунимсира*; *нимча* – 1/4 *чорйака*; *санг* – 1/4 *нимчи*. Каждая из этих единиц дели-

лась еще на половинки (*нимчорйак*, *нимнимча*, *нимсанг*). Встречаются даже термины «донг» (1/6 часть) и «нимдонг» (1/12 часть) для выражения соответствующих дробных долей *батмана*. *Манны* Бухары XVIII – начала XX в. представлены в табл. 4.

Как отмечалось выше, деление *манна* на кратные и составляющие подробно описано на листах 39б и 42а сочинения «Маджма' ал-аркам». Далее (л. 42а) упоминается еще один вид *манна*: «Употребляемый один *манн* в Бухаре в настоящее время [с 1165 по 1225 г.х.] равняется 27392 *мискалям*»²³.

Рассмотрим подробно *манны* по «большому весу» и «малому весу» Бухары.

I. «Большой вес» Бухары

Манн «одинарный» («1,5-пудовый батман Мулло Фарруха»)

В 1671 г. в Москве побывал бухарский посол Мулло Фаррух (Муллофор), со слов которого было записано, что селитру в Бухаре продают *батманами*, «...а *батман* их весом в полтора пуда»²⁴. Размер этого *батмана* уточняет анализ восточных источников. Он равнялся 5120 *мискалям* по 5,0 г («каменных»), т. е. 25,6 кг, и состоял из 40 *сиров* по 128 таких *мискалей*, или 62,5 русских *фунта*. Целое число *мискалей* падает и на остальные кратные *манна*: *дунимсир* – 320 *мискалей*, *чорйак* – 80 *мискалей* и т. д.

Манн «пятеричный»

Манн «пятеричный» упомянут в ряде русских источников²⁵ как *манн* в 312,5 русских *фунтов*. Так, Н. Ханыков сообщает, что в бухарском *батмане* или *манне* «...купцы наши считают 7 пудов 32 *фунта* 48 *золотника*», т. е. 312,5 *фунта*. П.И. Небольсин говорит об этом *манне*: «Бухарский *батман* равняется нашим 7 пудам 32 1/2 *фунтам* и, для круглого счета, принимается купцами за вес, равный 8 нашим пудам». Из свидетельства П.И. Небольсина вытекает с очевидностью, что для удобства торговли Бухары с Россией русскими купцами бухарский *манн* был «округлен» до 8 пудов. Этот *манн* был построен путем пятикратного увеличения «одинарного» *манна* в 1,5 пуда и входил в группу *маннов* «большого веса» Бухары, был равен 7,5 (1,5 × 5) русских пуда (т. е. 128 кг) и состоял из 25600 *мискалей* по 5,0 г («каменных»).

Манны в 8 и 16 пудов

Развивающуюся торговлю между Средней Азией и Россией затрудняла разница в мерах веса. Не позднее XVI–XVII вв. в Бухаре

появились две искусственно созданные единицы: *манны* в 8 и 16 *пудов*. Они были созданы путем «округления» местного *манна* в 312,5 русских *фунтов* («пятеричный» *ман*) до 320 *фунтов* и местного *шутурвара* в 628 *фунтов* до 640 русских *фунтов*²⁶. Эти искусственные единицы получили местные названия *маннов* (*батманов*), делились на кратные по системе *маннов* и употреблялись для нужд не только русско-среднеазиатской торговли. Они имели самое широкое употребление в местном быту, в том числе и для измерения земельных площадей. Для контроля за их размером и для отличия от более древних местных *маннов* они были пересчитаны в *мискалы* не по 5,0 г, как прочие единицы «большого веса», а в общесреднеазиатский *мискаль* этого времени по 4,8 г. *Манн* в 8 *пудов* (131,044 кг) равнялся 27392 *мискалям* по 4,8 г²⁷, а *манн* в 16 *пудов* (262,088 кг) равнялся 54784 таких же *мискалей*. Естественно, что мелкие кратные этих двух *маннов* соответствовали дробному числу *мискалей*.

К началу XIX в. *манн* в 16 *пудов* начал выходить из употребления, и источники называют *манн* не в 16 *пудов*, а только в 8²⁸. Но некоторые кратные 16-*пудового манна* сохранились и с эпитетом «катта» («большой») вошли в систему кратных 8-*пудового батмана*. Так, например, в Бухаре XIX в. употреблялся *чорйак* в 5 русских *фунтов* (1/64 *батмана* в 8 *пудов*) и *катта чорйак* в 10 русских *фунтов* (1/32 *батмана* в 8 *пудов*, но по происхождению – 1/64 вышедшего из употребления *батмана* в 16 *пудов*).

Манн в 4000 *мискалей* («пуд Бурнашёва»)

Т.С. Бурнашёв, побывавший в Бухаре в 1794 г., сообщал, что «...при продаже хлеба и прочего употребляются в Бухарии обыкновенные веса. Тамошний *пуд* составляет пятьдесят российских *фунтов* и разделяется на десять *чариков*, а сии последние на несколько *фунтов*, имеющихся девяносто шесть частей»²⁹. Этот *манн* был равен 4000 *мискалям* по 5,0 г, т. е. 20 кг, и равнялся 10 *чорйакам* местного «пятеричного» *батмана*. Данный *манн* «большого веса» употреблялся для удобства торговли в Самарканде и Хиве и был заимствован из Бухары.

II. «Малый вес» Бухары

Манн шариатский

Канонически, т. е. согласно шариату, *манн* был равен 2 багдадским *ратлям* по 130 *дирхамов*, т. е. 812,5 г. Одним из распространенных *ратлей* на мусульманском Востоке был *ратль* багдадский,

считавшийся каноническим. Разные источники приводят для этого *ратля* два размера: $128 \frac{4}{7}$ *дирхама* и 130 *дирхамов*³⁰. Бухарский *ратль* в 20 *истаров* по $4,5$ *мискаля* (всего 90 *мискалей*) полностью соответствовал такому багдадскому *ратлю*.

Бухарский *манн* в 180 *мискалей* был равен каноническому *манну* в два *ратля* по 130 *дирхамов*. В Бухаре XIX в. употреблялась в качестве мер веса и объема каноническая группа единиц, восходящая к каноническому багдадскому *ратлю* и построенная в своем истоке на *мискале*. Согласно данным сочинения «Маджма' ал-аркам», их размер выражался именно в *мискалях*. Подсчеты показывают, что этот *манн* состоял из 180 *мискалей* по $4,8$ г («золотых»), т. е. 864 г. Этот *манн* входил в группу «малого веса» Бухары и делился на кратные как *манны* «большого веса», т. е. на 40 *истаров* (*сиров*) и 16 *дунимсиров*.

«Манни токи» («манн ба санги токи»)

В вакуфной грамоте 1326 г. в пользу мавзолея и хонако Сайфуддина Бохарзи упоминается бухарская единица веса «*манни токи*» или «*манн ба санги токи*», (буквально «тюбетеечный *манн*», «*манн* по тюбетеечному *сангу*»)³¹. В документе оговорено, что этот *манн* равен 5 шариятским *маннам*, т. е. $180 \times 5 = 900$ *мискалям* по $4,8$ г или 4 кг 320 г. Название *манна* («токи» на таджикском языке обозначает «тюбетейка») указывало, что по происхождению это была мера сыпучих тел, затем она была канонизирована и превращена в точный весовой эталон. В горных районах Средней Азии (Дарваз, Каратегин, Западный Памир) в XIX – начале XX в. одной из мер веса и сыпучих тел была *токи* и в зависимости от местности она равнялась $1,3$ – $2,5$ кг³².

Манн (батман) Ханвея

По данным Томпсона (1741 г.), Дж. Ханвей, достаточное время проживавший в Бухаре и специально интересовавшийся вопросами торговли, отмечал, что бухарские меры веса называются *батманами* и совершенно правильно приводил систему деления *батмана* на кратные: в *батмане* 16 *dramsers*, т. е. *дунимсиров*, которые дальше делятся на половинки, четверти, восьмые части и т. д. Но конкретные размеры указаны лишь для одной единицы, которая названа *батманом*: 1375 *мискалей*, или несколько больше 16 русских *фунтов*³³. Расчет размера *мискаля* показывает, что подразумевался *мискаль* в $4,8$ г. Оба пересчета (т. е. через *мискали* и *фунты*) дают $6,6$ кг. Количество в *манне мискалей* по $4,8$ г, исключаящее равенство кратных *манна* целому числу *мискалей*, свидетельствует

М.Ш. Холов

о том, что этот *манн* построен на какой-то другой единице, а в *мискаль* по 4,8 г только пересчитан (как 8- и 16-пудовые *батманы*).

Таблица 4

Виды *маннов* (*батманов*) и ее соотношение

Виды <i>маннов</i> (<i>батманов</i>)	<i>мискаль</i>		Русск. <i>фунт</i>	Русск. <i>пуд</i>	кг
	«золотой» (4,8 г)	«каменный» (5,0 г)			
I. По «большому весу» Бухары					
1. «Одинарный» (1,5-пудовый <i>батман</i> Муллофора)	53331/3	5120	62,5	1,5	25,6
2. <i>Манн</i> «пятеричный»	266662/3	25600	312,5	7,5	128
3. <i>Манн</i> 8-пудовый	27392	26208,8	320	8	131,044
4. <i>Манн</i> 16-пудовый (<i>штурвор</i>)	54784	52417,6	640	16	262,088
5. <i>Манн</i> в 4000 <i>Мискалей</i> (пуд Бурнашёва)	4166,6	4000	48,84	1,25	20,0
II. По «малому весу» Бухары					
1. <i>Манн</i> шариятский	180	172,8	2,1	–	0,864
2. <i>Манн</i> <i>токи</i> (<i>манн ба санги токи</i>)	900	864	10,5	–	4,32
3. <i>Манн</i> (<i>батман Ханвея</i>)	1375	1320	16,1	–	6,6

III. *Манн* Восточной Бухары

Как уже было отмечено, в разных городах и областях Средней Азии существовали свои *манн* разных размеров, каждый из которых имел собственную сферу действия. В горных районах Восточной Бухары использовались также другие местные меры веса, кратные *манну*, такие, как *табак* (буквально – «блюдо», деревянное блюдо) и *токи* (буквально – «тюбетейка», головной убор).

В Кулябе (1904–1905 гг.) *манн* был равен 16 русским *пудам*, т. е. 262,088 кг, а позднее (1948–1949 гг.) этнографами был описан *манн* в 20 *пудов*, т. е. 327,6 кг³⁴.

В Бальджуване *манн* был равен 12 русским *пудам* (196,56 кг) и 124/5 *пудам* (209,664 кг). Интересно соотношение между *маннами* Бухары, Бальджувана и Ховалинга: *манн* Бальджувана был равен 11/2 *маннам* Бухары; *манн* Ховалинга больше *манна* Бальджувана на 5 сиров; *манн* Ховалинга – по весу Бухары – соответствовал 1 *манну* и 10 *дунимсирам*; в Бальджуване и Ховалинге 5 сиров = 1 *нимча*, а 1 *манн* = 8 *нимча*. Следовательно, в Бальджуване была в ходу та же система мер (*манн* равен 40 *сирам*), что в Бухаре и Самарканде. Сопоставление с *маннами* Бухары показывает, что речь идет о восьмипудовом *манне* в 131,044 кг.

В Каратегине и Дарвазе *манн* был равен 4 русским *пудам*, т. е. 65,52 кг. Такой же *манн*, только несколько меньше – в 62,4 кг, был в ходу в бассейне реки Хингоу (Вахёи Боло, Дарваз) и он состоял из 16 *табаков* (блюдо) по 3 *токи* (48 *токи*). Он употреблялся и в торговле, и для измерения земельных площадей³⁵. При выплате земельной ренты пользовались другими видами *маннов*: в 187,2 кг (16 *табаков* по 9 *токи*); в 249,6 кг (16 *табаков* по 12 *токи*); в 332,8 кг (16 *табаков* по 16 *токи*); в 416 кг (16 *табаков* по 20 *токи*).

По информации некоторых источников³⁶, для Каратегина были характерны и другие виды *маннов*: в 9 *пудов* 27 *фунтов*, т. е. 158,477 кг, и 9 *пудов*, т. е. 147,42 кг. Безусловно, здесь речь идет об одной и той же единице, просто вторая информация не точна. Этот *манн* около 158 кг, вероятно, существовал в Каратегине одновременно с *манном* в 63–65 кг. В Оби-Гарме существовала своя система веса, а *манн* равнялся 324,608 кг. В Вахё этнографами определен *манн* в 11 *пудов* (180,18 кг), *манн* Язгулема составлял около 150 кг³⁷.

Таблица 5

Манн Восточной Бухары и их соотношение

Виды <i>маннов</i>	<i>пуд</i>	<i>кг</i>	<i>табак</i>	<i>токи</i>
<i>Манн</i> Куляба	16	262,088	–	–
<i>Манн</i> Куляба (включая Дашти-Джум)	20	327,6	–	–
<i>Манн</i> Бальджувана	12,8	209,664	–	–
<i>Манн</i> Бальджувана	12	196,56	–	–
<i>Манн</i> Ховалинга	13	212,94	–	–

Продолжение таблицы 5

Виды маннов	пуд	кг	табак	токи
Манн Каратегина и Дарваза	4	65,52	16	48
Манн Каратегина и Дарваза	–	62,4	16	48
Манн Каратегина и Дарваза	–	187,2	16	144
Манн Каратегина и Дарваза	9	249,6	16	192
Манн Каратегина и Дарваза	9	332,8	16	256
Манн Каратегина и Дарваза	11	416	16	320
Манн Каратегина	–	158,477	–	–
Манн Каратегина	–	147,42	–	–
Манн Оби-Гарма	–	324,608	–	–
Манн Вахе	–	180,18	–	–
Манн Язгулема	–	150	–	–

Нахуд (نخود)

Нахуд (араб. *тасудж* – буквально «горошина») – персидская единица веса, равная $1/24$ *мискаля*, следовательно, вплоть до XV в. в Иране она была равна 0,18 г, позднее (до 1935 г.) – 0,192 г³⁸.

В Бухаре XVI–XIX вв. *нахуд* был равен 0,2 г и составлял $1/24$ *мискаля* в 4,8 г и $1/25$ *мискаля* в 5,0 г³⁹.

Нимдонг (نیم دانگ)

Нимдонг (буквально – «половина *донга*») – специальное значение в Средней Азии XV–XIX вв., равнялся $1/2$ *донга*, т. е. $1/12$ *мискаля*. Именно в таком значении *нимдонг* упоминается и в монетных надписях, и в письменных источниках. Например, в надписях медных монет 914–1508/1509 г *нимдонг* – это $1/12$ *мискаля* в 4,8 г⁴⁰. Но вообще этот термин (подобно *донгу*) употреблялся и для обозначения $1/12$ любого другого веса, а также длины и площади.

Нимнимча (نیم نمچه)

Нимнимча (буквально – «половина *нимча*») – специальное значение в Средней Азии XV–XIX вв., $1/2$ *нимча*, т. е. $1/8$ *чорйака*, или $1/512$ *манна*.

Нимхурд (نیم خورد)

Нимхурд – единица веса в системе кратных *манна*. Для этих же единиц иногда параллельно употреблялся термин *нимча*. *Нимхурд* в качестве $1/4$ *чорйака* (т. е. $1/256$ *манна*) употреблялся в системе кратных 16-пудового *манна* Ура-Тюбе, Самарканда⁴¹ и Бухары (2,5 фунта, т. е. 1,024 кг), а также в системе 8-пудового *манна* Джизака⁴² (1,25 фунта, т. е. 512 г).

В Фергане и Ходженге *нимхурд* занимал совершенно другое место в системе кратных крупных единиц. В Ходженге *нимхурд* составлял $1/4$ *чакса* и $1/64$ *чорйака*, т. е. 256 г (равно 10 *пайса*)⁴³.

Согласно этнографическим данным (записи 1948–1952 гг.), *нимхурд* в Кулябе и Дашти-Джуме равнялся 160 кг, а в Оби-Гарме – 20,288 кг⁴⁴. *Нимхурды* Восточной Бухары принципиально отличались от одноименных единиц Мавераннахра и Ферганы и не соответствовали прямому значению самого термина («половинка»). Кроме того, *нимхурд* и *нимча* здесь были двумя разными по размерам и кратными друг другу единицами.

Нимча (نیمچه)

Прямое значение терминов *нимча* или *нимхурд* одинаково – «половинка». Поэтому оба термина иногда употреблялись параллельно и служили наименованием одной и той же единицы даже в одном и том же городе. Например, в некоторых источниках XV–XVI вв. для Самарканда упоминается *нимча*, а в источниках XIX в. – то *нимча*, то *нимхурд*.

По сведениям большинства источников *нимча* (как и *нимхурд*) в Мавераннахре равнялась $1/4$ *чорйака*, т. е. $1/256$ *манна*. В Бухаре и Самарканде (XV–XVI вв.) *нимча* от *манна* в 20 кг была примерно равна 78 г. В Бухаре и Джизаке *нимча* от 8-пудового *манна* была равна 512 г⁴⁵. В Бухаре же *нимча* от местного *манна* в 312,5 фунта (128 кг) была равна примерно 500 г⁴⁶. Для XIX в. в Самарканде упомянута *нимча* (в других источниках это *нимхурд*) в 2,5 фунта⁴⁷ (т. е. 1024 г.), что составляет $1/256$ 16-пудового *манна*. Хотя этот вид *манна* в XIX в. вышел из употребления, *нимча* (как и некоторые другие кратные) продолжала употребляться. *Нимча* Заamina при *манне* в 4 пуда была равна 256 г. *Нимча* Ташкента (при другой системе кратных *манна* в 10,5 пуда) была равна около 84 г.

В Восточной Бухаре *нимча*, как правило, занимала совсем другое место в системе кратных *манна*, чаще всего она выступала как $1/8$ его часть.

Нимча Бальджуана и Ховалинга составляла $1/8$ *манна*, т. е. равнялась в Бальджуване 24,57 кг, а в Ховалинге – 26,618 кг.

М.Ш. Холов

А.Е. Снесарев (1904–1905 гг.) отметил, что *нимча* Кулябского бекства весила 2 пуда (32,76 кг), будучи $1/8$ *батмана* в 16 пудов⁴⁸.

По материалам этнографической экспедиции 1948–1952 гг. *нимча* Куляба была другой – 40 кг ($1/8$ *манна* в 20 пудов, т. е. собственно около 41 кг), а *нимча* Дашти-Джума – 20 кг ($1/16$ *манна*). Но в Оби-Гарме (в Каратегине) *нимча* была равна всего 317 г, будучи $1/1024$ *манна*⁴⁹.

Нимчорйак (نیم چاریک)

Единица веса в составе кратных многих *маннов* Средней Азии, равна $1/2$ *чорйака*.

Санг (سنگ)

Санг (узб. *тош*) – буквально «вес», «гиря». В качестве фиксированной единицы в Бухаре XIX в. составлял $1/4$ *нимча*⁵⁰, т. е. $1/1024$ *манна* в 128 кг, откуда равнялся 125 г.

В районах Восточной Бухары *санг* был совершенно другим и по размерам и по месту в системе кратных *манна*. В Бальджуане и Кулябе А.Е. Снесарев (1904–1905 гг.) нашел *санг* в $1/64$ соответствующего *батмана* в $12\frac{4}{5}$ пуда (Бальджуан) и в 16 пудов (Куляб). Отсюда *санг* Бальджуана равен 8 футам (3,276 кг), а Куляба – 10 футам (4,095 кг)⁵¹.

М.Р. Рахимов (записи 1948–1952 гг.) нашел *санг* Куляба и Дашти Джума равным 5 кг, Оби-Гарма – в 5,072 кг, как $1/64$ *батмана* в 320 кг (Куляб, Дашти-Джум) или 324,608 кг (Оби-Гарм)⁵².

Сир (سیر)

Сир – персидская мера веса (старое произношение – *сер*), $1/40$ часть всякого *батмана* (*манна*), являлась составляющей единицей, а не простой его кратной.

Сир часто встречается в разных источниках XVIII – начала XX в. и более раннего времени. Однако соотношение *сира* и *батмана* полностью не соответствует четверичной системе деления последнего. Поэтому в рассматриваемое время значительно чаще употреблялась единица в $2,5$ *сира* (*дунимсир*), составляющая $1/16$ часть *батмана*. Она же была положена в основу дальнейшего деления *батмана* на кратные.

В горных районах Бухары (Восточная Бухара) *сир* был заимствованной единицей и имел разное значение. Так, в Шугнанае (Западный Памир) *сир* равнялся 10, 12 и 18 кг⁵³. В Хуфе (Рушан, Западный Памир) *сир* в старину не употреблялся, являясь шугнанской мерой. Позднее он был заимствован из Шугнана и равнялся

3 *растаям*, т. е. 30 фунтам (свыше 12 кг)⁵⁴. *Санг*, по этим данным, как 1/64 *батмана* в системе кратных последнего занимал такое же место, что и *чорйак* в системе кратных *маннов* Бухары, Самарканда и других городов.

Чорйак (چاریک)

Чорйак (в народном произношении *чорьяк*, *чойрак*; буквально – «четверть») – фиксированная и очень употребительная в Средней Азии единица веса. Но ее абсолютный размер и даже место в системах единиц веса в разных городах и областях Средней Азии не были одинаковыми⁵⁵.

В системах веса Бухары, Самарканда и других городов до Ура-Тюбе и Ташкента (на востоке) включительно *чорйак* равнялся 1/4 *дунимсира* (2,5 *сира*) и 1/64 *манна* (*батмана*). Его абсолютный размер в конечном счете зависел от размеров *манна*, а *манны*, как известно, были разными. *Чорйаки* самых больших *маннов* считались настолько прочными единицами, что при детальной характеристике иногда указывался в *мискалях* размер не самих *маннов*, а *чорйаков* этих *маннов*.

В XIX в., когда один из бухарско-самаркандских *маннов* (16-пудовый) вышел из употребления, его *чорйак* (10 фунтов; 856 *мискалей* по 4,8 г = 4,1088 кг) под названием «*катта чорйак*» («большой *чорйак*») сохранился в системе 8-пудового *манна*. А *чорйак* этого *манна* (5 фунтов; 428 *мискалей* по 4,8 г = 2,0544 кг) назывался «*чорйаки хурд*», или «*кичик чорйак*» («маленький *чорйак*»)⁵⁶.

Размеры других употребительных *чорйаков* Бухары были следующие:

2 кг от *манна* в 128 кг (25 600 *мискалей* по 5,0 г);

400 г от *манна* в 25,6 кг (5120 *мискалей* по 5,0 г);

312,5 г от *манна* в 20 кг (4000 *мискалей* по 5,0 г);

103 г от *манна* в 6,6 кг (1375 *мискалей* по 4,8 г) и др.

Чорйак использовался и в горных районах Восточной Бухары. А.Е. Снесарев зафиксировал в Каратегине *чорйак* в 5 пудов. М.Р. Рахимов в Оби-Гарм (Каратегин) выявил *чорйак* в 1,268 кг (1/4 *санга*). В Язгулеме (Западный Памир) А.К. Писарчик зарегистрировала *чорйак* около 5 кг⁵⁷.

Прочие меры веса

В сочинении «Маджма' ал-аркам» в стихотворной форме также приводятся следующие микроскопические меры веса (л. 39б–40а):

Знай, что в каждом *данак* есть четыре *тассуджа*,
В одном *тассудже* два полных *хабба*.
С каждого *хабба* получается два *джав*,
Именно столько – ни больше ни меньше.
В *джаве* шесть *хардалей*,
Хардал равняется двенадцати *фалсам*.
Каждый *фалс* составляет шесть *фатила*,
В *фатила* шест *накиров*, о покоритель мира!
В *накире* восемь *катмиров*,
На один вес *катмира* приходится двенадцать *зарра*.
Некоторые добавили еще *хабба*, якобы
Из каждого *зарра* получается семь *хабба*.
Однако счетовод при счете испытал смущение.

Отсюда следует, что:

1 *данак* = 4 *тассу* (*тассудж*) = 1/6 *дирхама* = 1/6 *динара* – *мискаля*;

1 *тассу* = 2 *хабба* = 1/4 *данг* (*данак*) или 1/24 *мискаля* = 0,18–0,192 г;

1 *хабба* = 2 *джав* = 1/100 *мискаля* = 0,0446 г;

1 *джав* = 6 *хардал* = 1/4 *тассу* = 1/16 *данг* = 1/96 *мискаля* = 0,045–0,048 г;

1 *хардал* = 12 *фалс* = 1/70 *хабба* = 0,000707 г;

1 *фалс* = 6 *фатила* = 0,0006242 г;

1 *фатила* = 6 *накир* = 1/432 *джав* = 0,00001041 г;

1 *накир* = 8 *катмир* = 1/2592 *джав* = 0,0000173 г;

1 *катмир* = 12 *зарра*;

1 *зарра* = 7 *хабба*.

Эти микроскопические меры в быту применялись редко, только в фармацевтическом и ювелирном производстве.

Примечания

¹ Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

² Маджма' ал-аркам (مجمع الأرقام). Рукопись Национальной библиотеки им. Фирдоуси, № 9.

³ Мирза Бади'-диван. Маджма' ал-аркам («Предписания фиска»): Факсимиле рукописи / Введ., пер., примеч. и прилож. А.Б. Вильдановой. М., 1981. (Памятники письменности Востока»; Т. LIV).

⁴ Там же. С. 106.

- ⁵ Маджма' ал-аркам (مجمع الأرقام). Л. 396.
- ⁶ Хинц В. Указ. соч. С. 11.
- ⁷ Давидович Е.А. Денежная реформа Шейбан-хана (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.) // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1954. Т. XII: Материалы по ист. таджиков и узбеков Средней Азии, вып. 1. С. 102–103.
- ⁸ Давидович Е.А. История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964. С. 294.
- ⁹ Давидович Е.А. Материалы по метрологии... С. 94.
- ¹⁰ Холов М. Мискали и мани (батмани) Бухары XIX – начала XX веков // Наследие предков. 2004. № 7. С. 153–162.
- ¹¹ Ершов Н.Н., Кампананцев И.И. О таибской медицине на Памире // Бюллетень Узбекского института экспериментальной медицины. 1939. № 4. С. 42.
- ¹² Давидович Е.А. История монетного дела... С. 293–294, 301, 304–305, 315.
- ¹³ Hanwey J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea. L., 1753. Vol. 1. P. III. P. 354.
- ¹⁴ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Meiendorf/framepred.htm>, свободный.
- ¹⁵ Хинц В. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁶ Давидович Е.А. История монетного дела... С. 301, 304–305, 315.
- ¹⁷ Хинц В. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁸ Давидович Е.А. Материалы по метрологии... С. 81.
- ¹⁹ Хинц В. Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ Давидович Е.А. История монетного дела... С. 306.
- ²¹ Давидович Е.А. Материалы по метрологии... С. 85.
- ²² Давидович Е.А. История монетного дела... С. 85.
- ²³ Мирза Бади'-диван. Указ. соч. С. 58.
- ²⁴ Дипломатические приложения к «Сборнику князя Хилкова». СПб., 1879. Док. IX. С. 523.
- ²⁵ Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 113. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Hanykov1/pred.htm>, свободный; Небольсин П.И. Очерки торговли России с Средней Азией // Записки Рус. Геогр. о-ва. СПб., 1855. Кн. X. С. 265–312; Казбеков Ю. Туземные меры и веса в Ферганской области // Туркестанские ведомости. 1877. № 6.
- ²⁶ Давидович Е.А. История монетного дела... С. 88.
- ²⁷ Мейендорф Е.К. Указ. соч; Соколов Ю.А. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 году (Публикация отрывка из «Путешествия Мир Иззетулы в Среднюю Азию в 1812–1813 годах») // Труды Среднеазиат. гос. ун-та. Ташкент, 1957. Нов. сер. Вып. XC. Ист. науки. Кн. 14. С. 193–217.
- ²⁸ Мейендорф Е.К. Указ. соч; П-в Н. (Пантусов). Весы и меры Средней Азии. Торговый вес // Туркестанские ведомости. 1874. № 33.
- ²⁹ Бурнашёв Т.С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 3. С. 81.

- ³⁰ *Хишц В.* Указ. соч. С. 26.
- ³¹ *Чехович О.Д.* Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 92–93 (текст), 170–171 (перевод).
- ³² *Рахимов М.Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (ист.-этногр. очерк) // Труды АН ТаджССР. Душанбе, 1957. Т. XLIII; Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик. Душанбе, 1966. Вып. 1; *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) // Труды АН ТаджССР. Сталинабад, 1958. Вып. II. Т. LXI; *Писарчик А.К.* Примечания и дополнения к монографии М.С. Андреева «Таджики долины Хуф» // Там же.
- ³³ *Натвеу J.* Op. cit. P. 354.
- ³⁴ *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии... С. 93.
- ³⁵ *Рахимов М.Р.* Указ. соч. С. 172–174.
- ³⁶ *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии... С. 94.
- ³⁷ *Андреев М.С.* Указ. соч. С. 344.
- ³⁸ *Хишц В.* Указ. соч. С. 33.
- ³⁹ *Давидович Е.А.* История монетного дела... С. 301, 304–305, 315.
- ⁴⁰ *Давидович Е.А.* Денежная реформа Шейбани-хана. С. 100–104.
- ⁴¹ *Соколов Ю.А.* Указ. соч. С. 196; *П-в Н.* Указ. соч...; *Гейер И.И.* Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901. С. 168.
- ⁴² *П-в Н.* Указ. соч.
- ⁴³ *Ершов Н.Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Сталинабад, 1960. Т. XXVIII. С. 28.
- ⁴⁴ *Рахимов М.Р.* Указ. соч. С. 172–174.
- ⁴⁵ *Маджма' ал-аркам (مجمع الاركام).* Л. 14–15; *Соколов Ю.А.* Бухара, Самарканд, Келиф... С. 196; *Мейендорф Е.К.* Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁶ *Ханьков Н.* Указ. соч. С. 114.
- ⁴⁷ *П-в Н.* Указ. соч.
- ⁴⁸ *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара (воен.-топогр. очерк) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1906. Вып. LXXXIX.
- ⁴⁹ *Егани А.* Новые данные по метрологии Средней Азии // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968. Вып. I. С. 233; *Рахимов М.Р.* Указ. соч. С. 172–174.
- ⁵⁰ *Ханьков Н.* Указ. соч. С. 114.
- ⁵¹ *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. С. 65.
- ⁵² *Рахимов М.Р.* Указ. соч. С. 172–174.
- ⁵³ *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960. С. 329.
- ⁵⁴ *Андреев М.С.* Указ. соч. С. 178.
- ⁵⁵ *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии. С. 106.
- ⁵⁶ Там же. С. 107.
- ⁵⁷ *Снесарев А.Е.* Указ. соч; *Рахимов М.Р.* Указ. соч... С. 172; *Андреев М.С.* Указ. соч. С. 344.

М.Е. Бычкова

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В ТРУДАХ А.А. ЗИМИНА (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

А.А. Зимин доказал в своих работах, что источниковедение, как и другие вспомогательные исторические дисциплины, представляет главный метод работы историков с источниками. Чем более многочисленны и многогранны источники исследования, тем более сложны их анализ и взаимодействие источниковедения с другими вспомогательными дисциплинами.

Ключевые слова: А.А. Зимин, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, средневековые источники.

Никакая наука не может существовать без тщательно разработанной методики. И, возможно, дальнейший прогресс источниковедения будет зависеть, прежде всего, от совершенствования приемов анализа памятников прошлого.

А.А. Зимин

А.А. Зимин начал свою творческую жизнь в то время, когда в России возобновился интерес к вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению. Еще в студенческие годы он стал заниматься Русской Правдой: в конце 30-х годов XX в. существовал грандиозный проект изучения списков и редакций этого памятника и издания его текстов¹. Как позднее писал А.А. Зимин, он изучал этот источник более сорока лет, начиная с первого курса истфака МГУ, где его учителями были С.В. Бахрушин и Б.Д. Греков². Уже в 70-е годы, готовя книгу к изданию, автор указал, что его «Правда Русская» «носит источниковедческий характер», хотя он и считал необходимым «изучать историю текста

Правды Русской в тесной связи с изменениями в общественной структуре Древней Руси»³. С самого начала творческого пути А.А. Зимин исследовал источник, не только сопоставляя его тексты в различных списках, анализируя достоверность описываемых в нем событий, но также учитывая конкретную ситуацию исторических событий в истории России именно в то время, когда создавалась очередная редакция, выполнялся очередной список этого памятника.

Несомненно, с самого начала здесь сказывалась классическая школа русской исторической науки, которая предполагала изучение текстов и условий создания различных памятников, проведенное еще до того, как сам источник будет использован для написания событий истории.

Предварительного источниковедческого анализа А.А. Зимин требовал и от своих учеников. Если посмотреть на список дипломных работ, которые написаны под руководством А.А. Зимина в Историко-архивном институте (1951–1973), то большинство из них имеют в заголовке слова «источник» или «источники по истории». Даже диплом популярного автора Э.С. Радзинского назывался «Источники о жизни и деятельности Г.С. Лебедева» (1959 г.)⁴.

Первые работы, опубликованные А.А. Зиминим после окончания университета в 40–50-е годы XX в., также часто носят источниковедческий характер. Видно, что молодого историка живо интересовал весь корпус русских средневековых памятников. Очень скоро это вылилось в две фундаментальные публикации: «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь, основные источники по истории правящего класса», и «Сочинения Ивана Семеновича Пересветова»⁵.

Если подготовка публикации сочинений Пересветова шла вместе с изданной тогда же монографией «И.С. Пересветов и его современники», то подготовка текста Тысячной книги открыла новую страницу в творчестве А.А. Зимина. Не стоит напоминать, что обе публикации снабжены исследованиями по истории текстов памятников, археографическим описанием рукописей и т. д. Таким образом, здесь соблюдено правило: история самого памятника и изучение ситуации, в которой он был составлен.

Сочинения Пересветова подготовлены по схеме серии «Литературные памятники», которая в то же время стала издаваться Пушкинским Домом, и сама публикация А.А. Зимина вышла с грифом этого института. В книге помещены статьи о состоянии литературных произведений в России XVI в., биографический очерк о самом Пересветове, обширное археографическое описание рукописей. Принципиально новым было исследование происхождения и биографии Ивана Пересветова. Это сейчас генеалогические работы

стали привычным жанром, а в 40–50-е годы XX в. они были редкостью, и даже сравнительно небольшой текст о происхождении Ивана Семеновича и его службе в Литве и Москве вызвал увлеченную полемику среди историков. Тем более что в этом эпизоде уже проявились обширные знания тридцатилетнего Зимина в области как русских, так и зарубежных исторических исследований этого сюжета, блестящее умение проводить сравнительно-источниковедческий анализ различных памятников⁶.

Принципиально новым, практически положившим начало источниковедению делопроизводственных документов было издание Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в. Впервые Тысячную книгу опубликовал в XVIII в. Н.И. Новиков. Поскольку этот памятник действительно уникален и имеет большое значение не только для изучения генеалогии русского дворянства, но и политической истории России XVI в., в дальнейшем Тысячная книга неоднократно издавалась по различным, вновь найденным спискам⁷. Этот источник, фактически представляющий перечень лиц, неоднократно привлекал внимание историков, однако его списки имеют пропуски и исправления, сделанные при копировании.

Наиболее авторитетными считаются публикации 1911 г. Н.П. Лихачева и Н.В. Мятлева; авторы опубликовали текст Тысячной книги по восьми рукописям, сделав при этом сводный текст из всех списков⁸.

Позднее Тысячной книгой занимался С.Б. Веселовский. Он не публиковал ее, но в архивном фонде сохранился богатый материал (выписки, комментарии, алфавитные списки), связанный с историей текста Тысячной книги. Правда, в основе работы С.Б. Веселовского лежит публикация 1911 г.⁹

Публикация А.А. Зимина, где привлечены уже 14 списков, сделана по принципам, до того используемым при издании литературных произведений, – издание редакции памятника, где к основному научно избранному тексту подводятся варианты и разночтения по всем остальным спискам. Такой принцип издания делопроизводственных памятников, часто имевших длительное время существования, как, например, разрядные и родословные книги, открывает новые возможности их использования, поскольку сразу вскрывает пропуски, разночтения, другие неисправности текста.

Прекрасное знание русских средневековых источников, приобретенное еще в начале пути в науке, а также блестящие полемические способности, которыми несомненно обладал А.А. Зимин, способствовали тому, что он откликнулся на большинство публикаций русских источников.

В 50-е годы XX в. он опубликовал два развернутых источниковедческих исследования, связанных с выходом новых публикаций средневековых грамот¹⁰. Формально статьи Зимина – рецензии на вышедшие книги. Фактически это хронологическо-генеалогические исследования, посвященные датировке опубликованных грамот.

Хотя автор отмечает, что «задачей работы является хронологическое обследование» грамот¹¹, поскольку «вопросы хронологического анализа сохранившейся документации приобретают особое значение, ибо от их правильного решения зависит определение времени того или иного события»¹², круг вопросов, решаемых в этих статьях, гораздо шире. Анализируя один за другим акты, помещенные в публикациях, автор практически воссоздает время их создания, полемизируя с историками, по крупицам собирая мельчайшие сведения об упоминаемых событиях, продуманно доказывая свою аргументацию. Собственно здесь видно взаимодействие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, целью которого было установить время создания и значение отдельных исторических событий.

Вообще рецензии А.А. Зимина часто перерастали в самостоятельное исследование. В сравнительно небольшой рецензии на книгу Р.П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских» он предложил иную, чем в рецензируемой работе, схему взаимодействия рассматриваемых источников, а также привел шифр рукописи XVI в. из этого же круга произведений, что существенно меняет предложенную Дмитриевой схему¹³. Выводы А.А. Зимина об истории создания «Сказания о князьях владимирских» практически сразу поддержали Л.В. Черепнин и Я.С. Лурье.

В 50-е годы XX в. научные интересы А.А. Зимина изменяются. В это время он занимался передачей документов С.Б. Веселовского в Архив Академии наук. Богатство генеалогических материалов, справочная литература о составе дьяческого аппарата, истории различных семей, возможно, дали импульс для новых разработок. Статья А.А. Зимина о составе Боярской думы как бы указывает на развилку в исследовательской работе. С одной стороны, она, как и более ранние работы, посвящена анализу так называемого Шереметевского списка Боярской думы, которым не всегда критически пользовались исследователи, с другой – это законченное историко-генеалогическое исследование о семьях, чьи представители входили в состав Думы¹⁴. И в дальнейшем генеалогия прочно входит в круг интересов Зимина вплоть до последней монографии о составе правящего класса России, вышедшей посмертно¹⁵. Кроме того, к генеалогическим исследованиям привлекались и его ученики.

А.А. Зимин как никто другой знал состав архивных фондов, содержащих средневековые документы. Из этого родилась своеобразная работа «Государственный архив России в XVI в.»¹⁶. Намек на подобное исследование содержался еще в кандидатской диссертации А.А. Зимина, где он дал обзор архива Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁷. В исследовании государственного архива России автор обратился к Описи царского архива XVI в. и проанализировал ее текст, сопоставив с сохранившимися архивными делами XVI в. По комментариям к Описи можно определить, какие из упомянутых в ней материалов сохранились до наших дней, а какие документы известны лишь по публикациям XVIII–XIX вв. Мы можем определить состав и объем документов XVI в., входивших в государственный архив, а также сопоставить их с материалами других собраний, выявить «иерархию» государственных и личных документов, материалов государственных учреждений, понять, какой по объему материал сохранился до настоящего времени.

Постоянная работа с канцелярскими делами XVI в. создала у А.А. Зимина представление о функционировании документов XVI в. К сожалению, это представление известно лишь из личных бесед. Когда я мучительно искала критерий для определения редакций родословных книг, которые, как и Тысячная книга, лишены связного текста и состоят из росписей различных семей, Зимин рассказал мне, как он себе представляет жизнь документов в канцелярии: «Вот представьте, составлена официальная родословная книга. С нее делается несколько копий: кому-то она нужна для работы в приказе, кто-то просто хочет ее иметь. А затем эти копии живут своей жизнью: в приказ принесли для записи новые поколения к имеющейся росписи, вписали новые назначения в Думу и т. д. Кто-то из владельцев записал в официальный текст росписи родственных семей, сделал пометки о службе, родстве через брак. Какой-то из первоначальных списков обветшал, его скопировали. Часть приписок, сделанных на полях, попала в текст не на свое место. И мы в основном получаем эти копии с копий, сделанные в разное время».

Все это действительно позволяет видеть в древних рукописях не застывшие тексты, пылившиеся в сундуках, а продукт деятельности приказного аппарата. Кстати, гораздо позднее, работая с подлинными делами Палаты родословных дел XVII в., я увидела правоту учителя: на оборотах росписей писали и использовали их для черновиков, выписывали на свободные места сведения других документов для проверки, редактировали решения о записи в родословную книгу – все было.

Для А.А. Зимина всегда за текстом источника стоял средневековый автор с его мировоззрением, интересами, уровнем знаний.

Часто он полусуто сравнивал работу источниковеда с дедуктивным методом сыщика.

Сегодня магазины заполнены отечественными и переводными детективами, а лет 40–50 назад были известны лишь повести Конан Дойла, начали издавать Г. Честертона и переводить А. Кристи. Выход каждого нового детектива приводил к его детальному разбору. А.А. Зимин тут же указывал на ошибки автора, неточности, сопоставляя дедуктивный метод с приемами источниковедения. У Честертона ему больше, чем популярное и цитируемое сейчас положение о том, что прятать секрет надо среди множества подобных («где умный человек прячет лист? В лесу»), нравилось другое. Большинство слов имеет разные смысловые оттенки, каждый из говорящих воспринимает «свой» оттенок, и интерпретация одного и того же текста разными людьми может привести к разным выводам. У Честертона это чуть не привело к гибели героя.

А.А. Зимин увлеченно цитировал Э. По, который доказывал, что история – это очень точная наука. В то время любили говорить, что хороший шахматист, обладающий логическим мышлением, – хороший историк. А.А. Зимин, открывая Э. По, читал, что хороший шахматист всего лишь должен обладать хорошей памятью, ведь все фигуры на доске ходят строго по правилам. А вот игра в шашки требует иных способностей, воображения, тех качеств, которые необходимы историку.

В 50-е годы XX в. возникла дискуссия о том, нужен ли источниковедческий анализ для документов новейшего времени. Кошунством считали источниковедческий анализ работ В.И. Ленина; очень неодобрительно относились к такому курсу, который нам читала в Историко-архивном институте С.И. Якубовская, хотя лекции скорее были посвящены лишь одному аспекту источниковедения – редакционной работе автора над текстом.

Время показывает, что источниковедение – это мастерская профессионального историка, отсутствие такой работы может привести к казусам и неадекватным выводам. Так, выдвинутый автором работы о политике самодержавия по отношению к дворянской элите в XVIII в. тезис о том, что Петр I «собственным именем начал возводить придворных в княжеское достоинство, ввел графский и баронский титулы»¹⁸, явно нуждается в уточнении. пожалование княжеских, графских и других титулов всегда подтверждалось соответствующими документами: в России это были дворянские дипломы. Источниковедческий анализ этих документов провел О.И. Хоруженко; в составленном автором перечне дипломов XVIII в. ко времени Петра I относится 18 (Екатерина I выдала их

40 за три года правления): одним из первых является «Жалованная грамота» от 1 июня 1707 г., выданная А.Д. Меншикову. С ней автор работы о политике самодержавия связывал пожалование А.Д. Меншикову княжеского титула. Однако такое пожалование было прерогативой императора, а Петр в 1707 г. был царем. Кроме того, грамота Петра, как видно из текста, выдана князю Римской империи А.Д. Меншикову на титул светлейшего князя Ижорского¹⁹, т. е. изначально титул князя был пожалован императором Священной империи, а царь Петр дал под этот титул земли, чего император не мог сделать.

Несколькими месяцами раньше произошел аналогичный случай. Джон Черчилль, недавно получивший титул герцога Мальборо, за свое содействие Петру захотел получить княжество в России, Петр согласился, но до конкретного пожалования земель дело не дошло²⁰. Любопытно, что эта форма пожалования земель под конкретный титул существовала еще до получения княжеского титула Меншиковым.

Вообще первые пожалования титулов русским дворянам были сделаны не Петром, а императором Священной империи – это графский титул Г.И. Головкину (1707 г.), Апраксиным (1710 г.), баронский титул П.П. Шафирову (1709 г.)²¹ и др.

Такая система возведения в ряды титулованной знати может свидетельствовать о том, что в Европе вполне серьезно относились к введению в России европейских титулов, уравнивая тем самым русское и европейское дворянство. И это происходило несмотря на «шутейство» Петра, возводившего в графское достоинство Н.М. Зотова (1710 г.). Кстати, потомки Зотова в дальнейшем редко пользовались своим титулом.

Свое представление об этапах развития источниковедения в России А.А. Зимин изложил в статье, опубликованной в 1969 г.²² Возможно, здесь изложены наблюдения автора, возникшие раньше, при работе над рукописью книги о Слове о полку Игореве. А.А. Зимин выделяет несколько этапов развития источниковедения в русской исторической литературе. Первый из них – это «источниковедение факта», когда исследователи (конца XVIII – начала XIX в.) по возможности всесторонне рассматривали один памятник. Сначала это касалось таких древних уникальных памятников, как Тмутараканский камень, грамота великого князя Мстислава. Позднее появились источниковедческие труды, в которых исследовались однотипные источники (жития святых, публицистические произведения и др.). Однако такое изучение могло привести к просчетам, особенно когда речь шла о массовых источниках с устойчивым формуляром²³.

Следующий этап связан с трудами А.А. Шахматова, который создал новую методику источниковедения: автор опирался не на отдельные источники, а на их систему. Это уже «источниковедение системы фактов». Шахматов применил этот метод, изучая летописи: он привлекал не отдельные своды, а всю их совокупность. Позднее этот же метод использовал Л.В. Черепнин, изучая акты. Его разрабатывали и другие историки, изучавшие иные разновидности источников²⁴. Этот метод в значительной степени позволяет избежать субъективного истолкования текстов.

Следующий этап связан с работами историков XX в., когда «источниковедение системы фактов» органически слилось с изучением эпохи создания различных источников. Здесь автор исходит из положения, что источники выступают «в качестве средства активного влияния их творцов на ход событий» времени создания конкретных памятников²⁵.

Источник, как полагал А.А. Зимин, синтетичен. «Он является результатом взаимодействия различных аспектов деятельности и воззрений человека и требует поэтому всестороннего анализа»²⁶. Такой подход к изучению средневековых источников требует комплексного исследования, анализа с привлечением вспомогательных исторических дисциплин, а также современных технологий.

Статья А.А. Зимина подводила итоги многолетней работы самого автора и одновременно указывала на слабые стороны источниковедческого анализа в работах историков, изучавших лишь конкретные источники, спорные вопросы реконструкции текста, а также сближения методов исторического исследования с методами точных наук.

Филигранный источниковедческий анализ, который мы находим в работах Зимина, делал его выводы часто безупречными и с трудом поддающимися опровержению. В этом сила и неуязвимая актуальность исторических исследований А.А. Зимина. Посмертные издания его монографий продолжают вызывать споры в научном сообществе и в широких кругах читателей. Очень жаль, что сам Зимин, остро чувствующий подчиненность отдельных исследований сиюминутной конъюнктуре, не может принять участие в этих дискуссиях.

Примечания

¹ Александр Александрович Зимин / Сост. В.Г. Зимина, Л.Н. Простоволосова. М.: РГГУ, 2005. С. 7.

² *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. С. 9–10.

Источниковедение в трудах А.А. Зимина (к 90-летию со дня рождения)

- 3 Там же. С. 9.
- 4 Александр Александрович Зимин. С. 160.
- 5 Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950; Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956.
- 6 Сочинения И. Пересветова. С. 10–15.
- 7 *Зимин А.А.* Предисловие // Тысячная книга 1550 г. С. 6–10.
- 8 Там же. С. 9.
- 9 *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог // История и генеалогия. М., 1977. С. 52.
- 10 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVII вв. М.; Л., 190.
- 11 *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Пробл. источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 276.
- 12 *Зимин А.А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Пробл. источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 300.
- 13 *Зимин А.А.* [Рецензия] // Ист. архив. 1956. № 3. Рец. на кн.: *Дмитриева Р.Л.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. 214 с.
- 14 *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
- 15 *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- 16 Государственный архив России XVI столетия / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимина. М., 1978. 3 вып.
- 17 *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 20–36.
- 18 *Марасинова Е.Н.* Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. С. 24–25.
- 19 *Хоруженко О.И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 173.
- 20 Там же. С. 24.
- 21 Там же. С. 25–28.
- 22 *Зимин А.А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. Эпиграф к этой статье взят из работы А.А. Зимина: Там же. С. 429.
- 23 Там же. С. 429–430.
- 24 Там же. С. 431–432.
- 25 Там же. С. 435.
- 26 Там же. С. 436.

А.М. Пашков (Петрозаводск)

ЕЛЕНА ИВАНОВНА КАМЕНЦЕВА
И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Приводятся основные биографические сведения о профессоре и заведующей кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ Е.И. Каменцевой (1920–2004), анализируются ее труды и преподавательская деятельность в области вспомогательных исторических дисциплин.

Ключевые слова: Е.И. Каменцева, вспомогательные исторические дисциплины, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, преподавание.

Елена Ивановна родилась 2 октября 1920 г. в Симбирске. Она была внучкой Ивана Ильича Барышева (1852–1911), приказчика известного книгоиздателя купца К.Н. Солдатенкова и автора большого количества юмористических рассказов из жизни «третьего сословия», опубликованных под псевдонимом «Мясницкий»¹.

Одна из дочерей И.И. Барышева, Александра Ивановна, вышла замуж за инженера Ивана Ефимовича Каменцева (1880–1922), который в 1920 г. был отправлен в Поволжье на восстановление разрухи, заболел там тифом и умер. Вдова с дочерью вернулись в Москву.

После окончания в 1938 г. школы Елена Ивановна поступила в недавно образованный Историко-архивный институт. В то время обучение там продолжалось четыре года. 1930-е годы были периодом становления Историко-архивного института. В нем преподавали многие известные ученые. Одним из наиболее успешно развивавшихся направлений в то время было изучение и преподавание вспомогательных исторических дисциплин. С 1938–1939 уч. г. пре-

подавание вспомогательных исторических дисциплин в МГИАИ вел Николай Владимирович Устюгов (1896–1963). Уже в 1939–1940 гг. он опубликовал при помощи стеклографа краткие пособия по нескольким читаемым им курсам². В августе 1939 г. была создана кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Ее первым заведующим стал профессор Александр Николаевич Сперанский. Новая кафедра нуждалась в кадрах, поэтому там началась подготовка аспирантов. Под влиянием курсов Н.В. Устюгова Елена Ивановна решила сама заняться изучением вспомогательных исторических дисциплин. В феврале 1942 г., после окончания учебы, она поступила в аспирантуру по кафедре. Ее первым научным руководителем стал А.Н. Сперанский.

Война внесла коррективы в размеренную жизнь института. Осенью 1941 г. Н.В. Устюгов ушел в московское ополчение, попал в окружение, а после выхода к своим был зачислен в регулярную армию и вернулся в МГИАИ только в 1945 г. В годы войны между Еленой Ивановной и Н.В. Устюговым продолжалась переписка, и до конца своей жизни Елена Ивановна бережно хранила письма, которые Николай Владимирович писал ей с фронта.

В начале марта 1942 г. на кафедру был принят на должность старшего лаборанта (заведующего кабинетом) Лев Владимирович Черепнин (1905–1977). Л.В. Черепнин окончил аспирантуру РАНИОН, но в 1930 г. его арестовали по так называемому академическому делу, приговорили к ссылке на Север, и три года (1931–1933) он провел на лесозаготовках в Холмогорском районе.

Постепенно Л.В. Черепнин заменил ушедшего на фронт Н.В. Устюгова в чтении курсов по вспомогательным историческим дисциплинам, дополнил его пособия новыми материалами и издал сначала переработанные и дополненные пособия Н.В. Устюгова³, а затем и собственные пособия по метрологии и хронологии⁴. Уже после войны Л.В. Черепнин издал курс палеографии, в котором наряду со своими материалами использовал рукописи умершего в блокаду ленинградского историка Н.С. Чаева⁵. В период кампании по «борьбе с космополитизмом» в конце 1940-х годов это пособие Н.С. Чаева и Л.В. Черепнина подверглось несправедливой критике⁶. В результате Л.В. Черепнин серьезно переработал и расширил это пособие, создав фактически новый учебник, который и был издан с грифом МГИАИ в 1956 г.⁷

В июле 1942 г. из блокадного Ленинграда был эвакуирован выдающийся геральдист Владислав Крескентьевич Лукомский (1882–1946), и после нескольких месяцев лечения в санатории, но не позднее декабря 1942 г., он уже приступил к занятиям в МГИАИ. И хотя В.К. Лукомский был уже тяжело болен, в годы

деятельности в МГИАИ он успел подготовить несколько работ по геральдике⁸. В 1980-е – начале 1990-х годов. Елена Ивановна много сделала для того, чтобы восстановить память о В.К. Лукомском, ориентировала своих аспирантов на поиски документов о нем в архивах и подготовку посвященных ему публикаций, сама написала несколько работ о В.К. Лукомском. Так, уже в начале 1980-х годов она располагала копией автобиографической «Хроники моей жизни» В.К. Лукомского, с которой она тогда же познакомилась И.В. Борисова и автора этих строк. Итогом всех усилий стала написанная Еленой Ивановной (в соавторстве с О.Н. Наумовым) брошюра о В.К. Лукомском, содержащая исчерпывающий библиографический указатель его трудов⁹.

Кроме упомянутых специалистов в годы войны и в первые послевоенные годы на кафедре работали Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959), Иван Филиппович Колесников (1872–1952), Иван Александрович Голубцов (1887–1966) и многие другие известные историки и архивисты. В эти же годы на кафедре учились в аспирантуре известный украинский историк академик Федор Павлович Шевченко (1914–1995), с которым Елена Ивановна впоследствии долгие годы поддерживала дружеские отношения, и ведущий специалист по истории России XVI–XVII вв. Наталья Федоровна Демидова, которая долгие годы была лучшей подругой Елены Ивановны. С марта 1943 г. Елена Ивановна, не прерывая учебы в аспирантуре, стала лаборантом кафедры ВИД, затем начала вести занятия.

Именно в 1940-е годы под влиянием выдающихся ученых, в основном дореволюционной школы, таких как Н.В. Устюгов, К.В. Лукомский, А.И. Андреев, И.Ф. Колесников, Л.В. Черепнин, Елена Ивановна сформировалась как педагог и ученый. В 1949 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Новгородские порядные записи XVII века как источник по истории крестьянского закрепощения», в 1950-е годы продолжала преподавательскую и научную деятельность. В начале 1960-х годов под влиянием «хрущевской оттепели» историческая наука стала освобождаться от догматизма, и в этих условиях вырос интерес к вспомогательным историческим дисциплинам. Елена Ивановна со своим учителем Н.В. Устюговым впервые в СССР издает массовым тиражом в издательстве «Высшая школа» два учебных пособия – по сфрагистике и геральдике и по метрологии¹⁰. Пособие по сфрагистике и геральдике содержало обширный список литературы, созданный на основе картотеки, подготовленной в 1940-е годы Л.В. Черепниным и В.К. Лукомским (картотека до сего дня хранится на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин

ИАИ РГГУ). Выход этих пособий сразу сделал Елену Ивановну признанным и авторитетным исследователем, известным как у нас в стране, так и за рубежом¹¹. В середине 1970-х годов оба пособия были переизданы «Высшей школой»¹². Показательно, что хотя Н.В. Устюгов умер в 1963 г. и переработку пособий для их переиздания Елена Ивановна делала уже самостоятельно, она, верная памяти своего учителя, переиздала их вновь в соавторстве с Н.В. Устюговым.

На интернет-сайте «Служители России» некий современный геральдист дал такую оценку вкладу Е.И. Каменцевой в развитие отечественной геральдики в послевоенный период: «Огромную роль в сохранении традиции научной геральдики в России сыграла профессор кафедры <вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института>, доктор исторических наук Елена Ивановна Каменцева (1920–2004). В 1963 году в издательстве “Высшая школа” вышел написанный ею в соавторстве с профессором Николаем Владимировичем Устюговым единственный в отечественной историографии советского времени учебник по русской сфрагистике и геральдике (впоследствии переизданный). В институте (ныне Историко-архивный институт РГГУ) усилиями Е.И. Каменцевой и других ученых сложилась научная школа вспомогательных исторических дисциплин, в том числе и геральдики. При кафедре был создан научный семинар по геральдике, объединивший ученых-геральдистов Москвы»¹³.

В 1967 г. Елена Ивановна публикует в «Высшей школе» свое учебное пособие по хронологии¹⁴. Оно было написано на таком уровне, что было переиздано 35 лет спустя¹⁵. Кроме того, Елена Ивановна издала целый ряд учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам для студентов МГИАИ¹⁶.

Можно без преувеличения сказать, что в 1960–1980-е годы тысячи студентов, аспирантов, сотни преподавателей высшей школы и ученых-историков и не поддающееся исчислению количество любителей изучали геральдику, сфрагистику, метрологию и хронологию по этим пособиям. Все эти издания неизменно хорошо встречались читателями и быстро расходились. Елена Ивановна особенно гордилась тем, что в конце 1970-х или начале 1980-х годов в Ленинградском НИИ метрологии, чтобы снабдить все отделы ее учебным пособием по исторической метрологии, его копировали на ксероксе.

В 1966 г. Елена Ивановна успешно защитила докторскую диссертацию «Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX в. (исследование по истории мер)»¹⁷, формально закрепившую за ней уже фактически достигнутый ею статус одного

из крупнейших в СССР специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. В 1971 г. Елена Ивановна получила должность профессора и в 1976–1984 гг. была заведующей кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ.

Конец 1960 – начало 1980-х годов было временем расцвета научной и педагогической деятельности Елены Ивановны. У нее появилось много учеников, студентов-дипломников и аспирантов. Одним из первых ее учеников был Б.П. Зайцев, работавший потом в Харьковском университете. С неизменной теплотой она всегда высказывалась о заведующем отдела нумизматики Музея-заповедника «Московский Кремль» С.В. Звереве («мой ученик Сережа Зверев») и нумизмате и историке из Вологды А.В. Быкове. Она очень жалела, что ее студент С.Г. Андриеш-Табак из Молдавии, написавший хорошую дипломную работу по молдавской геральдике, не смог продолжить учебу в аспирантуре МГИАИ, потому что независимая Молдова предпочитала готовить свои кадры геральдистов в Румынии, а не в Москве. Известным геральдистом стал И.В. Борисов. Продолжателем своего дела на кафедре Елена Ивановна считала Е.В. Пчелова. Именно с ним Елена Ивановна связывала надежды на переиздание своих пособий по метрологии и сфрагистике и геральдике.

Из всех учеников Елены Ивановны нужно выделить ее последнюю аспирантку, сотрудницу Центрального музея древнерусской культуры и искусств им. А. Рублева Елену Яковлевну Зотову, успешно защитившую весной 2003 г. кандидатскую диссертацию на тему «Медное художественное литье XVIII – начала XX веков старообрядческих мастерских Москвы: источниковедческое исследование». В последние годы жизни Елены Ивановны Е.Я. Зотова, вместе с родственниками Елены Ивановны, взяла на себя заботу о ней, часто приезжала к Елене Ивановне и помогала ей решать разные бытовые проблемы. Надо отметить, что до последних дней жизни Елена Ивановна была окружена вниманием кафедры, ей звонили, ее навещали и по настоянию заведующей кафедрой М.Ф. Румянцевой Елена Ивановна до конца своих дней была профессором-консультантом.

В конце 1980–1990-х годов в нашей стране происходило быстрое возрождение вспомогательных исторических дисциплин. В новых условиях Елена Ивановна, как признанный авторитет в этой области, была символом преемственности разных поколений ученых, человеком, чей авторитет помогал проведению конференций, изданию сборников, принятию новых гербов и т. д. Она входила в состав Геральдического совета при Президенте РФ, Герольдии при мэре Москвы (где принимала участие в воссоздании тради-

ционной московской символики), была почетным членом Всероссийского геральдического общества и действительным членом Историко-родословного общества в Москве.

В 1988 г. по инициативе Елены Ивановны и под ее руководством возник семинар по вспомогательным историческим дисциплинам, который с 1992 г. продолжился в виде семинара по геральдике. Позднее его работой стал руководить Е.В. Пчелов. К настоящему времени этот семинар стал центром объединения геральдистов не только Москвы, но и многих городов России и зарубежья. На основе прочитанных там докладов вышли несколько сборников статей, первый из них – как том «Трудов Историко-архивного института»¹⁸.

Признанием этих заслуг можно считать номер журнала «Гербовед», посвященный 75-летию юбилею Елены Ивановны¹⁹, и организованная кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин при участии Археографической комиссии РАН, ГИМа, Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» и РГАДА в феврале 2001 г. конференция «Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы»²⁰.

Елена Ивановна Каменцева скончалась 6 декабря 2004 г. До последних дней жизни она продолжала трудиться как историк. На ее рабочем столе лежали материалы к новому изданию учебника по русской метрологии. За полторы недели до кончины вышла последняя работа Елены Ивановны – воспоминания об Историко-архивном институте на рубеже 1930–1940-х годов²¹. Коллеги так оценили ее деятельность в области вспомогательных исторических дисциплин: «Елена Ивановна внесла большой вклад в исследование различных проблем вспомогательных исторических дисциплин: от теоретических разработок по всему комплексу вспомогательных исторических дисциплин до дискуссионных проблем русской хронологии и метрологии, геральдики и эмблематики. Она способствовала воссозданию в современной российской науке фалеристики, генеалогии, вексиллологии, читала курсы нумизматики и берестологии, сохранила и приумножила ту научную геральдическую традицию, которую в свое время олицетворял выдающийся геральдист В.К. Лукомский, в последние годы жизни работавший профессором кафедры»²².

В январе 2006 г. кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ провела конференцию «Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления», посвященную памяти Е.И. Каменцевой²³. Архив и часть библиотеки Е.И. Камен-

цевой в настоящий момент хранятся на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ.

Сейчас, когда прошло уже пять лет после кончины Елены Ивановны, можно сказать, что ее имя чтят и помнят множество людей в России и странах СНГ – ее коллеги, ученики, бывшие студенты, читатели ее работ. Это значит, что для нас Елена Ивановна по-прежнему жива...

Примечания

- 1 *Гитович И.Е.* Мясницкий Иван Ильич // Русские писатели. 1800–1917. Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 194–196.
- 2 *Устюгов Н.В.* Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. М., 1939. Ч. 1: Хронология. 24 с.; Ч. 2: Метрология. 64 с.; Ч. 3: Сфрагистика. 38 с.; М., 1940. Ч. 4: Геральдика. 25 с.; Ч. 5: Нумизматика. 29 с.
- 3 *Устюгов Н.В.* Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам: В 2 ч. / Сост. Н.В. Устюгов, перераб. и доп. по поруч. кафедры вспомогат. ист. дисциплин Л.В. Черепнин. М., 1943. Ч. 1: Хронология. 54 с.; Ч. 2: Метрология и денежный счет. 72 с.
- 4 *Черепнин Л.В.* Русская метрология: Учеб. пособие / Под ред. А.И. Андреева. М., 1944. 94 с.; *Он же.* Русская хронология: Учеб. пособие / Под ред. и с предисл. А.И. Андреева. М., 1944. 94 с.
- 5 *Чаев Н.С., Черепнин Л.В.* Русская палеография: Учеб. пособие / Под ред. А.И. Андреева. М., 1946. 213 с.
- 6 *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 36–37.
- 7 *Черепнин Л.В.* Русская палеография: Учеб. пособие для вузов. М., 1956. 616 с.
- 8 *Лукомский В.К.* К вопросу о происхождении Смоленского герба // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1946. Т. 2 / Под ред. А.И. Андреева. С. 71–76; *Он же.* Герб как исторический источник (доклад, прочитанный в секторе вспомогательных исторических дисциплин 22 ноября 1945 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1947. Вып. 17. С. 49–57; *Он же.* Эмблематический гербовник / Рис. А.А. Толоконникова // Геральдика. Материалы и исследования: Сб. науч. тр. Л., 1987. С. 131–168. Последняя работа была создана В.К. Лукомским в 1944 г. в количестве 10 экземпляров как учебное пособие для студентов МГИАИ.
- 9 *Каменцева Е.И., Наумов О.Н.* В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность: Биобиблиогр. указ. М., 1994. 72 с.
- 10 *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. 224 с.; *Они же.* Русская метрология. М., 1965. 255 с.
- 11 *Пашков А.М.* Труды Е.И. Каменцевой в англоязычной историографии // Гербовед. 1995. № 7. С. 15–18.

- 12 *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика: Учеб. пособие для студ. 2-е изд., доп. М., 1974. 264 с.; *Они же.* Русская метрология: Учеб. пособие для студ. 2-е изд. М., 1975. 326 с.
- 13 Геральдика России (часть 3) // Служители России [Электронный ресурс] / Служители России. Б. м., сор 2002–2009. URL: <http://www.baronss.ru/publ/3-1-0-238>, свободный (дата обращения 23.11.2009).
- 14 *Каменцева Е.И.* Хронология: Учеб. пособие для студ. гос. ун-тов. М., 1967. 187 с.
- 15 *Каменцева Е.И.* Хронология. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003. 160 с.
- 16 Программы курсов, учебники и учебные пособия, изданные кафедрой вспомогательных исторических дисциплин // Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 178–183.
- 17 *Каменцева Е.И.* Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX вв. (исследование по истории мер): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1966. 32 с.
- 18 Труды Историко-архивного института. Т. 34: Сб. ст. геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 1 / Под ред. В.А. Муравьева. М., 2000. 207 с.
- 19 Гербовед. 1995. № 1 (7). С. 3–36 (статьи И.С. Сметанникова, О.Н. Наумова, Н.Ф. Демидовой, Л.Н. Простоволосовой, А.М. Пашкова, Р.А. Симонова, И.В. Борисова и др.).
- 20 Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тез. докл. и сообщений XIII науч. конф. / Под ред. В.А. Муравьева. М., 2001. 213 с.
- 21 Библиографию работ Е.И. Каменцевой и литературы о ее жизни и деятельности см.: Елена Ивановна Каменцева: Биобиблиогр. указ. / Сост. Л.Н. Простоволосова, Е.В. Пчелов. М., 2006. 58 с. (Ученые РГГУ).
- 22 Памяти Е.И. Каменцевой / М.Ф. Румянцева, О.М. Медушевская, В.А. Муравьев, А.Е. Чекунова, Р.Б. Казаков, Е.В. Пчелов // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 140; Памяти Елены Ивановны Каменцевой / М.Ф. Румянцева, О.М. Медушевская, В.А. Муравьев, А.Е. Чекунова, Р.Б. Казаков, Е.В. Пчелов // Новый исторический вестник / Гл. ред. С.В. Карпенко. М., 2005. № 1 (12); То же // Новый исторический вестник [Электронный ресурс] / Гл. ред. С.В. Карпенко. Электрон. дан. Б. м., 2005. № 1 (12). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_1/2.shtml, свободный (дата обращения: 23.11.2009).
- 23 Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф. / Под ред. В.А. Муравьева. М., 2006. 457 с.

ОПИСАНИЯ АРХИВА КНЯЗЯ В.Л. ДОЛГОРУКОВА, 1730 г.*

Публикуемые документы составлены В.Л. Долгоруковым вскоре после указов об его аресте и заключении в Соловецкий монастырь и содержат упоминания о документах внешнеполитической деятельности князя в первой трети XVIII в.

Ключевые слова: В.Л. Долгоруков, архив, внешняя политика России, императрица Анна Иоанновна.

Публикуемые документы представляют собой собственноручные описания архива известного политического деятеля XVIII в. князя Василия Лукича Долгорукова (ок. 1670–1739, сенатор, член Верховного тайного совета, дипломат). Написанные вскоре после указов об его аресте и заключении в Соловках, они содержат упоминания об уникальных документах, касающихся его дипломатической службы в первой трети XVIII в. и участия в деятельности Верховного тайного совета.

В.Л. Долгоруков как член Верховного тайного совета участвовал в составлении Кондиций, предъявленных императрице Анне Иоанновне. 19 января 1730 г. они вместе с письмом от «верховников» были отправлены в Митаву с кн. В.Л. Долгоруким. 25 января 1730 г. Анна Иоанновна подписала Кондиции, а 15 февраля 1730 г. торжественно въехала в Москву. Все это время В.Л. Долгоруков неотлучно находился при императрице.

После восстановления самодержавия весь род князей Долгоруковых попал в опалу. 8 и 9 апреля 1730 г. последовали указы, назначавшие Долгоруковых губернаторами в разные отдаленные провинции; Василий Лукич был определен генерал-губернатором в Сибирь. Но 17 апреля 1730 г. он был взят под арест. 12 июня состоялся указ, по которому его заключали в Соловецкий монастырь, а 15 июля по именному указу императрицы все движимое и не

* Вступительная статья и подготовка текста Д.И. Алексеевой.

© Алексеева Д.И., 2010

движимое имущество князя и его родственников было конфисковано в пользу казны¹. В 1739 г. по делу Долгоруковых было возбуждено новое следствие, и 8 ноября 1739 г. кн. Василий Лукич Долгоруков был обезглавлен в Новгороде².

Публикуемые документы относятся к 17 и 18 июня 1730 г., когда судьба кн. В.Л. Долгорукова была решена окончательно.

У опальных специально учрежденной для этого комиссией были конфискованы дома, имущество и оружие, загородные дворы, через ведомство Дворцовой канцелярии прошло 25 тысяч душ, принадлежавших «бывшим князьям»³.

Документы комиссии по описи имущества кн. Долгоруковых отдельного фонда не образовали и были включены в состав Дворцового отдела (РГАДА. Ф. 1239. Д. 1734). Книга в кожаном переплете форматом 20,5x32 см на 377 листах составлена из 94 тетрадей. В книге содержатся делопроизводственные дела об описании и конфискации имущества кн. В.Л. Долгорукова. Есть внутренняя нумерация этих дел, проставленная не по порядку, начиная с № 5. Дело об описи личного архива кн. В.Л. Долгорукова занимает восемь пронумерованных тетрадей (в книге они являются 87–94 тетрадями), количество листов в которых различно – от полулиста (тетрадь № 5/91) до четырех листов (тетради № 2/88, 7/93, 8/94). Документы, написанные собственноручно В.Л. Долгоруковым, занимают листы 344–352 об. современной нумерации. Сохранилась старая нумерация, проставленная на каждом листе, включая чистые (в старой нумерации 494–503 об.). Документы написаны на тонкой белой бумаге. Филигрань – герб города Амстердама (11x8 см): корона без украшения, с пятью зубцами, две правильные полусферы справа и слева, щит правильной прямоугольной формы с тремя Андреевскими крестами, львы-щитодержатели повернуты в профиль с поднятыми хвостами, стоят на постаменте, появившемся в изображении герба с 1714 г. На другой части полулиста – контрамарка с литерами PGL (3,5x1,5 см), которые позволяют датировать бумагу 1730 г.⁴

Дело об описи архива состоит из семи документов: реестр документов дела, реестр взятых с кн. В.Л. Долгорукова денег, копия завещания кн. М. Долгоруковой, письмо Александру Танееву, роспись документам, отданным Александру Танееву, распорядительное письмо Максиму Верилу и Алексею Попову; реестр белья, взятому из дома кн. В.Л. Долгорукова; реестр взятой посуды, писарская опись паспортов, отпускных и других документов. Для публикации отобраны документы, написанные собственноручно В.Л. Долгоруковым, т. е. письмо М. Верилу и А. Попову, письмо А. Танееву, а также роспись документам, отданным А. Танееву.

Строки текста шириной 10 см, слева (на оборотах листа справа) оставлено поле шириной 10,5 см. Почерк В.Л. Долгорукова размашист, 11–16 букв на строку, с небольшим наклоном вправо. Начертание букв нетвердое, дрожащее, однако почерк оставляет впечатление высоковыработанного. Расстояние между словами равномерное, небольшое. Направление строк горизонтальное, выносные встречаются не часто, в одних и тех же словах. Текст содержит большое количество исправлений и зачеркиваний. Исправления и дополнения вписаны как над строкой, так и на поле с выносным знаком. Выносной знак выглядит как крест (плюс), обведенный полукругом.

При публикации текста описи используются дипломатические приемы издания⁵. Текст рукописи передается с сохранением всех букв, вышедших из употребления. Сохранение индивидуальных особенностей письма, в том числе и вышедших из употребления букв, представляется полезным для изучения развития культуры письма в послепетровскую эпоху. К 1730 г. в документах, написанных писарским четким почерком, уже отсутствуют такие буквы, как «юс» и «омега», упраздненные реформой графики 1710 г., но в документах кн. В.Л. Долгорукого эти буквы присутствуют. Реформа, упрощавшая русский алфавит, обязывала использовать новый алфавит. Однако дореформенная графика была распространена наравне с новой – многие из тех, кто учился писать до реформы, не изменили практику письма.

Выносные буквы вставляются в строку и передаются курсивом. Пропущенные буквы и слоги восстанавливаются в круглых скобках.

Разделение на абзацы в документах № 1 и 3 произведено публикатором. Разделение и нумерация абзацев в документе № 2 соответствует принятым в рукописи. Знаки препинания в тексте представлены в соответствии с нормами современной пунктуации.

Все исправления и зачеркивания в тексте сделаны теми же чернилами и вписаны тем же почерком. Авторская редакция текста иногда нарушает грамматический строй и логическую последовательность фразы. Части зачеркнутого текста, необходимые для понимания, дополняющие сведения документа, оставлены в тексте и оговариваются в примечаниях. Другие зачеркнутые слова указываются только в примечаниях.

Номер примечания обозначается арабской цифрой и ставится над строкой после слова. Примечания, относящиеся к нескольким словам, находящимся в разных местах текста, проставляются под одним и тем же номером, а в разделе примечаний этот номер указывается один раз. Номер примечания, охватывающего несколько слов, ставится перед первым и после последнего слова, а в разделе

примечаний они соединяются дефисом. Составительский текст набран курсивом.

№ 1

1730 г. июня 17. Село Знаменское Керенского уезда. – Описание документов, изъятых у кн. В.Л. Долгорукова капитаном А.Г. Танеевым хранящихся в московском доме.

Прислан был ко мне в керенскую деревню от гвардии Преображенского полка капитан г(о)с(по)д(и)нь Александръ Гавриловичъ | Танеевъ и по данному¹ емъ указъ спрашивал меня, | и на то взял указъ меня пис(ь)менной отъветъ таковъ, | каковъ ниже написан, и при томъ и запись пис(ь)мам, ка|торые онъ указъ меня в той деревне принялъ. |

По указъ ея императорскаго величества, ка|торой объявилъ мне, | ниже подписанномъ, ² въ 17 де(нь) июня | 1730 годъ² отъ гвардии г(о)с(по)д(и)нь³ капитанъ Александръ | Гавриловичъ¹ Танеевъ, | чтобъ я все пис(ь)ма⁴, | надлежащие до | делъ ея императорскаго величества, ка|торые⁵ | указъ меня были⁶ | въ те времена, какъ | я по указъ ихъ величества въ посланъ былъ | въ разные³ иностранные г(осу)д(а)рств², ² а именно даваемые | мне инструкци и при|сылаемые ко мне указы и мои⁷ черные | реляции и прочия | сообщенія и статейные списки черные | и белые², и которые изъ нихъ | здес(ь) со мною, чтобъ отдалъ | емъ, ³ г(о)с(по)д(и)ну капитану³, а которые на | Москвѣ, те б тамъ | отдалъ.

И по тому указъ | которые изъ техъ писемъ | за неосмотрениемъ въ|скорости со мною взяты, те все³ емъ, г(о)с(по)д(и)нь | капитанъ, я отдалъ, | а кроме техъ, никакихъ со | мною здес(ь) нетъ. || И какие пис(ь)ма и скол(ь)ко | каки² здес(ь) отдано², тому² при семь пис(ь)ме³ реестръ | за моею рукою | и за печатью^{2, 8}. | А которые | пис(ь)ма остались на Москвѣ, о техъ я писалъ | къ ч(е)л(о)векъ своему² Маѣимъ Верилу², | чтобъ те сдѣлки, ² въ которыхъ⁹ | лежатъ пис(ь)ма, касающа до делъ ея императорскаго вели|чества², сыскалъ, | объявилъ и¹² донесъ о б нихъ | кому повелено бдетъ, ² и отдалъ бы³ пис(ь)ма те³ все безъ изъятія, не | оставивая ни | малого какого | пис(ь)ма². |

Какъ я былъ посланъ прежде сего в Кurlандию, | а какъ помететца | въ 26-м годъ, в то время, какъ и Меншиковъ | в Кurlандию приезжалъ, | и тогда онъ, Меншиковъ, | разные пис(ь)ма ко мне | писал¹⁰, адне, помететца¹¹, еще какъ | онъ в Кurlандию не приехалъ, а другіе поедчи | изъ Кurlандіи, все за соб|ственною ево, Меншикова, рукою¹². | В техъ пис(ь)махъ писано, | что мне делат(ь) в Кurlандіи.

И какъ я приехалъ изъ Кurlандіи въ | Санктъ Петербурхъ¹³, | тогда по нескол(ь)кихъ дняхъ ея императорское величество, | вечнодо-

стоинные памети Екатерина Алеѣсеевна, изволила || итьти въ походъ ² в Кроншта², а мне | повелено въ Санъкътъ-|Петеръбѣрхе збиратца | къ Швецкому дворѣ. И | тогда ис походѣ писал | ко мне¹⁴ ея императорскаго¹⁵ величества³ва³ именным³ указом¹⁶ Алеѣей²⁰ | Васил(ь)евичъ¹ Макаровъ, | помнитца, два или | три пис(ь)ма с нарочными(и) | кѣриерами, чтоб ѿ | все те подлинны¹⁷ | Меншикова пис(ь)ма прислал въ походъ | къ ея величеству. И по тем указам ѿ все | ихъ подлинны³ и отослал. А мне | после¹ даны с них¹⁸ | копий незарѣченые. | Те копий и вышепоменѣтые Алеѣея Васил(ь)евича¹ Макарова³ пис(ь)ма имеютъ быть въ выше|написанных же сѣндѣках. |

Что же ѿ ден(ь)гах, каторыя | присыланы были въ Стекъ|гол(ь)мъ на дачи во время сеимѣ, и те ден(ь)ги по моемѣ советѣ | примал | в расходъ держал Николаи Ѳедоро|вичъ Головин для | того, что он знаетъ | кѣщовъ, каторыя платили, и кѣрсь тамошнои. И расходъ | писал он, и тотъ | расходъ, паметѣтьсѧ¹, | или мне ѿдалъ¹⁹, | какъ ѿ поѣхал исъ Стекъгол(ь)ма, | или хотел²⁰ | присылать после, ² того за долгимъ | временем²¹ | подлинно не ѣпомню². | Ежели мне ѿдал, то он имеетъ быть | в тех жа моих пис(ь)мах, каторыя на Мо|скѣве. ² Ежели ж в тех пис(ь)мах | нетъ, то он ѣ него².

Еще мне | паметѣтца, что | ис техъ денегъ дано | нескол(ь)ко взаимы | генералу Шверинѣ, | каторои ныне въ | слѣжбе ея императорскаго величества, для краинеи | его, Швериновой, | скѣдости. А он, Шверин, | тогда был намъ нѣжен | для того, что ѿм дрѣзѣи своих²² || ведал^{2,23} ѿ делах и нам сказывал. | А взаты л(ь) те ден(ь)ги ѣ не|го, Шверина, того | не ѣпомню²⁴ | для того, что²⁵ | сѣмъма не велика, ²паметѣтца, околѣ ста червонных². | Аднако ж, это видно | бѣдетъ из расходѣ. ² А в остатках техъ | денегъ ничего ѣ ме|ня нетъ². | А катораа промемориа | прислана ко мне изъ | Г(осу)д(а)рѣственной¹ Иностранной³⁴ колегий, и на оную | ни за чемъ дрѣгим, токѣмъ за сѣтѣми не ѿм|ветѣствовать. | А каторыя пис(ь)ма присланы | ко мне изъ Иностранной | колегий для прочтения, | доношений ѿригинал(ь)ныя | и с предложениами, присланные²⁶ ис Персий | ѿм генераловъ Левашева | и Рѣманцова, ѿм всякаго | по два²⁷, да копия | трактата на ѿранцѣском | ѣзыке, ѣчиненнаго междо | Гишпаниею, ѿранциею | и Англиею³ в Сивиле³, и те все пис(ь)ма лежали²⁸ ѣ меня для тесноты² в спал(ь)нии¹ в поставце¹. || И какъ жена моя в той | полате скончалась, | и тогда в печали | и в скорости ѿ²⁹ | сам, все ²ис той полаты² | ¹ис поставѣца¹ выхватавъ, по|ложил не ѣпомню в какую шкатѣлу или | ларець. И для того | ныне писал ³к тому ж^{3,30} ч(е)л(о)веку | моему, чтоб их искал. | И какъ найдеть, чтоб | подал тому, кому | велено бѣдетъ при|нат(ь). |

²ѣ подлиннаго при|писано моею рѣкою² тако: кн(ѧ)зь Василеи | Долгорѣкои, | июня 19 дня | 1730 году. ||

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 1734. Л. 344–346 об.

Примечания: ^{1, 1-1} Слово, слова зачеркнуты теми же чернилами ^{2, 2-}
² Слово, слова вписаны на поле с выносным знаком ^{3, 3-3} Слово, слова
вписаны над строкой ⁴ Далее зачеркнуто каторые в бытъности | ка
⁵ Далее зачеркнуто в бытъность ⁶ Далее зачеркнуто во время ⁷ Далее
зачеркнуто ре ⁸ Далее зачеркнуто при сем роспис(ь) | ниже сего ⁹ Далее
зачеркнуто пис(ь)ма ¹⁰ Далее зачеркнуто ѿ то ¹¹ Далее зачеркнуто не
¹² Далее зачеркнуто а писал ¹³ Далее зачеркнуто и ве ¹⁴ Далее зачеркну-
то ї ¹⁵ Далее зачеркнуто ѡказ ¹⁶ Далее зачеркнуто по ¹⁷ Далее зачеркну-
то три буквы ¹⁸ Далее зачеркнуто незарѡ ¹⁹ Далее зачеркнуто или хот
²⁰ Далее зачеркнуто после ²¹ Далее зачеркнуто не ²² Далее зачеркнуто
ведаль ²³ В начале листа зачеркнуто 4 строки ²⁴ Далее зачеркнуто
сумма ²⁵ Далее зачеркнуто 4-5 букв ²⁶ Далее зачеркнуто ѿт гене ²⁷ Далее
зачеркнуто и те ²⁸ Далее зачеркнуто ѡ мена ²⁹ Далее зачеркнуто вс
³⁰ Далее зачеркнуто к

№ 2

1730 г. июня 18. Село Знаменское Керенского уезда. – Роспись до-
кументов кн. В.Л. Долгорукова, изъятых у него капитаном
А.Г. Танеевым.

Роспись пис(ь)мам, касающимся до делу ея | імператорскаго вели-
чества, которые | при мне здесь ¹ были и по ѡказѡ отданы |
г(о)с(по)д(и)нѡ ² капитанѡ ѿт гвардіи Александрѡ Гавриловичѡ ¹ | Танее-
ву ³ июня 18 дня | 1730 годѡ. |

1. Подлинная ⁴ їнѡстрѡкъца, данная ⁵ | мне ѿт Верховнаго
советѡ ⁶, | какъ та ѡтправлен | с Москъвы в Кѡрляндію | къ ея имѡпе-
раторскому | величеству ѡ въ | 1730-м годѡ.

² Тѡт же подлинная | цыѡлка, | каторая мне дана ⁷ | ѿт Верховнаго
таинога | советѡ, в каторой на|писано, какъ ея вели|чество ѡ потписат(ь)
посланные | со мною кондиціи ².

2. Копія пис(ь)ма, которое | писали Верховныи | советъ ² со мною
тогда ж ² къ ея імператор|скому величеству ѡ | возведеніи ея ве-
ли|чества на росиско(и) пре|стол. |

3. Цыѡирная азѡвка, каторая мне тогда ж дана | ѿт Верховнаго
совету. |

4. Подлинной проездеи листь | ѿт Москъвы до Кѡрляндіи | для
тогдашнего ж проезду. |

5. Две ⁴ подлинныя подорожныя, | чтоб давали подводы | для тои
же посылки. |

6. Копия *Указу*, посланного | тогда² *жс* в Ригу к генералу Лессию | *о* поставке подвод и | в прочемъ, чего *я* б^{уд} | требоват(ь), чтоб былъ мне¹ | посл^ушенъ. ||

7. Три равные копии | пис(ь)ма, каково ее | величество г(о)с(у)д(а)ри|ня императрица | изволила писать | к Верховному совет^у | въ *о*тветъ на их пис(ь)|мо. |

8. Журнал поход^у ея им^ператорского величесь|тва *от* Митавы | до⁸ | Моск^вы. |

9. Росписи *о* *у*чреждени⁹ | *от* Митавы поход^у | ея императорскаго | величесьтва, а имен^нно кому ехат(ь) и кому | за кем, и скол(ь)ко кому | подвод, и с какою цере|монию ее величесьт^во входила в Ригу, и | прот^ьчее² надлежащее к тому², всего на¹⁰ пяти полулистах да на | двух четвертках, | и те не все исписаны¹¹. |

10. Шесть подлинных | *Указовъ*, присланных | ко мне² из Верховнаго | совета², какъ *я* ездил в Кур|ляндию а именно: ²один *Указъ*² гень|варя 28, того *жс* м(еся)ца | два 30 числа, ⁴из них⁴ при о|дном приложена копия *Указу*¹, | каково¹² определени⁴ | Верховной совет^ь | *у*чинил *о* поставке под^водъ для шествия ея | величества, да три *Указа*, писанные *о*евраля 4-го, 7-го и 8-го¹³. |

11. Черные писма, | каковы *я* писалъ во | время той поестки | въ Верховной совет, | а имен^нно въ геньваре 25-го, 28-го и 29-го чисел, | да въ *о*еврале 2-го, 4-го, 7-го, 8-го, да два | 9-го чисель. |

12. Пять подлинных писемъ, | писанных ко мне *от* | генерала Лессия, *о* ка|сающемся до шес^ть|виа ея величесьтва, а имен^нно геньваря | 27-го¹⁴, да три пи|с(ь)ма *от* 28-го, да одно | 29-го. |

13. Подлинное пис(ь)мо *от* ги|шпанского министра | д^юка де Лириа с Моск^вы 22 *о*евраля къ | ее императорскому ве|личеств^у, поздрав^ляетъ со вст^уплени|емъ на престол. Сие пис(ь)мо ее вел(ичеств)о изволи|ли, ²принявъ въ Нов^го|роде *у* кавалера ево, | марки(за) де Каст^юно², *и* выслушавъ², изволила *о*тдат(ь) мне на со|блюде|ние. ||

14. Два подлинныя пис(ь)ма | *от* генерала Мюнixa | ко мне, адно геньваря | 29-го и при немъ приложе|ние *о*ранц^ускимъ язы|ком, что по|слат(ь) вен^ь|герскова вина, чтоб | *я* поднесъ ее величесьт^ву. Др^угое *о*евраля | 6-го. |

15. Два пис(ь)ма ²ко мне, адно² *от* адми|рала Сиверса, др^угое | *от* контра-адмирала | Синявина, и на них | черной *о*тветъ, каковъ | пи|салъ *я*. |

16. Пять¹⁵ черных писемъ | и адна цыд^лка, како|вы писаны *от* меня | к Лессию в разные числа | *о* делах, касающихся до¹⁶ шес^тви^а | ея величества. |

17. Три пис(ь)ма ⁴изъ Новагорода⁴ *от* кн(я)з^ь Ва|силыа Гагарина ко мне, | адно 27 и 29 геньваря | да *о*евраля 4-го. |

18. Ответных от меня к нему, | Гагарин⁸, пять¹⁷ пи|семь¹⁸. |
19. Пис(ь)м[о]¹⁹ от архимандри|та неевского ко мне, | что послал по
указу | монаха² Герасима басиста. | Пис(ь)мо черное от меня | к
богоявленскому архи|маньдрит⁸, чтоб | ево, Герасима, держал | у себя
в монастыре | до пришествия ея | величества в Москв|ву. |
20. Черное пис(ь)мо, писанное | от меня к генералу | Мюних⁸ 5
февраля. |
21. Три²⁰ пис(ь)ма черные, ка|ковы писаны от меня | к генералу
маёору | Парошин⁸. |
22. Пис(ь)мо от Семена Давы|дова ко мне 30 ге|нваря, а от меня
к | нему черные два. |
23. Два⁴ пис(ь)ма черные, каковы | писаны от меня к | Федору
Полибин⁸ 29 ген|варя и 9 февраля. |
24. Два пис(ь)ма черные, ка|ковы я писал к | Ёлье Исаев⁸, одно |
26-го, а другое 30-го января. ||
25. Черное пис(ь)мо, каково | изволила писать | ее величество сь |
пяти к г(о)с(у)д(а)рине | цесаревне, да дру|гое к г(о)с(у)д(а)рине |
ц(а)р(и)це. |
26. Пис(ь)мо черное, каково | от меня писано о | входе ея вели-
чест|ва в Москв⁸, | а понеж⁸ имени во | оном неть х кому, | того для,
чаю, хь | кн(а)зю Дмитрею Ми|хаиловичю и хь | кн(а)зю Михаилу
Ми|хаиловичю Галицы|нымь. |
27. Доношение ее вели|честву, поданное²¹ | в пяти от Евсевья |
Иковлева. |
28. Экстрактъ о строении | при Риге дворцовъ. |
29. Доклад ее величест|ва Духова монаш|тыря архимандрита |
Серафима. ||
30. Описание, какъ быть | вход⁸ ея величест|тва в Москв⁸, | при-
слано ко мне во | Всесвяцкое от Ве|рховнаго совета.
31. Подлинной ея имп|раторскаго величест|ва указъ²² | исъ Пра-
вительств|вшаго Сената, | каторымъ повеле|но мне быть
г|бнатором в Сибири. |
32. Подлинное⁴ пис(ь)мо г(о)с(у)д(а)рини ц(а)ре|вны Екатерины |
Ивановны ко мне. |
- У подлиннаго припи|сано моею рукою | тако: | Все вышенаписан-
ные | тридцать два пис(ь)ма | въ одном обертке и | от|правлены за
мо|ею печатью. |
- Кн(а)зь Василей | Долгор|кой. | Ёюня 19 дня | 1730 году. ||

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 1734. Л. 347–350.

Примечания. ¹Слово зачеркнуто теми же чернилами ^{2, 2-2}Слово,
слова вписаны на поле ³Исправлено, в рукописи Танеев^{4, 4-4}Слово, сло-

ва вписаны над строкой ⁵Далее в строке зачеркнуто мн ⁶Далее в строке зачеркнуто 16–18 букв ⁷Далее в строке зачеркнуто изъ ⁸Далее в строке зачеркнуто Кърландиі ⁹Далее в строке зачеркнуто по ¹⁰Далее в строке вычеркнуто че|тырехъ ¹¹Далее зачеркнуто по ¹²Исправлено из каковъ; далее зачеркнуто посланъ изъ ¹³Далее зачеркнуто пис ¹⁴Далее зачеркнуто 28 ¹⁵Вписано над строкой вместо зачеркнутого шесть ¹⁶Далее зачеркнуто походъ ¹⁷Вписано над строкой вместо зачернутого четыре ¹⁸Далее зачеркнуто 19. Пис(ь)мо черное, каково ꙗ | писал къ архимандриту | невскому по ѡказъ еѧ || величества, чтобъ при|слал Герасима басиста ¹⁹Исправлено, в рукописи писмот ²⁰Исправлено из зачеркнутого два ²¹Далее зачеркнуто ѿт ²²Далее зачеркнуто к

№ 3

1730 г. июня [17]. Село Знаменское Керенского уезда. – Письмо кн. В.Л. Долгорукова его служителям М. Вериллову и А. Попову с распоряжением о выдаче документов, находящихся в его московском доме.

Маѡсимъ Верилловъ и | Алеѡсеи Поповъ. |

Какъ ꙗ был по ѡказъ их ѡмпера|торскихъ величествъ по|сыланъ в ѡно-
странныя г(осу)д(а)рствъ|ва для дель ихъ величествъ|въ, и тогда ¹ | дава-
ны мне пис(ь)ма | для техъ посылокъ изъ | Иностранной коллегии, а
имѧнно наказы ², инъс|трѡкциі, списки с грамот, | каторыя со мною
посыла|ны к королям и к темъ наро|домъ, такъже ѡказы, каторыя при-
сланы ко мне тѡда | из Ѣностранной калегии. |

С теми ж пис(ь)мами есть | ѡказы, каторыя писаны | все ³ его
ѡмпера|торского величества ⁴ | Петра Перваго собствъ|венною рѡкою, а
дрѡгие | тол(ь)ко за подписаниемъ | его величества рѡки. |

Такъже пис(ь)ма, каторыя | ꙗ, бѡдѡчи в техъ г(осу)д(а)рствѧх, | и
ѡттѡда писал к самому | его величеству в ка|бинетъ, такъже ⁵ и в Ѣно-
стран|ную коллегию и дрѡгѧ | пис(ь)ма, какіе ни есть, | каторыя над-
лежать | до дель г(о)с(у)д(а)ревыхъ. А какъ мне помнитца, | те пис(ь)ма
лежать въ | двѡхъ ⁶ сѡндѡках, въ одномъ сѡндѡке, || каторой зделанъ
ѡщикомъ, | дологъ и ѡзокъ, белои; в дрѡгомъ ⁷ сѡндѡке, каторой
при|везен ис Копеньгагина с пис(ь)мами. Тотъ сѡндѡкъ хѡдъ, | по-
мнитца ближе ко днѡ | или в половинѡ сѡндѡка | расколотъ гараздо, и
для того ѡвѧзыванъ былъ | веревками. И ежели покой|ница жена ⁸, хотѧ ⁵
те ⁹ сѡндѡки хѡды, | не переложила техъ пи|семъ в ѡныя какіе ¹⁰ сѡндѡки,
тогда какъ ꙗ | бывалъ въ посылках, и вы | техъ ¹¹ писемъ смо|трите в техъ
сѡндѡках ¹². | Ежели ж | жена переложила, спроси, | не знает ли кто,
кѡда | переложила, и тамъ ихъ ¹³ | ищи.

И каторые наиде|шь пис(ь)ма, писанные ѿ де|лах г(о)с(у)д(а)ревыхъ, скол(ь)ко | их ни бѹдетъ и какие | ѿни ни есть, хотя² | белые и черные, хотя | писаны моею рѹкою, | тол(ь)ко ѿ делах г(о)с(у)д(а)ревых, | кроме моих домашних¹⁴ | писемъ, все | их собрать, ⁶и не оставливаа | ис техъ писемъ въ доме моемъ ни одъ|ного⁶, ѿтдаи тому, | комѹ ѹказом ея імпера|торскаго величества || повелено бѹдетъ ѹ вас¹⁵ | принять. А каторые | наидѹтца в тех пис(ь)мах | писанньные пис(ь)ма¹⁶ | ѿ собственньных моих | нѹждахъ, и те собрать | в одно место, держи | в казенной.

Еще¹⁷ | присланы ко мне из Ынос|транной коллегии на Мос|кѹе пис(ь)ма для прочитаниа, а иманно | доношение подлинны⁶ ис Перси¹⁸ | ѿт генераловъ Леваше|ва и Рѹманцова, ѿт вса|кого из них по два | доношения, и при тех | пис(ь)мах приложены | дрѹгие пис(ь)ма.

Да кро|ме техъ доношеней | копия договорѹ, ѹчи|нень[но]го в Си-вили | между королями ѿран|цѹским, аглинским и ги|шпанским, ⁶тотъ даговоръ на | ѿранцѹском ѹзыке⁶. Те ⁵все трой⁵ пис(ь)ма¹⁹, | памятѹетьца мне, в разныхъ | трехъ²⁰ аберткахъ | болших и лежали²¹ | на Дашковом дво|ре въ спальной на | столе.

А какъ жена || на²² последняя | балезнь стала ѹже | гораздо тешна, и | тогда ѹ все пис(ь)ма | съ стола положил | в той же спальной | в паставецъ²³, | надъ каторымъ | стоаль богородицын | образъ. А какъ жена | скончалас(ь), тогда в печал²⁴и вскорости, все те | пис(ь)ма собравъ, самъ⁸ поло|жил в шкатѹлѹ или | в ларець, ⁶а во что, того по|длинно не ѹпомню⁶, и вынесъ въ | казеннѹю вместе | с дрѹгою поклажею. | И ты ищи техъ писемъ, а ѿособливо сма|три в долгомъ сѹндѹ|ке, ѹ каторого абит | верхъ кабановою | кожею съ шерстью. | Ежели тѹтъ нетъ, | ищи в ларцах и | шкатѹлахъ, каторые тогда были въ | казенной. И какъ сы-ще|шь, ѿтдаи их въ Ино|страннѹю калегию.

⁶А какъ пис(ь)ма²⁵, какие ни есть, по семѹ моемѹ пис(ь)му ѿтдашь, | и тогда беите челомъ тем, кто ѹ вас²⁶ бѹдетъ примать, чтоб | приказали вамъ²⁷ дат(ь) роспискѹ, а по нѹжде хотя запискѹ, | и приказали б²⁸ в ней написат(ь), скол(ь)ко каких писемъ ѹ вас³⁰ | примѹтъ. А пис(ь)мы все приискивай и ѿтдавай вместе | с Поповыми. И сие мое пис(ь)мо емѹ, Поповѹ, покажи, чтоб он | знал, что ему с тобою велено что де-лать.

ѹ подлиннаго припи|сано тако: | кн(я)зь В[асилии] Долгоруки⁶. ||

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 1734. Л. 351–352об.

Примечания: ¹Далее в строке зачеркнуто посланы ²Слово за-черкнуто теми же чернилами ³Далее зачеркнуто собственной ⁴Далее в строке зачеркнуто собственной рѹкою а ^{5, 5-5}Слово, слова вписаны над строкой ^{6, 6-6}Слово, слова вписано на поле ⁷Далее зачеркнуто гом

Публикации

⁸Далее зачеркнуто д либо для | того что ⁹В рукописи исправлено тех
¹⁰В слове какие буква и исправлена из а ¹¹Далее зачеркнуто их ¹²Далее
зачеркнуто и ка|торые ни на ¹³Далее зачеркнуто смотри ¹⁴Далее за-
черкнуто б букв ¹⁵В рукописи исправлено из ъ весь; далее зачеркнуто
ба ¹⁶Далее зачеркнуто о до ¹⁷Далее зачеркнуто присланы ¹⁸Далее за-
черкнуто от ге ¹⁹Далее зачеркнуто в разных ²⁰Вписано в строку вме-
сто зачеркнутого болших ²¹Далее зачеркнуто 3 буквы ²²Далее зачерк-
нуто бале ²³Далее зачеркнуто каторои | под ²⁴В слове печале вторая е
исправлена из в ²⁵Далее зачеркнуто к ²⁶Далее зачеркнуто ъа
²⁷Исправлено из тебе ²⁹Далее зачеркнуто на ³⁰Исправлено из зачеркну-
того ъ теба

Примечание

- ¹ Баранов П.И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве. СПб., 1875. Т. 2. С. 227.
- ² Биографию В.Л. Долгорукова см.: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Рязань, 2003; Корсикова В. Долгоруков (Долгорукий), князь Василий Лукич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 6. С. 511–522; Именной указатель / Сост. М.А. Новикова // Соловьев С.М. Соч.: В 18 т. / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1993. Т. 10. С. 724.
- ³ Курукин И.В. Указ. соч. С. 215; Новоселов В.Р. Описи оружия, конфискованного у князей Долгоруковых в 1730–1731 гг. // Международная юбилейная научная конференция, посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля. М., 2006. С. 50–52.
- ⁴ Дианова Т.В. Филиграния XVII–XVIII вв.: Герб города Амстердама. М., 1998. С. 4–8, 106, 163.
- ⁵ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. С. 41; Хорошкевич А.Л., Капитанов С.М. Методические рекомендации по изданию Литовской метрики. М., 1985. С. 45–46; Капитанов С.М. Актовая археография. М., 1998. С. 184–198.

ГЕРБЫ НА ПАМЯТНИКАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОПИСАНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация: в рекомендациях сформулированы основные требования по составлению комментированного описания гербов на надгробиях некрополей российских монастырей XVIII–XX вв.

Ключевые слова: герб, надгробие, некрополь, геральдика, методика преподавания.

К настоящему времени письменные источники русского гербоведения изучены лучше, чем вещественные. Это, однако, не обеспечивает исследователей исчерпывающим материалом для воссоздания всей истории русской дворянской геральдики. Кроме неполного по своему составу Общего гербовника, доступного только в опубликованных 10 частях, и изданного в 1913 г. Гербовника А.Т. Князева, представляющего подборку прорисовок печатей, наука не располагает другими крупными подборками дворянских гербов¹. По оценке В.К. Лукомского (1947 г.), в научный оборот введена лишь треть всего геральдического наследия². В связи с этим остается перспективным выявление и изучение дворянских гербов, представленных на памятниках материальной культуры. Неизбежные в ходе градостроительной и другой хозяйственной деятельности утраты этих источников делают их выявление и изучение актуальными в научном плане.

На геральдическое значение русского дворянского некрополя обратил внимание еще А.Б. Лакиер (1824–1870). В его работе, первом опыте систематизации и изучения отечественного гербового материала, в качестве источника привлекались гербы, обнаруженные автором в Александро-Невском монастыре (Кантакузенев, Ласкарисов, Багратионов)³.

В 1911 г. к составлению петербургского геральдического некрополя приступил В.К. Лукомский (1882–1946)⁴. Свой интерес к этой теме ученый сохранил на протяжении всей жизни. По должности директора Гербового музея он занимался описанием переданных туда в качестве экспонатов «надмогильных гербов и эпитафий, находившихся в свое время на кладбищах Александро-Невской лавры»⁵. Преподавая в Петроградском археологическом институте (1918–1922), Лукомский привлек к описанию геральдического некрополя студентов, для которых это стало практическим семинаром по геральдике⁶. К сожалению, все собранные материалы погибли при пожаре в блокадном Ленинграде.

Будучи профессором кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института, В.К. Лукомский продолжил эту работу – уже по материалу московских кладбищ. Хотя эта работа завершена не была⁷, она послужила основой, в частности, для составления Эмблематического гербовника. В него вошло несколько неутвержденных гербов, которые стали известны Лукомскому в ходе его собирательской и исследовательской деятельности. Эмблематический гербовник, единственное пособие «для усвоения категорий родовых гербов в целях точного определения принадлежности их отдельным феодальным родам русского дворянства», хранится в настоящее время на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ⁸.

Уникальная методика В.К. Лукомского была реализована в ходе ряда так называемых геральдических экспертиз, проведенных им по поручению музейных, архивных и других учреждений⁹.

Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин сохранила традиции преподавания геральдики в курсе вспомогательных исторических дисциплин в годы опалы этой «дворянской» науки¹⁰.

В 2005/2006 уч. г. практические занятия студентов по геральдике в форме описания и исследования гербов московского некрополя были возобновлены. К сожалению, на долю современного поколения достался лишь один более или менее сохранившийся московский комплекс – некрополь Донского монастыря.

«Полевые» исследования надгробий некрополя Донского монастыря предваряются лекциями, призванными ознакомить с историей Донского монастыря, складыванием его архитектурного ансамбля и некрополя.

* * *

«Немногие из тех, – писал Н.М. Карамзин, – которые провели большую часть жизни в Москве, смотрят равнодушно на Донской монастырь, ибо там главное кладбище дворянства и богатого купечества»¹¹.

Кладбище Донского монастыря считалось одним из самых аристократических в Москве. Высокая цена здешних участков ограничивала круг представленных фамилий исключительно состоятельными и знатными.

Предварительные наблюдения о связях родства и свойства между представленными в некрополе родами показывают, что его состав складывался не случайно. Захоронения XVIII в. относятся к семьям, родственным грузинскому царскому дому, в первую очередь через Милославских (род первой жены царевича Александра Арчиловича) и Долгоруковых (род жены царевича Георгия Вахтанговича). Уточнить и дополнить эти наблюдения должны дальнейшее изучение состава некрополя, выявление круга вкладчиков, реконструкция исторически сложившейся топографии захоронений.

Музейный статус некрополя Донского монастыря уберег его памятники от разрушения, постигшего другие московские монастырские и церковные комплексы в конце 1920–1930-х годов. Однако и в Донском монастыре не обошлось без утрат. Главнаука, заведовавшая историческими кладбищами Москвы, разрешила в 1924 г. разобрать на кирпич три «антихудожественные» часовни князей Голицыных у западных ворот монастыря¹². В 1929–1930 гг. музейные работники жаловались на систематическое разрушение памятников, утилизовавшихся местными жителями и учреждениями на камень и мрамор¹³. Тем не менее в настоящее время некрополь Донского монастыря представляет собой наиболее крупный и хорошо сохранившийся комплекс мемориальной скульптуры.

Самое раннее захоронение в Донском монастыре – царевича Александра Арчиловича (1711 г.). (Более ранние памятники были перенесены на территорию монастыря позднее. Последние к настоящему времени захоронения – генерала А.И. Деникина и философа И.А. Ильина, перезахороненных в некрополе Донского монастыря в 2005 г. В начале 2007 г. состоялось перезахоронение генерала В.О. Каппеля.) Почему в составе монастырского некрополя не сохранились надгробия XVII в., неизвестно. Монастырский летописец отмечает под 1600 г.: «...а в ограде погост для монахов и чернецов вокруг собора пресвятыя Богородице Донские»¹⁴. Е.В. Николаев предполагает, что ранние захоронения планомерно ликвидировались на протяжении XVIII в.: «Участки на кладбище



Рис. 1. Некрополь Донского монастыря (общий вид)

стали предметом спекуляции и практичные монахи могли срыть забытые и бедные могилы»¹⁵. Действительно, к середине XIX в. цены на кладбищенский участок в Донском монастыре достигли огромных по тем временам сумм – в две и даже три тысячи рублей. Однако у Е.В. Николаева было и другое предположение: «Скорее всего, эти надгробия ушли в землю». Это также возможно: при раскопках в Петербурге надгробия XVIII в. извлекают из влажного грунта с глубины до метра.

Захоронения XVIII–XIX вв. в Донском монастыре представляют все известные типы мемориальной скульптуры эпохи барокко и классицизма (см. Методические рекомендации, п. 2). Некрополь и в настоящее время производит на посетителей сильное впечатление своим масштабом и роскошью оформления. В прошлом кладбище выглядело еще богаче и ярче. Сейчас утрачено большинство сеней и оград, золоченых досок с эпитафиями, исчезли многие скульптуры и их фрагменты. По наблюдениям ряда авторов белый камень памятников XVIII в. изначально был ярко раскрашен и позолочен¹⁶. Остатки такой раскраски (герб, живописный портрет умершего) сохранило надгробие кн. Н.М. Черкасского (ум. в 1789 г.), перенесенное из Новоспасского монастыря в Михайловскую церковь¹⁷. Остались следы раскраски на надгробиях Д.В. Голицына, Е.П. Хованской, П.А. Елагина¹⁸.

Гербы с самого начала XVIII в. стали «излюбленным пластическим компонентом мемориального произведения... Семейный герб входит в композицию текстового и орнаментального оформления надгробия»¹⁹. Гербы служили общей задаче монумента: показать помимо христианского смирения погребенного и его родных знатность и древность рода. Но если художественное и социальное²⁰ значение гербов мемориальной скульптуры в научной лите-

ратуре раскрыто достаточно, то их паспортизирующие (позволяющие определить владельца, дату герба) свойства явно нуждаются в дальнейшем изучении. Часто памятники с хорошо сохранившимися гербами остаются «надгробиями неизвестных»²¹.

Как раз такие образцы мемориальной скульптуры представляют интерес в качестве материала, позволяющего освоить на практике методику «гербовой экспертизы». Идентифицированные памятники часто содержат ранние по сравнению с Общим гербовником варианты дворянских гербов, отличные в отдельных деталях от официального варианта. Попытка проследить эволюцию дворянских гербов, осмыслить происходившие изменения, связать их с изменением статуса владельца герба в рамках дворянской корпорации представляют собой интересную исследовательскую задачу.

Тематический план лекций

1. Донской монастырь в XVI–XX вв. (2 часа).
2. Архитектурный ансамбль Донского монастыря (2 часа).
3. Некрополь Донского монастыря (2 часа).

План семинарских занятий

Занятие 1 (2 часа).

Тема: Основные понятия геральдики. Составные части герба и терминология геральдики. Труды А.Б. Лакиера, В.К. Лукомского. Классификация дворянских гербов А.Б. Лакиера. Методика «гербовой экспертизы» В.К. Лукомского. «Эмблематический гербовник».

Вопросы:

1) Основы классификации русских дворянских гербов в работах А.Б. Лакиера.

2) Основные методические приемы «гербовой экспертизы» В.К. Лукомского.

3) Определение принадлежности предложенного для анализа герба тому или иному роду.

Задание к самостоятельной работе: Освоить терминологию описания гербов. Реконструировать алгоритм проведения «гербовой экспертизы» В.К. Лукомским:

«Герб, изображенный на ружье, состоит из четверчастного щита, в первом поле которого одноглавый орел, во втором – архангел, в третьем – рука, держащая стрелу, в четвертом – башня. Щит покрыт мантией и увенчан княжеской шапкой. Этот герб принад-

О.И. Хоруженко

лежит роду князей Долгоруких. Гербовый щит окружен, кроме того, цепью ордена Белого слона, наличие которого допускает возможность отнесения этого герба к князю Василию Лукичу Долгорукому»²².

Следует уяснить, каким образом сочетание земельных и «гласных» эмблем привело исследователя к выводу о принадлежности герба роду князей Долгоруковых (Долгоруких). Нужно попытаться определить, какие данные позволили В.К. Лукомскому уточнить свой вывод и отнести герб к кн. Василию Лукичу Долгорукову. Какого рода справочный материал потребовался при этом исследователю?

Занятие 2 (2 часа).

Тема: Гербы некрополя Донского монастыря.

Задание к «полевой» работе: Выбрать и графически зафиксировать (фото, зарисовка) герб на одном из памятников некрополя Донского монастыря для описания, идентификации и изучения.

Реквизит: Фотоаппарат (цифровая камера), рулетка, блокнот, ручка, карандаш, бумага формата А4 (2–4 листа).

Задание к самостоятельной работе: Составить комментированное описание герба.

Перед «полевой» стадией исследования следует ознакомиться с пп. 1–4 и 7–9 Методических рекомендаций по составлению комментированного описания герба; отметить вопросы, требующие разъяснения на «полевой» стадии. Предполагается самостоятельное исследование студента, задачей которого является определение, описание, изучение эволюции герба в его связи с историей рода. Итогом исследования должна стать письменная работа.

Методические рекомендации по составлению комментированного описания герба

Изучение студентами памятников некрополя Донского монастыря предполагает овладение исследовательскими навыками в области русской дворянской геральдики, генеалогии, биографики и просопографии.

Некрополь Донского монастыря рассматривается как целостный памятник. Уяснить логику его формирования невозможно без учета отношений (не всегда очевидных) родства и свойства представленных в нем дворянских родов. В составе некрополя – памятники разной сохранности. Это заставляет проводить работу по идентификации того или иного герба, овладевая методикой «гербовой экспертизы».

Исследование гербов на памятниках некрополя Донского монастыря включает в себя несколько последовательных этапов, ни один из которых не может быть произвольно опущен без ущерба для общего результата.

1. Локализация памятника на схеме участка.

Схема некрополя Донского монастыря прилагается (см. Приложение 2). На схеме отмечается местоположение исследуемого памятника; в качестве ориентиров используются постройки монастыря (храмы, стена и ее башни), дорожки.

В тексте описания необходимо указать ориентиры, позволяющие уточнить местоположение исследуемого памятника (стена и ее башни, храмы, дорожки, соседние захоронения, деревья) и примерные расстояния до них от памятника.

При уточнении ориентиров желательно воздерживаться от употребления понятий «левее», «справа» и т. п., оперируя указаниями на стороны света. Следует помнить, что алтарная часть храмов с внешней стороны, как правило, имеет выступающие полукруглые апсиды и ориентирована на восток.

Ряд памятников на территории некрополя Донского монастыря – экспонаты филиала Музея архитектуры им. А.В. Щусева, перенесенные из уничтоженных или перестроенных храмов и монастырей. Следует указать, из какого комплекса происходит исследуемый памятник.

Изначальную принадлежность памятника к тому или иному некрополю поможет определить работа В.И. Саитова и Б.Л. Модзалевского²³.

Пример: Волконская Софья Семеновна, княжна (21 июля 1747 г. – 28 мая 1769 г.)
Участок № 1; в 3 метрах от северной стены Малого собора, между дорожкой и чугунной надгробной плитой С.Ф. Волконского. Изначально Софья Семеновна была похоронена в Греческом Никольском монастыре. Позже захоронение было перенесено в с. Новоникольское Мышкинского у.*, а по другой версии – сразу в Донской монастырь**.

2. Определение разновидности памятника, его материала, состояния.

Необходимо попытаться определить тип памятника. Типология мемориальной скульптуры предложена в работе В.В. Ермонской,

* *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 693–697.

** *Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1. С. 228.

Г.Д. Нетупахиной и Т.Ф. Попова (см. список литературы). Различают каменные, чугунные или бронзовые плиты (вмонтированные в стены или установленные над местом погребения горизонтально), саркофаги (памятники в виде гроба), алтари (иначе – жертвенники, отличающиеся от саркофагов квадратным сечением объема по горизонтали), обелиски (квадратные в сечении памятники с лучеобразно расходящимися сверху вниз гранями), пирамиды (с более крутым наклоном плоскостей, чем у обелисков), колонны (цилиндрические столбы) и их фрагменты, урны (вазы – символические вместилища пепла). Наблюдаются также смешанные формы²⁴.

Необходимо указать имеющиеся утраты памятника и место их расположения на памятнике, современное состояние его поверхности («врос в землю», «покрыт мхом», «поверхность рыхлая, крошится»).

Пример: Надгробие – чугунная плита, на каменном основании. Часть плиты подвержена небольшой коррозии, нижний правый угол порос мхом, что затрудняет чтение эпитафии.

3. Расположение герба на памятнике, его размеры.

Указывается положение герба на поверхности памятника по отношению к сторонам света (см. п. 1 настоящих рекомендаций).

Размеры герба указываются в сантиметрах. Если нет уверенности в том, входит ли тот или иной элемент декора в геральдическую композицию, размеры приводятся для гербового щита. Первой цифрой указывается размер по вертикали, второй – по горизонтали.

Пример: Герб над эпитафией в верхней (западной) части плиты. Размеры герба по мантии: 27x21.

4. Фамилия, имя, отчество, даты жизни владельца герба.

Устанавливаются либо из эпитафии, либо, при ее отсутствии, – в ходе самостоятельного исследования.

Пример:

Виждь, смертный человеце, зде мимо ходящий,
Виждь прахъ моего тела, прахъ костей лежащий.
Аще хочешь имя и родъ мой познати,
Изволь сию слезную надпись прочитати:
Есмь Гаврииль Иосифовъ именемъ названный,
Родомъ звахся Окуньковъ сынъ именованный.

Рангъ имель секретарский, заслужилъ въ Сенате,
Но ныне водворихся въ сей темной палате,
Поживъ семьдесятъ осмь летъ, три месяца въ свете,
Скончался 30-го мая 1735-мъ лете.
Но молю всехъ васъ грешна меня поминати,
Въ памяти незабвенной всегда содержати.
(*Мартынов А.А.* Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. 2. № 7–8. С. 387)
Окуньков Гавриил Иосифович (март 1657 г. – 30 мая 1735 г.), секретарь Правительствующего Сената.

5. Краткая генеалогическая справка о роде.

Составляется на основании справочной литературы (см. список рекомендованной литературы). Особое внимание следует обратить на происхождение и начальную историю рода, родословную легенду. Как правило, они находят свое отражение в гербах.

При составлении генеалогической справки следует избегать избыточных сведений об однофамильцах. Дворянские роды, представленные некрополем Донского монастыря, принадлежат, как правило, московскому дворянству и были внесены в родословную книгу Московской губернии. Обычно этот факт отмечается в справочной литературе.

Пример: Княжеский род Волконских происходит от черниговского князя Святослава Ярославича, сына киевского князя Ярослава Владимировича. Это давало право Волконским на использование черниговской символики: черный орел на золотом фоне; и киевской: архангел Михаил*.

6. Краткая биографическая справка о владельце герба.

Составляется на основании справочной литературы (Русский биографический словарь и др.). Здесь следует обратить внимание на сферу деятельности владельца герба, на сведения о его военных (придворных, статских) чинах, наградах. Эти данные помогут объяснить отдельные атрибуты герба.

7. Фиксация и воспроизведение герба.

Фиксация герба производится средствами цифровой или аналоговой фотосъемки.

Фотографирование предпочтительней производить на цифровую камеру, позволяющую быстро и качественно получать снимки.

* *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 235–236.

Если такая возможность отсутствует, герб фиксируется при помощи обычной фотокамеры или зарисовывается. Рекомендуется снять общий вид памятника, отдельно – герб, эпитафию, при необходимости – детали герба.

В отдельных случаях кроме фотографий целесообразно сделать и зарисовку герба. Повреждения поверхности, пятно мха или лишайника, тень от дерева или строения и т. п. могут исказить герб на фотографии и повлиять на дальнейший анализ изображения.

Если герб нанесен не на плоскую, а на цилиндрическую поверхность (колонна), фотография не сможет передать его рисунок без искажений. В этом случае можно сделать несколько снимков с разных ракурсов для последующей обработки на компьютере либо просто сделать оттиск с герба при помощи карандаша и бумаги.

Воспроизведение герба прилагается к работе в качестве иллюстрации.

8. Текстовое описание герба.

Текстовое описание герба необходимо для овладения геральдической терминологией, правильной интерпретации полученного изображения герба, определения тех его составных частей, которые подлежат геральдическому комментированию.

Рабочий вариант описания герба рекомендуется сделать непосредственно «в поле». Это поможет при анализе изображения (см. п. 7 настоящих рекомендаций).

В ряде работ геральдическая терминология значительно варьируется. Так, по А.Б. Лакиеру, гербовый щит, разделенный вертикальной чертой, следует называть «разбитым», а горизонтальной – «рассеченным»²⁵. Анонимный автор в 1902 г., напротив, считал, что щит, разделенный вертикально, следует называть «рассеченным», а горизонтально – «разбитым»²⁶. Рекомендуется не увлекаться «тайным языком» герольдов в ущерб понятности и точности.

Пример:

Ученый. В таком случае, ваше величество, я начну блазонировать.

Король. А? Чего ты начнешь?

Ученый. Блазонировать!

Король. Я запрещаю! Что это еще за гадость! Что значит это слово?

Ученый. Но блазонировать, ваше величество, – это значит описывать герб!

Король. Так и говорите!

Ученый. Я блазонирую. Герб принцессы. В золотом, усеянном червлеными сердцами щите, три коронованные лазоревые куропатки, обремененные леопардом.

Король. Как, как? Обремененные?

Ученый. Да, ваше величество...

Король. Не нравится мне это.

(Евгений Шварц. Голый король)

Основные составляющие части герба: щит (в своей явной форме – рыцарского оборонительного оружия или вписанный в иные формы: картуш, звезда ордена, орденская цепь и т. д.), шлем, корона, нашлемник, мантия (преимущественно в княжеских гербах), намет, щитодержатели, девиз²⁷, арматура (трофеи – знамена, холодное и огнестрельное оружие, барабаны и т. п.), ордена. Порядок описания герба – от наиболее значимых составляющих к второстепенным. Поля в сложных (разделенных) щитах описываются исходя из преимущества верхней части над нижней и геральдически правой (левой для зрителя) части над левой. Таким образом, в щите, разделенном на четыре части по горизонтали и вертикали, описывается сначала верхнее, геральдически правое поле, затем последовательно верхнее левое, нижнее правое и нижнее левое. Исключение из такого порядка составляют гербы, в которых фигуры дублируются в разных полях.

Пример: ...щит, разделенный на четыре части. В первой и четвертой частях щита – ангел, вооруженный мечом; во второй и третьей – орел с распростертыми крыльями.

9. Воспроизведение текста эпитафии.

Текст эпитафии воспроизводится для идентификации памятника и владельца герба.

Текст эпитафии рекомендуется транскрибировать непосредственно «в поле», с тем, чтобы затем только сверить его с фотографией.

Текст воспроизводится по принципу побуквенной передачи, встречающиеся сокращения восстанавливаются до полной формы. Восстановленные буквы помещаются в круглые скобки. Вышедшие из употребления буквы заменяются их современными эквивалентами. Знаки препинания расставляются в соответствии с современными правилами пунктуации. Окончание строки отмечается одной вертикальной чертой. Окончание текста на одной поверхности памятника и его продолжение на другой поверхности отмечается двумя вертикальными чертами. Расположение поверхности относительно сторон света указывается курсивом в круглых скобках (юж., сев., зап., вост.).

Пример: «Генерала-аншефа и ковалера кн(я)зь | Семена Федоровича Волконскаго | родилась дочь ево девица княжна | Софья Семеновна в тысяща семьсот | сорокь седьмомь году месеца июля | два(д)цат(ь) первое число, а тезоименитство | ее месеца сентивря седьмое на десить | число, а скончалась она тысяща | седьсот шездесят девятаго го|ду месеца маия двадцет осьмое | число пополудни в осмомь часу. | Итого жития ее было дватцет(ь) одинь | годь десить мес(а)цов семь дне(й), | а погребено тело ее в Греческомь | Николскомь монастыре в нижь|ней болшой церкви на правой ста|роне под сею таблицею». ||

При плохой сохранности текста эпитафия воспроизводится (с соответствующими библиографическими ссылками) по изданиям: *Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. СПб., 1907–1908. 3 т.; *Максимович Л.М.* Путеводитель по древностям и достопамяностям московским. М., 1792. Т. 4. Текст эпитафии воспроизводится с указанием существующих на сегодня утрат и неразобранных мест.

10. Геральдический комментарий.

10.1. Если состояние памятника не требует установления принадлежности герба тому или иному роду, изображение сопоставляется с утвержденным вариантом герба и, при его наличии, – с неутвержденным вариантом.

С утвержденными вариантами гербов можно ознакомиться по печатному или электронному изданию Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. Неутвержденные варианты представлены в Гербовнике А.Т. Князева²⁸.

Выявляются отличия, выдвигаются предположения об их возможном значении. (см. приложение 1).

10.2. Установление принадлежности герба тому или иному роду.

В качестве основного справочника используются Эмблематический гербовник В.К. Лукомского и монография А.Б. Лакиера²⁹.

Как правило, определение герба потомка Рюрика или Гедимина не вызывает трудностей. Сочетание «удельных» и «гласных» эмблем должно указать на определенный княжеский род.

По иллюстрациям, помещенным в работах Лукомского и Лакиера, можно определить гербы польского происхождения. А.Б. Лакиер, повествуя о польских гербах, указывает русские дворянские роды, усвоившие тот или иной польский герб. Как правило, это несколько родов.

Список дворянских родов, пользовавшихся данным польским гербом, следует сопоставить с данными о составе некрополя

Донского монастыря, имеющимися в некрополеведческой литературе.

Найденные совпадения следует проверить по Общему гербовнику, гербовнику А.Т. Князева, топографическим указаниям некрополеведческой литературы.

11. Библиографические ссылки на использованные источники и литературу приводятся в соответствии с действующими стандартами.

12. Ссылка на интернет-ресурсы при подготовке генеалогической и биографической справок нежелательна.

Представленные в настоящее время в Интернете биографические справочники воспроизводят, главным образом, статьи из Энциклопедического словаря, издававшегося Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном. При всей солидности этого издания оно не отражает достижения исторической науки за последнее столетие. К тому же соответствующие интернет-ресурсы, как правило, не содержат сведения об авторах публикуемых статей, опускают пристатейную библиографию. Кроме того, статьи из энциклопедий и справочных изданий часто воспроизводятся в Интернете в сокращенном виде, и это никак не оговаривается. В результате исследование выпадает из историографического контекста. В связи с этим обращение к печатным справочникам наряду с электронными представляется обязательным.

13. Ссылка на интернет-ресурсы при составлении геральдического комментария возможна.

В отечественных книгохранилищах европейские гербовники представлены неудовлетворительно. Между тем обращение к этой литературе часто бывает необходимым.

Пример: Заимствование Шестаковыми польской эмблемы Łabędź объясняется тем, что в Польше существовал пользовавшийся этим гербом род Szostakowsky*. Его отраслю, вероятно, и желали видеть себя Шестаковы. Тем самым герб зафиксировал родословную легенду.

* Serwis heraldyczny Ośrodka Dokumentacji Wychodźstwa Polskiego w Pułtusku [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., б. д.]. URL: <http://www.herby.com.pl/herby>, свободный; Genealogia dynastyczna / Ryszard Jurzak [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., cop 1997–2006]. URL: <http://genealog.home.pl/gd/szablony/herb.php?lang=pl&id=0054>, свободный.

14. Интерпретация изображений.

Объясняется наличие на гербе той или иной эмблемы («гласная» эмблема, герб удела предков, герб созвучной польской фамилии и т. д.).

Следует избегать трактовки фигур герба как символов абстрактных понятий. Убедительно связать такие понятия с историей конкретного дворянского рода невозможно. Ниже – пример подобного неудачного толкования.

Пример: Лебедь на гербе Шестаковых – символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, благородства, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства*.

15. Порядок изложения результатов исследования.

Предполагается, что изложение результатов исследования будет состоять из двух основных частей: описательной и исследовательской. Описательная часть должна включать: заголовок работы, фамилию, имя, отчество и даты жизни владельца герба, локализацию памятника в пределах некрополя, сведения об изначальном местонахождении захоронения, тип надгробия, сведения о повреждениях и утратах, публикацию эпитафии, сведения об упоминаниях памятника в литературе, биографические сведения о владельце герба, сведения о расположении и размерах герба, публикацию изображения герба и общего вида памятника, описание герба. Исследовательская часть работы включает генеалогическую справку о роде, объяснение символики герба, анализ расхождений с иными известными по литературе вариантами герба.

В качестве примера в Приложении 1 помещена одна из студенческих работ 2005/2006 уч. г.

Приложение 1

Герб на надгробии кнж. С.С. Волконской

Волконская Софья Семеновна, княжна
(21 июля 1747 г. – 28 мая 1769 г.)

Участок № 1; в трех метрах от северной стены Малого собора, рядом с могилой князя Семена Федоровича Волконского. Изначально Софья Семеновна была похоронена в Греческом Никольском монастыре. Позже захоронение было перенесено в с. Новони-

* Лебедь. Символы. Новый акрополь [Электронный ресурс] / Новый Акрополь. Электрон. дан. [Б. м., cop 2003]. URL: <http://newacropolis.org.ua/ru/symbol/lebedy.htm>, свободный.

кольское Мышкинского у. (*Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 693–697), а по другой версии сразу в Донской монастырь (*Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1. С. 228).

Надгробие – чугунная плита, на каменном основании. Часть плиты подвержена небольшой коррозии, нижний правый угол порос мхом, что затрудняет чтение эпитафии:

«Генерала-аншефа и ковалера кн(я)зь | Семена Федоровича Волконскаго | родилась дочь ево девица княжна | Софья Семеновна в тысеца семьсотъ | сорокъ седьмомъ году месеца июля | два(д)цат(ь) первое число, а тезоименитство | ее месеца сентивря седьмое на десить | число, а скончалась она тысеца | седьсот шездесят девятаго году месеца мая двадцет осьмое | число пополудни в осмомъ часу. | Итого жития ее было дватцет(ь) одинь | годъ десить мес(а)цов семь дне(й), | а погребено тело ее в Греческомъ | Николскомъ монастыре в нижь|ней болшой церкви на правой староне под сею таблицею». ||

Упом.: *Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1. С. 228.

Софья Семеновна, дочь генерала Семена Федоровича Волконского и сестра члена Государственного совета Григория Семеновича Волконского. Умерла от падения с лошади (*Волконская Е.Г.* Указ. соч. С. 693–697).

Герб над эпитафией в верхней (западной) части плиты. Размеры герба по мантии: 27x21.



Рис. 1. Общий вид плиты



Рис. 2. Герб

На мантии, увенчанной княжеской короной, расположен круглый щит, разделенный на четыре части. В первой и четвертой частях щита – ангел, вооруженный мечом; во второй и третьей – орел с распростертыми крыльями.

Княжеский род Волконских происходит от черниговского князя Святослава Ярославича, сына киевского князя Ярослава Владимировича. Это давало право Волконским на использование черниговской символики: черный орел на золотом фоне; и киевской: архангел Михаил (*Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 235–236).

Композиционно герб отличается от герба, утвержденного в составе Общего гербовника 1798 г. (Общий гербовник. Т. 3. № 1): двучастного щита с киевским архангелом в первом поле и черниговским орлом во втором. По гербовнику А.Т. Князева 1785 г. было известно пять гербовых печатей. Две из них приписаны Волконским ошибочно. Как установил С.Н. Тройницкий, одна из них – шведская баронская, другая – представителя дворянского рода Масловых. Другие две печати содержат только черниговскую эмблему, а последняя – уже и киевскую, помещенную во втором поле (Гербовник А.Т. Князева. С. 26–27. № 72–76).

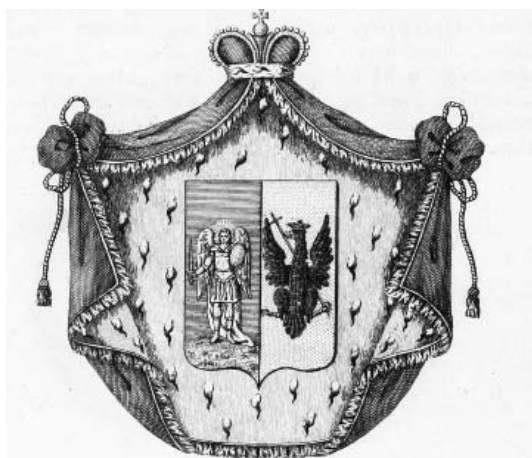


Рис. 3. Герб Волконских в Общем гербовнике

Такую вариативность в композиции герба князей Волконских, свойственную источникам второй половины XVIII в., следует объяснить нерешенностью вопроса о старшинстве этого рода среди других потомков черниговских князей.



Рис. 4. Печати Волконских в гербовнике Князева

Как отмечал А.Б. Лакиер, «особенного внимания заслуживает место, которое предоставлено родовому знамени, а именно: у старших поколений оно занимает или все поле щита, или средний щиток в гербе, затем у последующих поколений оно помещается в первой, второй части и нередко повторяется накрест» (Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 232). Однако с конца XVII в. вопрос о старшинстве Волконских решен не был. Волконские настаивали на своем происхождении от старшего сына князя Юрия Михайловича Тарусского Ивана Толстой Головы. Эту версию в 1688 г. опротестовали князья Репнины, Щербатовы и Лыковы. В результате родословная роспись князей Волконских в Бархатную книгу не вошла (Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 116–118).

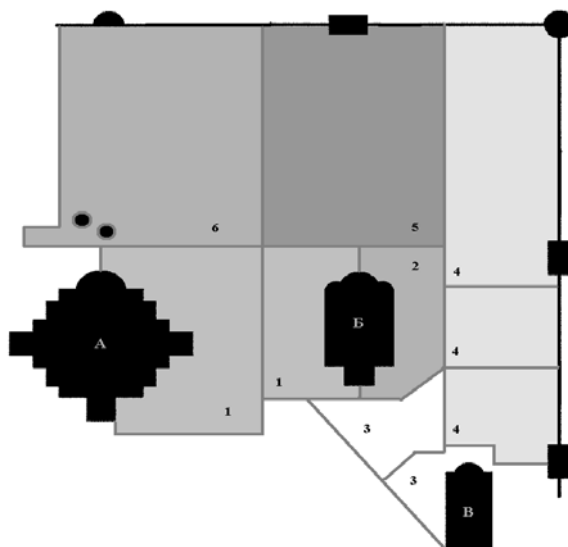
У Волконских, как уже было сказано, были известны два типа гербов. В первом случае, когда род использовал гербовую печать только с одной эмблемой черниговского княжества, он выступал старшим среди других черниговских князей: следовательно, в то время Волконские считали себя старшими. Принятие в свою гербовую печать еще и эмблемы киевских князей (второй тип) было отступлением на шаг назад в декларации права на старшинство.

Герб на плите С.С. Волконской представляет собой третий тип, неизвестный по опубликованным гербовникам. Следуя наблюдениям А.Б. Лакиера, четырехпольное деление гербового щита показывает, что род Волконских в это время отступил еще дальше в своих претензиях на первенство среди остальных черниговских родов.

Д.И.Алексеева

Схема некрополя Донского монастыря

Предлагаемая схема позволяет еще «в поле» отметить расположение исследуемого памятника.



Условные обозначения:

А. Большой собор.

Б. Малый собор.

В. ц. Михаила Архангела.

1, 2, 3, 4, 5, 6 – номера участков некрополя.

Линиями на схеме обозначены дорожки.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1. *Аренкова Ю.И.* Донской монастырь : [фотоальб.] / Ю.И. Аренкова, Г.И. Мехова ; фото исп. А. Александровым. – М. : Искусство, 1970. – 160 с. : ил.

2. [Максимович Л.М.] Путеводитель к древностям и достопамятностям московским... С надписей и из других достоверных источников собранный

и для удобнейшего оных приискивания азбучною росписью умноженный. – М. : Б. и., 1792–1793. – 4 ч.

3. *Мартынов А.А.* Надгробная летопись Москвы / А.А. Мартынов // Русский архив. – 1885. – Февр. – С. 279–284 ; Март. – С. 409–413 ; Май. – С. 549–554.

4. Московский некрополь Новодевичьего: худож. надгробия деятелям культуры и искусства : альбом / вступ. ст. и сост. текста Е. Данилова. – М. : Б. и., б. г. – 239 с. : ил.

5. Некрополь Донского монастыря / авт.-сост. : С.В. Гераскин, А.Н. Луппол ; Гос. науч.-исслед. муз. архитектуры им А.В. Щусева. – М. : ГНИМА, 1986. – 27 с. : ил.

6. *Орлов А.А.* Надгробные надписи, собранные Александром Орловым из всех монастырей и со всех кладбищ московских / Александр Орлов. – М. : Б. и., 1834. – 20 с.

7. Русская стихотворная эпитафия: сборник / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.И. Николаева, Т.С. Царьковой. – СПб. : Акад. проект, 1998. – 715 с.

II. Литература

8. Анофриев В.И. Могилы русских писателей [на Донском монастыре] / В.И. Анофриев // Русские ведомости. – 1895. – № 209. 31 июля. – С. 2–3.

9. Аренкова Ю.И. Донской монастырь: ист.-архит. очерк / Ю.И. Аренкова, Г.И. Мехова ; науч. ред. В.И. Балдин. – М. : Сов. Россия, 1971. – 32 с. : ил.

10. Артамонов М.Д. Московский некрополь / М.Д. Артамонов. – М. : Столица, 1995. – 432 с. : ил.

11. Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие : белокам. плиты Москвы и Сев.-Вост. Руси XIII–XVII вв. / Л.А. Беляев. – М. : МОДУС-ГРАФФИТИ, 1996. – 567 с. : ил.

12. Донской монастырь (Метод. рекомендации к экскурсии) / подгот. М.Ш. Погосбекян. – М. : Б. и., 1988. – 29 с. – (В помощь гидам-переводчикам)

13. *Ермонская В.В.* Русская мемориальная скульптура : к истории худож. надгробия в России XI – начала XX в. / В.В. Ермонская, Г.Д. Нетунахина, Т.Ф. Попова. – М. : Искусство, 1978. – 311 с. : ил.

14. *Забелин И.Е.* Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря / сост. И.Е. Забелин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Б. и., 1893. – 198 с. : ил.

15. *Каменцева Е.И.* Русская сфрагистика и геральдика : учеб. пособие / Е.И. Каменцева, Н.В. Устюгов. – Изд. 2-е, доп. – М. : Высш. шк., 1974. – 264 с. : ил.

О.И. Хоруженко

16. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика / А.Б. Лакиер ; подгот. текста и послесл. Н.А. Соболевой. – М. : Книга, 1990. – 399 с. : ил. – (Ист.-лит. арх. Исследования. Документы)

17. Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана : материалы науч.-практ. конф. / редкол. : Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др. – М. : НИИК, 1991. – 199 с. : ил.

18. Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана : материалы науч.-практ. конф., 31 марта – 1 апр. 1994 г. / редкол. : Иванова Л.В. и др. – М. : Мосгорархив, 1996. – 167 с. : ил.

19. Московский Новодевичий некрополь, 1904–2004 / редкол. : А. Перверзев, Л. Семенова, А. Айтматова. – М. : Известия, 2005. – 287 с. : ил. – (Некрополи Москвы)

20. *Николаев Е.В.* Классическая Москва / Е.В. Николаев. – М. : Стройиздат, 1975. – 263 с. : ил.

21. *Паламарчук П.Г.* Сорок сороков : краткая иллюстрированная история всех московских храмов / П.Г. Паламарчук. – М. : Книга и бизнес, 1992. – Т. 1 : Кремль и монастыри. – 416 с. : ил.

22. *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля / Т.Д. Панова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Гос. ист.-культур. муз.-заповед. «Моск. Кремль», 2003. – 71 с. : ил.

23. *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков / Т.Д. Панова. – М. : Радунница, 2004. – 181 с. : ил.

24. *Розанов Н.* О московских городских кладбищах / Н. Розанов // Исторический вестник. – 1906. – Т. 104. – С. 836.

25. *Саладин А.Т.* Очерки истории московских кладбищ / А.Т. Саладин ; послесл. С.О. Шмидта ; коммент. С.Ю. Шокарева. – М. : Кн. сад, 1997. – 347 с. : ил. – (Б-ка «История Москвы с древнейших времен до наших дней»)

26. *Турчин В.С.* Художественная ценность надгробий Донского монастыря / В.С. Турчин // Донской монастырь : история и современность : сб. науч. тр. – М. : ГНИМА, 1996. – С. 20–25.

27. *Царькова Т.С.* Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика / Т.С. Царькова. – СПб. : БЛИЦ, 1999. – 200 с.

28. *Чекунова А.Е.* Владения Донского монастыря в конце XVII в. / А.Е. Чекунова // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. : очерки по ист. географии XVII в. / редкол. : Л.Г. Бескровный (отв. ред.), Я.Е. Водарский. – М. : ИИ, 1974. – С. 308–311.

29. *Чекунова А.Е.* Поселения и землепользование в вотчинах Донского монастыря (последняя четверть XVII – первая четверть XVIII в.) / А.Е. Чекунова // Особенности Российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. : тез. докл. и сообщ. XXVI сес. Симп. по аграр. истории

Вост. Европы, Тамбов, 15–18 сент. 1998 г. / редкол. : Л.В. Милов (отв. ред.) и др. – М. : ИРИ, 1998. – С. 39–41.

30. *Шокарев С.Ю.* Русский средневековый некрополь XIV–XVII веков. На материале Москвы / С.Ю. Шокарев // *Культура памяти : сб. науч. ст. / сост. А.В. Святославский.* – М. : Древлехранилище, 2003. – С. 141–187.

31. *Шокарев С.Ю.* Московский некрополь XV – начала XX вв. как социокультурное явление (источниковедческий аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Шокарев Сергей Юрьевич. – М. : РГГУ, 2000. – 25 с.

III. Справочные и информационные издания

32. *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII веков / В.Б. Гиршберг // *Нумизматика и эпиграфика : сборник / АН СССР, Ин-т археол.* – М. : Изд-во АН СССР, 1960–1962. – Вып. 1, 3.

33. *Герои Отечественной войны 1812 года : путеводитель по некрополю Донского монастыря [г. Москва] / сост. и авт. вступ. ст. А.Н. Луппол.* – М. : Б. и., 1988. – 28 с. : ил.

34. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева : крат. путеводитель / М.И. Аруин и др. – М. : Моск. рабочий, 1988. – 157 с. : ил.

35. *Дрбоглав Д.А.* Камни рассказывают... : эпигр. латин. памятники, XV – первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань) / Д.А. Дрбоглав. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 80 с. : ил.

36. *Московский некрополь : кат. кн.-ил. выст. / сост. Аслапова Г.В.* – М. : ГПИБ, 1990. – 19 с.

37. *Русский биографический словарь : изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева.* – Репр. воспр. – М. : Аспект Пресс, 1991–2001. – 25 т.

38. *Русский биографический словарь : неопubl. материалы : в 8 т. / подгот. под набл. М.П. Лепехина.* – М. : Аспект Пресс, 1997–2001. – 5 т.

39. [*Саитов В.И.*] *Московский некрополь / В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский.* – СПб. : Б. и., 1907–1908. – 3 т.

40. *Фрагменты архитектурных сооружений и садово-парковая скульптура (путеводитель по экспозиции) / авт.-сост. С.В. Гераскин.* – М. : ГНИМА, 1986. – 11 с. : ил.

41. *Энциклопедический словарь / изд. акционерным издательским о-вом Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон.* – СПб. : Б. и., 1890–1907. – 82 т.

- 1 Обзор российских гербовников см.: Наумов О.Н. Актуальные проблемы изучения отечественных гербовников // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и новейшее время: Сб. ст. в честь чл.-кор. РАН С.М. Каштанова. Ростов, 2003. С. 283–302.
- 2 *Лукомский В.К.* Герб как исторический источник // Борисов (Ильин) И.В. В.К. Лукомский. Неизвестные работы. М., 2002. С. 142.
- 3 *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 317, 327.
- 4 *Каменцева Е.И., Наумов О.Н.* В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность: Биобиблигр. указ. М., 1993. С. 15.
- 5 *Суханова О.П.* Материалы Гербового музея (обзор) // Геральдика. Материалы и исслед.: Сб. науч. тр. Л., 1987. С. 120.
- 6 *Пашков А.М.* В.К. Лукомский и Археологический институт Там же. С. 19.
- 7 *Каменцева Е.И., Наумов О.Н.* Указ. соч. С. 17.
- 8 «Эмблематический гербовник» В.К. Лукомского / [Публ. И.В. Борисова] // Геральдика. Материалы и исслед. С. 131–168.
- 9 *Борисов (Ильин) И.В.* Родовые гербы России. М., 1997. С. 102–121; *Лукомский В.К.* Герб как исторический источник // Борисов (Ильин) И.В. В.К. Лукомский. Неизвестные работы. С. 131–143.
- 10 *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963; *Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г. М., 1994; Вспомогательные исторические дисциплины: Учеб.-метод. модуль / Под ред. В.А. Муравьева. М., 2004; Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. М., 2006.*
- 11 *Карамзин Н.М.* Записка о московских достопамятностях // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избр. проза / Сост. В.Б. Муравьев. М., 1986. С. 316–317.
- 12 *Козлов В.Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–1930-е гг.) // Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 55.
- 13 Там же.
- 14 *Соловьев К.А.* Донской монастырь как культурно-просветительский центр XVII–XX вв. и его экономико-геополитические связи // Донской монастырь: история и современность: Сб. науч. тр. М., 1996. С. 46.
- 15 *Николаев Е.В.* Классическая Москва. М., 1975. С. 85.
- 16 *Аренкова Ю.И., Мехова Г.И.* Донской монастырь: Ист.-архитект. очерк / Науч. ред. В.И. Балдин. М., 1971. С. 20.
- 17 *Николаев Е.В.* Указ. соч. С. 96, 255.
- 18 *Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.* Русская мемориальная скульптура: К истории художественного надгробия в России XI – начала XX в. М., 1978. С. 58–59, 62.

Гербы на памятниках материальной культуры...

- 19 Там же. С. 55.
- 20 *Шмидт С.О.* Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь... С. 14.
- 21 *Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.* Указ. соч. Ил. 30.
- 22 *Борисов (Ильин) И.В.* Родовые гербы России. С. 114.
- 23 *Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. СПб.: М.М. Стасюлевич, 1907–1908. Т. 1–3.
- 24 *Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.* Указ. соч. С. 52–63.
- 25 *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 30.
- 26 Геральдика // Коллекционер: Иллюстрированный журн. для собирателей. Псков, 1902. Июль. С. 43.
- 27 *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч.
- 28 Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 г. / Изд. С.Н. Троицкий. СПб., 1912.
- 29 «Эмблематический гербовник» В.К. Лукомского // Геральдика. Материалы и исслед. С. 131–168; *Лакиер А.Б.* Указ. соч.

Критика и библиография

С.Г. Веригин

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анализируются опубликованные и архивные документы. Рассекреченные архивные документы из фондов архива УФСБ РФ по РК и архива МВД РФ по РК позволили приступить к освещению ранее закрытых вопросов истории Второй мировой войны в Карелии: сущность финского оккупационного режима на территории Карелии в 1941–1944 гг.; деятельность 4-го отдела НКВД–НКГБ КФСР по развертыванию диверсионно-разведывательной деятельности в тылу финских войск в 1941–1944 гг., коллаборационизм на территории оккупированной Карелии, социально-экономическое развитие оккупированных районов Карелии в 1941–1944 гг. и др.

Ключевые слова: документы, архивные источники, история, Карелия, Вторая мировая война.

Изучение истории Второй мировой войны, включающей как составную часть Великую Отечественную войну, продолжает относиться к числу актуальных проблем исторической науки. Для исследования военно-политической и социально-экономической истории Карелии периода Второй мировой войны к настоящему времени сформирована обширная источниковая база. Ее основой является широкий круг как опубликованных, так и архивных российских (советских) и финляндских источников, требующих корректного и критического источниковедческого анализа.

Со второй половины 1940-х до середины 1980-х годов в основном издавались документы по истории Великой Отечественной войны в Карелии. События советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг. и межвоенного периода были слабо отражены в отечественных опубликованных источниках и мемуарах.

© Веригин С.Г., 2010

Это было вызвано прежде всего тем, что в обстановке складывавшихся после окончания Второй мировой войны дружественных советско-финляндских отношений существовало стремление не затрагивать негативные страницы прошлого, к числу которых относилась и Зимняя война 1939–1940 гг. Из-за этого до середины 1980-х годов исследователям были недоступны основные документы, связанные с событиями войны.

Основу источниковой базы истории Карелии периода Великой Отечественной войны, сложившейся к середине 1980-х годов, составили опубликованные документальные сборники¹, воспоминания военных², партийных и государственных деятелей³, мемуары ветеранов Карельского фронта и партизанского движения⁴.

Особый интерес представляют воспоминания активных участников и организаторов народной борьбы в тылу врага. Наряду с описанием боевых действий в них предпринимались попытки проанализировать события, выявить этапы борьбы во вражеском тылу, определить закономерности и особенности этой борьбы в условиях Севера⁵. С другой стороны, большинство мемуаров советского времени неизбежно несло на себе отпечатки определенной идеологизированности. Партийно-государственная цензура принуждала авторов изображать только положительные победоносные стороны партизанского движения, опуская при этом тяжелые и трагические стороны партизанской войны на Севере. Это неизбежно приводило не только к возникновению научной цензуры, но и к появлению самоцензуры, что проявлялось и у авторов научных работ, и у самих ветеранов, пишущих мемуары.

Новый этап в развитии документальной базы истории Карелии периода Второй мировой войны наступил с началом перестройки в СССР – с середины 1980-х годов, когда в стране были открыты целые пласты новых архивных источников, которые позволили осветить многие неизвестные ранее страницы военной истории. Следует подчеркнуть, что речь идет не о новых поступлениях документов в архивы России и Карелии, а об источниках, которые длительное время были на секретном хранении, а в настоящее время открыты для исследователей. Значительная часть такого рода документов была опубликована в 1990-е – начале 2000-х годов.

Среди них прежде всего необходимо отметить документальный сборник «По обе стороны Карельского фронта»⁶, куда вошли 368 документов из архивов России и Финляндии об основных событиях на Карельском фронте в 1941–1944 гг., а также о причинах и характере войны между СССР и Финляндией, ходе боевых операций на разных этапах военного противостояния, состоянии экономики и жизни населения обоих государств. В сборнике

представлены постановления высших и местных органов государственной власти и управления, приказы по воинским частям, сводки и донесения с мест, отчеты и докладные записки по социально-экономическим вопросам. Отдельный раздел сборника посвящен оккупационному режиму финских властей на временно захваченной территории Карелии⁷.

Существенным приращением знаний по истории Великой Отечественной войны в Карелии явилась публикация сборника «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг.»⁸. В нем представлен 61 информационный материал спецорганов разных уровней (от центральных до местных) в виде отчетов, докладных записок, сводок, справок, позволяющих получить более полное представление о реальном положении дел в городах и селах, на предприятиях и стройках Карелии. В сборнике приведены интересные данные о деятельности советских диверсионно-разведывательных групп в тылу противника, о работе финских разведшкол на временно оккупированной территории Карелии⁹.

В интересах защиты Отечества широко использовался потенциал Советов как органов власти. Об этом достаточно полно говорится в четвертом разделе документального сборника «Советы Карелии»¹⁰. В 39 документах отражается процесс введения военного положения в республике, эвакуации населения и материальных ценностей в тыл страны, мобилизации сил и средств на отпор врагу¹¹.

В 1990 г. в издательстве «Карелия» вышел сборник «Мы освободим родную советскую землю»¹², вобравший в себя 405 писем воинов Красной армии с фронта домой и родных и близких военнослужащих в действующую армию. Необходимо учитывать то, что переписка граждан в военный период не оставалась без внимания властей, осуществлялась перлюстрация писем. Об этом, конечно, знали военнослужащие, отправлявшие свои письма с фронта.

О трагической странице истории Карелии рассказывается в сборнике воспоминаний бывших малолетних узников финских концлагерей «Судьба»¹³ и в сборнике «Плененное детство. Сборник воспоминаний бывших малолетних узников», книге В.С. Лукьянова «Трагическое Заонежье», мемуарах Н.И. Денискевича «В финском концлагере. Воспоминания и размышления. Вып. 5»¹⁴.

Несомненный интерес для исследователей представляет сборник статей и публикаций документов «Устная история в Карелии. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944)»¹⁵, вышедший под редакцией А.В. Голубева и А.Ю. Осипова. В этом издании пред-

ставлены воспоминания как родственных финнам народов (финно-угорских), так и «ненационалов» (русских и других не финно-угорских народов), мемуары тех, кто свободно проживал на оккупированной территории Карелии, и тех, кто находился в концентрационных или трудовых лагерях.

Появились новые документы и материалы¹⁶, открывшие новые возможности для изучения партизанской темы. Они показывают, что многие вопросы партизанского движения в Карелии не изучены, а отдельные положения требуют пересмотра. Вместе с тем появилась новая проблема: на наш взгляд, российская общественность не готова к тому, чтобы узнать жестокую правду о партизанах и их действиях, к тому же этого порой не хотят знать и оставшиеся в живых участники тех событий.

Из документальных публикаций последних лет, посвященных истории партизанского движения в Карелии, в которых предпринята попытка осветить слабо изученные до настоящего времени вопросы, следует выделить книгу известного карельского писателя-документалиста К.В. Гнетнева «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах»¹⁷. Ее ценность состоит в том, что в ней автор собрал доверительные рассказы партизан Карельского фронта, свободные от цензурного прессы. Воспоминания партизан, наряду с уже известными сюжетами партизанской жизни, затрагивают и острые «непопулярные» для обсуждения темы: бессмысленные приказы и чрезмерная жесткость командования, расстрелы своих бойцов за совершенные ими проступки, добывание раненых и др.

С середины 1980-х годов начались публикации новых документов о Зимней войне 1939–1940 гг. Здесь необходимо отметить сборник «Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг.»¹⁸, дающий представление о повседневной жизни и настроениях различных слоев населения Карелии в период Зимней войны.

В 2009 г. вышла книга «Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны»¹⁹, подготовленная Институтом российской истории РАН, Центральным архивом Федеральной службы безопасности России, Ренвалл-Институтом Хельсинского университета, Национальным архивом и архивом иностранных дел Финляндии в рамках международного проекта изданий фундаментальных коллекций исторических документов XX в. История Зимней войны впервые освещается на основе рассекреченных документов из фонда Секретариата наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия. Часть докумен-

тов, опубликованных в этом сборнике, касается истории Карелии периода Зимней войны²⁰.

Многие документы по-прежнему не опубликованы и находятся в фондах республиканских государственных и ведомственных архивов Карелии. Наиболее значительные по объему и содержанию фонды – ЦК Компартии Карело-Финской ССР²¹, Совета Народных Комиссаров и Верховного Совета Карело-Финской ССР – находятся в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК)²². Так, опись № 7 фонда Совнаркома республики²³ включает сведения о тысячах документов, которые ранее предназначались только для служебного пользования. Доступны исследователям документы так называемых «особых папок» партийного руководства республики, которые хранятся в Карельском государственном архиве новейшей истории (КГАНИ)²⁴.

Значительный интерес для специалистов имеют документы личного фонда бывшего первого секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного Совета Карельского фронта Г.Н. Куприянова²⁵. Среди них следует выделить рукопись в 1500 машинописных страниц «Война на Севере», которая не была опубликована при жизни Г.Н. Куприянова и до начала 1990-х годов находилась на секретном хранении²⁶. Многие факты, приводимые Г.Н. Куприяновым, нуждаются в тщательном анализе и проверке. Так, например, автор утверждает, что в конце 1944 г. Карело-Финская ССР могла быть ликвидирована, а карелы и вепсы могли быть сосланы в Сибирь²⁷.

Большое значение представляют финские трофейные материалы – документы Военного управления Восточной Карелии (ВУВК)²⁸, созданного в июле 1941 г. приказом Маннергейма для организации и руководства всей жизнью в районах Карелии, оккупированных финскими войсками: отчеты управления об административной, хозяйственной, религиозной и другой деятельности; отчеты финских окружных штабов, созданных в связи с разделением оккупированной территории Карелии на три округа – Олонецкий, Масельгский и Беломорский; различные приказы, инструкции, переписка финских военных властей и др. Данные материалы позволяют воссоздать различные аспекты жизни оккупированной зоны Карелии в 1941–1944 гг. и свидетельствуют о том, что Финляндия намеревалась основательно осваивать захваченные советские территории.

В ведомственных архивах Карелии – Архиве Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Карелия (Архив МВД РФ по РК) и Архиве Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (Архив УФСБ РФ по РК) в начале 1990-х годов были рассекречены многочисленные источники, кото-

рые предоставили историкам возможность приступить к освещению ранее практически закрытых вопросов истории Второй мировой войны в Карелии: Териокское правительство и его деятельность на территории Карелии и Восточной Финляндии; формирование Финской народной армии, созданной в помощь Териокскому правительству (правительству Куусинена); использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.; судьба интернированных финских граждан в спецлагерях на территории советской Карелии в период Зимней войны; положение национального (финно-угорского) и ненационального (русских и других национальностей) населения на территории оккупированной Карелии в 1941–1944 гг.; социально-экономическое развитие оккупированных районов Карелии в 1941–1944 гг.; рейды карельских партизан на территорию Финляндии, одним из результатов которых явились жертвы среди мирного финского населения; проявление коллаборационизма среди населения оккупированных районов Карелии в 1941–1944 гг. и др.²⁹

Значительная часть документальных материалов о жизни Карелии в период Второй мировой войны находится в фондах центральных государственных архивов России.

В Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ) в последние годы рассекречены материалы из фонда 3 – Политбюро ЦК ВКП(б), которые проливают свет на процесс преобразования Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в новую союзную республику – Карело-Финскую ССР³⁰. Анализ архивных источников этого фонда дает основание утверждать, что это преобразование было совершено вопреки действующей тогда Конституции СССР 1936 г. и отражало то, что в условиях административно-командной системы политические расчеты ставились выше действующих на тот период законов.

В фондах Российского государственного военного архива (РГВА) имеются ценные сведения о формировании и боевой деятельности Финской народной армии, созданной в помощь правительству Куусинена³¹. Важные материалы о деятельности правительства Куусинена на занятой частями Красной армии территории Восточной Карелии в период Зимней войны, сведения о финских и советских военнопленных, информация об интернированных финнах, выселенных в спецпоселки на территорию советской Карелии в годы Зимней войны, и другие материалы находятся в фондах Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)³² и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)³³.

Ценная информация о процессе заселения и освоения бывших финских территорий, вошедших в состав Карело-Финской ССР после заключения мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г., об эвакуации населения и промышленных предприятий из Карелии в восточные районы Советского Союза в начальный период Великой Отечественной войны, о перестройке экономики республики на военный лад и другие сведения находятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)³⁴.

В фондах Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК)³⁵ имеется важная информация о военнопленных и интернированных советских и финских военнослужащих в период Второй мировой войны, о попытках советских спецслужб использовать финских военнопленных в разведывательных целях.

Материалы фондов Центрального государственного архива исторической и политической документации (ЦГАИПД)³⁶ и Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ)³⁷ дают сведения о противоречиях между Ленинградским обкомом ВКП(б) и Карельским обкомом ВКП(б) и СНК КАССР по вопросу финских территорий, присоединенных к Советскому Союзу после Зимней войны 1939–1940 гг., заселения и экономического освоения этих территорий.

Многообразная информация о деятельности финского оккупационного режима в Восточной Карелии в 1941–1944 гг., национальной политике Военного управления Восточной Карелии, организации системы просвещения, здравоохранения, культурно-просветительской работы и других вопросов на оккупированной территории Карелии имеется в фондах финляндских государственных архивов: Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto, КА, г. Хельсинки) и Военном архиве Финляндии (Sota arkisto, СА, г. Хельсинки)³⁸. Документы показывают, что в основе финской оккупационной политики лежал тезис о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы, финны, вепсы и другие финно-угорские народы. Русские, проживавшие на этой территории, по мнению военного и политического руководства Финляндии, были переселены сюда насильно. Исходя из этого присоединенную к Финляндии Восточную Карелию планировалось превратить в территорию, заселенную только финно-угорскими народами, а русских и представителей других этнических групп, считавшихся мигрантами, предполагали выселить из Карелии в захваченные немцами другие регионы Советского Союза.

В целом, как опубликованные, так и неопубликованные документы российских и финляндских государственных и ведомствен-

ных архивов, ставшие впервые доступными в 1990-е – начале 2000-х годов, дают хорошую возможность для дальнейших исследований военно-политической и социально-экономической жизни советской Карелии в период Второй мировой войны, позволяют сосредоточить внимание ученых на освещении еще слабо изученных аспектов истории республики военных лет.

Примечания

- 1 В грозные годы: Док. и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Петрозаводск, 1970; Карелия в годы Великой Отечественной войны: Док. и материалы. Петрозаводск, 1975 и др.
- 2 *Мерецков К.А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1970; *Фролов В.А.* На защите северных рубежей // Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974; *Желтов А.С.* На правом фланге // ВИЖ. 1979. № 12. С. 32–40; *Калашников К.Ф.* Право вести за собой. М., 1981 и др.
- 3 *Курьянов Г.Н.* От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972; *Он же.* За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1977; *Прокконен П.С.* Героизм народа в дни войны: Воспоминания. Петрозаводск, 1974; *Андропов Ю.В.* Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне. Беломорск, 1943 и др.
- 4 *Борисов А.Д.* Освобождение Советской Карелии (1944 г.). М., 1956; *Козлов Г.К.* В лесах Карелии. М., 1963; *Манкевич А.И.* Краснознаменная Ладожская флотилия в Великой Отечественной войне. М., 1955; *Мушников А.Н.* В боях за Выборг и Петрозаводск. М., 1957; Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне; Вспоминают ветераны: Сб. воспом. ветеранов 71-й Краснознамен. Торуньской стрелковой дивизии. Петрозаводск, 1984; *Федоров А.Ф.* В Карелии, на Свири, в Померании: Записки ветерана 272-й стрелковой дивизии. Петрозаводск, 1984; Героям Родины – слава! Петрозаводск, 1985.
- 5 *Герасимов Г.А.* Партизанские километры. Петрозаводск, 1982; Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне; *Королев М.Ф.* В лесах Калеваля. Вологда, 1960 и др.
- 6 По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Док. и материалы. Петрозаводск, 1995.
- 7 Там же. С. 515–516.
- 8 Неизвестная Карелия: Док. спецорганов о жизни республики. 1941–1956. Петрозаводск, 1999.
- 9 Там же. С. 62–64, 80, 81, 85, 86 и др.
- 10 Советы Карелии. 1917–1992: Док. и материалы. Петрозаводск, 1993.
- 11 Там же. С. 223–224.

- 12 Мы освободим родную советскую землю: Письма с фронта. Письма на фронт. Петрозаводск, 1990.
- 13 Судьба: Сб. воспоминаний бывш. малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999.
- 14 Плененное детство: Сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005; *Лукьянов В.С.* Трагическое Заонежье. Петрозаводск, 2004; *Денискивич Н.И.* В финском концлагере: Воспоминания и размышления. Вып. 5 / Отв. ред. К.И. Козак. Минск, 2007.
- 15 Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007.
- 16 См., напр.: *Кутриянов Г.Н.* Война на севере // НАРК. Ф. 3435. (Рукопись).
- 17 *Гнетнев К.В.* Тайны лесной войны: Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007.
- 18 Неизвестная Карелия: Док. спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997.
- 19 Зимняя война 1939–1940 гг.: Исследования, док., комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. М., 2009.
- 20 Там же. С. 275, 294, 523 и др.
- 21 КГАНИ. Ф. 8.
- 22 НАРК. Ф. 1215, 1394.
- 23 Там же. Ф. 1394. Оп. 7.
- 24 КГАНИ. Ф. 3, 8 (Особые папки).
- 25 НАРК. Ф. 3435.
- 26 Там же. Оп. 5.
- 27 Там же. Оп. 3. С. 150–205.
- 28 НАРК. Ф. 804, 805.
- 29 Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО (Фонд контрразведывательного отдела); ФТДМ (Фонд трофейных документальных материалов); ФУД (Фонд уголовных дел); ФПД (Фонд прекращенных дел); ФРД (Фонд распорядительных документов); ФЛД (Фонд литературных дел); Арх. № 1 – Штаб партизанского движения Карельского фронта; ФДОУ (Фонд дел оперативного учета); ФОД (Фонд общего делопроизводства); ФСДП (Фонд секретного делопроизводства); Архив МВД РК. Особые папки. Д. 1, 1/1, 2, т. 1 и 2.
- 30 АПРФ. Ф. 3. Политбюро ЦК ВКП(б).
- 31 РГВА. Ф. 25888. Ленинградский военный округ; Ф. 31921. Управление 1-го стрелкового корпуса ФНА; Ф. 31923. Управление 1-й стрелковой дивизии 1-го стрелкового корпуса ФНА; Ф. 31926. 2-я стрелковая дивизия 1-го стрелкового корпуса ФНА; Ф. 31927. Управление 3-й стрелковой дивизии 1-го стрелкового корпуса ФНА; Ф. 31928. Управление 4-й стрелковой дивизии ФНА; Ф. 34980. Коллекция документов советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и др.
- 32 АВП РФ. Ф. 06. Секретариат В.М. Молотова; Ф. 0135. Референтура НКВД по Финляндии; Ф. 0149 – Референтура НКВД по Карелии.

Новые документы по истории Карелии периода Второй мировой войны

- 33 РГАСПИ. Ф. 17. ЦК ВКП(б); Ф. 77. Коллекция документов А.А. Жданова; Ф. 74. Коллекция документов К.Е. Ворошилова; Ф. 82. Коллекция документов В.М. Молотова; Ф. 516. Финляндская коммунистическая партия; Ф. 522 – коллекция документов О.В. Куусинена.
- 34 ГАРФ. Ф. Р-1318. Наркомат по делам национальностей РСФСР; Ф. 5283. Все-союзное общество культурных связей с заграницей (ВОСК); Ф. 5446. Совет Народных Комиссаров СССР – Совет Министров СССР, 1923–1991; Ф. 6757. Постановления Экономического Совета при СНК СССР; Ф. 8418. Комитет Обороны при СНК СССР, 1927–1940; Ф. 9401. Секретариат НКВД–МВД СССР; Ф. 9526. Управление уполномоченного СНК СССР – Совета Министров СССР по делам репатриации, 1944–1953; РГАЭ. Ф. 1562. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР; Ф. 4372. Государственный плановый комитет СССР Совета Министров СССР; Ф. 5675. Переселенческое Управление при СНК СССР.
- 35 ЦХИДК. Ф. 1е. Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ).
- 36 ЦГАИПД. Ф. 24. Областной комитет ВКП(б); Ф. 25. Городской комитет ВКП(б).
- 37 РГА ВМФ. Ф. Р-92. Штаб Краснознаменного Балтийского флота.
- 38 Военный архив (Sota arkisto, SA). Хельсинки; Национальный архив (Kansallisarkisto, KA). Хельсинки.

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ
МЕМОРИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ЖЕРТВАМ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Краткий обзор

Идентификация павших, установление судеб и увековечение их имен было и остается важной государственной задачей для стран – участниц Второй мировой войны. Одной из форм сохранения памяти о погибших и пропавших без вести является издание печатных мартирологов, или Книг Памяти.

Представлен российский опыт подготовки и издания Книг Памяти, в которых увековечены имена миллионов наших соотечественников, павших в 1941–1945 гг. Рассматриваются мемориальные издания, вышедшие в европейских странах с 1946 г. по настоящее время. Некоторые из них изданы совместно странами – участницами Второй мировой войны, что является важным положительным примером международного военно-мемориального сотрудничества послевоенной истории.

Ключевые слова: Книга Памяти, увековечение, опознание, кладбище, картотека, архив, мартиролог, военнослужащий.

Увековечение памяти тех, кто отдал жизнь на поле брани, было и остается для любой страны важной государственной задачей. Формы сохранения памяти многообразны: в бронзе и граните мемориалов, в географических названиях, в присвоении имен героев воинским частям, трудовым коллективам, учебным заведениям, кораблям и т. д. Увековечение памяти защитников Отечества осуществляется и средствами издательской деятельности, в том числе публикацией их имен в мемориальных изданиях – Книгах Памяти, которые являются своего рода печатным «памятником» всем, кто не вернулся с полей сражений.

Эта традиция в нашей стране имеет глубокие корни. Так, в России первое издание, в котором были помещены списки погибших

в Отечественной войне 1812 г., вышло в свет под названием «Военная галерея» уже 1812 г. А в 1878 г. увидел свет «Памятник Восточной войны 1877–1878 гг.», прославлявший подвиги генералов, офицеров и рядовых, убитых, раненных и контуженных в русско-турецкой войне. В Советской России в 1920 г. был опубликован именной список нижних чинов, убитых, раненных и без вести пропавших в 1914–1920 гг. (всего 65 томов), а в 1926 г. – «Именной список потерь рабоче-крестьянской Красной Армии в годы гражданской войны».

Первым из мемориальных изданий, посвященных воинам Великой Отечественной войны, стала «Книга-мемориал воинов, умерших от ран в госпиталях Вологодской области»¹. Официально в масштабе Советского Союза работа по подготовке и изданию Всесоюзной Книги Памяти 1941–1945 гг. началась только в 1989 г.² и именно благодаря инициативе общественных организаций. Инициаторами-учредителями и участниками создания книги стали Министерство обороны СССР, Всесоюзный Комитет ветеранов войны и труда, ЦК ВЛКСМ, Госкомиздат, Советский фонд мира, Правление Советского фонда культуры, Исполком союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и другие ведомства.

Работа по созданию Книги Памяти приобрела статус важного государственного мероприятия после выхода в свет Указа Президента СССР от 8 февраля 1991 г.³ и Постановления Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 1004 «Вопросы подготовки и издания Книг Памяти»⁴. Важной вехой в работе над Книгами Памяти стал и 1993 год, когда был принят закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»⁵.

Источниковой базой Книг Памяти явились:

- документы по персональному учету безвозвратных потерь Центрального архива Министерства обороны России, Центрального военно-морского архива, Военно-медицинского музея и архивов других министерств;
- книги (карточки) учета военкоматами призванных на действительную военную службу;
- алфавитные книги военкоматов по учету погибших военнослужащих и назначению пенсий;
- дворовые книги учета сельских (поселковых) Советов народных депутатов;
- карточки проживающих в домах городских домоуправлений;
- книги захоронений;
- информация от Советов ветеранов;

– архивные материалы местных органов власти, учреждений, учебных заведений, местных музеев, краеведческих объединений и частных лиц;

– информация, поступающая от объединений, ведущих поисковую работу.

По всей стране, в городах и поселках были образованы редакционные коллегии и рабочие группы Книги Памяти, которые занялись сбором и обобщением сведений о погибших и пропавших без вести земляках.

Необходимо отметить самоотверженный труд членов рабочих групп редколлегий – в основном ветеранов войны и труда. Именно ветераны собирали первичный материал, который сейчас уже собрать практически невозможно, проделав скрупулезную работу в самом начале пути по созданию Книг Памяти⁶. Существенную помощь оказали рабочим группам Книги Памяти редакции районных и городских газет, которые в порядке гласной контрольной сверки публиковали списки погибших. Обработкой военных документов, подготовкой распечаток и их рассылкой для редколлегий Книг Памяти занимался Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

Остановимся на структурных особенностях этого мемориального собрания. Большинство региональных Книг Памяти РФ издано по районному принципу – месту призыва военнослужащего в Красную армию. Внутри каждого района персональные данные располагаются в алфавитном порядке и содержат следующие сведения: фамилию, имя, отчество военнослужащего, год и место его рождения, место призыва (военкомат), сведения о фронтовой судьбе (погиб, пропал без вести, умер от ран и др.) и, если известно, – дату гибели и место захоронения. Таким образом, каждый родственник может узнать о фронтовой судьбе своего близкого, открыв том соответствующего района в краевой или областной Книге Памяти. Однако в изданиях г. Москвы, Амурской, Астраханской, Новосибирской, Пензенской, Пермской и Челябинской областей нет деления по районам, в них фамилии павших даны в сплошном алфавитном порядке.

Тиражи изданий Книг Памяти были различны: от 15 (!) экземпляров в Ставропольском крае до 10 тысяч (Книги Памяти г. Москвы, Тверской области). На двух языках – русском и татарском вышла в 25 томах Книга Памяти Татарии.

Примерно у половины из числа не вернувшихся с войны неизвестна фронтовая судьба, и по Книгам Памяти они числятся до сих пор пропавшими без вести. Так, в Костромской области их

более 45% (около 52 000 чел.)⁷; в Тульской – 50,04% (90 696 чел.)⁸, Московской – 52,1% (174 945 чел.)⁹. Кто-то из числа этих воинов погиб при транспортировке в лагеря военнопленных или во вражеском плену. Другие были наспех похоронены в перерывах между боями в братских могилах, надписи на которых позднее были утрачены. Многие бойцы и командиры без вести пали в местах массовой гибели (в так называемых «котлах» либо при прорывах из окружений), но из-за отсутствия документов о факте гибели они были учтены как пропавшие без вести. Лишь спустя полвека, в 1991 г., «пропавшие без вести» были приравнены к погибшим на поле боя¹⁰. До этого долгие десятилетия отношение к «пропавшим» (а правильнее – павшим) без вести и их родственникам в стране было подозрительно-настороженным. Розыском сведений о пропавших мужьях, братьях, отцах занимались главным образом их родные. Судьбы десятков тысяч воинов были выяснены уже в процессе создания Книг Памяти.

Завершить публикацию всех книг намечалось к 50-летию Великой Победы. Однако во многих регионах нашей страны выявление и корректировка персональных сведений о павших воинах продолжались еще более 10 лет. В настоящее время работа над выпусками Книг Памяти субъектов Российской Федерации в основном завершена, но в ряде областей еще готовятся и публикуются дополнительные тома.

Отметим, что в 1998–2005 гг. вышло 10-томное издание Книги Памяти воинов, погибших при защите Отечества с 1923 по 1940 г. и с 1946 по 1982 г., (из них 8 томов посвящены павшим в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.).

Крупнейшее в стране собрание Книг Памяти РФ и стран СНГ находится в Москве в отделе «Книга Памяти» Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной Горе и в настоящее время (на 01.01.2009 г.) насчитывает более 1600 томов, совмещающих в себе функции справочника и мартиролога. Любой посетитель музея при работе с этими книгами может проследить не только персональную фронтовую судьбу тех, кто не вернулся с полей сражений Великой Отечественной войны, но также узнать историю формирования и боевой путь многих воинских частей и соединений, поскольку каждый том содержит и такие справочно-информационные статьи. Все это способствует прояснению малоисследованных страниц нашей военной истории¹¹.

По инициативе различных ведомств были выпущены Книги в память о сотрудниках, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны: Федеральной пограничной службы¹², Федеральной службы безопасности¹³, Федерального агентства прави-

тельственной связи¹⁴. Изданы также Книги Памяти с именами воинов, павших в отдельных сражениях, например, в Битве на Курской дуге¹⁵, в боевых действиях в Китае¹⁶, Соловьёвой переправе¹⁷ умерших от ран в госпиталях¹⁸. Опубликованы Книги Памяти отдельных научных, учебных заведений, различных комитетов и организаций, например Российской государственной библиотеки¹⁹, Московской сельскохозяйственной академии²⁰, Книга Памяти ленинградских воинов-спортсменов²¹ и др.

К мемориальным изданиям может быть отнесена и книга «Что не распалась связь времен...: опознаны по боевым наградам»²². В ее основе результаты обработки более 450 запросов, поступивших автору в 1990–2005 гг. от региональных поисковых объединений страны, с просьбой помочь установить имена и фронтовые судьбы владельцев боевых наград, найденных во время поисковых экспедиций на местах былых сражений добровольцами России, Белоруссии, Украины и стран Балтии.

Итогом этой работы и явилась данная своеобразная книга памяти, в которой стало возможным в отличие от традиционных изданий обнаружить не только имена павших защитников Отечества, но и ратные подвиги летчиков и воздушных стрелков, десантников, пехотинцев, пулеметчиков, саперов, телефонистов, минометчиков, артиллеристов, снайперов, военных врачей и инженеров, санитаров, повозочных, кузнецов, писарей и поваров. В ней приведены тексты наградных листов, в которых отражены подвиги и боевые заслуги, за которые воины удостоились орденов и медалей. В основных рубриках мемориальных статей книги указаны место обнаружения поисковыми отрядами останков воина и его награды, место окончательного захоронения каждого военнослужащего, его судьба по документам военных архивов и данные о павшем воине из региональных Книг Памяти.

В европейских странах подобные издания с персональной информацией о павших стали появляться сразу по окончании Второй мировой войны. Они не всегда соответствуют нашим представлениям о Книге Памяти, так как выполнены в виде реестров, списков, перечней, в форме брошюр, журналов, альбомов и книг, но все они, по нашему мнению, могут быть названы мемориальными. Важной их особенностью является то, что они посвящаются всем жертвам войны, как военнослужащим, так и гражданским лицам²³. В ряде европейских стран издаются книги в память о советских воинах, погибших при освобождении этих стран от фашистских захватчиков или умерших во вражеском плену.

В числе первых зарубежных изданий была вышедшая в 1946 г. в Нидерландах «Книга памяти сотрудников Королевской почтовой

службы»²⁴. Там же в 1997 г. была издана книга «Жители Роттердама, участники Сопrotивления»²⁵. Памяти погибших британцев была посвящена серия «Погибшие в войне из Британского содружества» (список имен павших в 1939–1945 гг. и захороненных на кладбищах Германии)²⁶. В Италии были отпечатаны в нескольких частях «Официальные списки итальянских военнопленных, умерших в лагерях военнопленных в России»²⁷.

Подробнее остановимся на издании «Иллюстрированные списки пропавших без вести»²⁸, опубликованном в Германии в 1957 г. Оно явилось важным звеном в цепочке действий по розыску и установлению судеб военнослужащих, не вернувшихся с фронтов. Этот опыт представляет для нас не только исторический, но и профессиональный интерес. Составленные в 1947–1950 гг. наиболее полные списки пропавших без вести немецких военнослужащих стали отправным моментом для дальнейшего их систематического розыска. Из этого общего списка были выделены имена с одинаковыми номерами полевой почты, а следовательно, и названиями воинских частей. Эти списки были размножены, и с их помощью земельные поисковые службы и районные поисковые бюро «Немецкого Красного Креста» провели опросы военнослужащих вермахта, вернувшихся домой. Их адреса были известны поисковым службам, во-первых, через их регистрацию в лагерях для освобожденных военнопленных и, во-вторых, через обращения по радио и в прессе к вернувшимся домой с просьбой сообщить о себе в соответствующие инстанции. Всего было проведено около 1 млн опросов, при этом удалось прояснить судьбу примерно 230 тыс. пропавших без вести (погибли или находились в плену). Однако результативность этой акции снижалась тем, что вернувшиеся домой при опросе не всегда могли вспомнить имена бывших товарищей по плену и по фронту. Тогда в целях повышения процента успеха Поисковая служба вернулась к методу, который был испытан еще в пересыльном лагере возвращающихся домой во Фридлянде, где родственники развешивали фотографии разыскиваемых – для поддержки зрительной памяти при опросе. Шанс опознать сослуживцев по лицам значительно превышает возможность припомнить их лишь по фамилиям и именам.

В развитие этой идеи «Поисковая служба Мюнхена» предложила составить и опубликовать иллюстрированные фотографиями списки пропавших без вести. Списки надлежало систематизировать по воинским частям вермахта и родам войск и снабдить фотографиями. Но претворение в жизнь данного проекта было связано, помимо технических трудностей, еще и с большими финансовыми затратами.

Вскоре после заявления СССР об освобождении последних военнопленных и их возвращения в Германию бундестаг ФРГ постановил поддержать инициативу Поисковой службы и предоставить необходимые финансовые средства, поскольку все еще оставались зарегистрированными 1 млн 400 тыс. без вести пропавших на войне. В декабре 1957 г. началось печатание «Иллюстрированных списков». Итогом этой огромной работы стали 199 отдельных томов с личными данными о 1 млн 400 тыс. пропавших на войне, из которых 900 тыс. персоналий имели фотографии. Общий тираж списков составил 110 тыс. экземпляров. В этом издании вернулись к открытым наименованиям воинских частей, взамен указания номеров полевой почты, ибо опрашиваемые по этим иллюстрированным спискам лучше знали название воинской части, нежели номер полевой почты, который нередко менялся в ходе войны. Этот печатный проект принес максимально возможные результаты и явился прекрасным примером того, что гуманитарные мотивы при выяснении судеб, важных не только для государства, но и для родственников, должны оцениваться выше, чем финансовые издержки.

Результатом российско-германского проекта стала «Книга памяти умерших советских военнопленных. Кладбище Хаммельбург»²⁹.

Порядок возведения, поддержания и ухода за военными захоронениями на территории Германии регулируется Законом о захоронениях от 1 июля 1965 г. с дополнениями от 1 января 1993 г., включающими и захоронения погибших советских граждан. На основании этого закона многочисленные кладбища советских военнопленных были восстановлены или заново сооружены. Но, как правило, имена захороненных были неизвестны. Так обстояло дело и с кладбищем Хаммельбург к северу от г. Вюрцберга, которое в 1975 г. было приведено в достойное состояние Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами.

Исследования последних лет позволили установить, что практически все советские военнопленные, доставленные на территорию немецкого рейха, проходили регистрацию, порядок ведения которой раскрывается во вводной части «Книги памяти... Хаммельбург». На каждого поступившего в лагерь заводилась личная карточка, содержащая все основные личные и военные данные. В нее заносилась также информация о местах трудового использования военнопленного, его болезни, указывалось время госпитализации, произведенные прививки, побег, наказания и т. п. Списки с основными данными поступивших военнопленных передавались и в Справочную службу вермахта по военным потерям и военноплен-

ным (далее – ВАСт) в Берлин. Каждый поступивший в лагерь вместе с первичной документацией получал и жетон с личным номером, позволяющим в любое время однозначно его идентифицировать. В случае смерти военнопленного его личную карточку и одну половинку жетона вместе с другими документами (свидетельством о смерти, списком убывших и т. п.) передавали в Берлин. Следовательно, ВАСт всегда была в курсе дела и обладала полной статистикой умерших военнопленных. Помимо ВАСт и самих лагерей для военнопленных списками и картотеками, позволяющими точно устанавливать количество военнопленных на подотчетных им территориях, обладали также и управления военных округов.

Как отмечает один из редакторов издания г-н Клаус Дитер Мюллер, в 1943 г. документы ВАСт вместе с другими материалами, касающимися военнопленных, в целях безопасности были вывезены в г. Майнинген. В 1945 г. американские войска передали их советской стороне, но до недавнего времени эти материалы официально считались пропавшими. В результате долгих поисков и при поддержке Генерального штаба РФ немецким исследователям Рудольфу Келлеру и Райнхарду Отто в 1996–1997 гг. удалось получить доступ к считавшемуся пропавшим главному архиву ВАСт по советским военнопленным, хранящемуся теперь в ЦАМО РФ. Некоторые части этого архивного фонда, правда, остались в Немецком учреждении в Берлине (Deutsche Dienststelle), являющемся наследником ВАСт, но преобладающее большинство документов после войны было доставлено в ЦАМО РФ, а отдельные части – и в другие архивы СНГ.

В целях выяснения судьбы этой до сих пор почти забытой группы лиц Федеративная Республика Германия и Российская Федерация приступили в 1999 г. к разработке специального исследовательского проекта. Под руководством Объединения «Саксонские мемориалы» в сотрудничестве с федеральными землями Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия – с немецкой стороны и с ассоциацией международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы», а также с ЦАМО – с российской стороны началась практическая работа. Она стала возможной благодаря финансовой поддержке Министерства внутренних дел Германии, Уполномоченного федерального правительства по культуре и СМИ, а также Народного союза Германии по уходу за военными могилами. Ядро начального проекта составило выяснение судеб примерно 55 тыс. военнопленных советских офицеров. Основные биографические данные на них, содержащиеся в немецких документах (свидетельствах о смерти, личных карточках, сооб-

щениях о переводе из лагеря в лагерь), были введены в созданный банк данных в Москве. Одновременно все документы картотеки были сканированы. Автору довелось быть участником реализации данного проекта³⁰.

В итоге были выявлены сведения о 685 советских офицерах, в отношении которых документально доказано, что они захоронены в Хаммельбурге. И уже в 2002 г. в Германии, в г. Кассель, впервые вышла Книга Памяти о советских военнопленных, умерших и захороненных в лагере военнопленных Хаммельбург (Бавария). Основную часть этой мемориальной книги составляют краткие биографические сведения на немецком и русском языках о почти 700 погибших офицерах. Публикуются также их фотографии, найденные в архивах, а в отдельных случаях – изображения личных карточек военнопленных. В приложении к списку имен дается описание конкретных судеб – первые запросы родственников, предварительные ответы того времени, а также доказательства, полученные теперь на основании изученных карточек. «Книга Памяти... Хаммельбург» является примером для будущих мемориальных книг, посвященных советским военнопленным.

Среди венгерских изданий остановимся подробнее на работе Г. Чиффари «Кого не дождалось...: Советские солдаты, павшие смертью храбрых в области Хевеш»³¹. Книга, изданная Хевешским областным архивом в 1985 г., сообщает, что при освобождении венгерской области Хевеш с 17 октября по 24 декабря 1944 г. в 89 населенных пунктах области погибли 4914 советских воинов. В ходе работы над книгой автору-составителю удалось поименно назвать 1495 советских воинов, т. е. чуть больше 30% от общего числа павших там военнослужащих. Во вступительной статье сообщается, что вышедшая на венгерском и русском языках книга имеет целью «воздвигнуть памятник советским воинам-героям», чтобы народы с благодарностью помнили о них. Из 140 тыс. советских солдат, погибших на территории Венгрии, по советским подсчетам лишь 30 тыс. известны по именам. Многие советские люди не знали, где похоронены их родственники, и поэтому долгие годы после окончания войны искали места захоронения своих близких, не имея возможности посетить их могилы. Это справедливое стремление и побудило автора составить список имен советских солдат, погибших на территории области Хевеш. Таким образом, список облегчит работу всех тех организаций и учреждений, которые участвуют в розыске погибших советских воинов, а историку поможет составить более точное представление о размерах и характере военных жертв Советского Союза и сделать по-человечески близкой и понятной роль героев в освобождении страны.

Перечислим источники, использованные составителем в этой работе:

– имена на памятниках советским солдатам. Были собраны все имена, фигурирующие на могильных памятниках. Однако выяснилось, что в них было много ошибок, что вызвало значительные затруднения в работе;

– поименный список советских солдат, погибших на территории Венгрии, подготовленный на русском языке Министерством внутренних дел Венгрии. Его дополняет альбом с фотографиями всех существовавших в 1949 г. памятников советским солдатам вместе с фигурирующими на них именами. Эти материалы были предоставлены в распоряжение автора советским посольством в Венгрии. Источник содержит 902 имени погибших в области Хевеш. Это единственный и наиболее полный поименный список, составленный в Венгрии, в котором 17 960 чел.;

– список советских солдат, погибших и похороненных на территории бывшего Хевешского округа. Рукопись была подготовлена к 1 декабря 1983 г. и содержала полное имя, даты рождения и смерти 395 солдат. Данные были собраны по просьбе Областного комитета ВСРП области Хевеш в Центральном архиве Министерства обороны СССР (далее – ЦАМО) с помощью советского посольства в Будапеште;

– списки захороненных, составленные посольством СССР в Венгрии, с данными о советских солдатах, похороненных в разных населенных пунктах, в том числе и области Хевеш. Особого внимания заслуживает список, составленный по данным советских воинских кладбищ в г. Хатван преподавателем Чонговаи Петерне;

– сведения Исполкома Венгерского Красного Креста. В архиве этой организации была найдена важная информация о советских солдатах, личность которых за последние десятилетия была документально подтверждена;

– фотографии, отражающие советско-венгерские связи в послевоенные годы и хранящиеся в архиве области Хевеш, дополняют список советских солдат, составленный МВД в 1949 г.;

– альбом фотографий воинских могил и памятников советским солдатам в области Хевеш, собранных автором книги в 1975 г., который хранится в собрании материалов новейшей истории Музея-крепости имени Иштвана Добо, а также книга Эрвина Липтаи и А.И. Бабина³².

Книга «Кого не дождалось...» включает в себя вступительную часть, поименный список, перечень населенных пунктов, в которых имеются могилы, с привязкой их к конкретному номеру поименного списка с учетом хронологии освобождения области Хевеш.

Список из 1495 имен публикуется на русском и венгерском языках и содержит следующие данные: фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату и место рождения, дату и место смерти с указанием мест захоронения или перезахоронения по результатам послевоенных эксгумаций. В книге представлена карта, на которой обозначены те населенные пункты области, где есть памятники советским солдатам, памятники с воинскими могилами или одиночные могилы советских солдат. Автор подчеркивает, что цифры потерь не являются окончательными, и уверен, что в ходе дальнейших исторических исследований их удастся уточнить.

Изданная в 1999 г. в Венгрии документально-памятная книга о Второй мировой войне «Мир праху их...»³³ была посвящена павшим на Восточном фронте венгерским военнослужащим и рабочим трудовой службы. С одним из ее составителей военным историком Яношем Бушем автор участвовал в совместных международных поисковых экспедициях на Дону в местах боевых действий 2-й Венгерской армии 1942–1943 гг. В книге представлены фотографии и схемы венгерских кладбищ и могил на территории России, Белоруссии и Украины. В книгу включено около 29 тыс. персоналий погибших и умерших от ран, с указанием места службы, места смерти и захоронения.

Значимым событием явился выход в Вильнюсе в 2006 г. тиражом 2 тыс. экземпляров «Книги Памяти – альбома воинских захоронений на территории Литовской Республики»³⁴. Посвященная 60-летию окончания Второй мировой войны книга является совместным изданием Литовской Республики, Российской Федерации и Федеративной Республики Германии. Книга Памяти издана на литовском, русском и немецком языках и содержит следующие разделы:

– обращения премьер-министра Литовской Республики А. Бразаускаса, министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова и федерального министра иностранных дел ФРГ Ф.В. Штейнмаера, а также республиканского комитета организации участников Второй мировой войны, сражавшихся на стороне антигитлеровской коалиции;

- сведения о захоронениях советских воинов;
- сведения о захоронениях немецких воинов;
- сведения о могилах военных летчиков США;
- географические указатели.

Из этой Книги Памяти читатель узнает, что на территории Литвы покоится прах более 80 тыс советских воинов, погибших в боях, и свыше 100 тыс узников концлагерей из числа военнопленных и гражданских лиц. На территории Литвы имеются 250 советских

воинских захоронений, из которых за последние годы более 150 было отреставрировано и реконструировано на средства Российской Федерации при содействии Министерства культуры Литвы и глав администраций самоуправлений районов. Книга составлена по районам Литовской Республики, где каждому мемориальному месту соответствует его фотография, историческая справка о боевых действиях воинских частей и подразделений Красной армии за указанный населенный пункт, а также описание самого кладбища: история создания, его размеры, архитектурные формы, годы реконструкции. Кроме того, в книге представлены сведения о нескольких немецких солдатских кладбищах, восстановленных за последнее десятилетие при содействии Народного союза Германии. Эта Книга Памяти, как и названные выше издания, является положительным примером международного военно-мемориального сотрудничества.

Несмотря на различия по форме, содержанию и степени информативности, мемориальные издания выполняют важную гуманитарную миссию – сохраняют для потомков имена жертв самой масштабной и кровопролитной войны в истории человечества.

Примечания

- 1 *Конасов В.Б., Судаков В.В.* К истории вопроса о персональных потерях личного состава Красной Армии в годы Великой Отечественной войны и увековечении памяти защитников Отечества // Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы. Вологда: М., 1997. С. 10.
- 2 О Всесоюзной Книге Памяти // Изв. ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 37–39.
- 3 О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг: Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. // Известия. 1991. 9 февр.
- 4 Оpubл.: Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. М., 1995. Т. 17. С. 349.
- 5 Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 7. Ст. 245.
- 6 *Ивлев И.И.* Опыт патриотической работы Архангельского центра «Поиск» // Где погибли мои земляки? (Продолжим Книгу Памяти): Сб. материалов о раб. поисковых отрядов по изуч. и доп. Книг Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2004. Вып. 1. С. 144–171.

С.И. Садовников

- 7 Книга Памяти Костромской области. Ярославль, 1995. Т. 7. С. 554.
- 8 Книга Памяти, 1941–1945. Тульская обл.: В 15 т. Тула, 2000. Т. 15. С. 57.
- 9 Книга Памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. М., 2006. Т. 29, доп.: В 3 ч., ч. 3. С. 672–673.
- 10 О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан.
- 11 См.: Садовников С.И. Книги Памяти 1941–1945 гг. как уникальный комплексный источник // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф. М., 2002. С. 425–428; *Он же*. Значение Книг Памяти 1941–1945 гг. в поисковой работе // Патриотическое воспитание – история и современность: Сб. материалов науч.-практ. конф. Брянск, 2004. С. 67–72; Некоторые аспекты работы с Книгами Памяти 1941–1945 гг. // След «Пантеры»: журн. Псковского обл. воен.-патриот. объединения. Псков, 2004. № 4. С. 24–30; Садовников С.И. «Надежней склепа и могилы» // История. М., 2005. № 9. С. 12–16; Бирюков А.В., Садовников С.И. По следам боев 26-й стрелковой бригады в период Московской битвы 1941–1942 гг. // Книга Памяти Нижегородской обл. Н. Новгород, 2005. Т. 16. С. 312–328.
- 12 Книга Памяти пограничников, погибших и без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): В 3 т. М., 1995. 3 т.
- 13 Книга Памяти 1941–1945 гг. сотрудников органов контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.
- 14 Книга Памяти военнослужащих органов и войск правительственной связи, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1995.
- 15 Книга Памяти убиенных и похороненных на Прохоровской земле. Белгород, 1995; Остались молодыми. Книга Памяти погибших в Прохоровском сражении 10–20 июля 1943 г. / Ред.-сост. В.П. Бекетов. Белгород, 2000.
- 16 Вечным сном спят в китайской земле: Мемориальный альбом. М., 1996.
- 17 Книга Памяти. Соловьёва переправа 1941 г. Кардымовский р-н. Смоленск, б/г.
- 18 Вечная память. Краткая история и списки захороненных военнослужащих периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в городе Ярославле. Ярославль, 1995; Последнее пристанище – Томская земля. Книга Памяти умерших в госпиталях Томска в 1941–1945 гг. Томск, 2005.
- 19 Книга Памяти Российской государственной библиотеки / Рос. гос. б-ка; Сост. Л.М. Коваль. М., 1995.
- 20 Бычкова О.Н. Страницы памяти. М., 2007.
- 21 Книга Памяти и славы ленинградских спортсменов. СПб., 1998.
- 22 Садовников С.И. Чтоб не распалась связь времен...: опознаны по боевым наградам. М., 2005. 297 с.
- 23 Садовников С.И. О зарубежных мемориальных изданиях, посвященных жертвам Второй мировой войны // Государство и общество в увековечении памяти защитников Отечества: опыт, проблемы, перспективы. Материалы межрегион.

Российские и зарубежные мемориальные издания...

- науч.-практ. семинара-совещания. Сыктывкар, 3–4 нояб. 2007 г. Сыктывкар, 2007. С. 135–141.
- 24 In memoriam 1940–1945, Uitg. Staatsbedarf der PTT, 5. Mai 1946.
- 25 De Rotterdamse gevallen van het verzet 1940–1945. Rotterdam, 1997.
- 26 The war dead of British Commonwealth. The Registers of the names of those who fell in the 1939–1945 War are buried in Cemeteries in Germany. Reichwald Forest War Cemetery. L., 1980. P. I.
- 27 Elenko ufficiale dei prigionieri italiani deceduti nei lager russi. Roma; Milano, 1993.
- 28 Deutsche Dienststelle (WASt) 1939–1999 60 Jahre im Namen des Volkerrechts. Berlin, 1999.
- 29 Gedenkbuch verstorbener sowjetischer Kriegsgefangener. Friedhof Hammelburg Bayern: (Книга Памяти умерших советских военнопленных. Кладбище Хаммельбург. Бавария). Kassel, 2002.
- 30 Подробнее см.: *Смирнов А.* Без вести пропавший // Подмосковье. 2000. № 25. 24 июня; Мы нашли детей тех солдат, что лежат в Хельмингхаузене // Комсомольская правда. 2001. 8 мая. С. 13.
- 31 Akitet visszavartak... Szovjet hosi halottak Heves megyeben: (Кого не дождалась...: Советские солдаты, павшие смертью храбрых в области Хевеш). Eger, 1985.
- 32 *Линтау Э., Бабин А.И.* Герои. Герои Советского Союза в боях за освобождение Венгрии. 1944–1945 гг. Будапешт, 1981.
- 33 *Bus J., Szabo P.* «Beke poraikra...»: Dokumentum-emlekkönyv a II világháboruban, a keleti hadműveletek során elesett Magyar katonákrol es munkaszolgálatosokrol. Budapest, 1999.
- 34 Atminimo knyga. Antrojo pasaulinio karo kariu kapiniu Lietuvoj albumas. Vilnius, 2006.

М.Ф. Румянцева

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ : HISTORY AND MEMORY :
ИСТ. КУЛЬТУРА ЕВРОПЫ ДО НАЧАЛА
НОВОГО ВРЕМЕНИ / ПОД РЕД. Л.П. РЕПИНОЙ.
М. : КРУГЪ, 2006. – 767 С. – (ОБРАЗЫ ИСТОРИИ)

ДИАЛОГИ СО ВРЕМЕНЕМ : ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ = DIALOGUES WITH TIME :
MEMORY AND HISTORY / ИН-Т ВСЕОБЩ. ИСТОРИИ РОС.
АКАД. НАУК, О-ВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ,
ГОС. УН-Т ГУМАНИТАР. НАУК ; ПОД РЕД. Л.П. РЕПИНОЙ. –
М. : КРУГЪ, 2008. – 799 С. – : ИЛ. – (ОБРАЗЫ ИСТОРИИ)

Проблематика исторической памяти, ее трансформаций, фиксаций в различных формах историописания является магистральным направлением исследований Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. Этой проблеме посвящены многочисленные конференции, «круглые столы», сборник статей «Время–История–Память: историческое сознание в пространстве культуры» (Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. 320 с.), значительная часть материалов журнала «Диалог со временем». К настоящему времени результаты реализации грандиозного исследовательского проекта целостно представлены в двух фундаментальных коллективных трудах.

Первый из двух рассматриваемых трудов «История и память» опубликован в 2006 г. и посвящен проблематике исторической памяти (как наиболее существенной компоненте памяти социальной) и историописания в культурах античности, Европы периода средневековья и раннего нового времени и сопоставимого периода истории России: от Древней Руси по XVII в.

Особо следует отметить концептуальное Введение (Л.П. Репина, Ю.А. Арнаутова) к книге «История и память», в котором историческая культура и историческая память в их взаимосвязях и взаимодействиях конституируется как особый единый предмет исследования. Л.П. Репина ставит проблему в предельно широком не только теоретико-познавательном, но и социокультурном контексте: «Как изменяется статус истории в системе научных

© Румянцева М.Ф., 2010

дисциплин, какое место она занимает в иерархии ценностей современной культуры? Что происходит с функциями исторического знания в условиях все ускоряющихся социальных трансформаций?» [С. 5].

Раздел, посвященный античности, представлен всего тремя исследованиями, но они вполне репрезентативны, поскольку одно посвящено феномену исторической памяти в античной Греции (И.Е. Суриков), второе – римской анналистике (О.В. Сидорович), а третье рассматривает трансформацию исторической памяти на рубеже Античности и Средневековья (П.П. Шкаренков) и подводит читателя к восприятию раздела «Западная Европа: средние века и раннее новое время». Этот раздел открывается исследованием сохранения исторической памяти в германской устной традиции (Е.А. Мельникова). Но все же в контексте интеллектуальной истории наибольший интерес представляют различные способы письменной фиксации исторической памяти, анализ которых и составляет основное содержание раздела.

Скорее фрагментарен, чем репрезентативен раздел «Древняя Русь – Россия XVII века», но следует отметить сам факт его наличия в коллективном труде, поскольку, несмотря на все призывы к компаративистике, реальных сравнительных исследований сопоставимых социокультурных феноменов России и Европы очень мало. Рассматриваемый труд если и не решает проблему, то создает существенный задел для движения в этом направлении.

Вышедший в 2008 г. труд «Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории» не просто продолжает исследование, но выводит его на новый теоретический уровень, поскольку представляет самые разные аспекты проблемы и подходы к ее исследованию. Часть I «Теории, подходы, перспективы» посвящена вопросам разных форм историописания (в частности, *memoir studies*), а также методологии исследования исторических представлений массового сознания, что составляет особую проблему. Часть II «Идея времени и историческое сознание» актуализирует исследование восприятия времени как одной из основных универсалий человеческого опыта. Причем в разделе представлены работы, которые могут быть классифицированы в сфере историографии, источниковедения, а также вспомогательных исторических дисциплин (например, работа А.Ю. Серegiной о расчете пасхалий в английской религиозной полемике XVI в.). Настоящее исследование существенно расширяет и географические границы предшествующего труда. Если в книге «История и память» системно представлена проблематика исторической памяти Западной Европы и России, то в труде «Диалоги со временем» исследованы, кроме того,

отдельные аспекты хронологических и в целом исторических представлений Индии (Е.Ю. Ванина), Китая (Б.Г. Доронин), а также средневековых арабских географов (И.Г. Коновалова). Часть III «Образы прошлого: формы и способы конструирования» посвящена изучению различных способов фиксации исторической памяти. Авторы обращаются к исследованию тех типов и видов исторических / историографических источников, которые пока еще нельзя признать традиционными для нашей исторической науки: от древнегреческой драмы (И.Е. Суриков) до московских городских легенд, записанных в XX – начале XXI в.

Невозможно в краткой рецензии представить все богатство содержания рецензируемых изданий, поэтому хочется акцентировать внимание на нескольких принципиально важных моментах.

Самое главное, что это действительно не сборники статей, это – целостный коллективный труд, объединенный не только единством замысла, что само по себе ценно, но и последовательным его воплощением.

Стоит также особо отметить, что в исследовании вовлечен широкий круг исторических / историографических источников, многие из которых по-прежнему слабо задействованы в исследовательской практике.

Актуальная проблематика социальной памяти позиционирована в проблемном поле интеллектуальной истории. И здесь стоит еще раз заметить, что кардинальная трансформация исторического знания в XX в. связана с его переструктурированием от линейности к нелинейным проблемным полям начиная с 1920-х годов, со становления исторической антропологии и затем «новой исторической науки». Но сформировавшиеся за последние восемьдесят лет проблемные поля не должны рассматриваться как рядоположенные. На мой взгляд, историческая антропология и ее составляющие – история ментальностей и история повседневности (как феноменологии ментальности) – жестко связаны с процессами демократизации – базового процесса социокультурных трансформаций XX в. Микроистория – яркий знак ситуации постмодерна, проявление кризиса доверия к историческому метанарративу (Ж.-Ф. Лиотар). В принципиально новой ситуации начала XXI в. явно востребовано не подсознательное (на уровне ментальностей), а осмысленное отношение к миру. В философском знании этому соответствует становление «философии ответственности», а в историческом знании – формирование проблемного поля интеллектуальной истории как истории осознанного мировосприятия, умопостигаемого освоения мира. Именно поэтому интеллектуальную историю необходимо рассматривать как магистральное направле-

ние актуального исторического знания. Рассмотрение проблематики социальной памяти именно в этом ракурсе, а не в контексте истории ментальностей, например, чрезвычайно важно. В этом плане фундаментальный научный труд, воплощенный в двух рецензируемых книгах, не просто является итогом реализации масштабного исследовательского проекта, но и формирует новые исследовательские поля, тем самым раскрывая широкие перспективы дальнейших исследований.

Хроника

XXII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН» В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ (28–30 ЯНВАРЯ 2010 Г.)

Обзор докладов международной научной конференции, проведенной кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Ключевые слова: историография, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, научная конференция, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет.

XXII конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ прошла 28–30 января 2010 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения профессора кафедры Елены Ивановны Каменцевой и 90-летию со дня рождения доцента кафедры Ирины Александровны Мироновой.

Будучи признанными специалистами в области вспомогательных исторических дисциплин (Е.И. Каменцева) и источниковедения (И.А. Миронова), они традиционно и в своих исследованиях, и в образовательной практике существенное внимание уделяли проблемам историографии соответствующих областей исторического знания. И дело здесь было не в каком-то особом исследовательском интересе к истории вспомогательных исторических дисциплин и истории источниковедения, а в культуре научного исследования и педагогической практике, сформированной в рамках Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института. Они просто не представляли себе, как можно осуществлять исследование или излагать тему лекционного курса без углубленного историографического введения, без четкого понимания не только заслуг предшественников (хотя заслуг, конечно,

в первую очередь), но и недостатков, обусловленных конкретной познавательной ситуацией. Так, в их лекционных курсах, тематике семинарских и практических занятий задавался широкий историографический контекст источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Это находило воплощение в опубликованных программах и учебных пособиях, проблематике дипломных и диссертационных исследований.

К сожалению, приходится констатировать, что такая исследовательская культура во многом утрачена. По-видимому, причину этого надо искать не в общем снижении уровня профессионализма или не только в нем. Цель конференции «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин», как это было сформулировано в ее пленарных докладах, состояла в том, чтобы (1) зафиксировать современный исследовательский уровень в этой области исторического знания, (2) выявить, по мере возможности, факторы, определяющие актуальную ситуацию, и (3) наметить «перспективы», т. е. определить желаемую модель профессионализма в историческом познании и способы ее реализации.

Материалы конференции репрезентативно показывают состояние историографии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, несомненно составляющих основу профессионализма в историческом познании, и ее место в структуре современного исторического знания. Представленные на конференции доклады и опубликованные материалы имеют разный научный уровень, демонстрируют разную степень профессиональной грамотности, но кафедра при проведении своих конференций традиционно ставит задачу максимально полно представить состояние того или иного сегмента профессионального исторического познания¹.

Организаторы конференции приняли на себя смелость и ответственность констатировать кризисное состояние историографической составляющей профессионального исторического знания, что свидетельствует об общем заметном снижении профессионализма сообщества историков. К сожалению, в значительной части докладов вовсе не было попыток экспликации историографической проблематики, хотя оргкомитет и пытался максимально четко очертить круг выносимых на обсуждение проблем. Учитывая сложившуюся ситуацию, организаторы конференции сочли целесообразным включить в ее программу и опубликовать в сборнике материалов значительную часть тезисов, посвященных не собственно историографическим исследованиям в сфере источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, а конкретным исследовательским практикам в этих областях профессионального исто-

рического знания. Хочется надеяться, что это позволило на репрезентативном материале обсудить проблему современного историографического исследования и, с одной стороны, провести демаркационные линии, а с другой – наметить места междисциплинарных контактов и очертить пространство полидисциплинарности в области историографических, источниковедческих и собственно исторических исследований.

Среди участников конференции – ученые из ведущих научных и учебных центров России, а также зарубежья: Алматы (Казахстан), Волгограда, Вологды, Днепрпетровска (Украина), Душанбе (Таджикистан), Екатеринбург, Запорожья (Украина), Иваново, Иркутска, Казани, Киева (Украина), Красногорска, Краснодар, Москвы, Нижневартовска, Нижнего Новгорода, Омска, Орла, Пензы, Переславля-Залесского, Перми, Петрозаводска, Раменского, Ржева, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Санкт-Петербурга, Симферополя (Украина), Смоленска, Ташкента (Узбекистан), Твери, Томска, Харькова (Украина), Чебоксар, Чернигова (Украина) и Челябинска. Широко представлены доклады студентов и аспирантов.

Пленарные доклады были посвящены проблемам актуального состояния истории исторического знания, формирования его парадигмальной структуры, значения историографического анализа как существенной составляющей профессионализма историка-исследователя, а также презентующим историографические практики в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Анализировался вклад ведущих специалистов в развитие этих областей знания о человеке.

В материалах традиционно запланированного «круглого стола», посвященного проблеме историографической составляющей в структуре университетского образования, был представлен доклад, анализирующий основные образовательные практики историографических исследований как самостоятельных, так и в составе научных и вузовских квалификационных работ. В основе доклада – опыт, накопленный кафедрой в преподавании истории исторической науки, историографии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и других наук истории, опыт формирования проблематики дипломных и диссертационных исследований. Делается попытка сформулировать круг новых проблем, встающий в настоящий момент перед исследователем, изучающим историю развития различных отраслей наук о человеке.

Кафедра благодарна коллегам, чье участие в конференциях кафедры уже превратилось в добрую традицию, и была рада приветствовать новых участников, которые могут войти в профессиональное сообщество, ведущим фактором объединения которого

стали ежегодно проводимые конференции кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ.

Примечания

- ¹ Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. / Редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. М.: РГГУ, 2010. 434 с. 250 экз.

Е.В. Пчелов, С.В. Зверев

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ГЕРАЛЬДИКЕ
И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ
ДИСЦИПЛИНАМ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО
ИНСТИТУТА РГГУ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Представлена хроника заседаний семинара с мая 2008 г. по апрель 2009 г.

Ключевые слова: научный семинар, вспомогательные исторические дисциплины, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет.

С мая 2008 г. по апрель 2009 г. состоялось 10 заседаний семинара. Тексты докладов опубликованы в Бюллетенях семинара № 45–54 (Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам : [науч.-инф. изд. Семинара по геральдике и вспомогат. ист. дисциплинам в Ист.-арх. ин-те РГГУ] : бюллетень / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин ; редкол. : Зверев Сергей Викторович (ред.), Пчелов Евгений Владимирович, Стукалова Татьяна Юрьевна. М. : – [Б. и.], 2008–2009. – № 45–54. – 75 экз. – Описано по обл.).

2008, 15 мая

Заседание 111. Звезда Ю.Н., канд. искусствоведения, ст. науч. сотр. Музея «Московский Кремль». «Некоторые особенности изображения двуглавого орла в поздних иконах».

2008, 18 июня

Заседание 112. Зверев С.В., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора нумизматики Музея «Московский Кремль». «О разделении по монетным дворам медных монет 1762 г.».

© Пчелов Е.В., Зверев С.В., 2010

2008, 24 сентября
Заседание 113. Зверкина Г.А., канд. физ.-мат. наук, доцент
Московского государственного университета путей сообщения
(МИИТ). «Циркуль: инструмент и символ».

2008, 22 октября
Заседание 114. Парамонов О.В., член Союза бонистов России.
«Деньги республики “красных стрелков”».

2008, 19 ноября
Заседание 115. Орленко С.П., канд. ист. наук, науч. сотр. Музея
«Московский Кремль». «О ранней истории Государственного
меча».

2008, 17 декабря
Заседание 116. Пчелов Е.В., канд. ист. наук, доцент ИАИ РГГУ;
Зверев С.В., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора нумизматики
Музея «Московский Кремль». «Геральдический семинар Истори-
ко-архивного института РГГУ: итоги и перспективы».

2009, 28 января
Заседание 117. Авчухов А.Ю., член Союза бонистов России.
«Использование денежных суррогатов на Дону в 1917–1919 гг.».

2009, 18 февраля
Заседание 118. Шуткина М.А., ст. науч. сотр. отдела нумизмати-
ки ГИМ. «Английские памятные медали, посвященные Крымской
войне (1854–1856 гг.)».

2009, 18 марта
Заседание 119. Стукалова Т.Ю., канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
отдела нумизматики ГИМ. «Монеты-канарейки или венецианские
оселлы XVI–XVIII вв.».

2009, 15 апреля
Заседание 120. Баранова С.И., канд. искусствоведения, зав. сек-
тором керамики Московского государственного объединенного
музея-заповедника. «Реставрационная деятельность Ф.Ф. Рихтера
и возрождение символики эпохи Московского царства».

In Memoriam

Е.В. Пчелов

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ ИВАНОВИЧА КОРОЛЁВА (1936–2009)

13 апреля 2009 г. ушел из жизни замечательный ученый-историк, доктор исторических наук, профессор Геннадий Иванович Королёв. Геннадий Иванович родился 14 января 1936 г. в г. Лосиноостровске (впоследствии – г. Бабушкин, ныне вошедший в состав Москвы). В 1963 г. он окончил Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ) по кафедре истории архивного дела. Затем некоторое время работал в Главном архивном управлении, в ЦГАОР, а с 1968 г. начал преподавательскую деятельность на кафедре археографии МГИАИ (впоследствии – ИАИ РГГУ), где позднее стал профессором. Педагогическая деятельность Геннадия Ивановича продолжалась три с половиной десятилетия, он разработал несколько учебных курсов по археографии и подготовил целый ряд учебных пособий. В 1971 г. под руководством известного специалиста в области истории и организации архивного дела Нины Валериановны Бржостовской он защитил кандидатскую диссертацию «Издание исторических источников во Франции в XIX веке (20-е – 60-е годы)», а в 1989 г. – докторскую «Теория публикации исторических источников в социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Докторская диссертация Геннадия Ивановича основывалась на материале восьми стран Восточной Европы, чему способствовало не только знание множества иностранных языков, но и давняя увлеченность историей Балканских стран, в том числе Югославии. Несколько учебных пособий Г.И. Королёва были посвящены изданиям письменных исторических источников в ГДР, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Югославии. В его исследованиях анализировался опыт археографии не только этих, но и многих других европейских стран, можно сказать, археографический опыт во всемирном масштабе, что нашло воплощение и в лекционном курсе

© Пчелов Е.В., 2010

по зарубежной археографии, и в работах, изданных уже в 1990–2000-е годы. Среди них прежде всего необходимо назвать учебное пособие «Археография» (М.: РГГУ, 1996) и монографии «Медиевистическая археография за рубежом: Труды XVI–XVIII вв.» (М.: РГГУ, 2001), «Медиевистическая археография за рубежом: Труды XIX – начала XX века» (М.: РГГУ, 2003). Эти работы уже сейчас стали для археографии классическими. Вклад Геннадия Ивановича Королёва в теорию и историю археографии и архивного дела, бесспорно, выдающийся.

Но в последние пятнадцать лет жизни Геннадия Ивановича Королёва определилась еще одна, чрезвычайно существенная, область его исследований – геральдика и эмблематика. Интересовался Геннадий Иванович геральдикой давно, но его первые исследования в этой области появились, когда он был уже признанным специалистом в археографии, известным и уважаемым ученым. Во многом к профессиональным занятиям геральдикой Геннадия Ивановича подтолкнуло участие в научном Геральдическом семинаре при кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, который организовала Елена Ивановна Каменцева. Елена Ивановна пригласила Г.И. Королёва принять участие в работе семинара, и с тех пор Геннадий Иванович был одним из самых активных и деятельных его членов. Он сделал ряд докладов на его заседаниях, постоянно участвовал в обсуждении тех или иных тем, участники семинара неоднократно имели возможность убедиться в чрезвычайной заинтересованности, научной неординарности и абсолютной безотказности Геннадия Ивановича. Он всегда был готов выступить на заседании с новыми темами, которых, казалось, у него всегда было в избытке, а широта его геральдических интересов впечатляла. Так, например, среди тем его докладов были и эмблематика зарубежных политических партий и движений, и геральдика выдающихся деятелей эпохи Великих географических открытий (Колумб, Васко да Гама, Магеллан, Эль Кано и др.), и эмблемы на гербе и знамени Георгия Скандербега... Такому разнообразию тем и исследований способствовала колоссальная эрудиция Геннадия Ивановича, блестящее знание научной литературы на многих европейских языках, вдумчивый и высокопрофессиональный анализ изучаемого материала. Особенно важно, что Геннадий Иванович был одним из тех, кто горячо поддержал продолжение работы семинара после ухода из жизни Е.И. Каменцевой и придал новый импульс его развитию.

Известность и авторитет Геннадия Ивановича в кругах геральдистов очень велики. Его мнение было чрезвычайно весомо, тем более что он являлся одним из немногих подлинных ученых в этой


области. Недаром Г.И. Королёв был почетным членом Всероссийского геральдического общества, желанным гостем многих конференций по геральдике. В общей сложности он опубликовал более 60 работ по геральдическим темам, и еще целый ряд работ пока остается в рукописях. Важный вклад внес Г.И. Королёв в исследование таких существенных вопросов геральдики, как происхождение русского двуглавого орла (ученый был сторонником югославянской версии его заимствования, усматривая интересные балканские, в том числе черногорские, параллели к древнейшим русским изображениям), история эмблемы всадника и дракона в европейской нумизматике, геральдике и сфрагистике, цветовое решение государственных эмблем России в конце XV – первой трети XVIII в. Он осуществил фундаментальное исследование Большой государственной печати Ивана Грозного конца 1570-х годов, особенно много работал в области русской территориальной и городской геральдики, обращаясь к изучению как отдельных ее эмблем (новгородская «рысь» и псковский «барс», иркутские бабр и бобр, красноярский единорог), так и целых групп геральдических изображений (аграрная, военно-историческая, зоологическая символика русской территориальной и городской геральдики, например рыбы в городских и земельных гербах). Особенно привлекали его всевозможные загадочные эмблемы не вполне ясной семантики, менявшие зачастую свое значение. Главный исследовательский вопрос «почему?», столь редко звучащий в геральдическом пространстве, был для Геннадия Ивановича в этом контексте основным. Пытаясь понять, почему те или иные эмблемы символизировали того или иного «владельца» герба, Г.И. Королёв раскрывал их смысл, показывая особенности понимания и их восприятия в прошлом. Он был блестящим виртуозом источниковедческого анализа изобразительных источников, большое внимание уделял деталям, стилистике, особенностям изображений. Этот подход в исследовательском почерке Г.И. Королёва необходимо выделить особо.

Дело в том, что среди ученых-геральдистов (и не только ученых) весьма распространена мысль о том, что главным в гербе является его описание, а не собственно изображение – иными словами, важно, что изображено, а не как. Такая точка зрения основывается в основном на позднем геральдическом материале, но она далеко не продуктивна при исследовании ранних эмблем (да и поздних, как оказывается, тоже). Геннадий Иванович своим научным творчеством демонстрировал свое принципиальное несогласие с этим. Для него всегда было важно и то, как изображена та или иная эмблема, и то, что собственно изображено (поскольку не всегда даже это оказывается очевидным). Для него было важным,

какая именно, например, рыба изображена в том или ином гербе, какие именно животные помещены на Большой государственной печати Ивана Грозного или какие именно особенности изображения присущи ранним русским государственным орлам. Этот подход – подход детального и внимательнейшего исследования источника – был и следствием научной школы Историко-архивного института и органическим качеством самого Г.И. Королёва как исследователя. Исследовательская практика, в том числе и труды Геннадия Ивановича, блестяще подтвердили правильность такой установки.

Еще один интересный сюжет, вернее целый комплекс сюжетов, которыми занимался Г.И. Королёв, касался так называемой фантастической или «воображаемой» геральдики. Его привлекали гербы и эмблемы, которые создавались в более позднее время, а приписывались более ранним временам, как, например, позднесредневековые гербы, присваиваемые прославленным деятелям античности – Юлию Цезарю или Октавиану Августу. «Искусственные» гербы, обозначавшие какие-то нереальные, фантастические страны, воспринимавшиеся, впрочем, когда-то реальными, – как, например, гербы царства пресвитера Иоанна; те гербы, которые относились в Западной Европе к России или даже еще более отдаленным землям. Иными словами, Геннадия Ивановича интересовали вопросы восприятия чужой культуры через призму своей, восприятия, воплощенного языком символов и эмблем. В этом направлении Г.И. Королёв был настоящим первопроходцем, по сути, первым в нашей науке обратившимся к геральдике как способу и средству восприятия и понимания другого, как выражению определенных представлений той или иной культуры о культурах других времен и других стран и народов. Геральдика для Г.И. Королёва была настоящим и очень результативным «инструментом» в процессе его исследований, выходящих на широкие перспективы культурной антропологии и семиотики культуры. А уж в собственно геральдической области он был непревзойденным мастером.

Жаль, когда из жизни уходит выдающийся ученый и замечательный человек, человек, для которого его исследовательская деятельность была его жизнью (недаром Геннадий Иванович в последние годы тяжелой болезни особенно остро переживал, что не может бывать в библиотеках, и прежде всего в Ленинке, что трудно и тяжело стало работать, хотя работал он до самого конца). Но остается главное – его труды и книги, которые не потеряли и не потеряют своего значения и в дальнейшем, и добрая память о нем.



ПАМЯТИ ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
МУРАВЬЁВА (17.01.1941 – 25.10.2009)

25 октября 2009 г. скончался Виктор Александрович Муравьёв, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, один из старейших профессоров Историко-архивного института, заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Виктор Александрович родился 17 января 1941 г. в Ярославской области, в семье офицера. По окончании школы поступил в Московский государственный историко-архивный институт и в 1963 г. окончил его. Своими учителями считал Владимира Евгеньевича Иллерицкого, Сигурда Оттовича Шмидта.

С 1968 г. и до своей кончины в октябре 2009 г. работал в Московском государственном историко-архивном институте (с 1991 г. – Российский государственный гуманитарный университет), где начал ассистентом, в 1988 г. защитил докторскую диссертацию и в 1989 г. стал профессором кафедры отечественной истории досоветского периода (в настоящее время – кафедра истории России средневековья и раннего нового времени). Работая на этой кафедре, Виктор Александрович Муравьёв сформировался как ведущий специалист в области истории исторической науки, его научные и учебно-методические работы в этой области и в настоящее время во многом определяют магистральное направление изучения и преподавания истории исторического знания на разных факультетах РГГУ.

Нельзя сказать, что Виктор Александрович обладал существенными организационными способностями, но несмотря на это он в 1987 г. – из чувства долга – согласился стать проректором по науке Московского государственного историко-архивного института в сложный период его перерастания в Российский государственный гуманитарный университет. В это время Виктор Александрович активно участвовал в разработке концепции Российского госу-

дарственного гуманитарного университета. В конце 1990 г. – в трудный для кафедры вспомогательных исторических дисциплин период, после кончины ее заведующего Александра Лазаревича Станиславского, – Виктор Александрович согласился возглавить кафедру и заведовал ею до февраля 2002 г., т. е. в самый сложный период обретения новой концептуальности в условиях становления Российского государственного гуманитарного университета и соответственно разработки многочисленных учебных курсов, читаемых по кафедре не только для специальности «Историко-архивоведение», но и для других гуманитарных специальностей – от искусствоведения до философии. В этот период на Ученом совете РГГУ была представлена и принята концепция развития кафедры, в ее название было добавлено слово «источниковедение», что, с одной стороны, закрепляло системообразующий статус источниковедения в системе преподаваемых по кафедре дисциплин, а с другой – способствовало идентификации кафедры в российском образовательном пространстве.

Для кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Виктор Александрович Муравьев был незаменимым человеком. Он несомненно являлся ведущим профессором кафедры. Виктор Александрович с равным блеском читал лекции по истории исторической науки и исторической географии и вел семинары по источниковедению и теории и методологии истории, плодотворно сотрудничая со своими более молодыми коллегами, читающими соответствующие лекционные курсы.

Научные интересы Виктора Александровича отличались обширностью и в то же время концептуальной целостностью. Он автор более 150 опубликованных трудов, в том числе монографии «Ленинская концепция революции 1905–1907 гг. в России и советская историография» (в соавторстве с О.В. Волобуевым. М., 1982), учебного пособия «Советская историография революции 1905–1907 гг.» (М., 1985) и ряда других учебных изданий по истории исторической науки, а также множества иных научных работ, среди которых необходимо выделить статьи для энциклопедии «Отечественная история» и для Большой российской энциклопедии.

Будучи уже признанным специалистом в области истории исторической науки и общественной мысли в России XVIII–XX вв., Виктор Александрович Муравьев, перейдя на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, занялся проблемами исторической географии России, разработал новую концепцию ее преподавания, разработал оригинальные курсы исторической географии России и исторической географии Европы. В последние годы Виктор Александрович активно занимался

Е.В. Пчелов

проблематикой вспомогательных исторических дисциплин, что было обусловлено целиком и полностью потребностями кафедры в новом уровне их осмысления и преподавания. Обладая незаурядным концептуальным мышлением, Виктор Александрович внес существенный вклад в осмысление вспомогательных исторических дисциплин как имеющих самостоятельное культурологическое значение.

Работая на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Виктор Александрович был неизменным и незаменимым членом Оргкомитета ежегодных конференций, проводимых кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин с 1989 г., и самым внимательным редактором их материалов. Он не только участвовал в разработке оригинальной проблематики каждой конференции, но и постоянно выступал с концептуальным докладом на пленарных заседаниях. Несомненно обогатили науку его доклады «Пространство, время, история человека и общества: Историческая география в системе исторических наук» на конференции 1997 г. «Исторический источник: Человек и пространство», «Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории» на конференции 1998 г. «Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации» и целый ряд других.

Виктор Александрович Муравьев был членом Совета Историко-архивного института, почетным членом Ученого совета РГГУ, членом Археографической комиссии РАН.

Виктор Александрович Муравьев входил в ряд Диссертационных советов. Он был желанным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций. Его глубочайший профессионализм часто приводил к тому, что отзыв был глубже и содержательней самой диссертации, но врожденные мягкость и доброжелательность Виктора Александровича облакали высказываемые им мысли в такую форму, что диссертант не только не чувствовал себя уязвленным, но и, наоборот, – всю обнаруженную оппонентом научную глубину и значимость, как правило, относил на свой счет.

Виктор Александрович всегда был в центре научной коммуникации, привлекал к себе людей, старался возделывать любые, даже самые чахлые, ростки профессионализма.

Светлая память о Викторе Александровиче Муравьеве навсегда сохранится в сердцах его друзей, коллег и учеников.

Конференция–2011

27–29 января 2011 г. состоится XXIII научная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА VS ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ»

Конференция посвящена 70-летию со дня рождения Виктора Александровича Муравьёва.

На обсуждение выносятся следующие проблемы:

Историческая география как научная дисциплина: объект, предмет, метод

Историческая география в кругу вспомогательных наук истории

Историческая география в проблемном поле новой локальной истории

Историческая география: проблемы историографии

Историческая география: Personalia

Историческая география: проблемы источниковедения

Историческая география: исследовательские практики

На конференции пройдет круглый стол по теме:

«Историческая география в системе университетского образования».

Тезисы сообщений (отредактированный и вычитанный текст в формате MS Word или RTF объемом не более 6000 знаков с учетом пробелов) принимаются по электронной почте (ivid.konf@gmail.com) строго до 31 октября 2010 г.

Телефон для справок: (495) 606–0148 (Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ; отв. секретарь Оргкомитета – Ольга Владимировна Семерицкая).

Abstracts

M.F. Roumiantseva

THE PHENOMENOLOGICAL METHOD IN SOURCE STUDIES: THE THEORY OF OLGA MIKHAILOVNA MEDUSHEVSKAYA. THE SECOND PART

A research of the phenomenological method in source study in editions of the professor of faculty of a source study and auxiliary historical disciplines of Institute for History and Archives RSUH O.M. Medushevskaya (1922–2007), her original theory of the humanities.

Keywords: O.M. Medushevskaya, faculty of a source study and auxiliary historical sciences, Institute for History and Archives, the source study, the phenomenological method, the theory of the humanities

A.N. Bachinin

M.P. POGODIN IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY. NOTES

Historian M.P. Pogodin (1800–1875) at life was referred by contemporaries to sign figures of Russian science and culture of second third 19 c. His name for a long time also was included in textbooks, directories and encyclopedias. Nevertheless the whole layer of the existing literature on life and M.P. Pogodin's works consists of an inconsistent conglomerate of estimations, opinions, sights, concepts. The author investigates a question whom and as M.P. Pogodin in a classical, Soviet and post-Soviet historiography was studied.

Keywords: M.P. Pogodin, historical sciences in Russia, XIX century, studies in historiography

A.M. Pashkov

ALEXANDR PRUGAVIN: FROM REVOLUTIONARY CIRCLES TO RESEARCH INTO OLD BELIEF (1869–1881)

The article is devoted to the origin of scholar interests of a famous researcher of Russian Old Belief Alexandr Prugavin (1850–1920). Born in Archangelsk, he studied in Moscow in 1869–1971 but was exiled for his revolutionary activity and forced to live in a small north-

ern town of Kem in 1872–1873. There Prugavin was astonished to find out that nearly all the local population belonged to Old Believers. When the exile was over, Prugavin became deeply involved in research on Old Believers. In 1879–1881 he published some works about Old Believers in “Nedelja” and “Golos” newspapers as well as in “Russkaja mysl” journal. Prugavin considered Old Believers as a mass oppositional popular movement, but he did not understand immediately that it was a conservative movement.

Keywords: A.S. Prugavin, Old Believers, Narodnichestvo (Populism), Historiography, Archangel province, Russian North.

M.P. Mokhnacheva

SOURCES ON HISTORY OF BECOMING
AND DEVELOPMENT OF A HISTORIOGRAPHY
IN MSIHA – IHA RSUH. THE SECOND PART

In article features of construction of lecture courses and special courses on stories of a historical science, preparation and the edition of textbooks and manuals are analyzed. The contribution to development of history of a historical science of V.E. Illeritskogo, S.O. Schmidt, V.A. Muraveva, etc.

Keywords: history of a historical science, V.E. Illeritsky, S.O. Schmidt, V.A. Muraviev, Institute for History and Archives.

D.A. Dobrowolski

«YAKOZHE I PRARODITELI NASHI POGINUSHA»:
TOWARDS THE QUESTION OF ETHNICITY
OF OLD RUS CHRONICLERS OF THE XITH –
BEGINNING OF THE XIITH CENTURY

Idea of common roots and ancestors seems to be a basic element of ethnicity. However in russian chronicles of the 11th – beginning of the 12th century one can find only two notices about the ancestors of those, who are included in chroniclers’ “we”. Both notices were added only when the Povest’ vremennykh let was written; none of them existed in the chronicles of the 11th century. Evidently ethnicity had no big importance for the identity of the russian chroniclers of the 11th – beginning of the 12th century.

Keywords: Medieval Rus’, russian chronicles, textual criticism, ethnicity, identity.

O.B. Bokareva

AMBASSADORIAL BOOKS ON CONNECTIONS
OF RUSSIA WITH PERSIA OF THE 1ST HALF
OF XVIIITH CENTURY

The article views the embassy books, which appeared as a result of certain activity of directions of foreign-policy department Russia in the first half of century XVII – to seven ambassadorial books on connections of Russia with Persia.

The author analyses the main features of diplomatic documents, which reflect the specific of office work of the Ambassadorial order and actual directions of foreign policy of the Russian state in the reign of Mikhail Feodorovich and in the first years of rule of Alexei Michailovich.

Keywords: Ambassadorial books, officework, the Ambassadorial order Russia, Persia.

A.B. Astashov

SOCIAL COMPOSITION OF THE RED ARMY
AND NAVY ACCORDING TO THE 1920 CENSUS

The publication presents a detailed breakdown of the social structure of the red army in August 1920, with information on numbers, age, sex, profession, socio-economic background, education and nationality. The paper is preceded by an introductory article on the Military Statistical Department of CSO and the history of military census of the Red army on 28 August 1920. The presented material on the military census of the Red army provides us with the most detailed social composition of the Soviet armed forces during war time in their entire history.

Keywords: Red Army, Social composition.

R.N. Perelyotov

BYZANTINE COINS OF THE DON RIVER BASIN

We have a lot of archaeological materials which allow us to maintain that the Byzantine imperia played the great role in organization of international economic contacts in the region of the Don River basin in the middle ages. In a trade of the local market there were different kinds of Byzantine clothes, foodstuffs and vines, spices and fragrances, all kinds of ornaments made of coloured metals, art glasses and other materials. Besides there were a lot of golden, silver and copper Byzantine

coins. This article is devoted to analysis of these numismatic materials of the basin of the Don River.

Keywords: Don River basin, Byzantine coins, treasure, hill fort, graveyard (tomb), imitation.

E.V. Pchelov

SYMBOLICS OF REGALIA
OF RUSSIAN MONARCHS:
COLOURS AND NUMBERS

The article deals with some symbolic aspects of the semantics, appearance and functioning of many things, which can be considered as state regalia: diadems and crowns, sceptres, thrones etc. The symbolics of colours (golden, red, green, blue) and the symbolics of numbers (3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12) are analysed on the basis of the sources of 16–19th centuries.

Keywords: regalia, thrones, crowns, symbolics, representation of the power.

S.V. Zverev

THE COINS OF THE SVEDISH INTERVENTION
OF NOVGOROD IN 1611–1617. THE HISTORY
OF ATTRIBUTION

At July 16 of 1611 AD the Swedish troops under the command of Jacob Delagardi have occupied Novgorod. The Swedish occupants have used the minted coinage in Novgorod. K.I. Yakuboff has informed about mint in Novgorod during the Swedish Occupation. I.G. Spassky, A.S. Melnikova, V.L. Yanin and other researchers have defined the types of Novgorod kopeks 1611–1617. The Swedes struck Russian silver kopecks with the name of the deposed tsar, Vasily Ivanovich Shuisky. The main source of metal for striking the new kopecks was the “old den-gas”, the coins of the three-rouble weight standard of the 16th and early 17th centuries.

Keywords: Novgorod, Mint, Kopek, Swedes, attribution.

J.E. Shustova

THE SALE OF THE BOOKS PRINTED
IN THE LVIV STAUROPEGION CONFRATERNITY
PRINTING-HOUSE: REGISTERS
OF SALE BY ANASTASIJA LIASKOVSKAJA
(1676–1680)

The article is an attempt to perform an in-depth study of the records of book sales in the second half of 1770th kept in the Lviv Stauropegion Fraternity archives. Books printed in the Lviv Stauropegion Confraternity printing-house sales Anastasija Liaskovskaja – wife of brother-men Jan (Ivan) Liaskovskij. The article contains a detailed analysis of registers of books issued for sale from the book storehouse. The author examines the mechanisms of book pricing and trade and the circle of buyers and readers of the books printed in the Lviv Stauropegion Confraternity printing-house.

Keywords: Lviv Stavropihiyan Confraternity printing-house, impression books, sale of books.

Dzh.N. Ramazanova

BUCAREST MANUSCRIPT
OF PAISIUS LIGARIDES' «CHRISMOLOGION»:
CODICOLOGICAL AND PALAEOGRAPHICAL STUDY

The article is devoted to codicological and palaeographical study of Bucharest manuscript “Chrismologion” (Book of Prophecies) by Paisius Ligarides. This manuscript represents the second stage of copying “Book of Prophecies” text, probably, one of the lists by Ioannis Sakulis, most likely from extant Jerusalem codex. Possible dating of the copy relates to the middle – the second half of XVII century, and to the first quarter of XVIII century. The origin of the codex is connected with Moldovalachia and probably directly with Bucharest.

Keywords: Book of Prophecies, palaeographia, codicologia, manuscript, Bucarest.

M.Sh. Kholov

MEASURES OF WEIGHT OF BUKHARA EMIRATE
IN THE END OF XVIII – BEGINNING
OF XX CENTURIES

The article covers one of the little-studied fields of history of science and technology of Central Asia – the tajik measures of weight of

the end of XVIII – beginning of XX centuries. On basis of study of original manuscript of the end of XVIII century – “Majma al-arkam”, that is kept in the National library named after Firdausi (№ 649), all tajik measures of weight of the period under review are given in alphabetical order. Besides measures of weight of Bukhara and other big medieval cities, the system and measures of weight of hard-to-reach mountain regions of Emirate, so called “Eastern Bukhara” are given. All given local measures are converted to metric system.

Keywords: Measure, units, weight, miscal, dirham, mann, Bukhara, Eastern Bukhara.

M.E. Bychkova

SOURCE STUDY IN A.A. ZIMIN'S WORKS
(TO THE 90 ANNIVERSARY FROM
THE DATE OF A BIRTH)

A.A. Zimin had proved in his works that source study as well as the other auxiliary historical sciences constitutes the main method of historians' work with his sources. The more profound and numerous becomes the foundation of source study, the more complicated their analysis and interaction with the other auxiliary historical sciences should be.

Keywords: A.A. Zimin, the source study, auxiliary historical sciences, the sources of history of Russia of the Middle Ages.

A.M. Pashkov

ELENA IVANOVNA KAMENTSEVA AND HER ROLE
IN DEVELOPMENT OF AUXILIARY HISTORICAL
DISCIPLINES (TO THE 90 ANNIVERSARY FROM
THE DATE OF A BIRTH)

The basic biographic data on the professor and managing chair of a source study and auxiliary historical sciences of IAI PTY of E.I. Kamentseva (1920–2004) are resulted, its works and teaching activity in the field of auxiliary historical sciences are analyzed.

Keywords: E.I. Kamentseva, auxiliary historical sciences, chair of a source study and auxiliary historical sciences, Institute for History and Archives, teaching.

DESCRIPTIONS OF THE PRINCE
VASILY LUKICH DOLGORUKOV'S ARCHIVE (1730)
(preface and prep. for the publ. D.I. Alexeeva)

Published papers were compiled by Vasily Lukich Dolgorukov shortly after decrees of his confinement and imprisonment into Solovetsky Monastery and contain references to documents of activities of Prince in foreign policy in the first third of XVIII century.

Keywords: V.L. Dolgorukov, archive, foreign policy of Russia, empress Anna Ioannovna.

O.I. Khoruzhenko

THE ARMS ON MONUMENTS
OF MATERIAL CULTURE:
METHODICAL RECOMMENDATIONS ABOUT
THE DESCRIPTION AND RESEARCH

In recommendations are formulated the basic requirements on drawing up descriptions of the arms on gravestones of necropolises of Russian monasteries XVIII–XX centuries.

Keywords: the arms, a gravestone, a necropolis, heraldry, a teaching technique.

S.G. Verigin

THE NEW DOCUMENTS ON THE HISTORY
OF KARELIA DURING WORLD WAR II

The article presents analysis of the lately published documents on the history of Karelia during World War II and also of the sources which are kept in the archives and have become available to researches during the last twenty years. It is the unclassified sources from the archive materials of the Russian Federal Security Service Office for the Republic of Karelia and of the Russian Ministry of Internal Affairs for the Republic of Karelia which have allowed to proceed to the illumination of previously almost secret questions over the history of the Second World War in Karelia including such issues as the essence of Finnish occupation regime in Karelia in 1941–1944, the counterintelligence work of the fourth section of NKVD-NKGB of the Karelian-Finnish Soviet Socialist Republic at the rear of Finnish troops in 1941–1944, collaborationism on the territory of occupied Karelia, socio-economic development of the Karelian occupied regions in 1944–1941, etc.

Keywords: documents, archival sources, history, Karelia, World War II.

S.I. Sadovnikov
RUSSIAN AND FOREIGN MEMORIAL
EDITIONS DEVOTED TO VICTIMS
OF WORLD WAR II (SHOT REVIEW)

Tracing back the destinies, the identification of killed servicemen and immortalization of their names have been and still remain an important state task for the countries who participated in World War II. One form of keeping the memory about killed and missing servicemen is publishing printed martyrology, or Memory Books.

As well the article examines the native experience of preparation and publishing the Memory Books where the names of millions of our compatriots who fell in 1941–1945 have been immortalized. The article studies a list of memorial editions published in European countries from 1946 till now. Some of them have been published by the countries-participants of the World War II jointly and are a positive example of international military-memorial cooperation.

Keywords: Memory Book, immortalize, identification, cemetery, card index / file, archive, martyrology, servicemen.

Сведения об авторах

Алексеева Дарья Иосифовна – студентка, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: daria_alexeeva@mail.ru.

Асташов Александр Борисович – канд. ист. наук, доцент, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: astashsh@yandex.ru.

Бачинин Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: fren2000@mail.ru.

Бокарёва Ольга Борисовна – аспирант кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: bokareva.olya@rambler.ru.

Бычкова Маргарита Евгеньевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, e-mail: khoruzhenko1@yandex.ru.

Веригин Сергей Геннадьевич – канд. ист. наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, e-mail: verigin@psu.karelia.ru.

Добровольский Дмитрий Анатольевич – канд. ист. наук, преподаватель кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, e-mail: dmdobrowolski@gmail.com

Зверев Сергей Викторович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Сектора нумизматики Музеев Московского Кремля, e-mail: svzverev@yandex.ru.

Мохначёва Марина Петровна – д-р исторических наук, профессор, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: maridina@yandex.ru.

Пашков Александр Михайлович – канд. ист. наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, e-mail: pashkov@psu.karelia.ru.

Перелётов Роман Николаевич – ассистент кафедры российской истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, e-mail: perelyotov@mail.ru.

Пчелов Евгений Владимирович – канд. ист. наук, доцент, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: evg-pchelov@yandex.ru.

Рамазанова Джамия Нуровна – канд. ист. наук, старший преподаватель, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: jamiliar@yandex.ru.

Румянцева Марина Фёдоровна – канд. ист. наук, доцент, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: mf-r@yandex.ru.

Садовников Сергей Иванович – канд. ист. наук, профессор, Федеральный институт развития образования, e-mail: sadovnikovs@yandex.ru.

Холов Махмуджон Шарипович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт философии им. акад. А.М. Бахоуддинова АН Республики Таджикистан, e-mail: mkholov@rambler.ru.

Хоруженко Олег Игоревич – канд. ист. наук, старший преподаватель, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: khoruzhenko1@yandex.ru.

Шустова Юлия Эдуардовна – канд. ист. наук, доцент, Историко-архивный институт РГГУ, e-mail: shustova@yandex.ru.

General data about the authors

Alexeeva Daria I. – student, Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: daria_alexeeva@mail.ru.

Astashov Alexander B. – candidate of historical sciences, docent,
Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: astashsh@yandex.ru.

Bachinin Andrey N. – candidate of historical sciences, docent, Institute
for History and Archives RSUH, e-mail: fren2000@mail.ru.

Bokareva Olga B. – postgraduate student, faculty of a source study and
auxiliary historical sciences, Institute for History and Archives
RSUH, e-mail: bokareva.olya@rambler.ru.

Bychkova Margarita E. – doctor of historical sciences, Senior
(Vedyshii) research fellow of the Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, e-mail: khoruzhenko1@yandex.ru.

Dobrowolski Dmitrey A. – candidate of historical sciences, academic
teacher, Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: dmdobrowolski@gmail.com.

Kholov Mahmudjon Sh. – Senior Researcher, A.M. Bahouddinov
Institute of Philosophy, Academy of Sciences of the Republik
of Tajikistan, e-mail: mkholov@rambler.ru.

Khoruzhenko Oleg I. – candidate of historical sciences, senior teacher,
Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: khoruzhenko1@yandex.ru.

Mokhnacheva Marina P. – doctor of historical sciences, professor,
Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: maridina@yandex.ru.

Pashkov Alexandr M. – Cand. of History, Docent, University of
Petrozavodsk, e-mail: pashkov@psu.karelia.ru.

Perelyotov Roman N. – assistant of chair of Russian history and archaeology, Yeletsky State University by name of I.A. Bunin,
e-mail: perelyotov@mail.ru.

Pchelov Evgeniy V. – candidate of historical sciences, docent, Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: evg-pchelov@yandex.ru.

Ramazanova Dzhamilya N. – candidate of historical sciences, senior teacher, Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: jamiliar@yandex.ru.

Roumiantseva Marina F. – candidate of historical sciences, docent, Institute for History and Archives RSUH,
e-mail: mf-r@yandex.ru.

Sadovnikov Sergei I. – candidate of historical sciences, professor, Federal Institute of Education Development,
e-mail: sadovnikovs@yandex.ru.

Shustova Julia E. – candidate of historical sciences, docent, Institute for History and Archives RSUH, e-mail: shustova@yandex.ru.

Verigin Sergey G. – Dean of the Faculty of History, Petrozavodsk State University. e-mail: verigin@psu.karelia.ru.

Zverev Sergey V. – candidate of historical sciences, the senior scientific employee of The State Historical and Cultural Museum-Preserve «The Moscow Kremlin», e-mail: svzverev@yandex.ru.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Формат 60×90 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 20,1. Усл. печ. л. 19,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 65.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6

www.rggi.ru

www.knigirggi.ru